PG 3470
.U8 A6
1866
Copy 1

U. S. GOVERNMENT PRINTING OFFICE: 1928

Class

Book

YUDIN COLLECTION

ОЧЕРКИ

и

РАЗСКАЗЫ

ГЛѢБА УСПЕНСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ. 1866.

ОЧЕРКИ

и

РАЗСКАЗЫ.

Uspenskiĭ, Gleb Ivanovich

Ocherki i razskazy

ОЧЕРКИ

и

РАЗСКАЗЫ

Г. И. УСПЕНСКАГО.

ПЕТЕРБУРГЪ, 1866.

PG 3470
.U8 A6
1866

74-21408

Типографія Куколь-Яснопольскаго.
На углу Малой Мѣщанской и Столярнаго переулка, домъ № 6/14.

LD Dec. 27-1473

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Изъ чиновничьяго быта.

Будни 1
Семениха 27
Зимній вечеръ 39
Учителя 58
Другая пора 82
Примѣрная семья 95

Деревенскія встрѣчи.

Нечаянныя гости 106
Никитичъ 111
День 129

Нравы растеряевой улицы.

Прохоръ Порфирычъ 143
Первый опытъ 169
Дѣла и знакомства 184
Суббота 222
Книга 237
Балканиха 242
Мѣщанинъ Дрыкинъ 253
Прогулка 261

Эскизы.

Старьевщикъ 283
Идиллія 298
Зарокъ не пить 306

10 ok 23

ОПЕЧАТКИ.

Стр.	Строки. сверху	Строки. снизу.	Напечатано.	Должно быть.
38	«	8	Слава Богу при пяти	Славо Богу, говорила она впослѣдствіи, при пяти...
39	14	«	колес вовсеà	колеса вовсе
88	«	6 и 7	Такой разсыпчатый—Жалъ.	— Такой разсыпчатый...—Руку жалъ? — Жалъ
95	1	«	Мелкія разрозненныя и	Мелкія и
96	16	«	Этой семьи, чтобы	Этой семьи, хоть заруку, чтобы
107	«	2	объ	ибо
139	1	»	Въ. г. Т.	Въ г. Т.

БУДНИ.

I.

Въ одинъ зимній теплый день, по воронежской улицѣ г. N., несли хоронить чиновника Шелеухова. Былъ полдень; провинціальныя будни царили во всемъ своемъ дремотномъ оцѣпенѣніи, и поэтому, среди всеобщей тишины, негромкое пѣніе двухъ-трехъ пріуставшихъ дьячковъ легко проникало въ жилища, исполинской невидимой рукой расталкивало мирныхъ обывателей, застывшихъ среди будничныхъ заботъ, и выгоняло ихъ за ворота. Изъ окна увидалъ шествіе мальчуганъ и тотчасъ бросился къ своей маменькѣ: „маннька! похороны несутъ!“ Маннька сорвалась со стула — въ кухню: „Акулина! похороны.“ Акулина ахнула, выронила изъ рукъ недочищенную картошку, ножикъ, всплеснула руками и бросилась вслѣдъ за барыней по двору. А здѣсь у конюшни прядала съ усиленнымъ брёхомъ собака, попадая ногами въ черепокъ, болталъ что есть мочи перепугавшійся индюкъ, и народъ въ лицѣ мастеровыхъ, портныхъ и сапожниковъ, сосѣдскихъ кучеровъ, кухарокъ и разныхъ бабъ, словно водопадъ валился и перескакивалъ черезъ заборъ, мелькая въ воздухѣ своими подошвами. Всѣ бѣжали за ворота, на лету запахивая подъ брюхомъ халатъ, поправляя косынку на головѣ. За воротами было полное безмолвіе, потому что всѣ были поглощены созерцаніемъ процессіи, и только нѣкоторыя особы, помѣстившіяся кучками около трубы, на крышѣ, кое-что толковали, но и то шопотомъ.

Впереди процессіи шолъ мальчикъ съ подвязанными ушами, неся образъ обложенный по краямъ платкомъ; гробъ, который несли чиновники, слегка покачивался, отчего покойникъ незамѣтно сбился

на бокъ, мундирный воротникъ, незастегнутый у шеи, подпиралъ подъ самыя уши, а слишкомъ бѣлый вѣнчикъ дѣлалъ темное и обтянувшееся лицо мертвеца еще темнѣй и длиннѣй. Вообще вся фигура покойнаго возбуждала всеобщую жалость; она словно говорила, что онъ и тутъ ёжится, и съ головой хочетъ уйдти въ свой воротникъ, какъ, быть можетъ, ёжился цѣлую жизнь. Нѣсколько голосовъ чуть слышно тянули погребальное пѣніе; дьяконъ, дѣлая большіе шаги и съ трудомъ выгребая ноги изъ снѣга, звякалъ холоднымъ кадиломъ и прерывающимся отъ усталости голосомъ подтягивалъ пѣвчимъ. Въ перерывахъ погребальнаго пѣнія наступала мертвая, ледяная тишина: слышался шумъ ногъ по снѣгу; съ крышъ щелкалъ и долбилъ въ тротуаръ капель, гдѣ-то неугомонно лаялъ щенокъ, пѣлъ пѣтухъ и за самой забористой нотой его пѣтушинаго „кукареку“ гнался вопль причитанья: „Батюшка! голубчикъ! что жъ это такое? Петръ Митричь!...—“А-а-а-а-а тянули вслѣдъ за матерью ребятишки, разинувъ рты во всю ихъ ширину и будто не думая ихъ никогда нибудь закрыть.

И снова пѣли, и снова шли.

Скоро на концѣ улицы изчезли, сопровождавшія процессію, сани съ ковромъ и кучеромъ безъ шапки, и народъ началъ расходиться. Медленно вползалъ онъ опять въ свои норы, слѣзалъ съ крышъ, незабывъ предварительно плюнуть во внутренность трубы и потомъ послушать, какъ щелкнетъ плевокъ внизу; все это дѣлалось нехотя: отъ нежеланія снова отдаться во власть будней, которыя было такъ неожиданно на минутку ускользнули изъ виду, доставивъ возможность расшевелить свои кости, почесать глаза и языки. Надо было имъ какъ нибудь размытарить время до обѣда, до прихода мужей, и съ этою цѣлью почти вездѣ зашумѣли самовары, и вмѣстѣ съ пѣніемъ самовара, затрещали язычки нѣкоторыхъ бабъ, извѣстныхъ подъ именемъ сосѣдокъ, Прохоровнъ, Кузьминичнъ, товарокъ, кумушекъ и проч. Шумъ самовара и трескъ сосѣдскихъ языковъ кое-какъ заглушали непріятно шевелившуюся въ душѣ мысль о томъ, что „всѣ мы помремъ“. Около этого предмета и вращалась вся сосѣдская бесѣда. Мало по малу бесѣда эта перешла въ набожные диспуты о томъ, гдѣ душа пре-

бываетъ на девятый день, видитъ ли она что нибудь, или нѣтъ, и проч. Въ случаѣ распри и несогласія, одна изъ спорящихъ не забывала втиснуть между прочимъ недавнюю исторію о пропавшей курицѣ, а другая въ свою очередь тонко упоминала и тосковала о ваточной юбкѣ, которую она повѣсила было просушить на заборѣ, да на грѣхъ отвернулась. И этихъ намековъ было достаточно, чтобы ратоборцы пришли къ единодушному заключенію о пребываніи души въ гортани.

Въ это время народъ, провожавшій похороны, не спѣша возвращался назадъ. По обѣимъ сторонамъ улицы ползла чиновная братія, разбившись на кучки по два, по три человѣка и разсуждая о томъ, что „всѣ помремъ". При этомъ многіе вздыхали и произносили „все Богъ". А другіе прибавляли къ этому: „все онъ батюшка, и тоже вздыхали.... По временамъ кто нибудь заводилъ рѣчь о шелеуховскомъ мѣстѣ, и по поводу этого начинали жалѣть покойнаго, и жалѣли вполнѣ искренно, отъ чистаго сердца, потому что всѣ были болѣе или менѣе люди добрые. И по этой же причинѣ, вмѣстѣ съ яснымъ знаніемъ полнѣйшей нищеты семейства покойнаго, вмѣстѣ съ крайнимъ сердоболіемъ и тосковаціемъ объ участи этой семьи, — въ добродѣтельныхъ сердцахъ сослуживцевъ таилась мысль о необходимости похороннаго обѣда, къ которому теперь всѣ направляли стопы свои.

Спасибо еще Сусловъ подсобилъ, говорили нѣкоторые, вспоминая объ обѣдѣ. И дѣйствительно спасибо, что нашолся такой добрый человѣкъ; спасибо, что измыслилъ онъ въ горнемъ мѣстѣ умовъ своихъ, о томъ неудобствѣ въ растерзанной горемъ душѣ, когда къ этому горю суется и тычется неотвязная забота напичкать соболѣзнующія горю утробы цѣлой орды этихъ добрыхъ людей. Сусловъ съ тонкостію измыслилъ это, и съ полной увѣренностію на благодарность предложилъ: „семъ, молъ, Авдотья Митревна, я вашъ лисій салопецъ къ Дунаихѣ снесу.... авось цѣлковыхъ десять какихъ дастъ.... Сами знаете вѣчную тоже надыть откликать:.. А вы тѣмъ временемъ покойника-то обмыли бы, по христіанству..." Авдотья Митревна была въ томъ состояніи, когда опускаются самыя непокладныя руки, предварительно махнувъ

на всю хозяйскую машину. „Ничего не слышу, ничего не вижу— хотя все вытащи до нитки и то ни слова не скажу“, говоритъ про это время Авдотья Митревна, и поэтому Сусловъ, собственною своей особой, оборудовалъ разныя позабытыя нужды, и невѣдомыми путями добился до того, что когда послѣ похоронъ чиновная братія ввалилась въ комнату — столъ былъ уже накрытъ, и въ уголку на маленькомъ столикѣ виднѣлась распластанная селедка, два-три графина и пр. Помѣщавшіяся на этомъ столикѣ перевернутыя вверхъ дномъ блюдечки, съ прилѣпленными къ нимъ восковыми свѣчами, переселились на окно.

Въ домѣ покойника, еще царствовалъ нѣкоторый безпорядокъ: на полу валялись кучки овса, которымъ при выносѣ обсыпали мертвеца и провожатыхъ; на притолкѣ у двери виднѣлась ссадина, сдѣланная гробомъ, когда ухитрялись его пропихнуть въ сѣни, на окнахъ лежали куски угля, находившіеся поутру подъ столомъ, гдѣ лежалъ покойникъ. Нѣкоторые чиновники подходили къ этимъ угольямъ, нюхали и морщились. Вслѣдъ за ними подходили другіе и тоже морщились... Иные просто ходили по комнатѣ, постоянно при встрѣчѣ давая другъ-другу дорогу... У печки сидѣли двѣ старушки въ шаляхъ, держа руки съ бѣленькими платочками на груди; они смотрѣли въ разныя стороны и повидимому вовсе не хотѣли видѣть другъ-друга. Эта надутость была слѣдствіемъ утренней распри между старушками, изъ которыхъ одна утверждала, что нужно положить уголья подъ гробомъ, а другая что вмѣсто нихъ нужно насыпать ладону на губы. Споръ кончился тѣмъ, что и уголья лежали подъ столомъ, и ладонъ на губахъ, отъ чего покойника потянуло и внизъ и вверхъ.

Разговоровъ не было слышно; ждали вдову, которая дольше другихъ оставалась на кладбищѣ и потомъ вмѣстѣ съ ребятишками плелась на дрянномъ извощикѣ домой. Сани поминутно дрожали, какъ въ предсмертныхъ судорогахъ, лошадь, покрытая большими бѣлыми пятнами, словно вымазанная сметаной, дѣйствовала только тремя ногами, четвертая была обмотана какой-то грязной тряпкой съ остатками крови; извощикъ, за тѣснотою непомѣстившійся на облучкѣ, шелъ съ боку, какъ водовозъ около

своей бочки, и безпрестанно путался ногами въ полахъ своего кафтана, очевидно доставшагося съ чужихъ плечъ. Въ этихъ саняхъ помѣщалась вдова съ кучею ребятъ; двоихъ она держала на рукахъ, одинъ сидѣлъ на днѣ саней, высунувъ оттуда только голову съ отцовскимъ картузомъ, надъ которымъ былъ намотанъ большой шерстяной платокъ, завязанный большими узлами на спинѣ... Мальчуганъ, помѣщавшійся на извощичьемъ мѣстѣ и не понимавшій всей горести настоящей минуты, умолялъ извощика дать ему поправить лошадью. Извощикъ принимался улаживать возжи въ дѣтскихъ рученкахъ, и лошадь незамѣтно затесывалась въ сугробъ, переползала передними ногами на тротуаръ и упиралась мордой въ окно. Ѣхали до того тихо, что гулявшіе посреди дороги голуби, тогда только рѣшались сняться съ мѣста, когда чувствовали, что лошадиное копыто виситъ надъ самой ихъ головой. — Однако, кое-какъ добрался убогій ковчегъ до дому, и такимъ образомъ всѣ скорбящіе дождались обѣда. Здѣсь всѣ толковали о постигшемъ горѣ, и при этомъ выходило такъ, что если бы вдова Шелеухова могла что нибудь слышать и понимать, ей пришлось бы дрожать не за свою темную судьбу, а за тѣ страданія и муки, которыя въ настоящую минуту претерпѣваютъ ея гости.

Растерзывая такимъ образомъ на части вдовій лисій салопъ, заложенный для угощенія сослуживцевъ покойника, гости вели между прочимъ возвышенные разговоры.

— А что вы говорите на счетъ безсмертія, — то я съ вами не соглашусь.

— Да вѣдь безсмертіе невидимо.

— Кто это говоритъ?

— Я!

— Вы? хорошо-съ! Но позвольте: душа то же невидима?

— Душа безтѣлесна.

Спорящіе чувствуютъ въ головахъ своихъ нѣкоторый туманъ, и поэтому обухоподобно смотрятъ другъ на друга. Для округленія рѣчи одинъ рѣшается снова возразить, пуская слова и цѣлыя фразы на произволъ судьбы, словно въ бездонную пропасть,

гдѣ они должны или исчезнуть безъ слѣда, или произвести нѣчто знаменательное.

— Такъ что же по вашему, ежели я, напримѣръ, въ себѣ тамъ душу какую нибудь имѣю... держу ее въ себѣ, то я бревно, что ли какое?

— Вы содержитесь въ тѣлѣ своемъ!...

— Вотъ это другое дѣло! Такъ бы и говорили.

Мудрствователи видимо довольны такимъ концомъ. Они порываются даже взгрохотнуть слегка, но обстоятельства заставляютъ ихъ только юлить на стульяхъ.

Наступаетъ тишина.

Слышно посасыванье усовъ, вода булькаетъ въ стаканѣ и кто-то вздыхаетъ, шопотомъ произнося: „охъ, господи, батюшка“...

Какая-то скорбящая утроба, нагрузившись всякой всячиной, принимается икать, при чемъ все существо отъ головы до ногъ колышется и грозитъ расплескаться въ стороны...

Ожиданіе киселя поглотило всѣ метафизическія мудрствованія гостей; поэтому многимъ головамъ очень жаждавшимъ чтобы все было „какъ слѣдуетъ“, „честь честью“, стоило громаднаго труда выдумать что либо удобопонятное и приличное случаю.

Къ счастію скоро подоспѣлъ кисель, и всѣ схватились за ложки съ радостію, ни чуть не меньшею радости восьмилѣтняго мальчугана, помѣщавшагося на концѣ стола. Чтобы понять его радость, нужно знать, что онъ давнымъ-давно дорывался киселька съ сытой, и извѣстіе, принесенное вчера Сусловымъ о томъ, что кисель и сыта наконецъ-таки снизпосланы, замѣтно поубавило горе мальчугана о потерѣ отца. Не стѣсняясь, работалъ онъ ложкой, попросилъ подлить еще и не чуялось ему въ это время, что судьба заботливо снаряжала его въ далекій и голодный путь нищеты; въ эту минуту ему было легко, чувствовалось, что послѣ всей этой погребальной суматохи, кто-то невидимо развязалъ ему руки, и, почемъ знать, можетъ быть здѣсь родились первыя зерна тѣхъ ощущеній, которыя даютъ полное сознаніе свободы.

Какъ бы то ни было, но кисель, этотъ провозвѣстникъ свободы, уничтожался съ великою тщательностію, тѣмъ болѣе, что и

мать оставила эти подливанія безъ призору. Она молча и недвижно сидѣла, прислонившись къ спинкѣ стула, и глазами полными слезъ смотрѣла не то въ землю, не то въ край стола. Иногда медленно закрывались ея вѣки и тогда по щекамъ катились слезы. Но они теперь не трогали упитавшагося мальчугана, и онъ напротивъ липнулъ къ матери съ разпросами—дѣйствительно ли горьки слезы, ѣдятъ ихъ, или нѣтъ и проч. Мать не перемѣняя положенія, отвѣчала на эти вопросы однимъ словомъ или просто кивала головой.

Скоро мальчуганъ, отягченный сытой и умаянный прогулкой на погостъ, попросилъ его стащить на кровать, и вслѣдъ за нимъ поднялись изъ-за стола гости, отодвигая икрами своихъ ногъ стулья. Грохотъ стульевъ впрочемъ скоро утихъ потому, что вслѣдъ за священникомъ всѣ запѣли „вѣчную память“, и сквозь общее оранье, мальчугану слышался плачь матери. На эти слезы и онъ откликнулся своими слезами, а вслѣдъ за ними въ дѣтской головѣ, начало живо рисоваться, какъ зарывали отца въ землю, какъ заколачивали въ углы гроба гвозди, засыпали землей... И тутъ ему почудилось, что вслѣдъ за тѣмъ, какъ изчезъ подъ землей послѣдній уголъ гроба, отецъ вдругъ открылъ глаза... темно... душно... Онъ хотѣлъ повернуться, но плечо его уперлось въ крышку... „Эй, эй, да меня зарыли... кто тамъ... Братцы!.“ И мальчуганъ принимался ревѣть, а послѣ этого реву, хорошо и крѣпко спалось ему.

Проводивъ гостей вдова Шелеухова пошла въ комнатку, гдѣ спали дѣти и помѣщалась двуспальная кровать.

Здѣсь она сѣла на сундукъ, закрыла глаза и опустила руки на колѣна. Старушки, перессорившіяся утромъ на счетъ угля и ладана, поняли, что она теперь будетъ должно быть горько плакать, и не медля ни минуты собрались ей вторить; съ этою цѣлію они поставили противъ вдовы два стульчика рядышкомъ, сѣли на нихъ и, утвердивъ около глазъ по салфеткѣ, которыми они запаслись заранѣе, — приготовились къ плачу и рыданію.

И скоро, такимъ образомъ, разливомъ полилось это рыданіе.

А чиновная братія медленно разбрелась въ разныя стороны,

на пути заходила въ трактиры, выпивала по силѣ возможности, снова плелась и снова выпивала. И по ея слѣдамъ, прихотливо разбросаннымъ нетвердыми ногами, вползали въ пустынныя улицы сумерки. Тощіе колокола гдѣ-то прозякали ко всенощной; окна и ворота законопачивались наглухо, и все видимо торопилось, какъ можно поскорѣе, добраться до ночи.

На дворѣ было такъ же тепло, какъ и утромъ. Небо было темное, бездонное, и изъ этой нависшей бездны непроглядною и безконечною тучей сыпались лепешки снѣгу. Медленно, словно по ниточкѣ, спускались снѣжинки и, казалось, не оставались на землѣ, а спускались ниже и ниже. Позднѣе, чувствовалась въ воздухѣ морозная крѣпость и кое-гдѣ, подъ покачнувшимся фонаремъ на углу двухъ улицъ, легонькій вѣтерокъ винтомъ поднималъ щепоть снѣгу, облизывалъ ею столбъ фонарный, забѣгалъ во внутренность фонаря и перескакивалъ на сосѣдскую крышу; а въ фонарѣ тощій огонекъ, перепуганный вѣтромъ, начиналъ прыгать, словно спугнутая въ просонкахъ птица, и въ это время вмѣстѣ съ нимъ металась по земи четырехъугольная тѣнь фонаря.

Мрачными полосами тянулись улицы во всю свою длину, и только по временамъ пересѣкались лучемъ свѣта изъ кабака, разлегшимся поперегъ дороги и дрожавшимъ своимъ широкимъ концомъ на противоположномъ заборѣ. Вдали едва слышно плелся обозъ порожнякъ; въ кабацкомъ лучѣ мелькалъ каждый возъ одинъ за другимъ; мужики лежатъ въ дровняхъ, накрывшись рогожей, у дугъ позвякиваютъ колечки, впереди кто-то посвистываетъ; при поворотѣ дровни раскатываются, стукаютъ о заборъ, или тротуарный столбъ, при чемъ возы скрипятъ и, мужики встревоженные толчками, слегка приподнимаютъ подъ рогожами головы. Задній возъ отсталъ; его догоняетъ, шлепая лаптями, мужикъ, на пути прихватившій у калашни пеклеванку въ копѣечку.. Нагнавъ возъ, онъ валится въ него на карачки и изчезаетъ за другими.

Слышны голоса и хляскъ ногъ — это бродятъ шелеуховскіе сослуживцы еще не открывшіе тихаго пристанища...

— Стой! Стой!.. церковь!..

— Э, никого не боюсь!..

— Стой! разражу...

— А-а-а-а!! никого не боюсь ... а-а-а-а!!

— Что ты орешъ?.. мультумъ свинья!..

— Цыцъ!..

— Я за справедливость утоплюсь... Я за справедлив...

— Врешь... врешь... Федоровъ пихай его...

— Готово!..

Раздался хляскъ упавшаго человѣка.

— Кого это? меня? ахъ ты...

Затихло. Пощечина...

Сдѣлалось еще тише, но слышался усиленный хляскъ и скрежущій визгъ...

— Господа! разнимите ихъ, Христа ради...

— А-га-га... важно! въ високъ его! въ високъ..,

— Кого? меня? Ахъ-ты...

— Я-тте покажу... Карраулъ!..

— Карраулъ, караулъ...

. . . . . .

Кое-какъ разтащили бойцовъ, и они, отыскавъ въ снѣгу свои шинели и шапки, съ ругательствами тронулись въ путь, оставляя за собой на снѣгу черные слѣды.

Иногда враги быстро схватывали съ земли по комку снѣга, и пускали ихъ другъ въ друга. Наконецъ ругань ихъ мало по малу замерла среди молодецкой пѣсни, которую отхватывало трое мастеровыхъ. Они шли посреди улицы, распахнувъ чуйки. Четвертый шелъ впереди и подыгрывалъ на гармоникѣ. Когда ему приходилось дѣлать соло, онъ нагибалъ низко голову и подносилъ гармонику къ самому уху.

Замолкла и пѣсня...

И для N--скихъ переулковъ настала глубокая ночъ.

II.

Въ это время въ домѣ покойнаго Шелеухова вся семья сбилась въ одну комнатку, гдѣ послѣ обѣда началось поголовное вытье;

какъ только старушки замѣтили, что Шелеухова перестала плакать, они тотчасъ же поставили стулья на мѣста, встряхнули свои совершенно мокрыя салфетки и повѣсивъ ихъ вмѣстѣ съ пеленками и свивальнями на веревочку, протянутую около печки, чтобы просушить, — отошли къ сторонкѣ.

— Опузырилась совсѣмъ, проворчала одна обиднымъ шопотомъ.

— Да право, воетъ, воетъ незнамо чего.

Было поздно, и старухъ одолѣлъ сонъ. Потосковавъ въ глубинѣ своихъ утробъ объ ужинѣ, о которомъ теперь некому было думать, они съ кряхтѣніемъ и оханьемъ улеглись въ залѣ на полу и завопили на разные лады своими ветхими носами... Мать уложила ребятъ рядомъ съ собой на мѣстѣ мужа, и сама нераздѣваясь прилегла къ нимъ съ боку...

Въ эту минуту сонъ былъ далекъ отъ нея. Въ разстроенной вдовьей головѣ неотступно стоялъ образъ Петра Кузмича; съ особенною, необыкновенною ясностью слышались его слова и фразы, неотличавшіяся впрочемъ особеннымъ разнообразіемъ. Вотъ будто онъ ходитъ по залѣ; должно быть ноги его не тверды, потому что онъ часто натыкается во тмѣ на стулья и столы, и неизвѣстно на кого кричитъ: „ей, черти... аннаффемы!..“ Убитой горемъ вдовѣ почему-то начинаетъ казаться, что въ этомъ отчаянномъ крикѣ виновата она. Плачетъ, плачетъ и ума не приложитъ, какъ бы помочь этому горю, какъ бы сбросить съ себя невѣдомую вину. И вотъ теперь робко думается ей, что страшная вина въ людской погибели вовсе не тутъ. Изсушонная грудь и голова, отказавшаяся понимать что нибудь, кромѣ собственнаго ничтожества и высокой провинности, пожалуй могутъ постоять за это. Что же однако? Ни потрясеній, ни погибшихъ надеждъ, ни какихъ нибудь страшныхъ ударовъ, ничего этого не было. Ровною, но мутною полосою тянулись вѣковѣчные будни, день въ день, ночь въ ночь, заставляя человѣка сегодня полоскаться въ той-же мутной водѣ, въ которой онъ полоскался вчера. Современемъ человѣкъ ужъ безъ приневоливанья втюривался въ это болотище и въ немъ наровилъ отыскать даже свое спасенье.

Домашняя жизнь яркими картинами не обиловала и враща-

лась только въ этой комнатѣ, потому что здѣсь совершались отхожденія ко сну, всевозможныя отдохновенія и пр. Здѣсь былъ столъ для трапезъ, и въ углу помѣщался шкафъ съ водкой. Этотъ шкафъ былъ чуть ли не главнымъ центромъ, около котораго и ютилась вся домашняя жизнь. Къ нему исправно совершались путешествія передъ чаемъ, послѣ чаю, передъ обѣдомъ, послѣ обѣда, для смѣлости, отъ смѣлости, съ горя, съ радости и т. д. и т. д. И вотъ, потому что въ настоящую минуту не слышался обычный скрипъ дверцы у шкафа, что не слышалось неизбѣжнаго за этимъ скрипомъ легонькаго поцѣлуя рюмки и графина, — ужъ одно это тянуло незамѣтно къ прошлому.

Вставало это прошлое рядомъ тусклыхъ будничныхъ дней. Съ ранняго утра до глубокой полночи тянулись они; поутру, продравъ глаза въ урочное время, Шелеуховъ расталкивалъ супругу, или она его, позевывалъ, и запускалъ руку подъ подушку, гдѣ покоилась табакерка съ платкомъ. Шелеуховъ нюхалъ, кряхтѣлъ, трогалъ поясницу, накидывалъ на плечи нѣкоторое рубище и передвигался къ столу. На столѣ кипитъ самоваръ, и пока жена гремитъ чашками, приготовляя обычное пойло, супругъ не спѣша разсказываетъ сновидѣнія, и такъ какъ всякій небольшихъ размѣровъ чиновникъ хочетъ какимъ бы то ни было образомъ обрадовать себя, ибо тщетно ждетъ всю жизнь своего счастія, то и сновидѣніе, каково бы оно ни было, онъ ужъ постарается разтолковать въ свою пользу. Пусть у него ночью ходили въ глазахъ огненные столбы, бѣгали одни зеленыя пятна — чиновникъ съумѣетъ и изъ этого извлечь извѣстіе, что „теперь къ рождеству навѣрное дадутъ третной окладъ“. Съ теченіемъ времени супруга такъ впилась въ интересы мужа, что не только выводитъ изъ мужниныхъ сновидѣній тѣ же заключенія, но случается и сны-то видитъ тѣ же... Иногда сны кажутся до того внушительны, что супруги наконецъ рѣшаются, въ счетъ будущихъ благъ, раззориться на ребятишекъ и купятъ на всѣхъ бумажную лошадь съ хвостомъ, который, къ крайнему прискорбію ребятъ, въ тотъ же день оставитъ свое мѣстопребываніе, уступивъ мѣсто гусиному перу. Съ лошадью явится глиняная свистюлька, а стар-

шому, т. е. первенцу непремѣнно шьется картузъ съ форменымъ околышемъ и кокардой.

Это время хорошее, благодатное; подъ его наитіемъ, незамѣтно ускользнула изъ головы клятва, выжученная великой нуждою и произнесенная не такъ давно на крестинахъ при сборищѣ публики: „на счетъ ребятъ я теперь, какъ передъ Богомъ, ни—ни—ни... Что мнѣ? Слава Богу награжонъ... утѣшутъ!“... Благодатные сны засвѣтили впереди яркую надежду, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по обычаю многихъ дней и годовъ, столь же незамѣтно приготовили западню, въ которую человѣкъ, обольщенный заревомъ, хоть даже въ формѣ третнаго оклада, попадалъ не разъ и не два...

Съ нѣкотораго времени, когда въ жилищѣ Шелеухова начала появляться какая-то особа въ чепцѣ съ жолтыми лентами, ребятъ начинали выгонять въ другую комнату и вслѣдъ за ними запирали двери. Потомъ чепецъ просилъ подать умыть ему руки и при этомъ толковалъ ребятамъ, что скоро принесетъ къ нимъ „маленькаго такого братца или сестрицу“. Ребята начинали съ особеннымъ напряженіемъ дожидаться минуты, когда, по словамъ бабушки, принесутъ братца, или, когда, по словамъ матери, онъ появится изъ ушка; но какъ на грѣхъ приходилось всегда такъ, что въ самую замѣчательную минуту ревностный наблюдатель, не дождавшись конца чуда, засыпалъ, не раздѣваясь, гдѣ нибудь на стулѣ и потомъ чувствовалъ, что его кто-то взвалилъ къ себѣ на плечо. Онъ открываетъ сонные глаза: бѣгаютъ со свѣчами, изъ другой комнаты тащутъ перину, повсюду страшная суматоха, суета, и слышится ребячій пискъ.... „а! мелькаетъ въ головѣ наблюдателя, вотъ брата-то!.. принесли...“ Вмѣстѣ съ этимъ мелькало желаніе подсмотрѣть новаго житейскаго попутчика; это желаніе будило любопытнаго рано утромъ и, не смотря на раннюю пору, глаза почему-то не слипались, что было неизбѣжно, если родители наровили поднять къ ранней обѣдни, къ заутрени. Бойко сверкали въ темной дѣтской оживленные мыслію глазенки и чуткія дѣтскія уши слышали, что кто-то двинулъ въ залѣ стуломъ, высморкался... Это отецъ. Но его подняло въ такую рань нѣчто

другое. Въ великомъ раздумьѣ сидѣлъ онъ на сбившейся перинѣ, кое-какъ брошенной посреди полу; отъ времени до времени онъ посылалъ въ носъ звонкія понюшки, покачивалъ головою, жалъ плечами и все потому, что приходилось рѣшать вопросы, нежданно-негаданно нахлынувшіе вмѣстѣ со вчерашними событіями, послѣ которыхъ особа въ чепцѣ съ жолтыми лентами возвѣстила обрадованному родителю, что Господь наградилъ его двойнями. Видимая необходимость какого бы ни было приращенія, волей-неволей настроила его такъ, что можно было даже радоваться этому приращенію, убѣдить себя, что это дѣйствительно къ добру, и въ утѣшеніе ниспосылается. Но обстоятельство, совершившееся вчера, своею необычностію, сразу разрушило искусственное счастіе, и теперь на пепелищѣ этого счастія вдругъ втемяшивалась въ голову мысль: радоваться или не радоваться? Кое-какъ голова рѣшала, что по настоящему радоваться бы... Вдругъ изъ подъ этого колеблющагося самоутѣшенія невольно кралась другая занозистая задача: что именно это такое? наказаніе божіе, или награда... „Это наказаніе Божіе!“ говоритъ кто-то, и робкая чиновная душа, начинаетъ соображать, что это наказаніе посылается, чтобы смирить; что стало быть она, эта убитая чиновная особа, возгордилась передъ Богомъ... Вспоминается тутъ древній царь, въ видѣ быка пожирающій траву за гордость... Такое состояніе — замысловатая, нечаянная варіяція. Кто-то раскачалъ болото, и одинъ всплескъ, выкинувшій лягушку на голый песокъ, заставилъ ее вытаращить глаза.

Вообще какъ бы не совершалось пробужденіе, Шелеухову приходилось потомъ бѣжать въ палату и безъ сомнѣнія обстоятельство, заставившее его продрать глаза не въ обычную пору, раньше обыкновеннаго гнали его въ палату. Тамъ еще никого нѣтъ. Повѣсивъ въ сторожкѣ свою шинель, съ осторожностію обходилъ онъ темный уголъ, гдѣ, по палатскому преданію, удавился сторожъ Мишеневъ, и направлялся къ своему столу. Тутъ онъ, неизвѣстно за чѣмъ, трогалъ раздутую отъ песка книгу, тянулъ ее къ себѣ, причемъ песокъ, разсыпанный по столу, скрипѣлъ. А между тѣмъ съ разныхъ сторонъ начинали вползать сослуживцы

и своимъ крайне заплѣсневѣлымъ видомъ заставили бы изумиться человѣка посторонняго, заставили бы подумать, что здѣсь сборище какихъ-то увѣчныхъ, калекъ, порченыхъ. Но шелеуховскій глазъ присмотрѣлся къ этимъ фигурамъ и этимъ лицамъ, тѣмъ болѣе, что и самъ Шелеуховъ всѣмъ существомъ своимъ принадлежалъ къ той же породѣ и его ни чуть не дивило то обстоятельство, что у одного почему-то ухо неизмѣримыхъ размѣровъ, другой тщетно старается закрыть платкомъ яркое сіяніе фонаря, третій поминутно хватается за поясницу, за животъ, кряхтитъ, охаетъ и дивится только, что не помогаетъ ему какая-то самодѣльная, зеленаго цвѣта мазь, которою онъ мажется каждый вечеръ, предварительно погасивъ свѣчу и совершая это леченіе неиначе, какъ во тмѣ кромѣшной. У иного сапогъ, словно зѣвъ, извергаетъ нѣкоторую черную матерію: — что ни шагъ, то на полу черная, выпуклая лужа; тряпка, выглядывающая будто языкъ изъ сапожнаго зѣва, размазываетъ эту лужу въ разныя стороны, и такимъ образомъ скоро, при содѣйствіи нѣсколькихъ подобныхъ сапогъ и подобныхъ лужъ, полъ въ комнатѣ довольно вѣрно напоминаетъ весеннее таяніе, когда съ окрестныхъ горъ мутными ручьями бѣгутъ снѣга.

Скоро, послѣ утреннихъ разговоровъ, въ которыхъ героями являются тѣ же сны, ниспосланные свыше—провозвѣстники третныхъ окладовъ и другихъ благъ, канцелярская машина тронулась въ путь. Въ углу раздался усиленный зудъ перьевъ и всѣ винты и гайки поспѣшили занять свои мѣста. Настаетъ полное царство чернилъ и песку.

Всѣ сидятъ, свѣсивъ головы, кто на право, кто на лѣво, шумятъ листы, подшиваются къ дѣлу бумаги и проч.

— С-сссс... слышится изъ-за двери, и всѣ шопотливые звуки, которые еще кое-гдѣ слышались, вдругъ замираютъ. Тишина мертвая; слышно даже какъ песокъ шуршитъ по желобку согнутаго полулиста, устремляясь въ песочницу... Дѣло въ томъ, что изъ сосѣдней полуотворенной двери выглянулъ кусокъ совѣтницкаго лба и совѣтницкаго глаза, и этотъ начальственный взглядъ заставилъ всѣхъ онѣмѣть, отупѣть въ одно мгновеніе; ибо ощущеніе при-

сутствія этого взора за спиной уподобляется ощущенію лома, которымъ кто-то уперся въ спину. А другому кажется, что взоръ этотъ, явственно чувствуемый на всей физіономіи, зажогъ на лбу у него какое-то лучезарное свѣтило, отъ котораго приходится часто и напряженно моргать, перекашивать щеки и глаза, и заслонять ихъ рукой. Эти ощущенія пришли кп Шелеухову не вдругъ; они постепенно сказывались ему вмѣстѣ съ болью въ поясницѣ, съ нервнымъ подергиваньемъ глаза и множествомъ внѣшнихъ и внутреннихъ неудобствъ, заставляющихъ его теперь совершенно сознательно трепетать и холодѣть отъ начальническаго взгляда. Если въ эту пору приходилось ему обойтись посредствомъ носоваго платка, то онъ какъ тать крался къ этому платку, помѣщавшемуся въ заднемъ карманѣ, потомъ съ такою же воровскою постепенностію направлялся съ платкомъ къ носу, будто боялся неосторожнымъ движеніенъ спугнуть его съ мѣста, и потомъ крѣпко держалъ носъ подъ платкомъ; но и теперь еще не рѣшался издать какой либо звукъ, а по довольномъ размышленіи приходилъ къ тому заключенію, что удобнѣе всего нагнуть голову подъ столъ, и тамъ уже расправиться съ носомъ по своему. Вдругъ, во время этого нагибанія, затрещалъ сзади стулъ. У Шелеухова захватило духъ, и изъ подъ стола вознеслась къ небу мольба о спасеніи и помилованіи.

Вмѣстѣ съ Шелеуховымъ замерли и всѣ прочіе. Писецъ Пламеневъ, самый буйный изъ цѣлаго сонмища всякихъ писцовъ, намѣреваясь черезъ столъ сказать слово сосѣду, широко раскрывалъ ротъ и зміинымъ сипомъ произнесъ:

— Касимовъ! отъ меня несетъ?...

— До-о-хни! произнесъ Касимовъ.

Пламеневъ заслонилъ рукою ротъ и слегка дохнулъ, причемъ по столу пронеслось нѣчто въ родѣ бури: загибались бумажные полулисты, поднимались вихри песку и слѣпили глаза.

— Претъ!.. бумагой заѣшь.

Пламеневъ ни слова не говоря, хватаетъ первый полулистъ и скомкавъ, посылаетъ его въ ротъ, гдѣ полулистъ и исчезаетъ, какъ въ бездонной пропасти...

Начальническій глазъ изчезъ.

Раздалось чиханье, плеванье, двиганье ногами; все, что только было придушено этимъ глазомъ, теперь торопилось выглянуть наружу.

И опять вижжатъ перья, шумятъ листы, стучатъ щеты. Бѣгаютъ избитой колеей избитыя строки и слова, а голова, которая вовсе не живетъ въ этихъ строкахъ, кое-что думаетъ по своему: канцелярскій умъ напряженно измышляетъ о томъ только, что не худо бы нахлынуть къ землемѣру Точкину, ибо вчерашній день пронесся слухъ, что Точкинъ получилъ прогонныя деньги.... Но вдругъ, вслѣдъ за этимъ слухомъ, проносится другой слухъ, что Точкинъ изчезъ вчера въ полночь изъ города, дабы очевидно убѣжать отъ нахлынутія добрыхъ товарищей. Надобно, стало быть, изобрѣсть другой пунктъ, гдѣ бы можно было отвести душу.

Нѣтъ ли хоть какого нибудь имянинника? „Что сегодня? — въ затишьѣ размышляютъ безпріютныя головы,—Кузьмы Демьяны никакъ?... У насъ Кузьмы-то нѣтъ ли?“ Но и Кузьмы не оказывается, есть два Петра, три Ивана, четыре Семена, но все это не подходитъ къ дѣлу... „Нѣтъ ли гдѣ нибудь перепутья?“ Не оказывается и перепутья; эти преграды, еще болѣе распаляютъ жажду выпивки. Она ростетъ, и вотъ наконецъ, въ головѣ писца Жамкина мелькаетъ яркая штука. Вспоминается ему, что третьяго дня, шли они съ Чуйкинымъ отъ всеночной и приходилось имъ идти мимо жилища контролера Шелеухова; окна были не заперты, въ углу горѣла лампадка, и свѣтъ отъ нее падалъ прямо на бутыль съ наливкой, помѣщавшуюся на окнѣ... Свѣтъ лампадки таялъ въ вишневомъ цвѣтѣ наливки, и этотъ цвѣтъ въ настоящую минуту неотступно стоялъ въ обрадованной головѣ... Радость, сообщенная другу-сосѣду, перебѣжала и заразила собою всѣхъ, кто только ломалъ свою голову надъ отысканіемъ случая, какъ нибудь обрадовать себя. Но за то, если бы эта вѣсть о бутыли, и о планахъ распорядиться ею, добѣжала до самаго контролера Шелеухова, онъ тотчасъ ощутилъ бы, что ломъ, вставленный недавно начальническимъ взглядомъ только въ спину, теперь прохватилъ все его существо съ головы до ногъ. Къ несчастію для

Шелеухова, опасность потерять возможность выпивки заставила чиновниковъ глубоко таить отъ него свои замыслы. Шелеуховъ остается такимъ образомъ въ невѣденіи, и не думаетъ сомнѣваться въ томъ, что взлелѣянную имъ красавицу — бутыль, онъ съ тріумфомъ, во всемъ блескѣ покажетъ товарищамъ на святой.

Въ этомъ дѣтскомъ мечтаніи, Шелеуховъ возвращается домой, обѣдаетъ, отдыхаетъ, и чувствуетъ, что зарокъ не глядѣть на бутыль, производитъ благопріятные результаты. Въ силу этого обѣта. онъ рѣшается, съ нѣкоторою даже пріятностію, посвятить себя въ служеніе дому своему; вотъ онъ налиневалъ дѣтямъ всѣ тетради, начинилъ перьевъ, налилъ въ чернильницы новыхъ чернилъ прибралъ къ нимъ новыя пробки и строго наказалъ ребятамъ не марать пальцевъ и чернильницу носить въ классы, обернувъ бумагой. Жена со спокойной душой шила или принималась разчесывать запущенныя ребячьи головы и при этомъ совѣтовала мужу взять ножницы да подстричь Мишкины мохры. Мужъ безпрекословно, съ охотою исполнялъ это порученіе и теперь исполнилъ бы ихъ хоть тысячу. Послѣ стрижки онъ вышелъ въ зало, вбилъ въ стѣну гвоздь и повѣсилъ на него картузъ; сталъ на стулъ — поправилъ стору; отошелъ въ переднюю и оттуда потянулъ ногой половикъ... И половики, къ общей радости, чисты и полы чисты, въ углу горитъ лампадка, и стекло у образа вытерто....

Вдругъ въ окнѣ мелькнула изъ тьмы одна физіономія, за ней двѣ-три.

— Наши! поблѣднѣвъ, говоритъ Шелеуховъ женѣ, ибо понимаетъ что бутыль какъ будто въ опасности.

— Ты запри въ залу дверь, и сиди здѣсь... Вороты заперты; постучатся, да и уйдутъ...

Тутъ были однѣ планы, за воротами были другіе; безъ стука и грома, шопотомъ предложилъ кто-то, къ общимъ услугамъ свои плечи... — „У меня ноги грязны! проговорилъ кто-то. — Вотъ таамъ, разбирать еще!.. Полѣзайте...

И скоро стукъ товарищескихъ ногъ послышался сначала въ сѣняхъ, потомъ въ переедней, и наконецъ въ залѣ...

— Добраго здоровья! затрещало со всѣхъ сторонъ и Шелеуховъ не зналъ куда совать руки...

Послѣ рукожатія, нѣкоторые изъ коноводовъ, покашливая и потрогивая задній карманъ, заглянули въ слѣдующую комнату.

А тамъ-то именно и помѣщалась бутыль...

Шелеуховъ трепеталъ и несвязно мямлилъ:

— Господа! вы туда не тово... у меня тесть пріѣхалъ..старичекъ дьяконъ... отдыхаетъ... усталъ..

— Что жъ ты врешь!.. раздается суровой голосъ... Какой тамъ тесть?.. Господа! подержите-ко бутыль, я у Авдотьи Митревны рюмочекъ попрошу.

— Э-э-э!.. нѣтъ, нѣтъ!.. Это, братцы, оставить... Нѣтъ сдѣлайте одолженіе! зашумѣлъ Шелеуховъ.

— Что оставить?..

—Бутыль... Какъ угодно...

Молчаніе..

— Ахъ ты подлецъ этакой!

— Ну ужъ какъ угодно!.. Бутыль,—она мнѣ дороже всего...

— Да нà, цалуйся съ ней... лижи!... Скотъ...

— Какъ хочешь... все равно...

— Для товарищей, оглобля этакая, пожалѣлъ рюмки водки...

— Никогда я водки не жалѣлъ...

— Ну тебя!.. хорошъ-братъ... Кузьминъ! у тебя есть мѣдные, мы пошлемъ себѣ.

Кузьминъ начинаетъ выгребать изъ жилета мѣдяки и въ то время, когда Шелеухова жена радуется твердости своего супруга, супругъ этотъ, почувствовавшій въ послѣднемъ изрѣченіи, задѣваніе амбиціи, произноситъ:

— Такъ, что же вы? Въ самомъ дѣлѣ я жалѣю, что ли?

— Обыкновенно подлецомъ передъ друзьями себя выразилъ..

— Такъ жрите жъ ее, подлецы...

— Петръ Кузьмичъ! Петръ Кузьмичъ! Что ты дѣлаешь? Господи! шепчетъ изъ за двери жена...

— Прочь!..

— Вотъ это дивно!..

— Да что ему вѣрить... онъ вретъ! посылай Кузьминъ...

— Врешь!..

При этомъ съ бутыли срывается дѣвственная повязка и цѣломудріе бутыли изчезаетъ вмѣстѣ съ пробкой. Чрезъ часъ отъ нее остаются одни дребезги; отъ наливки винный запахъ; отъ компаніи друзей и пріятелей—лужи грязи на полу, высаженное локтемъ стекло, сдернутые половики, а отъ самаго Шелеухова, изчезнувшаго вмѣстѣ съ другими, осталось только одно воспоминаніе о прошедшихъ дняхъ трезвости.

Вмѣстѣ съ братіею, онъ теперь въ прахъ рушитъ устроившуюся было кое-какъ картину семейнаго счастія. Неизвѣстно, куда плетется вся ватага и только по утру смутно припоминаетъ она, что была на погостѣ и гдѣ-то среди глубокой ночи звонила въ колокола. А дома, во время этого баламутства, вмѣстѣ съ робкими душами многихъ чиновныхъ женъ, дрожитъ и увивается робкая душа Шелеуховой. Не за свою боится она головой—нѣтъ, одна голова не бѣдна, говоритъ пословица. А вотъ передъ ней цѣлая куча ребятъ; беззаботно спятъ они теперь послѣ дневной бѣготни, и эта беззаботность мутитъ материнское сердце, ибо сордце это каждую минуту того и ждетъ, что судьба, въ видѣ фонарнаго столба, о который Петру Кузьмичу угодно будетъ размозжить на ходу свою голову, эта судьба ни за что ни про что погонитъ ни въ чемъ не виноватыхъ ребятъ по міру.

Предъ свѣтомъ кто-то стучитъ въ дверь, и скоро толпа не извѣстныхв людей, въ числѣ которыхъ попадается нѣсколько сосѣднихъ кухарокъ, и два мастеровыхъ, втаскиваютъ на рукахъ нѣчто завернутое въ шинель.

— Живъ-ли? спрашиваетъ жена.

— Живъ, живъ,—цѣлехонекъ... Будьте покойны!

— Ну слава Богу...

Шествіе трогается черезъ залу, въ спальню. Слышенъ стукъ мужскихъ сапоговъ... Съ одной стороны процесіи идетъ въ рубашкѣ босикомъ жена, съ другой кухарка, и такъ какъ она тоже подсобляетъ, то ей пришлось сальный огарокъ въ деревянномъ подсвѣчникѣ поставить барину на животъ. Въ залѣ стоитъ из-

вощикъ съ кнутомъ у пояса; въ отвореную дверь несетъ вѣтромъ, и изъ задней комнаты, куда скрылось шествіе, слышно: заноси ноги, заноси!.. лѣвѣй... лѣвѣй!.. Отодвинь камодъ-то дьяволъ! и проч...

Послѣ трудовъ народъ проситъ на водочку, что имъ и вручаетъ кухарка натурой...

Эта, вспомнившаяся неутѣшной вдовѣ сцена, разбудивъ собою безконечную вереницу такихъ же сценъ, заставляетъ ее невольно пріуныть по тому поводу, что ея, когдато крѣпкая грудь, и вовсе не глупая голова,—все это исчезло, высушилось въ періоды безпредѣльнаго страха за чужую судьбу, страха тѣмъ большаго, что судьба та находилась въ рукахъ безобразнаго дурацкаго случая, который по своему устроиваетъ безпрерывное выпиваніе чрезъ край...

Вспоминается ей время обѣда; столъ накрытъ и только ждутъ пока придетъ изъ палаты самъ. Но самъ не идетъ. Въ головѣ жены раждаются подозрѣнія и боязнь, которая выше всякой боязни... Ребята сидятъ за столомъ, отъ нечего дѣлать пуская ложки вдоль своихъ физіономій, но не прикасаются ни къ тарелкамъ, ни къ хлѣбу, потому что это безъ самого не возможно... Зимой темнѣетъ рано и около трехъ часовъ ужъ не совсѣмъ свѣтло: — „Ну думаетъ жена, пропалъ!„

— Мишъ, говоритъ она, сходи-ко ты къ Малафееву...

Мишѣ не первый разъ ходить къ Малафееву; онъ давнымъ давно знаетъ, что это что-то въ родѣ харчевни...

Вотъ онъ у Малафеева. Двери отворяетъ ему высокій мужикъ, съ кучерской физіономіей и бѣломъ фартукѣ...

— Тятиньки тутъ нѣту?...

— А который онъ?

— Высокій чиновникъ...

— Высокаго не видалъ... Вонъ какіе-то есть за ширмою... посмотрите...

Миша просовываетъ за ширмы голову и смутно различаетъ въ несвѣтлой комнатѣ какія-то фигуры. Тамъ пѣніе. Одинъ стоитъ посреди комнаты и дирижируетъ хоромъ, медленно поднимая

и опуская руки. Когда регентъ поднималъ руки къ верху, онѣ изчезали вмѣстѣ съ головою въ тучѣ табачнаго дыма, особенно сгустившагося у потолка... Кто-то поетъ „кукареку“.

Однако отца здѣсь нѣту...

— Нѣтъ, тутъ нѣту...

— Ну, сталбыть, небыли...

У мальчугана тоже сжимается сердце...

— Развѣ, вотъ въ каморкѣ нѣтъ ли... Тутъ ихняго брата свалено довольно...

— Миша входитъ въ коморку. Здѣсь совершенно темно, нѣтъ ни одного отверстія, въ которое бы проникалъ свѣтъ снаружи...

— На полу шарьте... на шинеляхъ...

Миша нагибается къ полу; въ нѣсколькихъ мѣстахъ слышно сопѣнье, и по слѣдамъ этого сопѣнья, мальчуганъ протягиваетъ руку. Вотъ его ладонь уперлась въ чьи-то губы: — они мокры и слюнявы...

— Тятинька!... Тять!

— Что не они?

— Нѣтъ, не онъ...

— Ну не были... больше нѣту...

Миша выходитъ изъ коморки, обтирая объ полы своей одежды, вымазанныя о чью-то бороду руки, отъ которыхъ долго отдаетъ нюхательнымъ табакомъ, и еще какою то мерзостью...

Послѣ этого Миша еще разъ заглядываетъ за ширмы, гдѣ на этотъ разъ видитъ огонь, и къ счастію узнаетъ въ господинѣ, усердно выкрикивавшемъ „кукареку,“ своего родителя... Желая изобразить пѣтуха, онъ корчится на своемъ стулѣ, вытягиваетъ впередъ шею съ напряженными жилами, стучитъ задками сапоговъ о переножку въ стулѣ и поетъ — заливается, хлопая въ ладоши...

Кое-какъ Миша дотащилъ его до дому. Отецъ сидитъ у стола. Онъ наровитъ стащить одной ногой сапогъ съ другой, но шерстяной чулокъ разутой ноги соскользаетъ съ кожанаго каблука, отчего локоть, которымъ онъ оперся въ столъ, срывается, и Шелеуховъ клюетъ носомъ...

— Ну-ко... вяло бормочетъ онъ...

— Что-о? сурово спрашиваетъ жена, не переставая трепетать за конецъ этой исторіи.

— Одну...

— Какъ же!.. слава Богу! хорошъ!..

— Какъ?

— Хорошъ...

— Давай... счасс... слыш?...

— Нѣту ничего... гдѣ я тебѣ возьму?...

— А я съ крыши... брошусь...

— Ну да, сейчасъ!

— А я съ крыши брошсь...

— Да что ты?.. По мнѣ бросайся... ребятъ не жаль...

— А я съ крыши брошсь... твердитъ пьяный языкъ.

Чуется великая буря, и дѣйствительно, въ тотъ же день разносится у сосѣдей слухъ, что видѣли Шелеухова на трубѣ, какъ его качало вѣтромъ, какъ съ земли посылались къ нему вопли семьи и жены: всѣ молили, чтобъ онъ не возносился такъ далеко, а снова явился между ними, на что Шелеуховъ согласился не прежде, какъ въ виду его, на снѣгу, былъ поставленъ графинъ съ водкой и рюмка...

Тогда только, при содѣйствіи сосѣдскихъ кучеровъ, его стащили оттуда...

Но вотъ наконецъ что то похожее на переломъ въ этой умерщвляющей жизни...

Въ одинъ день изъ-за совѣтницкой двери, вмѣстѣ съ внушительнымъ взглядомъ и лбомъ, высунулся не менѣе внушительный палецъ и поманилъ Шелеухова. Шелеуховъ трепеталъ сначала весь въ лютомъ холодѣ, потомъ въ лютой жарѣ и обливался ручьями пота. Это произошло отъ того, что Шелеухову объявлено было о представленіи его къ наградѣ.

— Но къ третному... добавилъ лицо: думаю опять попробовать...

— Васс... осмѣливаюсь доложить... шесть разъ отказали...

— Нну что дѣлать! Авось какъ нибудь!..

— Воля Божія-съ!..

— Д-да... А вы тѣмъ временемъ сами.. на бумажкѣ...„рев-

ность, усердіе... неусыпно“... При этомъ лицо тычетъ пальцемъ въ ладонь..

— Поняли?

— Такъ точно-съ...

— Прощайте...

Шелеухову чувствуется, что и эта попытка будетъ напрасна, и потому съ великою тоскою принимается онъ за писаніе. Вечеромъ раскрылъ онъ подъ зеркаломъ столъ, разложилъ бумагу, но чернилъ у ребятъ не оказалось, и поэтому послали попросить у сосѣдей... Тамъ сказали, чтобъ не всѣ изводить—самимъ нужно. Кое-какъ собрано наконецъ все, но дѣло не ладится, потому что чиновную душу мутитъ мысль: „не дадутъ!“ И это преждевременное разочарованіе не окрыляетъ ни чиновнаго ума, ни пера.

Надо окрылить. Спутешествовалъ къ шкафу; сѣлъ; крякнулъ; свѣчка нагорѣла,—снялъ пальцами; пальцы засалились, пера не держатъ. Обмакнулъ; хотѣлъ вывести букву, вывелъ лужу, ибо изъ чернильницы вытащилъ на перѣ какое-то бревно.

Не ладится. Спутешествовалъ еще; новый листъ взялъ. Принялся сосредоточивать мысли—ребятишки сзади шумятъ: вздумалось имъ привязать къ ножкамъ стула, на которомъ сидитъ отецъ, покромки. Ребята берутъ концы покромокъ въ ротъ, какъ удила, загибаютъ головы, и желая изобразить лошадей, бьютъ ногами, ржутъ.

Опятъ спутешествовалъ. Вывелъ букву.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ жена вздумала мыть ребятъ. Двери были заперты, но вой, пискъ, визгъ, не взирая на это, ломился въ комнату, гдѣ писалъ Шелеуховъ. Въ головѣ у него безсвязно неслись фразы: „будучи не замѣченъ въ поведеніи... и неусыпною ревностью... рвеніе... необъятное семейство...“ Вообще ему хотѣлось изумить своими подвигами, но всѣ измышленныя имъ фразы будто играли съ нимъ въ жмурки, ибо онъ никакъ не могъ схватить ихъ за руку, для того, чтобы разобрать, какъ приткнутъ ихъ дружку къ дружкѣ.

Опять къ шкафу... Сѣлъ. Еще новый листъ взялъ.

Но оранье бабъ и ребятъ бушевало неутомимо.

— Да заприте вы дверь-то!... Господи!... Васька не плюй.

Что ты кошку-то... Отнимите у него кошку, Христа ради!.. Царица небесная!.. Акулина! Посвѣтите вы... аль вы оглохли...

— А-а-а-а... орали ребята.

— Ну не буду, не буду... утѣшала баба.

— О, этта Аккулина! скажи: мы ее эту Аккулину, тянула сама же Акулина, проворно работая руками около ребячьей головы...

— Ай-ай-ай! голосили ребята, которымъ крѣпко приходилось отъ горячей воды и мыла, ѣвшаго глаза. Вой этотъ росъ выше, выше, наконецъ пробралъ Шелеухова.

— Что они рѣжутъ что ли кого? свирѣпо произнесъ онъ и распахнулъ дверь.

— Что вы? шкуру, что ль дерете?

— Не твое дѣло... пиши свою бумагу, сердито отвѣчала жена, вся красная отъ суеты; при этомъ она поливала изъ кувшина, держа его вверху пятерыхъ ребятъ, помѣшавшихся въ корытѣ.

Вверху стоялъ паръ, на полу лужи.

— Ну, обыкновенно не мое, говоритъ Шелеуховъ и снова путешествуетъ къ шкафу, — я вамъ не нуженъ... Едва онъ успѣлъ сѣсть опять, какъ у бабъ раздалось:

— Батюшки! обварили кипяткомъ!..

— Зажгите свѣчку, зажгите свѣчку! визжалъ женскій голосъ.

— Нну! произнесъ Шелеуховъ и бросился снова къ двери.

Въ это время ребяты дернули за покромки, пустой стулъ упалъ, ребяты стукнулись лбами въ полъ... Начался вой...

Шелеуховъ съ остервенѣніемъ подошелъ къ столу, сгребъ все въ кучу: бумаги, перья, чернильницу, свѣчку и все это ляпнулъ на полъ.

— Тьфу!

Воцарилась тьма. Отовсюду слышался скрежетъ, визгъ и въ распахнутыя двери несся столбомъ паръ. Всѣ натыкались другъ на друга, ругались, и Шелеуховъ, ощупью добравшійся до шкафа, съумѣлъ пропустить залпомъ двѣ порціи.

Но иногда вслѣдъ за хмѣльными буйствами и тиранствами наступалъ покаянный день, и тогда нельзя было думать, что это

тотъ же человѣкъ, который нѣсколько часовъ тому назадъ думалъ, что все его дѣло въ здѣшнемъ мірѣ ограничивается нехитрою работою заносить полѣнья надъ головами жены и дѣтей, и единственно въ силу своего высокаго человѣколюбія не мозжитъ этими полѣньями беззащитныя головы... Въ такія покаянныя минуты глава вдругъ начинаетъ бояться жены, и для того, чтобы выпить, улучаетъ минуту, когда жена обернется къ нему спиной; тогда уже шагъ за шагомъ агнецъ-мужъ подвигается къ шкафу, дѣлаетъ при этомъ ногами какія-то па, словно въ русской пляскѣ, не спускаетъ глазъ съ женниной спины и боится вытащить руки изъ кармановъ панталонъ. Наконецъ онъ у шкафа. Полегоньку высвободилъ онъ одну руку, за нею другую, полегоньку отворилъ дверцу, стащилъ графинъ и рюмку, и налилъ. И уже полная рюмка стоитъ на полпути ко рту, какъ глаза, все еще устремленные на женнину спину, замѣчаютъ, что спина эта поворачивается. Повернулась. Глаза встрѣтились... Съ перепугу, супругъ пускаетъ руку съ рюмкой на пропалую и она попадаетъ въ щеку. Водка затекла въ ухо, бѣжитъ по воротнику, по жилету, по пальцамъ.

— Опять? кротко говоритъ жена.

— Не твое дѣло, говоритъ уже тотъ же недавній глава, ибо конфузъ съ рюмкой пробудилъ въ его головѣ такую мысль: да что я у себя ворую? Что я?.. въ своемъ добрѣ-то не баринъ?

И теперь немного приходится ждать, чтобы полѣно засвистало снова надъ головами...

Среди этакой каторги есть у семьи и свои убогія радости. Полная радость требуетъ немногаго. Счастливы всѣ, если слышатъ, что послѣ буйствъ и общаго переполоха самъ наконецъ заснулъ, и есть надежда, что проспитъ еще долго, стало быть до вечера можно жить какъ хочется, на сколько еще можетъ проявляться это хотѣнье среди постоянно забивающаго страха и самодурства.

Тутъ является позабытый аппетитъ, и шопотомъ идутъ разговоры.

Въ эту минуту не желалось бы большаго счастія!.. Въ одну

изъ такихъ счастливыхъ минутъ, Шелеуховъ что-то долго тянулъ счастіе своей семьи. Было уже одинадцать часовъ ночи, а онъ не вставалъ. Пробовали побудить — спитъ. Послушали — не дышитъ... Умеръ!

— Что я съ нимъ буду дѣлать? произнесла жена.

Въ эту пору слезъ не было, ихъ кто-то могучей рукой стянулъ подъ сердцемъ.

И въ этомъ случаѣ задрожало-бы всякое сердце.

III.

...Черезъ нѣсколько времени надежда семьи покойнаго чиновника, оставалась только на Бога. Съ этою цѣлію вдова далеко до звону тащила полусонныхъ ребятъ въ церковь и принималась прикладывать ихъ къ образамъ. Въ церкви было пусто, обѣдня не начиналась, и среди тишины слышалось, какъ жарко шептали чьи-то уста: „Неоставь Ты меня съ младенцами Твоими, Господи!..“

А младенцы, закутанные въ лахмотья, съ разинутыми ртами разсматривали рисунки на церковномъ потолкѣ.

СЕМЕНИХА.

Между двухъ торныхъ дорогъ на Москву, стоитъ городокъ Утробовъ. Въ двухъ шагахъ отъ него по московскимъ трактамъ идутъ нескончаемой вереницей обозы, медленно шагаютъ гурты черкасскихъ быковъ и коровъ, около нихъ молодецки гарцуютъ коренастые и сочные погонщики, и вообще кипитъ торговая, крѣпкая, клеевитая жизнь. А Утробовъ притаился въ такой трещинѣ, что до него не доходило отъ всей этой дѣловой суматохи ни звука, ни слова. Про Утробовъ никто не спрашиваетъ, никто не нуждается въ немъ, и онъ безвинно прокисаетъ въ тихомолку, единственно изъ-за того, что когда-то давно, когда еще на мѣстѣ Утробова торчалъ маленькій жолтый острогъ для пересылочныхъ, а купцы загодя служили по себѣ панихиды и погребенія, приготовляясь ѣхать утробовскими лѣсами, — въ эту пору проѣзжала здѣсь нѣкоторая вельможная, но почти почти полумертвая особа. Дикость мѣстности, особенно вечеромъ, пріятно тронула изнеможенные нервы особы; тутъ-то въ первый разъ родилась у нея мысль о сооруженіи здѣсь города, и вмѣстѣ твердое намѣреніе порадѣть объ этомъ, гдѣ нужно, если радѣніемъ и хлопотами можно назвать не усиленное приподнятіе и мановеніе указательнымъ пальцемъ.

И вотъ, должно быть въ силу этого обстоятельства, (ибо другаго повода не было), насажденіе и разцвѣтаніе города началось.

Постепенно устроивалось все, начиная отъ острога. Завелись протоколисты, подъ-протоколисты и еще какія-то должности. Были суды и канцеляріи, ибо, очевидно, нужно было и судъ творить. Какъ ни трудно было сдѣлать все „какъ слѣдуетъ,“ по причинѣ большаго безлюдья, но всѣ, отъ кого зависѣло, ревностно стремились сдѣлать городъ городомъ: скоро съумѣли отдѣлить изъ малаго числа братій нѣкоторую частицу для сидѣнія въ острогѣ, другая принялась мирно жительствовать, и для полной картины умѣла въ лицѣ нѣсколькихъ своихъ представителей попадать на съѣзжую; на улицахъ была топь, по ночамъ находили возможнымъ кричать: „караулъ“, и пр. По улицамъ слонялись нищіе, и вообще скоро городъ вышелъ, какъ слѣдуетъ ему быть.

Въ силу такого не резоннаго существованія, Утробовъ вышелъ городъ вполнѣ чиновный. Для чиновниковъ здѣсь существуютъ кой-какіе портные, кой-какіе сапожники, какая-то торговля, но все это въ размѣрахъ крайне ограниченныхъ, особенно торговля; предѣлы ея съ каждымъ годомъ становятся уже и уже, по причинѣ того обстоятельства, что съ развитіемъ порядка и благочинія, — ловко прижученное горе тащитъ сюда изъ деревень всякій продуктъ, нужный въ чиновномъ обиходѣ. Порядокъ развивается ежеминутно, а поэтому въ настоящее время торговля коекакъ дышетъ единственно сбытомъ въ сосѣдніе уѣзды нѣсколькихъ сотенъ пудовъ подсолнуховъ.

Чиновный элементъ начинаетъ въѣдаться и въ нравы прочаго скуднаго населенія, такъ что даже бабы огородницы, чтобы сберечь капусту, укропъ и т. д. противъ нападенія воробьевъ, воронъ и галокъ, наряжаютъ чучелъ на своихъ огородахъ въ старые чиновничьи фраки, искалѣченныя треугольныя шляпы и пр. Вообще всѣ самые ничтожные остатки чиновной сбруи доживаютъ свой вѣкъ на огородѣ: вѣтеръ играетъ рукавами и фалдами, трясетъ шляпой — и воро́ны, галки, воробьи въ перепугѣ летятъ прочь.

Такое повсюдное чиновное царство, насквозь проѣвшее обывателей, родило въ неглупой головѣ вдовы-мѣщанки Гребенкиной такую мысль:

— Семъ-ко, милые мои, я по чиновной-то части отвѣдаю?.. авось Богъ подсобитъ... И дѣйствительно Господь подсобилъ ей.

Въ то время, когда я видалъ Гребенкину, ей было уже лѣтъ 40, стало быть по пословицѣ бабій вѣкъ оканчивался, но несмотря на это, въ иную пору морозъ могъ таки поживиться насчетъ ея пухлыхъ щекъ, слегка сжатыхъ бѣленькимъ платочкомъ. Въ эту пору, она уже давно работала на адвокатскомъ поприщѣ; слава ея росла съ годами, и имя Семенихи процвѣтало вмѣстѣ съ усовершенствованіемъ искусства по части знакомства мужичьихъ кошелей со всѣми кошелями породъ болѣе высшихъ, вплоть до дыряваго кармана въ жилетѣ самой мелкой канцелярской сошки. Въ силу этого процвѣтанія, годъ отъ году больше и больше съѣзжалось на ея дворъ деревенскихъ мужиковъ съ просьбами, такъ что она должна была отворить наглухо заколоченную половину отцовскаго дома, а у воротъ въ видахъ барышей отъ пріѣзжаго народа, бойкій мѣщанинъ распахнулъ лавчонку и скоро нашелъ удобнымъ къ дегтю и сѣну присоединить веревочные хомуты, шлеи, коротенькія мужицкія трубки, образа и проч.; вмѣстѣ съ этимъ посреди Семенихина двора воздвигнулся навѣсъ, какіе бываютъ на постоялыхъ дворахъ.

Такъ какъ грамотѣ Семениха училась на мѣдныя деньги, а пріѣзжимъ мужикамъ нужны были разныя прошенія, то шлялся къ ней для этого дѣла нѣкто, извѣстный подъ именемъ Борисыча. Когда-то онъ служилъ въ одномъ изъ судовъ, но оттуда выгнанъ; нищенствуя, онъ нанимался въ палаты дежурить за другихъ, получалъ за это четвертакъ, и за такую сумму отдавалъ себя вполнѣ на общую жертву. Многіе шутники изъ неоперившихся писцовъ употребляли его на свою потѣху, заставляли пѣть пѣтухомъ, поили пьянымъ до изступленія, сажали на шкафъ, надѣвали на голову бумажный колпакъ и зажигали его... А Борисычъ и не чувствовалъ, какъ у него на срединѣ головы выгорала просторная плѣшь. Пѣніе пѣтухомъ обратилось у него впослѣдствіи въ привычку, и онъ съ особенною ловкостію и тонкостію могъ изобразить разницу въ пѣніи аглицкаго пѣтуха и курскаго или орловскаго. Съ этою забавою онъ по праздникамъ шлялся между чиновниками, старался попадать послѣ обѣдни, когда обыкновенно вездѣ ѣдятъ пироги, и получалъ тутъ рюмку или двѣ

водки. Если ему наконецъ претило пить, онъ не возвращалъ рюмку назадъ, а выливалъ ее въ полштофъ, который былъ повѣшенъ у него на фрачной пуговицѣ... У Семенихи онъ обиталъ въ кухнѣ въ сборной комнатѣ; строчилъ просьбы, и за двугривенный могъ настрочить какую угодно кляузу.

Тутъ же въ кухнѣ прислуживала, взятая Семенихой изъ милости, старушка Митревна; ее считали полупомѣшанной отъ потери сына, котораго угнали въ солдаты... Она ходила просить за него, но оказалось, что всѣ дѣла она вела и просьбы подавала швейцару въ казенной палатѣ, который изумилъ ее своимъ видомъ и золотой палкой, перебралъ съ нея множество денегъ, и наконецъ уговорилъ идти въ Питеръ.

Этому-то всѣ и смѣялись.

— Ну-ко, ну-ко... какъ ты ходила-то?.. Что солдатъ-то говорилъ?

— Ну онъ мнѣ и говоритъ, иди ты, говоритъ, бабка, на самый на царицынъ лугъ... Потому, посередь самаго лугу стоитъ Кутузъ-Смаленскай, и все одно какъ прибѣжище какое... Какъ ему скажешь: такъ молъ... Онъ сичасъ платкомъ махнетъ — и все тутъ, потому онъ изъ подъ самаго, изъ подъ зеленаго орла... во какъ!..

Слушатели покатываются со смѣху.

— Ну, а какъ оттеда-то?..

— А оттеда, милые мои, повели меня при поетапи... Идемъ мы съ нимъ, а поетапъ и говоритъ, — „я тебя, говоритъ, бабочка, не то что, а завсегда могу причудесно изъ этого самаго ружья уложить“. У меня руки — ноги трясутся, слова выговорить не могу, духъ захватываетъ, а онъ то дьяволъ помираетъ... „ахъ привасходно я эту бабу уложу!... ахъ какъ я ее уложу!.. И ежели, говоритъ, старушка, вы намъ на счетъ косушки не вздумаете, то мы въ секунтъ душу вашу приставимъ на самое на седьмое даже небо... И будете вы примѣрно порхать туды—сюды...“

Борисычъ и Митревна были обитатели кухни. Сама Семениха помѣщалась въ чистой комнаткѣ, привѣтливо смотрѣвшей на улицу чистыми стеклами и чистыми занавѣсками. Здѣсь принимала она головъ, старостъ и водила съ ними чаи. Такая необычная дѣя-

тельность Семенихи непремѣнно должна была злить сосѣдей и сосѣдокъ; — злить именно въ силу единственнаго обстоятельства, что „не нашего поля ягода.“ И поэтому, вмѣстѣ съ вступленіемъ Семенихи на ея гражданскую дорогу, родились всевозможныя козни и ухищренія, какъ бы ей отомстить, нагадить, ущипнуть при случаѣ. Все это Семениха называла „злыднями“ и продолжала безъ вниманія оставлять разные слухи о томъ, будто бы она, Семениха, хлыстовской вѣры; не обращала вниманія на украденную курицу, понимая, что покража эта учинена съ явнымъ покушеніемъ завязать ругань, по возможности середь улицы, вцѣпиться ей въ волоса, оплевать другъ друга съ ногъ до головы и проч. А такое небреженіе Семенихи было лучшею местію разозленному народу, ибо въ этомъ случаѣ украденная съ политическими цѣлями курица, какъ не достигшая этихъ цѣлей, камнемъ ложилась на душу похитительницы и дѣлала ее просто-на-просто воровкой.

А Семениха между тѣмъ дѣлала свои дѣла. Дѣла эти ей удавались, потому что она умѣла понадобиться тому, въ комъ нуждалась сама. Отъ этого, въ быту нужнаго ей чиновничества, она была „своя“. Ребяты ее любили и съ особенною радостію ждали ея появленія, ибо знали что вмѣстѣ съ ней явится имъ полфунта какихъ нибудь сластей, пряникъ, грѣцкій орѣхъ и проч. Чиновныя жены души въ ней нечаяли, ибо не было другой такой душевной женщины, какъ Семениха. Случись заболѣть ребенку, онѣ не задумывались посылать за Семенихой, и та мигомъ распознавала, откуда взялась лихая болѣсть. Для этого она клала въ самоварную крышку нѣсколько угольковъ, посыпала ихъ гвоздикой, становилась около больнаго, приговаривала и дула на уголья.

— Отъ дѣвичьяго глазу...

Не щелкаетъ.

— Отъ мужского...

Тоже...

— Отъ бабьяго...

Щелкнуло...

Корень зла отчасти найденъ и стоитъ только пустить въ оборотъ бабьи умы и соображенія, какъ тотчасъ отыскивается и самъ ви-

новникъ зла. И попадись этотъ сглазившій, дурной бабій глазъ, въ него не задумались бы запустить всѣмъ, что ни попадется подъ руку. Такъ крѣпко Семенихино слово.

Или вдругъ нападетъ на чиновницу этакой необыкновенный стихъ; захочется ей и платье вытащить на солнце просушить, захочется ей пережечь всѣхъ клоповъ въ своихъ кроватяхъ, перемыть всѣхъ ребятъ, и стоитъ только Семенихѣ снять свою шаль, засучить рукава, какъ все это закипитъ и зашумитъ мигомъ. Однажды она предложила сама перемыть секретарскихъ свиней. Съ этою цѣлію каждый паціентъ по одиночкѣ привязывался веревками къ корыту, и среди нестерпимаго визга изобильно обливался кипяткомъ; кипятокъ должно быть очень разжогъ одну изъ пользуемыхъ, только свинья успѣла вывернуться, бросилась въ ворота и понеслась по городу съ корытомъ около бока.

Такими подвигами Семениха умѣла обставить такъ свою особу, что впослѣдствіи даже одно появленіе ея производило великую пріятность.

Вотъ на дворѣ стоитъ лѣтняя жара. Чиновница сидитъ дома одна-одинешенька. Мужъ въ палатѣ, сынъ въ школѣ; дома только ребята маленькіе. Но главное — это жара сверхъ силъ. Отворила она окно въ полисадникъ, думала хоть сквозной вѣтеръ попродуетъ мало-мальски подъ мышками, и въ этомъ мѣстѣ, и въ этомъ... Платьемъ помахала, гдѣ очень вспотѣло, — нѣту, ничего не легче... Въ окна врывались стаи мухъ, а одна между ними, съ толстымъ рыломъ и нестерпимымъ жужжаніемъ, напоминавшая купчиху въ лоснящемся атласномъ салопѣ, привела даже въ немалый испугъ чиновницу, заставила ее вскочить съ мѣста, и махать полотенцемъ, чтобы выпроводить ее вонъ. Отъ этого маханья, кровь, и безъ того стучавшая въ вискахъ, застучала еще сильнѣй. Чиновница пробовала шить — не шилось: то она колола руку, то колѣно, пришпиливая работу, и отъ этихъ уколовъ бросало ее въ жаръ... Силъ нѣтъ; легла, забылась. Въ отворенныя въ кухню двери слышно, какъ стучитъ ножомъ кухарка; пищатъ цыпляты, на улицѣ мужикъ кричитъ: „черепенники...“ Вѣтеръ потянулъ было таково пріятно, встать не хотѣлось;

а въ это время въ сѣняхъ идетъ курица и стучитъ въ полъ носомъ. Вотъ она перебралась въ переднюю... Чиновница и хотѣла бы пугнуть ее, да не можетъ: застыла совсѣмъ. Чудится ей, что курица проберется въ залу, начнетъ тамъ слоняться по стульямъ, подъ зеркаломъ усядется и подлостей всякихъ надѣлаетъ... Злится она, но никакъ не разведетъ своими членами: какъ развареная лежитъ... На дворѣ къ тому же завизжали маленькія ребята... „Передеру всѣхъ“, подумала чиновница.

Состояніе варварское, мучительное... И вотъ, если въ такую минуту препожалуетъ Семениха, то ей бросятся и повиснутъ на шеѣ. Появленіе ея въ такую пору неизбѣжно влечетъ за собою самоваръ, и теперь онъ не усилитъ господствующей надо всѣмъ жары; напротивъ пріятельницы послѣ пяти-шести чашекъ еще скажутъ: „вотъ теперь немножко... попрохладнѣй...“

Появленіе Семенихи въ настоящемъ случаѣ очень спасительно, и чтобы вполнѣ понять это, стоитъ побыть у чиновницы послѣ Семенихи. Вотъ пришолъ мужъ и поспѣшно стащилъ съ себя фракъ, жилетъ и манишку; потеръ подъ мышками грудь, отдулся отъ жару; еще разъ отдулся и поясницу потеръ кулакомъ.

— Ну, паритъ! говоритъ онъ.

— Ужь не говори, произноситъ раскисшая жена. Ребята цѣлый день на дворѣ визжатъ... Вся измучилась... Хоть бы ты какъ нибудь ихъ передралъ бы...

— Вотъ какъ нибудь соберусь, говоритъ мужъ. Ужь я по семи шкуръ сразу сдеру, добавляетъ онъ въ назиданіе окружающимъ его ребятамъ и опрокидываетъ въ ротъ рюмку водки.

Послѣ трудовъ, особенно послѣ сидѣнья онъ съ особеннымъ удовольствіемъ нагружаетъ себя ботвиньей, щами, солониной, и все это тянетъ его къ постели, къ подушкѣ. Въ постелѣ начинаютъ кусать блохи, по физіономіи странствуютъ мухи и жрутъ его, какъ лошадь какую. Напрасно чиновникъ дергалъ бровями, губами, носомъ, онъ только зажималъ то вѣкой, то губой мушиную ногу, муха принималась зудѣть, вопить еще пуще, и вообще послѣ часовой битвы съ мухами чиновникъ упадалъ духомъ.

— Будь вы прокляты! произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ...

Въ это время черезъ комнату пронеслись рысью ребята, игравшіе въ лошадки. Ихъ визгъ зажогъ сразу всю тлѣвшую, въ разныхъ мѣстахъ чиновнаго тѣла, злобу, и сбросилъ отца съ кровати.

— Я до васъ доберрусь, просипѣлъ онъ и помчался за ребятишками по залу.

Здѣсь ему встрѣтилась жена, съ розгой въ рукахъ догонявшая крохотную дѣвченку, бѣжавшую, растопыривъ руки и безъ крика, отъ испуга разинувъ ротъ.

— Погодите, любезные!.. Я ввасъ!.. При этомъ отецъ поймалъ одного мальчугана за вихоръ, одной ногой придавилъ въ углу вѣникъ и свободной рукой выдернулъ изъ него прутъ.

Начался пискъ, дранье. Ребята заступались за несчастныхъ, плакали и вытье усилилось.

— Папашичка, голубчикъ...

— А! и тебѣ хочется... Изволь!..

И родитель хваталъ за вихры другаго... Чѣмъ болѣе прутъ свисталъ въ воздухѣ, тѣмъ болѣе отецъ входилъ во вкусъ и дѣйствительно наровилъ содрать не менѣе семи шкуръ. Ребятишки бросались на чердакъ, въ баню, въ погребъ, на сѣновалъ; за ребятишками бросались туда и родители.

Черезъ полчаса и отецъ и мать усталыми шагами возвращались со двора, и въ изнеможеніи падали на кровать, заткнувъ розги за зеркаломъ, или вообще на видномъ мѣстѣ.

— Ухъ... Усталъ!..

— Измучили совсѣмъ... стервецы этакіе!

А ребята сидѣли въ амбарѣ и голосили о грѣхахъ своихъ.

Случись тутъ Семениха, да вообще какая нибудь отводящая рука, поставили бы самоваръ, и ребята были бъ цѣлы.

Заручившись такимъ образомъ, гдѣ нужно, Семениха смѣло принималась за свои ходатайства, но при этомъ далеко хоронила свою смѣлость отъ начальственнаго взгляда, твердо зная, что повиновеніе и почтеніе кому нужно, — вещи не безполезныя.

Подступаетъ рекрутскій наборъ. Пронесся слухъ, что кто-то вывелъ мѣломъ на воротахъ одного дома, стишокъ: „радуйся, воръ, близко наборъ.“ Нѣкто насажалъ на воротахъ двухтесные

гвозди, и распустилъ слухъ, что это отъ безкорыстія: мужики все къ нему ходятъ; пускать не приказалъ, черезъ заборъ полѣзли, такъ это все отъ этого... А на дворъ Семенихи валятся мужичьи дровни; полна народомъ горница, полна кухня, на палатяхъ, на печи — вездѣ народъ... Семениха ласково принимаетъ всѣхъ, горюетъ общимъ горемъ, и благословясь принимается хлопотать по начальству. Собираетъ она горемычныхъ отцовъ, надѣваетъ свою заячью шубку, и плетутся они раненько куда нужно. Семениха идетъ впереди мужиковъ коноводомъ, и все размышляетъ, какъ бы лучше этому дѣлу пособить? Съ этою цѣлію она часто оборачивается къ мужичкамъ, останавливаетъ и даетъ имъ разные совѣты:

— Тутъ скоро, милые мои, говоритъ она, совѣтникъ живетъ... У него теперича кучеру приказъ, бытто не пущать... Ну это только для виду... авось неровно кто къ самому сходитъ, обжалится, дескать, у совѣтника не пущаютъ, избили... это имъ лестно... Вотъ они и наровятъ кому ни есть, что разсадить: зубы тамъ, али-бы еще гдѣ... Ну, а вы, дѣтушки, сложитесь по семиткѣ, да кучеру ихнему Петру Петровичу и дадимъ... Авось Богъ дастъ...

Просители вынимаютъ гривны, и шествіе продолжается.

Семениха идетъ, идетъ и опять обернется.

— Вы вотъ что!.. Кто ежели изъ васъ пилъ вино—скажите.

Мужики мнутся.

— Вино пили...

— То-то... Онъ этого не любитъ, чтобы ни-ни...

Слушаютъ.

— И ежели говорить что будешь, сейчасъ голову заноси набокъ... чтобы ни дохнуть... потому сивищей этой... тьфу! претъ!.. А онъ сичасъ носомъ туды — сюды: „что такое? кто смѣлъ? позвать!“

Семениха вертѣла носомъ, и представляла совѣтника... Опять шли.

У воротъ Семениха погремѣла кольцомъ, и при этомъ говорила мужикамъ:

*

— А вы, други мои, зубы ты заслоните горсточкой... Ну-ко неравно восхотятъ они...

Кучеръ отпираетъ калитку и принимается пихать народъ обратно, но ему суютъ пятаки, и скоро мужики заслонивъ челюсти проходятъ черезъ дворъ въ совѣтницкія сѣни.

Здѣсь уже биткомъ набито народу; словно на святой недѣлѣ ждутъ скоро-ли отворятся двери, только жданье это безъ сомнѣнья не съ такими свѣтлыми чувствами. Кучеръ, пока не звонятъ у воротъ, толкается въ сѣняхъ. Старички робко пытаются завесть съ нимъ разговоръ.

— Я чай, жутко по перву-ту началу?.. спрашиваетъ одинъ.

— Нѣтъ нашъ баринъ добрый.

— Ну все чай... должность большая у яво...

— Это точно. Съ перву началу — точно... бытто оторопь... съ непривычки.

— Такъ-такъ...

— Бывало дрожишь... Трясъ такой тебя хватаетъ — стрась.

— Такъ-такъ.

— Ну, теперь привыкли.

Въ это время Семениха шепчетъ своимъ кліентамъ:

— Какъ передъ яво... сичасъ въ ноги...

Изъ кухни кухарка выкатила бочку со щелокомъ, въ которомъ сипѣлъ кирпичь. Мужики бросились въ сторону...

— Легша, легша.... заоралъ кто-то изъ угла... Эво приперли...

Семениха первая пробралась въ переднюю.

Мужики рухнули на колѣни.

— Рано, рано, никого нѣту... Эко грохнулись... — шепчетъ имъ Семениха.

— Что тамъ за трескъ? Затворите дверь!.. послышался изъ сосѣдней комнаты совѣтницкій голосъ...

Скоро однако совѣтникъ вышелъ въ халатѣ, сѣлъ на стулъ и стаканъ чаю на колѣнкѣ держитъ. Семениха первая опускается на колѣни, подстилая на земь полу шубки.

— Ѳедоръ! Кузьма! шепчетъ она мужикамъ и кланяется совѣтнику въ ноги.

— Явите божескую милость!

— Какъ Богъ такъ и вы!

— Батюшка заступникъ... твердили мужики, а совѣтникъ молча смотрѣлъ на нихъ, какъ должное принимая божескія почести и прихлебовалъ съ блюдечка чай.

Вслѣдъ за Ѳедоромъ и Кузьмою, Семениха подводила и другихъ кліентовъ и съ тонкостію излагала въ чемъ дѣло, не забывая стоять постоянно на колѣняхъ.

За ней вползали новые просители, вводили охотниковъ, нѣсколько бабъ выло и причитало.

И съ своими горемычными Семениха мытарилась въ эту пору дни и ночи. Къ ней адресовались охотники, шли рукобитья; она сама зоркимъ глазомъ слѣдила чтобъ охотникъ, взявшій послѣднія мужицкія денжонки, какъ нибудь не улизнулъ... Тутъ же передавались квитанціи, шли могарычи и проч.

Такая бѣготня и возня шла вплоть до самаго пріема, и очевидно, она была небезвыгодна для Семенихи... Но среди неизбѣжнаго горя, теплое слово бываетъ дорого. Благодарность Семенихѣ иные посылаютъ хоть зато, что лишившись дѣтей, что было неизбѣжно, они, благодаря ей, не лишились своихъ стариковскихъ зубовъ.

Сидитъ Семениха у чиновницы Бѣлкиной, и пьютъ они чай.

— Шла я изъ рядовъ, говоритъ чиновница, вокругъ пріему: — что народу-то тамъ!..

— Охъ, не говори...

— Такое вытье!.. Чтожь ты чаю-то?

— Не пьется что-то...

Семениха вспомнила, что въ форточку отъ Бѣлкиныхъ слышно, какъ около пріема воютъ бабы, потому что палатка была не далеко. Она встала на стулъ, открыла форточку, и, дѣйствительно, сначала стонъ чуть-чуть слышался, но вѣтеръ дунулъ въ лицо, и ухо ясно различило въ принесенномъ воплѣ тысячи воющихъ душъ, словно посаженныхъ въ печь огненную и въ неистовствѣ разинувшихъ свои пасти.

— Охъ мать... Я пойду потолкаюсь произноситъ Семениха съ смертельною болью въ сердцѣ.

— Чтожъ... и Федю прихватите... Фекла! одѣнь Федю-то. Федю ловили гдѣ нибудь въ саду съ салазками, и отчистивъ отъ снѣгу, вели къ пріему. Напути попадались рекруты съ рябыми лицами, къ которымъ такъ не шли черныя наушники и мелкія, плоскія фуражки; черезъ улицу переѣхали мужичьи сани, въ которыхъ сидѣли пьяные мужики, одинъ безъ чувствъ лежалъ въ саняхъ, а ноги его волочились и подскакивали по снѣгу.

Семениха тащила Федю черезъ рекрутскій дворъ запружоный мужичьими санями и сажала его на окно. Въ окно было видно, какъ въ широкую и свѣтлую комнату, наполненную разными господами въ мундирахъ, ввели голаго мужика и поставили подъ станкомъ. У мужика было на груди отъ загара черное пятно; лицо было блѣдно и на глаза свѣсилась прядь бѣлокурыхъ волосъ которыхъ мужикъ поправлять въ эту минуту не думалъ, потому что дрожалъ всѣмъ тѣломъ. Особенно дрожали руки и пальцы, мозолистыя и острыя колѣна подгибались. И въ это время, какой-то человѣкъ, приподнявшись на цыпочки, провелъ между теменемъ мужика и верхней доской стѣнки бѣлый листъ бумаги. Должно быть эта операція страшно перепугала мужика, потому, что онъ рухнулся на колѣни...

— Боюсь! закричалъ мальчуганъ и бросился къ Семенихѣ, которая стояла вся въ слезахъ.

И жила такимъ образомъ Семениха долгія годы. Впослѣдствіи никто не называлъ ее иначе, какъ „матушкой“.

— Слава Богу при пяти управляющихъ состою, — не брезгаютъ.

Въ своемъ прошломъ она могла вспомнить, что не разъ тотъ или другой генералъ сажалъ ее съ собой за одинъ столъ.

Безпокойство она терпѣла только отъ сосѣдскихъ мальчишекъ дѣтей учителя гимназіи, которые часто забирались на ея крышу и производили тамъ буйство.

Когда она умерла многіе чиновники говорили трогательныя рѣчи....

ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Осень тянулась долго; цѣлыя дни и ночи лилъ дождь, щолкалъ капель и слякоть на улицахъ дѣлалась все ужаснѣе, грозя потопить весь городъ. Бабы думали, что зимы совсѣмъ небудетъ, полагали, что гдѣ нибудь морба-холера началась или что нибудь подобное, —только не къ добру и пугались... Но зима таки пришла, и заковала все сразу: еще вечеромъ была настоящая грязная, дождливая осень, а утромъ царствовала зима: снѣгу, правда, небыло, но морозъ сковалъ всѣ взрытые посреди улицъ колеи грязи, и по поверхности замерзшихъ лужицъ мальчики смѣло катались на ногахъ. Чрезъ городъ шолъ обозъ; мужики, застигнутые въ расплохъ морозомъ, обвязывали свои головы платками поверхъ шапокъ и хватались за колѣна, слегка прикрытыя короткими прохудившимися полушубками. Телѣги плохо подвигались впередъ потому, что многія колес вовсеѣ не вертѣлись...

Скоро повалилъ снѣгъ и настала настоящая зима.

Смеркается зимой рано.

Часу въ пятомъ вечера, на западѣ горѣли какія-то красныя, слишкомъ студенныя пятна; полусонныя вороны тучей поднимались съ крыши присутственныхъ мѣстъ, почему-то такъ любимыхъ ими; каркая проносились надъ городомъ и напути разсыпались по обнаженнымъ сучьямъ деревъ, торчавшихъ въ садахъ, среди глубокаго снѣга. Въ эту пору, движеніе въ Барановой улицѣ

затихаетъ; тьма быстро сходитъ на землю и кое гдѣ зажигаются огоньки. Въ домахъ въ это время закрываютъ ставни: во тьмѣ слышенъ скрипъ по снѣгу валенковъ, хлопанье ставней и стукъ кулака въ баутъ. Улица начинаетъ замѣтно пустѣть, все живое словно замерзаетъ и коченѣетъ... Только и копошится толпа мальчишекъ, втаскивая длинную ледянку; задыхаясь и дѣлая широкіе шаги взбѣгаетъ вся толпа на вершину покатой улицы и чрезъ минуту мчится снова размѣстившись одинъ за другимъ; они размахиваютъ руками, подталкиваютъ ледянку ногами и въ это время говорятъ всѣ разомъ; между тѣмъ ледянка и начинаетъ забирать въ сторону, врѣзывается въ сугробъ и скоро вся орава лежитъ на снѣгу, заливаясь звонкимъ смѣхомъ... Катанья въ хорошую погоду продолжаются долго, но сегодня, что-то скверно и поэтому гуляки скоро разбредаются по домамъ.

Въ домѣ чиновника Гайкина, помѣщавшемся на концѣ улицы, давно отпили чай, о чемъ свидѣтельствовали опрокинутыя чашки, залитая скатерть, мокрые куски хлѣба валявшіеся по столу тамъ и сямъ; въ комнатѣ было темно, свѣчку заслоняль большой самоваръ, допѣвавшій въ эту пору свою, такъ недавно еще бурливую пѣснь; пѣніе его неудавалось; онъ принимался снова начинать въ разныхъ тонахъ, но на первыхъ же порахъ конфузился, замолкалъ, и черезъ нѣсколько времени затягивалъ снова, на другой ладъ, чтобы замолчать опять...

Около стола, въ тѣни самовара, сидѣла жена чиновника, дожидаясь пока встанетъ мужъ, мѣрно храпѣвшій за ширмами; пѣнье самовара, приковывало всѣ мысли задумавшейся чиновницы и думы эти такъ же печально бѣжали въ ея головѣ, какъ жалобно пѣлъ самоваръ.

— „Вотъ зима, думала чиновница, холодъ... ребятишкамъ надо шубенки... чулки теплые... а гдѣ взять?.. Все больше да больше... не напасешся... одни башмаки одолѣютъ.... Неуспѣютъ надѣть, подавай новые... каторга! Не дать,—жалко,—не подкидыши какіе нибудь... свои... мать тоже,—какъ не наесть — а любишь, — не кинешь, не убѣжишь... Тутъ вотъ еще новаго жди... Кто-то будетъ: мальчикъ, либо дѣвочка... Богъ знаетъ...“

А самоваръ поетъ и поетъ... Словно ямщикъ свиститъ во вьюгу въ полѣ, посвистываетъ и онъ...

— „Мальчика-бы, думаетъ опять чиновница, съ мальчикомъ хлопотъ и возни меньше, съ дѣвочкой возись... Когда-то съ рукъ сбудешь... Когда-то еще выростетъ, и гдѣ жениховъ найдешь... Женихи-то, по нонешнему времени рѣдки... Нѣтъ что бы пристроиться, все больше—вѣтеръ ходитъ, — ни постоянства, ни степенности... Ловить ихъ надо,—а какъ его поймаешь?. Женихъ—не блоха... Блоху и то трудно поймать, а жениха невпримѣръ... безъ приданаго трудно... Нѣдъ, мальчикъ лучше... Того только знай когда сѣчь и сѣки, а ужъ онъ дорогу найдетъ — выскребется изъ бѣды...“

— Что это онъ въ самомъ дѣлѣ спитъ-то? говоритъ чиновница въ слухъ... Иванъ Егорычъ!... Чай давно отпили, — простылъ совсѣмъ самоваръ...

Иванъ Егорычъ всхрапываетъ отрывисто, словно чего испугавшись во снѣ и не отвѣчаетъ.

— „Заспался,“ рѣшаетъ чиновница и думаетъ: „А дѣвочкѣ хорошо какъ мужъ попадется... Да коли хорошій человѣкъ будетъ... За чиновника выйдетъ — бить будетъ, пьянъ кагда напьется — нѣтъ хуже... За купца — тоже бить будетъ... Убѣжать отъ мужа?—куды отъ него убѣжишь... Поймаютъ вдвое дадутъ... А тамъ ребяты пойдутъ, — жалованье не большое, самое жалованье въ обрѣзъ,—доходовъ нету, нониче господа сами хлопочутъ, бывало откупаются, — теперь все сами... Ребятъ наплодитъ чѣмъ жить?...“

Самоваръ вдругъ началъ хрипѣть, словно извѣщая, что концертъ далѣе продолжаться не можетъ и пѣвецъ въ изнеможеніи... Чиновница сразу встала со стула и принялась будить мужа...

— Что это въ самомъ дѣлѣ всякій разъ-ждешь-ждешь, самоваръ кипитъ-кипитъ... Иванъ Егорычъ!...

— Не хочу! необыкновенно скоро и очень не внятно проговорилъ мужъ...

— Встанешь-чтоль? Слава Богу, — съ третьяго часу завалился до коихъ поръ... всѣ напились давно...

Мужъ ровно сапѣлъ обернувшись къ стѣнѣ.

— Ну, какъ знаешь... Не пеняй!...

Чиновница подозрѣвала, что мужъ слышитъ.

— Какъ хочешь... Не встаешъ и не вставай... Скажу самоваръ убирать...

Мужъ не отвѣчалъ.

— И сиди безъ чаю... До двѣнадцатаго часу, что-ль держать? И такъ никакого порядку нѣтъ... У другихъ всѣ разомъ отопьютъ, — тихо, смирно.... а у насъ какъ постоялый дворъ....

Чиновница начинала входить въ раздражительный тонъ.

— Одинъ придетъ, другой уйдетъ,—пять самоваровъ что-ли ставить? Ты хоть бы для примѣру.... хозяинъ ты называешся или нѣтъ? Хозяинъ! протянулся какъ колода — нечего сказать-примѣръ!... Кто-бы состороны посмотрѣлъ, — похвалилъ бы. До седьмаго часу, — легко сказать!... Будишь, будишь...

— Отстань! гаркнулъ мужъ...

Чиновница сразу замолкла, ибо при концѣ своего монолога начинала думать, что мужъ не слышитъ и говорила единственно только ради того, чтобы высказать накипѣвшія на душѣ обиды.

— Зуда! добавилъ мужъ, когда чиновница снова сидѣла у самовара... ду-ду-ду-ду-ду-ду... Минуточки покою недадутъ...

— „Какого еще покою“ подумала злобно чиновница... „заплыли глазища отъ дрынли... все безпокойно...“

— И бери свой самоваръ! очень нужно... тише и скромнѣе заключилъ мужъ, укладываясь покойнѣе и закрывая глаза.

Чиновница молчала и думала: — „Возми-ко самоваръ-то, — самъ послѣ будешь зудѣть: хозяину глотка́ чаю недали; пою, кормлю, — а самъ все съ голоду...“ И самоваръ остался на столѣ. Чиновница была обижена и по этому впала въ какое-то тупое, бездумное состояніе, которое у ней иногда ни съ того не съ другаго, разрѣшалось слезами. Она встала и вошла въ дѣтскую.

Эта была небольшая комнатка, биткомъ набитая дѣтскими кравaтками, люльками и наполненная какимъ-то кислымъ воздухомъ, потому, что здѣсь на веревочкѣ, протянутой около печи

сушились дѣтскія одѣяльца, пеленки и проч. Стѣны были ободраны, въ особенности около дѣтскихъ постелей; изъ подъ болтавшихся лоскутьевъ шпалеръ виднѣлись какія-то мелко исписанныя бумаги, линеванныя бланки, газетныя объявленія и проч. въ углу висѣлъ длинный и темный образъ, а съ боку, на стѣнѣ около гвоздя, къ которому цѣплялся шнурокъ отъ лампадки, темнѣло большое пятно, нахватанное масляными пальцами. Дѣти шумѣли, тащили кошку, или кричали, вцѣпившись другъ другу въ волоса и невыпуская ихъ изъ рукъ; другіе, съ болѣе мирными наклонностями, устраивали изъ стульевъ театръ, и представляли Петрушку, котораго они еще въ прошломъ году видѣли въ балаганѣ у Спаса на хлѣбной площади, во время масляницы.

— Марья, сказала чиновница, что ты дѣтей-то не остановишь?

Старая нянька поднялась съ кровати и самымъ беззащитнымъ голосомъ заговорила:

— Да барыня! Какъ я за ними угляжу? Кабы одинъ... Вить ихъ не одинъ — слава Богу! Мнѣ не разорваться... Нѣшто у меня сто рукъ-то: одинъ-то, другой-другое... Голова кругомъ пойдетъ...

— Вотъ погодите, сказала чиновница, совершенно спокойнымъ тономъ, чтобы только что нибудь сказать, — погодите, — встанетъ отецъ, — онъ васъ...

— Одинъ туды, другой суды... У меня и такъ ноги не ходютъ...

Дѣти притихли, но враги, вцѣпившіеся другъ другу въ волоса, не выпускали ихъ изъ рукъ и стояли молча, выжидая, когда можно будетъ снова приступить къ потасовкѣ.

Настало молчаніе; въ углу тихо поскрыпывала люлька и надъ ней засыпала кормилица.

— Гдѣ это наша Ѳедосья? спросила чиновница. Пришла она?

— Пришла... Въ куфни грѣется... сказала нянька.

— Что это, хоть бы ее позвать, что-ли ужь... скука такая...

— Семъ я сейчасъ позову...

— Позови... Я ей чайку налью... Расказала бы, что нибудь, — рань такую ложиться, — незаснешь...

Нянька встала, положила на кровать почернѣвшій шерстяной чулокъ, со спицами и клубкомъ, и направилась въ кухню...

Ѳедосья Гавриловна, или по просту Гаврилиха,—была богомолка; цѣлые десятки лѣтъ ходила она по святымъ мѣстамъ и въ ея коробочкѣ (изъ подъ жидкой икры), можно было найдти разныя драгоцѣнности, взятыя на самомъ мѣстѣ святыни и крѣпко хранимыя, какъ воспоминаніе объ нихъ: тутъ были богородицыны слезки, вата отъ Иверской, песокъ изъ кіевскихъ пещеръ, пузырекъ почаевской воды, съ выдавленной на стеклѣ ножкой и проч. и проч. Во время долгаго хожденія своего по Руси завела она въ разныхъ городахъ, у купцовъ и чиновниковъ въ достаткѣ, знакомыхъ и заходила къ нимъ зиму зимовать; но наставала весна, вѣяло тепломъ и Гавриловна путешествовала снова, награжденная какимъ-нибудь рублемъ и строгимъ наказомъ помянуть въ Ахтыркѣ, раба Божія Кузьму со чады... Приходъ Гавриловны на зимовку, всегда былъ радостенъ: мало-ли раскажетъ она чудесъ, которые совершились тамъ и сямъ на Руси, и про которые мы, навѣки прикованные къ городу, ничего не слыхали? А Гавриловна все это представитъ какъ по писанному. Казалось, что она вовсе не старѣла; одежонка ея не мѣнялась, не худилась и не особенно маслилась; не объ какихъ недугахъ незнала она, и хворала только послѣ долгаго осѣдлаго житья. Къ концу такого житья, она обыкновенно успѣвала пересказать все видѣнное въ теченіи года, и отъ нечего дѣлать, начинала впадать въ сплетни. Уличала кухарку въ нехорошемъ дѣлѣ, кучера въ кражѣ овса и проч. По всему дому затѣвался содомъ, — никто ничего не понималъ, — ругались всѣ напропалую, и дѣло большею частію разрѣшалось тѣмъ, что у самой Гавриловны враги находили какую нибудь барскую вещицу: ложку чайную, платокъ носовой или что нибудь подобное. Содомъ затѣвался втрое сильнѣйшій и Гавриловна, обиженная и страдающая за Господа, торопливо надѣвала на себя котомки и узелки, прощала всѣмъ грѣхи и обиды (причемъ кучера и кухарки начинали плакать),—и уходила на богомолье...

— Зачѣмъ ты странствовать-то пошла? спросили ее...

— А затѣмъ и пошла, что съ людьми никакого ладу нѣту... Я, милые мои, съ самаго съ измальства въ господскомъ домѣ жила, потому, ежели по правдѣ посудить,—и сама-то я господской крови, не мужичей...

— Какъ такъ?

— Случай такой... При Французи еще... Шолъ на нашу деревню французъ въ тѣ поры... Барыню въ городъ отвезли, а дѣвки то съ бариномъ остались... и мать мая тутъ... Слышимъ-послышимъ скоро надоть французу подступать... мать это мнѣ разсказывала,—начали, говоритъ, мы робѣть... Такъ робѣемъ, такъ робѣемъ—невозможно сказать,... Вотъ однова баринъ и говоритъ, „идите, говоритъ, дѣвки ко мнѣ въ покои, всѣхъ я васъ отъ плѣну свобожу...“ Они обнаковенно въ тѣ поры что понимали? Дуры какъ есть были... и пошли...

— Ну, родилась я тутъ, — барыня добрая, взяла она меня въ комнаты на обученіе... Бездѣтные они были.... Стала я подростать, все примѣчаю, все примѣчаю... Вижу людишки крадутъ, воруютъ... тащутъ... Я сейчасъ, тихимъ манеромъ барину али-бы барынѣ: такъ и такъ... А господа нѣшто хвалятъ за это?—драть!... Обдерутъ его вора какъ лучше, пріутихнетъ онъ, а потомъ опять тѣмъ же порядкомъ: и хлѣбъ волокутъ, и мясо волокутъ... А я опять и опять драть его на конюшнѣ... За это-то меня и не возлюбили; всякую пакость мнѣ дѣлаютъ; я терплю, думую, Господь за правду терпѣлъ,—семъ и я... Все терплю: Только однова поворъ... была у него собака... Вышла я разъ на крыльцо, кольцо поднять, барыня въ окно уронила,—а поворъ собакѣ: „кусь“ „кусь“. Собака какъ прянетъ, цапъ меня... За носъ... Такъ уродомъ и осталась...“

„Залилась, я, милые мои, слезами, плачу причитаю: какъ безъ носужить? какъ на народъ глядѣть? Такъ-то-ли горько рыдала: думаю: Господи! хашъ у тебѣ правду найду настоящую... Взяла одѣлась, обулась въ худенькій кафтанишко, простилась съ селомъ съ полями, съ лѣсами: „прощайте лѣса, прощайте поля, прощай мать сыра земля, прощайте птицы лѣсныя, звѣрье всякое...“ Вы-

шла за село, заплакала, поклонилась барскому дому, да церкви Спасъ Прибараженія,—и пошла...“

— И много чай, старушка, исхадила?

— И милые, гдѣ-гдѣ я не была! Чего чего невидала!!.. говорила обыкновенно Гавриловна, и тутъ же принималась разсказывать.

Гавриловна, цѣлый день слонявшаяся по обѣднямъ и купцамъ поздно вечеромъ воротилась въ домъ Гайкиныхъ, и разувшись лежала на полатяхъ... Въ кухнѣ было тихо; работница дремала въ углу, подпирая щеку рукою; кучеръ сидѣлъ около стола и чесалъ волоса, которые въ настоящую минуту закрывали всю его физіономію. Изъ рукомойника капала въ ушатъ вода и за печкой перекликались сверчки.

— Ну чтожъ ты все такъ и странствуешъ? хладнокровно спрашивалъ кучеръ, поднося гребень къ свѣту, и раздвигая пальцами волосы, застилавшіе глазъ.

— Все и странствую.

— Дѣло доброе!.. А вотъ къ слову про одново человѣка... Странствовалъ онъ тоже,.. только пожилъ у насъ съ недѣлю мѣста: хвать—въ бани вьюшекъ нѣту...—„Гдѣ вьюшки?“—Нѣту. Кто? Какъ?—Туды-сюды, дознали—странникъ! въ шею!.. Вотъ они странники-ты... Иному въ острогѣ надо быть, ежели по строгости,—а онъ странствуетъ.

— Эко мелево! Эко мелево! въ негодованіи воскликнула кухарка. Что мелешь? Про кого ты такія слова говоришь?..

— Нешто я вру.

— И есть врешь... Про Божьяго человѣка какіе разговоры разговариваешь?..

— За это, милые, вмѣшалась съ палатей Гавриловна,—за это милые мои страсть какъ...

— О?..

— Передъ Богомъ! Спокайсси да поздно...

— Ну стало быть и шабашъ. Надоть терпѣть...

Кучеръ продолжалъ чесать волосы, шумя гребешкомъ.

Гавриловна ворочалась на полатяхъ и отъ времени до времени произносила.

— Какъ такъ можно обзывать... Это невозможно... За это какъ достается-то и—и—и...

Въ это время въ кухню вошла нянька и позвала Гавриловну.

— Пойди, барыня чайку дастъ.

— Охъ—пила я...

— Ну все равно, соскучилась очень. Поди.

Гавриловна, кряхтя, начала слѣзать съ полатей, заботясь какъ бы на виду кучера не зацѣпиться за нихъ подоломъ и потомъ вмѣстѣ съ нянькой отправилась въ горницу.

Кучеръ кончилъ свой туалетъ, долго думалъ за что приняться и наконецъ рѣшился пойдти въ горницу послушать: какъ будетъ Гавриловна разсказывать. Осторожно ступая своими огромными ногами и бокомъ пролѣзая въ дверь, подкрался онъ къ дѣтской, и схоронился за притолкой, выставляя въ дѣтскую только голову. Тутъ же около дверей толпились кухарка, горничная и еще неизвѣстно какая-то баба; Гавриловна сидѣла на полу, у печки, протянувъ свои худыя ноги, обутыя въ башмаки плетеные изъ покромокъ солдатскаго сукна, кругомъ ее лѣпились ребята, на кровати сидѣла барыня, и все это внимательно слушало разсказы старухи.

„...Ну говорила она, иду я, милые мои, изъ Звенигорода къ Миколи можайскому. Въ сумочкѣ у меня тридцать пять рублей денегъ,—зиму зимовала я въ Москвѣ у купчихи у Скандыриной и платила она мнѣ за труды; денегъ этихъ я ничуточки даже ни тратила: думаю къ Соловецкимъ монастырямъ пойду. Ну иду. Товарокъ со мной не было, иду одна. Только на дорогѣ вижу идетъ старушка.—Здрастуй, здраствуй.—Куда?—туда-то. —И я. Пойдемъ вмѣстѣ. Пошли. Шли-шли,—а старушка и говоритъ, тихимъ такимъ голосомъ: —Прочіе, говоритъ, вокругъ себя деньги—паспорты обшиваютъ?“

— „Какія у меня деньги, говорю... Христовымъ именемъ гогорю не разживесся.

— „Да такъ, такъ.

„Идемъ. Приходимъ мы въ деревню, вечеромъ ужъ было, зашли въ избу: старая баба въ печи парится. Очень меня охота взяла попарится, — кости болятъ и ноги и руки“ — Раба, говорю, Божія, — семъ мы странницы малость попаримся. — „Да вы не бѣглыя?“ — Нѣтъ, говоримъ, мы Божіи.“ — „Ну парьтесь.“ Раздѣлась моя товарка и вижу я вся-то она въ рубищѣ. Рубашка рваная, въ узлахъ... Жаль мнѣ ее стало, говорю — „нà рубашку“. Свою ей рубашу дала. Попарились мы, вылезли, — ноги, руки у меня заныли, легла я спать на палати. И въ тую-жь минутую заснула. Только слышу кто-то лѣзетъ. Перепужалась я, думаю кто такое? Господи Іисусе Христе? — Кто здѣсь? Никто не говоритъ, а чую я, что есть надо мной кто-то. — Кто здѣсь? Врагъ сатана, откочнись отъ меня. — Сплю я опять. Товарка на лавкѣ, тоже, слышу, сапитъ... Только въ просонкахъ кто-то опять меня толкаетъ: — вставай, говоритъ розиня, сумку твою товарка подлая унесла! Всхватилась я: ахъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ. Что такое? Господи. Ничего не здумаю: начались тутъ со мною слабости... Плачу, причитаю: гдѣ паспортъ, тридцать пять рублей денегъ. Вотъ тебѣ: „Прочіе вокругъ себя деньги, билеты обшиваютъ!“ Ахъ ты подлая!.. Матушка Царица небесная зашшити. Одѣлась, побѣжала... Куда бѣжать? Думаю опять старой дорогой.. Пошла къ Звенигороду. Какъ деревня, въ каждую избу иду спрашивать.

— „Не видали-ли тутъ, странница проходила?

— „Какая?

— „Рябая, сумочка у нее кожаная, моя сумочка-то. И все раскажу: шла я, идетъ богомолка; пошли вмѣстѣ: она говоритъ: „Прочіе во кругъ себя деньги, билеты обшиваютъ“... И все по порядку.

— „Ахъ ты дура — дура говорятъ...

— „Не видали-ли?

— „Нѣтъ не видали...

Въ другую избу зайду, разскажу опять...

— Вотъ дурища то! все меня же лаютъ.

Плачу я, иду дальше. Пришла въ Звенигородъ, къ знако-

мому чиновнику въ домъ. А у нихъ пиръ: приказные судейскіе подгуляли.

— „Что тебѣ баба?

— „Такъ и такъ... Иду Богу молится. Встрѣтила старушку, пошли вмѣстѣ — „прочіе, говоритъ, вокругъ себя деньги билеты обшиваютъ.“ Я думала она добрая, а она меня обобрала. Батюшки, зашшитите!..

— „Стой старушка, не робѣй... Говори какую тебѣ бумагу написать?

— Незнаю я. Пишите такую, чтобъ поскорѣе отыскать.

— Поскорѣй? сичасъ. Мы тебѣ, старушка, на гербовой...

„Начали они писать мнѣ, а баба тутъ ихняя распрашиваетъ меня: какъ и что?

„Я все ей расписала: Иду, говорю, къ Миколѣ Можайскому. Идетъ старушка, ну и все по-порядку.

— „Ахъ ты, говоритъ, подлая.

Написали.

— „Снеси ты эту записку на ту сторону, въ лавку къ купцу Гвоздеву; онъ тебѣ скажетъ что нужно.

„Прихожу къ купцу, прочиталъ онъ.

— „Донесешь-ли? говоритъ... Очень много на ветхую бабу взвалить хотятъ; двѣнадцать бутылокъ пива приказано съ тобой прислать...

Залилась я опять; плачу причитаю. Купецъ говоритъ:

— Что такое?

„ Я все разсказала. Купецъ качалъ головой и говоритъ.

— „Ахъ ты подлая!..

„Принесла я бутылки, говорю: Батюшки! Не надругайтесь надо мной. Такъ я обижена. Пособите?..“ Сжалились они, начали писать бумагу, но никакъ не могли написать ничего, потому очень ужъ пьяны были... Человѣкъ пять брались писать, все не выходитъ... Пера не могутъ держать... Одинъ подходитъ и говоритъ...

— „Пусти я.

„Тотъ чиновникъ пустилъ. Этотъ началъ выводить перомъ: ахъ, говоритъ, жаль старушку!..“ Вижу я, что и этотъ ничего не

можетъ, только думаю: авось какъ-нибудь, а онъ вдругъ какъ вскочитъ да ко мнѣ:

— Тебѣ чего тутъ?

Злой, вижу, — такъ и пышетъ...

— Такъ и такъ...

А онъ:

— Ты думаешь на тебя суда нѣту? Сейчасъ ты у меня подлая въ острогѣ сгніешь! Ахъ ты шкура! какого тебѣ дьявола тутъ возможно написать?.. Ты кого безпокоишь?.. Кричитъ милые мои, словно разсудку рѣшился. Услыхали товарищи, подошли, начали меня всячески обзывать. Я плачу.

— Обыскать ее, кричатъ, подлую...

— Можетъ она фальшивая...

Я бѣгомъ... Они за мной... Одинъ кто-то кричитъ:

— Въ гробъ заколочу, бродягу...

Выскочила опять въ поле, сѣла на распутьи, какъ бѣсъ какой выла — выла, думаю: куда бѣжать? Пойду опять къ Миколѣ Можайскому... Иду-иду да заплачу; вдарюсь объ земь, вою... Подхожу къ Можайску, — рѣка... Время было — весна самая; ледъ хрупкій, жолтый; думаю какъ перебраться на ту сторону? Ну, провалюсь? Перекрестилась — поползла ползкомъ и все причитаю: „угодники Печерскіе, угодники Периславскіе, угодники Соловецкіе, Воронежскіе, ты Микола Можайскій — пособите старушкѣ... Не потопите ее грѣшную, безъ покаянія, безъ причастія.“ Переползла... Думаю: подсобили угодники Божіи... Прихожу въ Можайскъ къ купчихѣ знакомой. Плачу причитаю...

— Что ты?

— Такъ и такъ... Иду дорогою, вижу старушка... „Прочіе, говоритъ, вокругъ себя деньги паспорты обшиваютъ...“ Я думала она добрая, а она меня обобрала... и все по порядку разсказала.

— Ахъ-ты, говоритъ, подлая... Чего жь ты смотрѣла?

— Не видали-ли говорю богомолки такой-то вотъ?.. рябая она...

— Рябая?

— Рябая... Сумочка кожаная... Моя сумочка-то...

— Видѣла рябую... Она у меня теперь гоститъ.

— Матушка милая! — покажите ты мнѣ ее... Замолилась я, тутъ себя не помню.

— Она, говоритъ купчиха, теперь у заутрени (а дѣло было въ самую рань). Я къ заутрени. Вошла въ церковь, купила свѣчку, зашла съ переди; сама ставить начала, чтобы мнѣ съ переди-то ее разсмотрѣть, вижу — бытто она... Хорошо-то не разгляжу, — въ зимнемъ предѣлѣ въ то время служили, церковь темная... Семъ, думаю, рядышкомъ съ ней стану помолюсь. Стала; она въ землю и я въ землю... Смотрю смотрю — она! — „А, шлюха, думаю, червивое твое мясо“, а сама все молюсь... Отошла заутреня, выходимъ мы на паперть,,я, какъ вцѣпилась ей въ виски... завыла...

— Батюшки! защитите! бьютъ меня! странницу! невинную!..

— Воровка ты, кричу, подай сюда сумку каторжная... Вотъ зачѣмъ: „прочіе во кругъ себя деньги билеты обшиваютъ“ а?

„Собрался народъ, я за сумку тяну. Начали мы судъ судить. Купецъ какой-то подошелъ говоритъ мнѣ: „коли твоя сумка, скажи что въ ней.“ Я начала: „платокъ клѣтчатый, паспортъ, Ѳедосьи Гавриловой, Чернскато уѣзда, Тульской губерніи...

— „Гляди!

„Посмотрѣли въ сумку — такъ точно.

„Тогда купецъ говоритъ воровкѣ.

— „Моли Бога, что я сегодня именинникъ, а то я бъ тебя шкуру, въ казаматѣ сгноилъ бы...

„И ушолъ. Воровка плачетъ; сумку мнѣ отдала. Начала я считать деньги, — вижу три мѣдныхъ гривны... Бросила ей — не мои. Тутъ зачала она у меня прощенія просить: прости да прости. Я сощитала деньги — всѣ. — Ну, говорю, Богъ съ тобой... Пошли мы съ ней вмѣстѣ къ купчихѣ. Воровка все плачетъ, — прямо ей въ ноги — прости вишь ее. Никогда такого грѣха не было, а тутъ врагъ совратилъ: цѣлую ночь, говоритъ, показывался; глазищи зеленые, и все шепчетъ: соблуди!..“

Ну, тутъ ее всѣ простили. Купчиха говоритъ; — Я сей-часъ увидала, что ты недобрая женщина. Зачѣмъ ты сумочку, какъ пришла, подъ лавку сунула?..

*

— Вотъ-тѣ прочіе: „деньги обшиваютъ!...“

Пожила я тутъ деньковъ можетъ съ пятокъ, опять въ дорогу...

— Погоди, перебила чиновница, — я пойду мужа разбужу, пусть онъ послушаетъ... онъ это любитъ.

— Разбуди.

Чиновница пошла; проходя темную дѣвичью, она услыхала что кто-то въ углу пискнулъ; ей показалось, что это Аксинья, горничная, и она сочла нужнымъ сдѣлать ей замѣчаніе.

— Аксинья! сказала чиновница съ укоромъ. Что ты маленькая что-ли — хи-хи-хи.

— Да что же онъ трогается, отвѣчала Аксинья изъ тьмы и вслѣдъ за тѣмъ, въ дверь, ведущую въ сѣни, какъ ракета вылетѣлъ невидимый въ темнотѣ кучеръ, фыркнувъ въ самыхъ дверяхъ.

— Маленькіе! разыгрались.

— Нашли мѣсто, добавляла Гавриловна.

Чиновница принимала всевозможныя мѣры, для того, чтобы поднять мужа на ноги, во всѣ усилія были напрасны. Мужъ говорилъ какъ-то несвязно и то по одному слову, такъ что измученная и разобиженная жена наконецъ озлобленно спросила:

— Боишься-ли ты Бога--то?..

— Не боюсь, брякнулъ въ просонкахъ чиновникъ. Жена была поражена словно громомъ; она нѣсколько времени молча стояла надъ прахомъ мужа, думая, что тотъ опомнится и ужаснется своихъ словъ. Но тотъ былъ непоколебимъ, какъ стѣна. Чиновница только могла произнести:

— Ска-ажите на милость!.. а? Какія словечки выучился говорить... Прекрасно!..

Поражонная отвѣтомъ мужа медленно пошла она къ дверямъ и продолжала:

— Вотъ дождались!.. Такъ-то-ли яственно выговариваетъ,— непостыдится, какъ языкъ-то поворачивается, тьфу!

— Ну что? спросила Гавриловна, когда чиновница явилась въ дѣтской.

— Какъ камень... Я ему — то, се, — а онъ мнѣ такое словечко сказалъ...

Чиновница развела руками.

— Мущина, произнесла нянька. Мой тоже покойникъ: иной разъ такое поминанье прочтетъ за упокой родителей... Молчишь...

— Всталъ что-ль? спросила Гавриловна.

— Всталъ! На томъ свѣтѣ проснется развѣ... Разсказывай...

Всѣ снова начали готовиться слушать. Въ это время дверь въ сѣни хлопнула опять.

— Аксинья! ты? спросила чиновница.

Никто не отвѣчалъ.

— И эта туды же улетѣла.

— Поиграться захотѣлось, сказала нянька, съ улыбкой.

— Ну я узнаю, я ей наиграю спину-то... Разсказывай Гавриловна.

— Да вы слушать то устали?..

— Разсказывай, Богъ съ тобой... Что-ты?

— Ну такъ и быть. Вотъ думаю себѣ, пойду я теперечa на Москву, а оттуда въ Соловецкій монастырь. Иду. Все славу Богу благополучно; только подъ самой подъ Москвой иду я пролѣскомъ; проселокъ этакой не ѣзженый и мостикъ ветхенькій, черезъ овражекъ-то... Заблудилась я, чтоль, только народу по этому тракту совсѣмъ не видать... Ну, иду. Взошла на мостъ, какъ откуда ни возьмись — солдатъ... Оборванный, худой, глазищи страшные, жолтый лицомъ.

— Есть сухари?

Перепужалась я говорю: — Есть!..

— Давай?

Начала я развязывать узелокъ.

— Давай, кричитъ.

— Дай развязать то?

— Давай! да и полно! И слышу я, что у него въ брюхѣ раскатится что то, да и хлопнетъ... Не вытерпѣлъ онъ, началъ съ меня самъ узлы рвать... Отыскалъ узелокъ съ сухарями — ѣстъ! И тряпки рветъ зубами и сухари жуетъ на обѣ щеки — голоденъ очень былъ... Вижу схватилъ все имущество мое, — прочь бѣжитъ.

— Пачпортъ-то! Кричу пачпортъ-то... Все возьми...

— Только пикни?

— Голубчикъ? Служивый! Начто онъ тебѣ? Бабій-то видъ?

— Удавлю, кричитъ...

Я опять молить его; ничего не говоритъ — идетъ: вижу выкинулъ изо рту тряпку — вмѣстѣ съ сухарями попала, — и скрылся въ лѣсъ...

— „Что дѣлать? Ничего немогу въ слезахъ издумать, только думаю: Господи! за что? Пойду прямо.... Шла-шла, очутилось предо мною село.... Идетъ баба: — Милая! гдѣ тутъ расправа? — Указала мнѣ баба расправу — пошла я. Сидитъ писарь. — Чего-тебѣ? — „Такъ и такъ... Солдатъ ограбилъ“...

— Писарь подумалъ, говоритъ: Надо допросъ сдѣлать... „Я говорю: Хоть къ присягѣ сейчасъ“... Писарь опять подумалъ.— „Есть у тебя деньги. (А деньги я на груди зашила)“.— „Есть“. — „Сколько?“ — „Два цѣлковыхъ“. — „Клади“... Дала я ему два цѣлковыхъ, написалъ онъ; Придешь, говоритъ въ Москву, объяви по начальству... — Милый, говорю, а что въ Сибирь меня за это не сошлютъ....—Нѣтъ, говоритъ, въ Сибирь не сошлютъ, а что въ острогѣ можетъ попарютъ, — это справедливо“...

Сокрушаюсь я. Пришла въ Москву. Улицы длинные, дома каменные — ничего не разберу; у кого спросить не знаю. Подхожу къ служивому говорю: такъ и такъ: „солдатъ меня ограбилъ, отнялъ все, въ лѣсъ ушолъ, нельзя-ли мнѣ какую бумагу дать?“

— Такъ у тебя нѣтъ виду-то?

— Есть говорю, такъ махонькая записочка.

— Записочка! можно... Пойдемъ! Пошли мы; приводитъ онъ меня въ горницу и говоритъ чиновнику:

— Ваше благородіе! схвачена на улицѣ бродяга...

Чиновникъ посмотрѣлъ на меня: — Посадить, говоритъ ее на хлѣбъ, на воду....

Сижу я въ тюрьмѣ, плачу рыдаю. Дали мнѣ работу — корпію щипать (въ тѣ поры войну воевали). Сижу день, сижу недѣлю. Въ концѣ недѣли идутъ за мной къ допросу — „Какого званія?“ „Женскаго...“ — „Въ какомъ смыслѣ?..“ — Я это все разскажу, за-

пишутъ; опять сижу. Однова выходитъ ко мнѣ женщина; начала я ее молить: Милая! Отыщи ты мнѣ Грузинскую полковницу, съ мужемъ они тутъ живутъ. Была у нихъ въ деревнѣ, гостила, такъ говорила барыня эта мнѣ: приходи говоритъ къ намъ въ Москву.... Отыщи красавица, я тебя награжу. — Есть деньги? — Есть. — Давай цѣлковый отыщу. Дала. Взяла женщина эти деньги — и слѣдъ простылъ. Проходитъ такъ милые мои мѣсяцъ, а можетъ и больше. — Я дни то совсѣмъ перезабыла, ничего непомню. Призываютъ меня въ часть, связали руки веревочкой — повели въ другое мѣсто. Тутъ тоже допросъ пошелъ: „Какого званія?“ „На какомъ основаніи!“ все какъ прежде. Я имъ говорю: у меня солдатъ сумку укралъ — нельзя-ли отыскать, въ сумкѣ и билетъ есть; тамъ это все прописано... — Не солдатъ, говорятъ сумку у тебя укралъ, а ты подлая сама воруешь... Тебя не первый разъ хватаютъ. — „Батюшка, говорю, не въ чемъ не повинна“... — Посадить... Связали руки веревочкой — повели въ другую тюрьму. Сижу я здѣсь мѣсяцовъ пять. Выходитъ однова женщина. — „Милая!“ говорю, сыщи Грузинскую полковницу. Я тебя награжу „Взяла женщина деньги и слѣдъ простылъ! Работу тутъ мнѣ всякую давали: рубашки стирала, — полы мыла, все, все дѣлала, — ни какой ни откуда помочи невижу. А тутъ слышу-послышу бытто дѣло мое рѣшилось, — бытто сказано: пересадить, бабу, на вѣчныя времена въ острогъ. Услыхала я это, — къ частному смотрителю; начала его упрашивать, ноги цѣлую: „Чѣмъ я виновата? за что столько время въ тюрьмѣ неповинно сижу? Ежели-бы, говорю мнѣ Грузинскую полковницу сыскать... — Какую? — Анну Митревну. — Ты ее знаешь?... — Какъ не знать — и все разсказала. — Ахъ говоритъ ты подлая! зачѣмъ-же ты прежде не сказала, я бъ тебя пустилъ-бы на свободу. Я самъ Грузинскую полковницу знаю“.

„Тутъ въ скорости меня выпустили. Уходила я, смотритель говоритъ: совсѣмъ про тебя у меня изъ ума вонъ: дѣло твое пустое, забываешь иной разъ. Скажы ты мнѣ раньше, не сидѣла бы ты въ тюрьмѣ восемь мѣсяцовъ.... Ну, съ Богомъ! Поминай раба Парфирья со чады (это его то).

„Ну такъ я и пошла въ Соловки...

— Экъ тебя тиранили-то сказала чиновница.

— Да, милые, было. Всякій надругается. Всякій наровитъ какъ хуже для тебя сдѣлать.

— О-о?

— Право слово. Покостятъ ни за что. Однова иду, вижу ѣдетъ верхомъ молодецъ какой-то.... Въ полѣ дѣло было. Поровнялся со мной, говоритъ, кротко таково. — Подойдите, говоритъ, старушки праведныя!“ — Я подошла. Какъ онъ меня плетью въ доль всеё спины. — „Поминай Петра“. И ускакалъ. А я лежу на земи, охаю...

Гавриловна нѣсколько времени помолчала и потомъ сказала:

— Ну, пора спать вамъ. Пойдтить себѣ вздохнуть.

— Посиди пока.

— Нѣтъ пойду. Надо идтить. Завтра рано вставать нужно. Настало молчаніе.

— Въ это время въ сѣняхъ что то грохнулось.

— Что такое? сказала испуганно чиновница. Марья! посмотрика. Господи Іисусе Христе.

Марья пошла въ сѣни, и потомъ изъ запертой двери слышно было какъ она сердито говорила.

— Полуношники! Что это такое? Удивительно какъ это въ васъ никакого стыда нѣту... Право! добавила нянька, входя въ горницу и притворяя дверь.

— Что такое?

— Да это наши любезные. Аксютка съ кучеромъ игры подняли. Она на него ушатъ воды со льдомъ вылила, а онъ ее водоносомъ.

— Ишь каторжные! На морозѣ разгулялись, ядовито сказала Гавриловна.

— Прижалъ ее къ кухонной двери; той не дохнуть, а все грохочутъ...

Въ эго время въ дверяхъ показалась фигура чиновника, въ халатѣ, шерстяныхъ носкахъ, и съ взлохмаченной головой.

— Чтожъ чайку-то? сонно сказалъ онъ женѣ, почесывая въ затылкѣ.

— Слава Богу! въ двѣнадцатомъ часу-то? Пожару надѣлать...

— Полчашечки?

— Гдѣ я тебѣ возьму? Самоваръ кипѣлъ, кипѣлъ, двадцать разъ будила, — какъ бревно безсловесное. Нѣту чаю... вставай раньше.

— Ну, я водочки... Да того... Постель надо переслать...

— Онять спать?

— Что-жъ дѣлать-то?

Жена не возражала, ибо въ свою очередь понимала, что дѣлать дѣйствительно нечего.

Черезъ десять минутъ чиновникъ снова храпѣлъ.

— Подвинься, говорила жена, влезая на кровать, что это поперегъ кровати легъ; какъ повалился такъ и заснулъ. Подвигайся!

Но чиновникъ безмолствовалъ.

— Ахъ ты Езопъ, Езопъ, укоризненно говорила жена укладываясь съ краю. Нечего дѣлать, — придется на кончикѣ...

УЧИТЕЛЯ.

III.

Иванъ Матвѣичъ Рудневъ, служащій въ Т-скомъ губернскомъ правленіи, былъ чиновникъ въ полномъ смыслѣ слова, т. е. былъ уже титулярный совѣтникъ, въ скоромъ времени ждалъ пряжку за усердную и безпорочную службу, имѣлъ многочисленное семейство, упоминая о которомъ онъ, не пропускалъ случая вставить словца „обремененъ", будто давая тѣмъ знать, что въ многочисленности семьи онъ не виноватъ ни на волосъ, и терпитъ эту обузу неизвѣстно изъ-за какой благодати. Впрочемъ, подобныя оправданія Рудневу приходилось говорить уже тогда, когда обстоятельства скрутили его не на шутку и когда ему пришлось разнообразить жизнь исключительно нюхательнымъ табакомъ да попойками и слушать ежеминутные упреки жены, постоянно повторявшей ему: „полно тебѣ цѣдить-то?.. Что это такое? Какъ ни бьется, какъ ни бьется, — а къ вечеру все пьянъ напьется..." Жена смутно предчувствуетъ, что конца этому не будетъ никогда, потому что никогда не кончится загонъ ея мужа... Муженекъ до загона добрался не вдругъ, а шагъ за шагомъ: и у него тоже былъ свой золотой вѣкъ, который конечно не повторится; все измѣнялось самымъ постепеннымъ образомъ. Неизмѣннымъ оставалось только ежегодное рожденіе дѣтей, которыя въ настоящую минуту составляютъ огромную массу ртовъ, требующихъ работы. Разношерстныя эпохи, въ которыя родились и росли дѣти, развили ихъ

совершенно различнымъ образомъ, и разбили ихъ на дѣтей съ призоромъ и на дѣтей безъ призору, причемъ главную роль играли учителя и воспитатели, подъ вліяніемъ которыхъ росли дѣти.

Золотой вѣкъ палъ на долю первенца сына, Павла. Въ это время Рудневъ быстро шелъ въ гору; въ какихъ нибудь два или три года, изъ оборваннаго, смирнаго, но въ высочайшей степени прилежнаго писца, онъ превратился въ секретаря; почти съ невѣроятной скоростію явились у него свой домикъ со службами и съ баней, хоть и плохенькая, но своя лошадь и наконецъ дородная жена, которая пришлась какъ разъ по мыслямъ молодаго секретаря: была молчалива съ мужемъ, величала его по имени по отчеству, и въ видахъ хозяйскихъ интересовъ грызлась съ кухарками и горничными. Картина семейнаго счастія была скоро окончательно пополнена рожденіемъ сына; стало быть, Рудневъ обладалъ полнымъ довольствомъ: свой домъ, лошадь, супруга, дѣтки,— все какъ слѣдуетъ. Павлуша, такимъ образомъ, родился при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ; это глубоко сознавалъ его родитель и не сомнѣвался въ счастіи сына, хотя тотъ родился и не въ сорочкѣ. Толпы бабъ, нахлынувшія въ домъ Руднева неизвѣстно откуда, и неизвѣстно какъ пронюхавъ про родины, съумѣли привести тысячи примѣровъ, гдѣ родившіеся въ сорочкахъ оказались самыми несчастнѣйшими людьми, негодяями, а нѣкорые изъ нихъ просто таки родились мертвыми. А напротивъ того, родившіеся безъ сорочекъ были головы надъ многими головами. Стало быть, и тутъ хорошо. Влюбленный отецъ, задолго еще до рожденія сына, далъ искреннѣйшій обѣтъ, не щадить живота для того, чтобы сынъ вышелъ человѣкомъ какъ слѣдуетъ, т. е. могъ вылѣзть въ люди и распрославить родъ свой. Хлопоты и жертвы начались со дня рожденія. Сообразно блестящей будущности сына, Рудневъ, во-первыхъ, устроилъ великолѣпнѣйшія крестины: купель раздобыли новую, люлька тоже чуть не губернаторская: двѣ въ городѣ только и было такихъ люльки: у губернатора да у Руднева. Пиршество крестинъ совершалось шумно и торжественно; бабка изловчилась пробку отъ шампанскаго вонзить въ самый потолокъ, гдѣ образовалось по этому случаю пятно, никогда не за-

рашиваемое и оставленное для ежеминутнаго напоминанія радостнаго дня. Пьянство затѣялось невыносимое, такъ что нѣкоторые изъ сослуживцевъ Руднева долго потомъ вспоминали, какъ проснулись они послѣ крестинъ въ какой-то чужой банѣ и проч., и проч. Отецъ, въ приливѣ радости, какъ сумасшедшій совался съ бутылками, угощая гостей, и въ это время выслушивалъ разныя пожеланія и совѣты опытныхъ людей.

— Дай Богъ ростить — себѣ на утѣшенье... Выростетъ — вельможей будетъ, не забудьте насъ тогда, говорили одни.

— Дитя есть мягкій воскъ, вставлялъ приходскій батюшка.

— Ты вотъ что, Иванъ Матвѣичъ, совѣтовалъ Рудневу одинъ изъ сослуживцевъ, опытный въ битвахъ семейной жизни. Какъ ты думаешь дѣтей ростить?

— Какъ нибудь... Какъ Богъ укажетъ... Выкушайте...

— Ты постой... я выкушаю... А ты, я тебѣ откровенно скажу даже не знаешь какъ пороть ребятъ... Знаешь-ли?

— Кушайте Семенъ Прокофьичъ! Истиннымъ Богомъ говорю вамъ — знаю.

— Врешь!.. Ничего ты не знаешь, и долженъ слушать меня; драть ты будешь такъ: первое дѣло старайся нападать на реаенка съ маху, и въ тоже мгновеніе хватай за вихоръ, ежели вихоръ есть; ежели же вихра нѣту, то, вцѣпившись за ухо, влеки мерзавца внизъ, и зажавъ голову въ колѣняхъ, дабы не дозволять ему кричать, исполняй, что слѣдуетъ. — Понялъ?

— Понялъ-съ... Выкушайте...

— И помни это... Ну, за твое здоровье!.. А то — знаю!

Учитель этотъ, весь вечеръ распространялся о воспитаніи дѣтей, и уходя передъ свѣтомъ, не могъ удержаться, высунулъ снова въ дверь свою физіономію и вялымъ языкомъ произнесъ:

— Такъ помни, Рудневъ!.. Ущемивъ младенцу ухо и... въ колѣни... счастливо оставаться!..

Но первенецъ былъ такъ счастливъ, что положительно не могъ разсчитывать на воспитаніе такого рода. Отецъ стыдился мысли учить такимъ образомъ будущаго генерала, и, поддакивая совѣтамъ тохарищей, вовсе не хотѣлъ имъ слѣдовать. Онъ не хотѣлъ

дать сыну своего печальнаго дѣтства, потому что уже загодя полагалъ его вполнѣ счастливымъ; при этомъ онъ не думалъ о развитіи его, ибо никогда не слыхалъ такого слова; не думалъ подмѣчать тѣ или другія его наклонности, потому что никогда бы не подмѣтилъ ихъ; вмѣсто этого, онъ только твердо вѣрилъ въ счастіе сына, не думая о томъ, какъ оно случится и чѣмъ возьметъ при этомъ его сынъ. Съ своей стороны, отецъ, по понятіямъ множества такихъ же отцовъ, дѣлалъ все: одни крестины чего стоютъ? сколько шуму и грому, сколько высыпано денегъ и проч., и проч.; давши сыну хорошую кормилицу, отецъ, такимъ образомъ, сдѣлалъ все для дѣтства любимаго первенца, и, не могу утаить, съ пріятностію ждалъ въ будущемъ процентовъ на затраченный капиталъ въ видѣ безпредѣльной преданности и безпредѣльной сыновней благодарности.

Дѣтскія уши слишкомъ чутки, дѣтскія впечатлѣнія слишкомъ сильны, они остаются на долго, и иногда управляютъ человѣкомъ въ теченіи всей жизни. Павлуша былъ выкормленъ и сложенъ хорошо; все, что ни дѣлалось вокругъ него, все, что не говорилось кругомъ, онъ сохранилъ навсегда въ своей памяти. Дѣлалось все для Павлуши, говорилось только о немъ и о желаніи ему всякихъ благъ,— а между тѣмъ, въ настоящую пору, когда онъ имѣетъ время сознательно проклясть свое пряничное дѣтство, — ему видится несчастье, корень всякихъ бѣдъ, — именно въ этой безграничной и крайне безпутной любви, которая окружала его. Хороша награда за родительскія ласки! Отецъ, цѣлые дни занятый на службѣ, принужденъ былъ ограничивать изъязвленія своей любви покупкою игрушекъ; игрушки эти были всегда дорогія и самыя лучшія, — лучше ихъ уже не было; но они почему-то скоро бросались Пашей; какой нибудь покачивающійся на крутыхъ полозьяхъ конь или изящный домикъ съ окнами и дверями, какъ у настоящихъ домовъ, скоро валялись заброшенными гдѣ нибудь подъ кроватью и вовсе не занимали Павлушу. Разъ только отецъ купилъ ему коня, который самъ бѣгалъ на колесахъ по комнатѣ, — этотъ конь былъ скоро тоже заброшенъ, но не потому, чтобы не занималъ Павлушу, а потому, что весь былъ разобранъ, до послѣд-

ней ниточки, и всѣ колесики составляющіе скрытый механизмъ игрушки были тщательно пересмотрѣны. Эту игрушку Паша долго помнилъ и все просилъ купить еще такую же; но любящій отецъ покупалъ ему игрушку другую, втрое дороже: какой нибудь раззолоченный киверъ или саблю и вѣрилъ, что онъ дѣлаетъ для сына втрое больше, нежели тотъ хочетъ.

Цѣлые дни, по уходѣ отца въ должность, Павлуша оставался на рукахъ матери, которая тоже каждую минуту готова была положить за него жизнь, и какъ-будто въ силу этой безграничной любви старалась очистить голову сына отъ всякой работы. При этомъ она руководствовалась тѣмъ же правиломъ, какъ другіе; у другихъ главнымъ достоинствомъ въ дѣтяхъ считалось,—чтобы они не мѣшали и не шумѣли; настоящей хозяйкѣ куда непріятно, если рѣзвый ребяческій смѣхъ и говоръ мѣшаетъ ей думать надъ шитьемъ мужниной манишки или заглушитъ бой часовъ въ залѣ: чего добраго, пропустишь когда пробьетъ два, время прихода мужа, и время обѣда. За этимъ, конечно, слѣдуютъ непріятности. Мать Павлуши принимала всѣ мѣры, чтобы сдѣлать изъ сына какого-то тихоню, который бы не нарушалъ гармонію семейнаго быта, былъ вполнѣ прилаженъ къ ровному, тихому житью; въ видахъ достиженія своихъ цѣлей, она словно макомъ опаивала, нагружая его разными наставленіями о кротости и смиренствѣ. Мать была крайне счастлива, видя, что изъ Павлуши выходилъ не сорванецъ, а „дите“, имѣющее терпѣніе почти молча высиживать цѣлые дни около матери, смотрѣть на кухарокъ, являющихся за приказаніемъ: „класть ли корицы или нѣтъ?“ слушать, какъ гдѣ-то вдали, въ кухнѣ, едва внятно стучатъ ножами и т. п. Такія доблести сына поощрялись лакомствами, развивавшими самыя назойливыя изъ всѣхъ прихотей, — прихоти брюха, которыя потомъ выдавали Павлушу съ головой во время всей его веселой жизни. А въ ту пору отецъ, мать и толпы родни не нарадовались на такое послушное дитя, которое мало по малу дѣлалось вялѣе, апатичнѣе и постепенно превращалось въ настоящее „степенство“. Случалось ли ему въ окошко глядѣть на улицу, при чемъ его хорошенькая головка приходилась между двухъ бутылей

съ наливкою, говорившихъ о полномъ довольствѣ въ домѣ, — его иногда подзадоривало желаніе покататься на ледянкѣ, но это было невозможно, иначе пришлось бы сдѣлаться мужицкимъ мальчишкой, а Павлуша уже хорошо понималъ, что это весьма незавидный санъ, старался тушить это желаніе и, не удовлетворивъ требованіямъ организма, разражался продолжительными капризами. Все поощряло такое замираніе молодой жизни. Даже отцовъ начальникъ, упоминая о которомъ, Рудневъ нѣсколько блѣднѣлъ и произносилъ слова съ какимъ-то страхомъ, что конечно видѣлъ Павлуша и невольно заражался отцовскимъ благоговѣніемъ, — и этотъ начальникъ назвалъ Павлушу „умное дитя“ и хотѣлъ поставить его въ примѣръ своимъ „сорванцамъ“, за то именно, что на елкѣ, куда былъ приглашенъ Павлуша и его отецъ, они оба имѣли столько уваженія къ старшимъ, что цѣлый вечеръ недвижимо проторчали въ углу, робко посматривая на гостей и не рѣшаясь завязать съ ними разговора. Павлуша съ завистью смотрѣлъ на генеральскихъ дѣтей, обиравшихъ елку, но таилъ это въ душѣ и забылъ горе совсѣмъ, когда его самъ погладилъ по головкѣ. Поощренія были и другаго рода. Приходитъ вечеромъ къ отцу гость, сидитъ въ гостиной на диванѣ и куритъ трубку; Павлуша крадется по стульямъ, не спуская глазъ съ гостя, и хватается за ручку отцовскаго кресла...

— Вашъ сынокъ-то?..

— Мой.,.

Отецъ гладитъ Пашу по головкѣ...

— Буянъ?

— Нѣтъ, благодаря Бога, тихъ... Я имъ доволенъ... „Я говоритъ, папаша, шумѣть не буду... нѣчто я мальчишка?..“

— Умница!.. право умница, хвалитъ гость...

— И цѣлый день его не слыхать...

Отецъ опять гладитъ по головѣ...

Гость слишкомъ умильно и масляно смотритъ на Пашу и потомъ говоритъ:

— А рисовать любишь?

Паша молчитъ.

— Ну, скажи же: любишь или нѣтъ? допрашиваетъ отецъ. Коли спрашиваютъ, отвѣчай...

— Люблю...

— И краски есть?

Паша молчитъ опять.

— Ну, скажи же, будь учтивъ... Есть у тебя краски? Нѣту, ну, такъ скажи, молъ, нѣту...

— Нѣту...

— Ну, вотъ!.. одобрительно произноситъ отецъ.

— Ну, поди же сюда...

— Поди, говоритъ отецъ, не бойсь...

Паша подходитъ. Гость запускаетъ руку, украшенную кольцами, въ карманъ и, погремѣвъ въ немъ деньгами, вынимаетъ золотой...

— На-ка вотъ.

— Напрасно вы Иванъ Федоровичъ, вяло сопротивляется отецъ.

— Бери-ка, бери, молодецъ! У насъ съ нимъ свои счеты....

— Право напрасно!

Паша не знаетъ: брать или не брать?..

— Ну, возьми, говоритъ отецъ. Когда даютъ бери. Самъ не напрашивайся, а это ничего...

Паша беретъ золотой.

— Неси къ матери, говоритъ отецъ...

Скоро Паша и золотой производятъ великій восторгъ въ дѣтской, въ присутствіи матери и множества старухъ нянекъ.

— Ахъ, милое дитя! Вотъ ангельская душенька! Всѣ его любятъ, всѣ-то его жалуютъ, — слышится со всѣхъ концовъ, и нѣсколько костлявыхъ рукъ поощрительно ползаютъ по головѣ Павлуши.

— Будешь слушаться, — больше дадутъ... Толь о слушайся.

— Я слушаюсь.

— И слушайся... И всѣ будутъ довольны. Всѣ скажутъ умница и проч., и проч.

Въ такомъ-то родѣ шло воспитанье со стороны родителей,

оказавшееся никуда негоднымъ, когда Павелъ принужденъ былъ ступить на другую, не генеральскую, а трудную дорогу.

II.

На ряду съ этимъ ученьемъ, шло ученье и по книжкамъ; но все какъ-то урывками. Голова у Павлуши была свѣжа, и поэтому въ короткое время, начиная съ довольно глубокомысленныхъ складовъ, въ родѣ фрю, хрю и пр., онъ достигъ возможности разсказать Свящ. исторію вплоть до столпотворенія вавилонскаго, и во всѣхъ подробностяхъ излагалъ, какъ жена Лота превратилась въ соляной столбъ и проч. Изъ арифметики зналъ, что счисленіе происходитъ отъ правой руки къ лѣвой, и съ прописи выводилъ „Мудрость у разумнаго предъ лицомъ, а глаза глупца ищутъ ее на концѣ свѣта“ или что-то въ этомъ родѣ. Иногда среди такихъ рьяныхъ занятій учитель Паши, большею частію семинаристъ, — отбывалъ изъ города за пріисканіемъ невѣсты, по случаю открывшагося дьяконскаго мѣста, — и Паша оставался безъ учителя, имѣя счастливую возможность забыть всю недавнюю науку. И дѣйствительно, съ появленіемъ новаго учителя, Пашѣ большого труда стоило отыскать линейку, грамматику; чернильница дѣлалась обиталищемъ мухъ, а перо исхищала нянька, находя очень удобнымъ обметать имъ клоповъ, населявшихъ малѣйшія трещины въ стѣнѣ около ея логовища. Каждый новый учитель приносилъ съ собою и новые порядки; все, что ни дѣлалъ его предшественникъ, все было не такъ: линейку необходимо было сдѣлать длиннѣе и толще, учебники должны быть другіе. Прежде подъ именемъ горизонта было „пространство на которое опирается сводъ небесъ“, новый же учитель, утверждая что это вздоръ, и говорилъ что горизонтъ есть „какъ бы пространство на которое опирается хрустальный сводъ небесъ и проч., и проч.

Много перемѣнилось учителей у Паши, а толку все не было. Наконецъ родители порѣшили все ученіе сынка начать снова, съ самаго начала, и притомъ благословясь; для этой цѣли рѣшено было подыскать хорошаго богослова и отслужить молебенъ пророку

Науму. Но случай какъ-то долго не представлялся. Наконецъ, передъ рождествомъ, когда ходятъ съ разрѣшительной молитвой, дождались таки молебна.

Послѣ молебна, батюшка пожелалъ съ нимъ самъ почитать азбуку, утверждая, что это будетъ много способствовать къ преуспѣянію его. Явилась азбука московскаго изданія, гдѣ на оберткѣ изображены были какія-то долговязыя фигуры, весьма напоминавшія сидѣльцевъ въ мучныхъ лабазахъ, только одѣтыхъ въ женскія платьица и калошки; по всей вѣроятности, художникъ здѣсь изобразилъ особенно прилежныхъ дѣтей, ибо всѣ онѣ ходили съ книжками, держа ихъ или передъ самымъ лицомъ, или даже выше головы, — это ужь самые прилежные.

Пропустивъ азы, батюшка остановился на прописныхъ буквахъ и читалъ ихъ по нонѣшнему, причемъ выходило: пе, ре, се, и пр. Очевидно, что батюшка плохо зналъ какъ по нонѣшнему, да притомъ его развлекали приготовленія къ закускѣ; въ сосѣдней комнатѣ раздавался стукъ тарелокъ, ножей и проч.

Попросили закусить; за столомъ пошли разговоры.

— Охъ дѣти, дѣти, говорила задумчиво мать.

— Дитя есть мягкій воскъ, присовокуплялъ батюшка, до такой степени осторожно подкрадываясь вилкой къ груздю, что, казалось, онъ боялся, какъ бы груздь не вспорхнулъ. Для ловкости, батюшка придерживалъ конецъ рукава рясы другой рукой.— Въ передней, чавкая, закусывалъ дьячекъ, помѣщаясь на оконникѣ, около батюшкиной палки, шапки съ ушами и длинной, какъ колбаса, муфты.

— Благодаря Богу, Олуховъ купецъ лошадку прислалъ, говорилъ священникъ отъ нечего дѣлать по окончаиіи закуски; все не такъ по морозу-то... А то ужь очень сиверко...

— Съ вечера началось, — тоже отъ нечего дѣлать прибавила мать.

— Да...

Въ передней кашлянулъ дьячекъ.

— Ну, намъ пора... и священникъ поднялся съ своего мѣста. Уходя, онъ снова благословилъ всѣхъ и обѣщалъ прислать знако-

маго учителя, семинариста, утверждая, что человѣкъ онъ тихій и притомъ богословъ не изъ послѣднихъ.

Богословъ явился только великимъ постомъ, потому что отъ рождества до масляницы никто объ дѣлѣ помышлять не могъ, точно также, какъ не могъ опохмѣлиться. Великимъ постомъ какъ-то такъ случается, что опохмѣляются разомъ и сразу принимаются за дѣло. Въ одинъ день послѣ обѣда, по залу у Рудневыхъ кто-то дѣлалъ довольно медленные, но звучные шаги. Это и былъ присланный батюшкой богословъ.

Ожидая выхода хозяина, онъ по временамъ сморкался, причемъ исходилъ весьма пріятный и гармоническій звукъ, и если случалось ему плюнуть, то выходилъ въ переднюю, выбиралъ самый темный уголъ и, харкнувъ туда, разтиралъ непремѣнно ногою, желая такимъ образомъ изгладить самые ничтожные слѣды своего посѣщенія. — Наконецъ хозяинъ вышелъ. Начались переговоры, причемъ учитель, между прочимъ, сообщилъ, что онъ кончилъ курсъ въ первомъ пяткѣ, и особенной похвалы заслужилъ своимъ сочиненіемъ на какую-то мудреную тэму.

— Да, мудрена, сказалъ хозяинъ, когда учитель произнесъ и самую тэму.

Настало небольшое молчаніе; подвели Павлушу, который засталъ бесѣду между отцомъ и учителемъ на слѣдующей фразѣ:

— Вотъ его... говорилъ отецъ, указывая на Павлушу.

— Въ какое заведеніе?..

— Куда же?.. Въ гимназію хотѣлось бы.

— Въ гимназію? спросилъ учитель, и, очищая носъ платкомъ, смотрѣлъ на Павлушу такимъ взглядомъ, какимъ смотритъ портной на кусокъ сукна, соображая: можно ли выкроить изъ него жилетъ.

— Въ гимназію? можно, заключилъ онъ.

— Вы его поэкзаменуйте, добавилъ отецъ.

Учитель запихнулъ платокъ въ боковой карманъ, сложилъ на животѣ руки, спрятавъ ихъ въ рукава, и произнесъ:

— Ну, скажите молитву ангелу хранителю.

Павлуша зачиталъ:

— „Ангелу мой святый, покровителю...“

— Не та! холодно осталовилъ учитель... Тутъ есть молитва иная... Мы выучимъ ее... ну... учитель задумался и потомъ произнесъ: что такое экваторъ?.. не знаете ли?..

— Кругъ... робко отвѣчалъ Павлуша.

— А эклиптика?

— Кругъ...

— Все круги?

— Круги-съ..!

Учитель ухмыльнулся и произнесъ снисходительно: — Ну, это мы еще пройдемъ.

Во время экзамена отецъ бѣгалъ глазами съ Павлуши на учителя, и подъ конецъ заключилъ, когда дѣло шло о кругахъ:

— Какъ же это братъ ты такъ? все круги... а? Видно ты плохо училъ?.. Ужъ вы Петръ Иванычъ, хорошенько его поучите... Комнату вамъ дадимъ особую... Что хотите дѣлайте съ нимъ... Только не бить.

— Будьте покойны-съ.

— Пожалуйста!... Такъ, стало быть, когда же вы переѣзжаете?..

— Да я и теперь могу остаться...

И учитель остался.

Съ появленіемъ учителя житье пошло нѣсколько разнообразнѣе. День проходилъ такимъ образомъ: просыпаясь, учитель торопился умыться, одѣться, и отправлялся кушать чай.

— Съ добрымъ утромъ! говорилъ онъ. Павелъ Иванычъ, цѣлуйте ручки у папеньки, и у маменьки..

Паша почтительно исполнялъ это и затѣмъ неспѣша тянулся утренній разговоръ.

— Вотъ, Петръ Иванычъ, мы съ женой все думаемъ, что бы это значило, видѣть, напримѣръ, лошадь во снѣ, говорилъ отецъ Паши.

— Лошадь-съ?

— Да... Мы вотъ вмѣстѣ одинъ сонъ видѣли...

Учитель откусываетъ сахаръ, отряхаетъ кусокъ въ блюдечко, дѣлаетъ нѣсколько глотковъ и говоритъ, держа стаканъ съ чаемъ на колѣнѣ:

— Да вѣдь какъ вамъ это сказать? разное имѣютъ значеніе... Одинъ разъ то, другой — другое... Весьма это трудно постигнуть...

— Трудно, говоритъ жена... Иной разъ ничего не поймешь, а глядишь—къ прибыли отзовется.

— Вотъ и это!.. подтверждаетъ учитель, снова поднося полное блюдечко... Въ послѣднее время снамъ даже никакой вѣры давать не стали...

— Поживешь, повѣришь, опять говоритъ жена.

— Это точно... Какъ не вѣрить... По снамъ и живешь... Стало быть, нужны они, когда Богъ посылаетъ...

— Противъ Бога не возьмешь, вставляетъ отецъ.

— Куда! Учитель махаетъ рукой, ставитъ опорожненный стаканъ на столъ и, садясь на прежнее мѣсто, говоритъ:

— А что вотъ лошадь изволили видѣть, то это означаетъ ложь... Облыжно обзовутъ или что...

— Ну вотъ, Иванъ Матвѣичъ, примѣчай, какъ кто... совѣтовала жена...

Послѣ чаю начинались обыкновенные скучные будни. Мужъ уходилъ въ палату, жена хлопотала, по хозяйству, а въ залѣ начиналось ученье.

Передъ началомъ урока, учитель всегда соблюдалъ такого рода формальность: Павлушу посылалъ съ книгами и тетрадями въ залу, а самъ надѣвалъ шинель, шапку и калоши, обходилъ дворомъ на парадный ходъ, и являлся такимъ образомъ какъ совершенно чужой человѣкъ; дѣлалось это для того, чтобы ученикъ, видя не просто Петра Иваныча, который спалъ съ нимъ въ одной комнатѣ и про котораго ученикъ не могъ имѣть особеннаго загадочнаго понятія, а чужого человѣка, чувствовалъ къ нему нѣкоторый страхъ, и такимъ образомъ былъ бы особенно покоренъ во время урока.

Ученье Петръ Иванычь началъ снова, то есть, чуть не съ азбуки, и живая голова Павлуши, которая въ эти минуты могла бы переварить здоровое развивающее свѣдѣніе, оставивъ его въ своей памяти навсегда, — принуждена была довольствоваться снова безсмысленными двусложными многосложными словами, въ родѣ: эпархіальный, гортанобѣсіе, дѣтоубійство, пристанодержательство и проч., и проч., которыя ломали только языкъ, но ничего не трогали въ головѣ.

Далѣе, какъ на главный предметъ, вниманіе было особенно обращено на Законъ Божій.

Послѣ Закона, съ особенною ревностію занимались чистописаніемъ. Учитель цѣлыя часы, стоя за стуломъ Паши, съ непритворнымъ страхомъ слѣдилъ за перомъ ученика, боясь, чтобы тотъ толще не вывелъ тамъ, гдѣ нужно тоньше. — Косѣй, косѣй! замирающимъ голосомъ шепталъ онъ; налегайте! налегайте тутъ, ради самого Господа!.. Тоньше, тоньше!.. Какъ можно слабѣе, такъ, такъ, такъ.. сссспрр!.. Что вы сдѣлали? Боже мой! Что это такое? и проч. — Учитель въ этихъ случаяхъ совершенно уходилъ всѣмъ своимъ существомъ въ разные почерки, раскѣпы, очинки, росчерки и пр., и пр. Онъ замиралъ надъ перомъ Павлуши, словно имъ совершалась какая нибудь труднѣйшаго операція, гдѣ отъ малѣйшей неосторожности могла произойдти смерть. Паша, невольно поддаваясь вліянію учителя, самъ начиналъ впиваться въ интересы правильности буквъ и чувствовалъ великую провинность, гдѣ выходила буква брюхатая. Кромѣ учителя, необходимость чистоты почерка подтверждалъ и самъ отецъ.

— Какъ же можно! Письмо — это первое дѣло, говорилъ онъ... Вотъ у насъ Щукинъ... самый закурузлый писчишко, какъ поналегъ на чистописаніе — сразу въ Петербургъ потребовали, къ самому царю писать... во-о? Это братъ никогда за плечами не виснетъ...

Нагруженный такими знаніями, Паша къ концу урока просто на просто застывалъ всѣмъ своимъ существомъ; поднятыя къ верху брови, при напряженномъ вниманіи надъ безсмыслицами, дѣлали всю его физіономію совершенно глупою; члены ходили вяло; на

губахъ бродила какая-то короткая, но безпрестанно повторявшаяся неопредѣленная и почти глупая улыбка. Павлуша начиналъ оттаивать только тогда, когда снова видѣлъ мать, няньку, кошку и проч. По окончаніи урока, учитель снова надѣвалъ шинель, опять черезъ дворъ и заднія сѣни возвращался въ свою комнату, раздѣвался и говорилъ:

— Ффу! усталъ... Пашенька! сходите къ мамашѣ; скажите, молъ, Петръ Ивановичъ очень уставши.

Паша черезъ нѣсколько времени возвращался съ рюмкой водки въ одной рукѣ, а въ другой съ тарелкой, на которой лежали куски икры и булки... Петръ Ивановичъ пилъ и, водя рукой по груди и животу, говорилъ:

— Какъ чудесно!.. По всѣмъ жилкамъ прошло... Такъ и расплылось...

— Петръ Иванычъ! говорилъ Паша, мамаша зоветъ васъ въ чайную, монашенки пришли... чай пьютъ.

Петръ Ивановичъ охотно принималъ приглашеніе, потому что, какъ и другіе, радъ былъ убить ненужное никуда время. А за самоваромъ оно исчезаетъ куда какъ скоро; въ эту пору какъ-то особенно клейко бѣжитъ разговоръ, поддерживаемый разсказами монашенокъ объ ихъ трудномъ, но и невыразимо радостномъ житіи.

Такъ тянется время до обѣда. Къ обѣду обыкновенно является братъ Руднева, Семенъ, живущій здѣсь изъ бѣдности и поэтому помѣщающійся въ общей съ Петромъ Ивановичемъ комнатѣ, на длинномъ устойчивомъ сундукѣ. Господинъ этотъ, о которомъ я подробнѣе скажу нѣсколько ниже, всегда приходилъ изъ палаты прежде брата, и такимъ образомъ торопилъ и хозяйку, и кухарокъ къ приготовленію трапезы. Послѣ него приходилъ и самъ Рудневъ.

Раздѣвшись и потирая подъ мышками, подходитъ онъ къ графину и говоритъ Петру Ивановичу.

— Нуте-ка передъ обѣдомъ...

Учитель пьетъ.

— Ну, какъ учились?

— Ничего... прилежно.

— Не лѣнился Павелъ?

Слава Богу, не пожалуюсь.

Обѣдъ начинается молчаливымъ образомъ. Разговоры слышатся только подъ конецъ, при послѣднемъ блюдѣ.

Послѣ обѣда въ домѣ настаетъ спящее царство. Вездѣ раздается носовой свистъ и сапъ, только кухарка звонко пкаетъ въ кухнѣ, прибирая посуду... Паша, закутанный въ теплую шубенку, гулялъ на дворѣ, и въ это время, даже среди дѣтскихъ забавъ, все-таки вспоминались ему сами собою отвратительныя книжки и отвратительное ученье, и онъ даже сердился на себя за то, что онъ одинъ только такъ не любитъ этихъ книжекъ, и что ихъ любятъ всѣ другіе. Желая быть какъ другіе, онъ противъ воли старался полюбить то, что училъ, и поэтому мучился больше, чѣмъ слѣдуетъ. Только къ чаю возвращался онъ въ комнату, гдѣ уже встрѣчалъ проснувшихся отца, учителя, Семена Матвѣича и мать. Учитель сидѣлъ на прежнемъ своемъ мѣстѣ, держа стаканъ на колѣняхъ. Семенъ Матвѣичъ стоялъ у притолки, держась рукою за дверь, такъ какъ росту онъ былъ гигантскаго. Отецъ оставивъ безъ вниманія любимую чашку съ чаемъ, разсказывалъ учителю, какъ онъ видѣлъ во снѣ покойника шурина.

— Подходитъ, будто, ко мнѣ... Жолтый такой... Въ рукѣ безмѣнъ, и говоритъ: Иванъ! Что же ты, говоритъ, споручницѣ обѣщалъ отслужить молебенъ. — Тутъ я и проснулся... Чтобы это значило?

— Разное предвѣщаетъ, тѣмъ же тономъ, какъ и утромъ, рѣшалъ учитель, наливая на блюдечко чай. Отслужить надо — вотъ и все, рѣшаетъ жена.

— Надо! Самъ знаю:.. Что будешь дѣлать? — за хлопотами пообѣщаешься и забудешь.

Слышалось всхлебываніе съ блюдечекъ.

— Иной разъ Богъ знаетъ что пригрезится, говоритъ чиновница.

— Проснешься и не вспомнишь, добавляетъ она послѣ.

За чаемъ слѣдуетъ долгій и скучный вечеръ. Паша принужденъ зубрить уроки, его мать шьетъ, а отецъ, если не идетъ въ

палату спустить двѣ-три срочныхъ бумажонки, то бесѣдуетъ въ залѣ съ Петромъ Иванычемъ. Въ бесѣдѣ съ учителемъ, Иванъ Матвѣичъ вспоминалъ семинарію, какъ его сѣкли, какъ сидѣли они всемъ міромъ въ карцерахъ.

Во время разговоровъ друзья неоднократно прикладывались къ рюмкамъ, и часовъ въ девять ужинали. А потомъ мирнымъ порядкомъ расходились спать... Дремавшій уже Паша слышалъ, какъ дядя Семенъ и учитель, стоя рядомъ, шептали молитвы.

Затѣмъ наступала безмолвная ночь съ миріадами зловѣщихъ и радостныхъ сновъ.

Такимъ образомъ тянулось Пашино ученье. Учитель все больше и больше освоивался съ чужими людьми, и чужіе люди, въ свою очередь, за панибрата сходились съ нимъ. Петръ Ивановичъ существовалъ въ свое удовольствіе, и, удѣляя на уроки нѣсколько меньше и меньше времени, чаще посылалъ Пашу доложить, что онъ уставши, и получалъ водку. Кромѣ педагогическихъ занятій, на Петрѣ Ивановичѣ лежала обязанность по субботамъ ходить съ ученикомъ ко всенощной и въ баню, причемъ Паша замѣчалъ, что учитель всякій разъ посылалъ куда-то кучера, ожидая въ передбанникѣ его возвращенія, и потомъ уже влѣзалъ на полокъ. Паша никакъ не могъ понять, что дѣлаетъ Петръ Иванычъ, и зачѣмъ всегда ему велитъ идти впередъ. Вниманіе его всякій разъ привлекалъ запахъ водки и кусокъ ветчины, валявшійся на подоконникѣ, котораго онъ не видалъ при входѣ въ баню.

Житье учителю было покойное, и поэтому онъ не спѣшилъ подготовкой, стараясь, какъ можно больше времени посадить на усовершенствованіе въ разной предварительной дребедени, почему-то считающейся необходимою. Вслѣдствіе такой учительской пытки, Павлуша совсѣмъ бы могъ отупѣть, если бы ему не пришлось еще разъ отдохнуть отъ наукъ и снова забыть ихъ. Этому помогъ отчасти Семенъ Матвѣичъ — дядюшка, а отчасти принадлежащій этому дядюшкѣ сюртукъ. Чтобы разсказать, какъ это случилось, я долженъ сказать нѣсколько словъ объ Семенѣ Матвѣичѣ.

III.

Въ то время, когда еще дядюшка Павлуши находился въ утробѣ матери, простой деревенской-дьячихи, вся родня и въ особенности знаменитая бабка-голанка, утверждала, что надо ждать если не тройней, то двойнеи по меньшей мѣрѣ; каково же было общее изумленіе, когда на свѣтъ божій явился будущій Семенъ Матвѣичъ, единственною персоною. Явившись, такимъ образомъ, сразу въ двойномъ изданіи, Сеня быстро началъ увеличиваться въ силѣ но за то, къ несчастію въ той же мѣрѣ былъ скорбенъ главою. Впрочемъ, этого положительно утверждать нельзя. потому что угрюмость, которая составляла отличительную черту Сени, не давала ему большой возможности высказывать свои воззрѣнія. Съ самаго дня рожденія онъ былъ чѣмъ-то обиженъ; словно во время родовъ его разбудили на самомъ интересномъ мѣстѣ сна и такимъ образомъ заставили сразу изъ-подлобья смотрѣть на все окружающее. Нелюдимость отталкивала отъ него братьевъ и родныхъ: всѣ называли его недотыкой и безцеремонно пускали ему въ глаза колкости, т. е. попросту, брехали на него, не боясь получить хоть какой нибудь отвѣтъ, кромѣ самаго мертваго молчанія, говорившаго не о беззащитности, а о томъ, что его ничѣмъ не проймешь. Сенѣ больше всего хотѣлось спать, и все, что ни дѣлалось съ нимъ, — дѣлалось будто въ просонкахъ. Въ просонкахъ очутился онъ въ духовномъ училищѣ; здѣсь, во время постояннаго пребыванія въ камчаткѣ, не отличался ничѣмъ, кромѣ способности въ одну недѣлю истребить весь запасъ лепешекъ, присланный изъ деревни на трехъ братьевъ и на цѣлую треть. Въ просонкахъ чувствовалъ онъ, что его сѣкутъ; въ просонкахъ поднимался онъ на вопросъ учителя, напоминая своимъ поднятіемъ колеблющуюся гору, вралъ и городилъ всякій вздоръ, который для смѣху подсказывали ему сосѣди; смѣшилъ весь классъ, оставаясь

вполнѣ серьезнымъ, ибо не понималъ и не хотѣлъ понять и прислушаться, что такое творится кругомъ. Сколько лѣтъ сидѣлъ онъ въ классѣ, онъ не зналъ; переводили ли его или нѣтъ — тоже не зналъ и продолжалъ изумлять своими отвѣтами: у него, напримѣръ, къ атмосфернымъ явленіямъ причислялись кирпичи, такъ какъ ему разъ въ спину попалъ кирпичъ сверху, съ лѣсовъ строившагося дома, а учитель спрашивалъ: ну, что еще кромѣ дождя сверху падаетъ? и проч., и проч. Нѣкоторое пробужденіе Сеня почувствовалъ, когда его выключили изъ семинаріи, и когда кто-то, почти надъ самымъ его ухомъ, произнесъ: „въ солдаты попадешь Емелюшка-дурачокъ. Нониче исключеныхъ дьячковскихъ дѣтей-то въ милюцію велѣно. Начнутъ тебя драть не розгами, а прутьями желѣзными“... Дѣло было дѣйствительно похоже на правду, потому что братъ Иванъ, служившій уже и удачно, тотчасъ же засадилъ его въ писцы, хоть и сознавалъ, что онъ годится только въ водовозы. И вотъ гигантъ Сеня съ силами, годными только свалить соборную колокольню, если бы это потребовалось когда нибудь, принужденъ теперь выводить гусинымъ перушкомъ Богъ знаетъ что значащія, слова и фразы. А кругомъ на него смотрѣли какія-то зеленыя, испитыя рожи и ухмылялись надъ его войной съ такимъ тщедушнымъ врагомъ, какъ перо, которое, словно муха льву, не давало ни минуты покою и мучило невыносимо. Съ горя или отъ истощенія силъ, въ безполезной борьбѣ, Сеня засыпалъ на бумагахъ и на чернильницахъ, и не обращалъ бы по прежнему ни на что вниманія, еслибъ его не разбудили здѣсь окончательно слишкомъ часто повторявшіеся толчки брата и сослуживцевъ. Онъ дѣйствительно проснулся вполнѣ. Пробужденіе Сени было не для того, чтобы успокоиться, а для того, чтобы почти испуганно вытаращить глаза. И глаза эти скоро доложили ему, что онъ здѣсь совсѣмъ чужой; что въ немъ и слѣда нѣтъ того, что называется чиновничествомъ; это совсѣмъ какіе-то другіе люди, которые не понимаютъ, что такое онъ, Семенъ, и Семенъ не понимаетъ кто они, про что говорятъ и что такое самъ онъ же, Семенъ. Оказывается, что онъ чиновникъ. Немного погодя, оказывается, что онъ хуже всѣхъ... Не будь брата, его, можетъ быть, давно бы гоняли сквозь строй.

И Семенъ Матвѣичъ оскорбленъ и униженъ... Какъ спастись? Утопиться — грѣхъ, на томъ свѣтѣ за языкъ повѣсятъ и будутъ клещами огненными разжигать, — неудобно. Въ монахи пойдти — все равно, въ святые не попадешь... Надо, стало быть, чиновникомъ, какъ слѣдуетъ, сдѣлаться... Но это было невыразимо трудно, ибо Семенъ Матвѣичъ рѣшительно терялся, какимъ образомъ попасть въ кругъ чиновничьихъ интересовъ? Съ какой стороны заходить? Дѣло въ высшей степени темное и непобѣдимое. Семенъ Матвѣичъ дѣйствительно не побѣдилъ; но и не помирился, а сталъ вѣковѣчнымъ мизантропомъ. Все это привело его къ мысли — никого не знать, жить своимъ хозяйствомъ и, по возможности на все плевать.

На такомъ рѣшеніи мы застаемъ Семена Матвѣича въ періодъ дѣтства Паши и самаго сильнаго разгара учительской дѣятельности Петра Ивановича. Съ цѣлью завести свое особое хозяйство, Семенъ Матвѣичъ по воскресеньямъ шлялся по рынку покупалъ разныя вещицы, необходимыя для хозяйства: такъ, въ короткое время онъ купилъ шкафъ, молочникъ и наконецъ сшилъ новый сюртукъ. Но и это не разсѣяло его несчастій. По временамъ ему ясно казалось, что и шкафъ, и помѣщавшійся въ немъ молочникъ ведутъ между собой враждебные переговоры: шкафъ, сознающій свое назначеніе, недоволенъ мизерной посудиной, поставленной въ немъ хозяиномъ; молочникъ разыгрываетъ роль невиннаго страдальца, и оба вмѣстѣ принимаются трунить надъ хозяиномъ: „ну, хозяинъ“, будто слышитъ Семенъ Матвѣичъ, — „вотъ такъ хозяинъ!“ и проч. Но злѣе всякихъ враговъ былъ сюртукъ: стоило Семену Матвѣичу надѣть его хоть на минуту, какъ его ударяло въ потъ, нападала страшная застѣнчивость, какое-то упорство къ застѣнчивости, хотѣлось отворотить свою физіономію отъ людей и сунуть ее въ неисходную тьму, чтобы люди не видали, — а сюртукъ, какъ нарочно, хваталъ своего хозяина за плечи, насильно поворачивалъ его прямо на проклятые чужіе взгляды и будто говорилъ: „подивитесь, добрые люди, что это за харя!“

Однимъ словомъ, сюртукъ оказался какою-то казнію египетскою, и Семенъ Матвѣичъ принужденъ былъ его оставить. Ни-

щенствующая чиновная братія, пронюхала объ этомъ, и въ отсутствіи хозяина являлась къ нему въ комнату, надѣвала сюртукъ, увѣривъ домашнихъ, что Семенъ Матвѣичъ самъ приказалъ, и таскала до тѣхъ поръ, пока хозяинъ не ловилъ гдѣ нибудь похитителя и собственными руѣами не стаскивалъ съ воровскихъ плечъ свое добро. Наконецъ, чтобы прекратить всякія посягательства на эту вещь, Семенъ Матвѣичъ обвязалъ сюртукъ веревками, повѣсилъ его на гвоздь, а концы веревокъ припечаталъ къ стѣнѣ, твердо вѣря, что ничья рука прикоснуться не посмѣетъ.

Настало лѣто; былъ Петровъ день. Павлуша, проснувшись, бойко открылъ свои быстренькія глазки и увидѣлъ предъ собою учителя, который сидѣлъ напротивъ, около столика, и брился, обтирая бритву о колѣно, прикрытое рваным халатомъ, и для ловкости во время бритья подкладывая языкъ то подъ одну, то подъ другую щеку; руки учителя какъ-то особенно неловко ходили во время работы, отчего на щекахъ и подбородкѣ были обрѣзы, заклеенные синими лоскутками отъ табачнаго картуза. Учитель объявилъ, что по случаю имянинъ сегодня рекреація, учиться не будутъ, и тотчасъ же нужно проситься у матери къ обѣднѣ въ соборъ. Въ ожиданіи пока одѣнется Павлуша, Петръ Ивановичъ ходилъ по комнатѣ, по временамъ останавливался за перегородкой, запускалъ руку за сундукъ, доставалъ оттуда нѣкоторую посудину и Паша слышалъ черезъ нѣсколько времени довольно рѣзкій и рокочущій глотокъ; послѣ чего учитель тихими шагами возвращался назадъ и потомъ опять торчалъ за перегородкой, размышляя около заколдованнаго сюртука.

— Одинъ разъ-то? слышалось Пашѣ... Эка важность!..

Молчаніе.

— Развѣ надѣть?

Молчаніе.

— Надѣну!

Спустя нѣсколько времени послѣ этого рѣшенія, послышался снова глотокъ, и веревки, обматывавшія сюртукъ, затрещали.

— Надѣну! еще разъ, громче и рѣшительнѣе, сказалъ учитель и вошелъ въ дядюшкиномъ сюртукѣ. Одѣвшись въ чужое,

учитель какъ будто вдругъ почувствовалъ за собою погоню и сталъ торопить Пашу. Скоро мать отпустила ихъ; они тронулись въ путь и провели день, полный самыхъ многообразныхъ впечатлѣній. Они были въ соборѣ, слушали пѣніе архіерейскихъ пѣвчихъ, среди котораго Петръ Ивановичъ иногда пускалъ октавой, подымая къ верху голову и оставляя недвижимымъ раскрытый ротъ. Въ это время подходитъ къ нимъ какой-то пріятель учителя; они жмутъ руки, шепчутъ что-то другъ другу на уши, смѣются и, чтобы скрыть это, присѣдаютъ за народъ. Потомъ учитель беретъ Пашу за рукавъ, дѣлаетъ скорые, короткіе кресты и выходятъ всѣ вонъ.

— Теперь въ ресторацію, говоритъ учитель... Тамъ весело, органъ играетъ.

Тамъ дѣйствительно весело, — органъ играетъ „по улицѣ мостовой“, половые бѣгаютъ съ чайниками, пьяные подъячіе и чиновники горланятъ во всю мочь, и черезъ полчаса учитель выходитъ, усиленно держась за перилы.

— Теперь, Павлуша, мы съ тобой въ зарѣчье тронемъ... Никогда не бывалъ за рѣкой?..

— Не бывалъ.

— Ну, вотъ пойдемъ.

Въ зарѣчьѣ они зашли къ знакомому дьячку, но не застали его дома; дьячиха со слезами на глазахъ объявила, что мужъ допился до послѣднихъ границъ и теперь зачѣмъ-то побѣжалъ на паперть. Петръ Ивановичъ заглянулъ и сюда: дьячокъ стоялъ дѣйствительно на церковной паперти, бурчалъ что-то подъ носъ и стаскивалъ черезъ голову рубашку; а кругомъ было полное безлюдье; въ зарѣченской рабочей слободѣ въ эту пору нѣтъ ни души, кромѣ бабъ, которыя занимаются стряпней; иногда вдали, среди тишины жгучаго полдня, слышалась звонкая-звонкая дѣвичья пѣсня, и только эта заунывная пѣсенка, пропѣтая свѣжимъ, молодымъ голоскомъ, будила мертвую повсюдную тишину. — Очутившись голышомъ, дьячекъ подперъ руками бока и сказалъ:

— Каковъ!

— Хорошъ! сказалъ учитель.

Дьячекъ пристально началъ смотрѣть на учителя какими-то особенно оживленными глазами; потомъ началъ присѣдать, словно подкарауливая птицу и, не спуская глазъ съ физіономіи учителя, загребалъ въ руку кусокъ кирпича...

Учитель и ученикъ бросились бѣжать; на дорогѣ ихъ обогналъ скакавшій по землѣ кирпичъ.

Посѣтивъ еще многихъ знакомыхъ, поздно, темнымъ вечеромъ возвращались наши домой. Приближаясь къ дому Петръ Иванычъ все больше и больше робѣлъ и приходилъ въ трезвость. Чувствовалась гроза.

Въ самыхъ воротахъ встрѣтилась какая-то фигура.

— Кто? грозно спросила она.

— Я-съ! робко произнесъ Петръ Иванычъ, узнавъ голосъ ожидаемой грозы... Семенъ Матвѣичъ?.. ласково добавилъ онъ.

— Свои! грозно брякнула фигура, хлопнувъ калиткой...

Совершенно оробѣвшій учитель счелъ необходимостію поскорѣе проникнуть въ гостиную, гдѣ пировали уже гости, и цѣлый вечеръ не могъ придти въ себя, боялся выйдти за двери, чувствовалъ, что сюртукъ сковалъ его члены и огнемъ жегъ все существо.

Семенъ Матвѣичъ тотчасъ же вернулся изъ-за воротъ въ свою комнату, загасилъ свѣчу и лежалъ, пожираемый всяческими муками. Онъ рѣшился мстить.

До момента пробужденія Семена Матвѣича отъ сна — месть его была особаго рода. Разсердившись и чувствуя себя обиженнымъ, онъ въ лютые морозы уходилъ на сѣнникъ и на отрѣзъ отказывался идти къ чаю, къ обѣду или ужину. Горничныя, кухарки, кучера, одинъ за другимъ посылались къ нему съ приглашеніями, но всѣ получали отвѣтъ „не хочу“.

Онъ чувствовалъ, что въ это время братъ съ женою говорятъ: — „что мы надѣлали? Семенъ Матвѣичъ осерчалъ; какъ быть“ и проч. Ему казалось, что это была самая жестокая месть. Наконецъ являлся самъ братъ на сѣнникъ и перемиріе заключалось. Впослѣдствіе времени такіе дѣтскіе капризы гиганта надоѣли; никто звать его къ обѣду не ходилъ, утверждая, что ежели

лежитъ онъ, — то и пускай! „Отлежится, — захочетъ самъ придетъ“... Гигантъ смутно понималъ, что такого рода месть падаетъ только исключительно на его же гигантское брюхо; не дождавшись зова до позняго вечера, онъ вскакивалъ съ сѣновала, вламывался въ кухню, молча сдвинувъ брови, таскалъ собственноручно изъ печки горшки и оставлялъ весь домъ безъ ужина, считая себя послѣ этого вполнѣ удовлетвореннымъ. Такимъ образомъ онъ убѣдился, что месть только тогда сильна и имѣетъ смыслъ, когда наноситъ ущербъ и поражаетъ бока и животы враговъ. Вооружившись этимъ взглядомъ, онъ въ настоящую минуту и разсчитывалъ итключительно только на бока Петра Иваныча.

Но Петръ Иванычъ не шелъ... Изъ отдаленной комнаты доносилось пѣніе пьяныхъ гостей и среди ихъ слышался голосъ учителя. Это почему-то еще больше обозлило Семена Матвѣича... „Забылъ, думалъ онъ, погоди-жъ! Не такъ запоешь“.

Паша между тѣмъ, утомленный ходьбой, засыпалъ за перегородкой, слушая стукъ неустойчиваго сундука, на которомъ поворачивается до бѣла раскаленный злобой дядюшка...

Вдругъ раздается какой-то трескъ..! Паша открываетъ глаза: не погаснувшая еще свѣчка валяется по полу, мѣдный подсвѣчникъ отлетѣлъ подъ стулъ... Дядюшка сидитъ верхомъ на учителѣ, растянувшемся на полу навзничь, и, дѣлая какія-то эволюціи, повторяетъ сквозь стиснутые зубы:

— Нѣтъ вррреш!..

— Мммм... мычитъ учитель, вывертывая голову изъ подъ могучей руки, задавившей все лицо и плотно прижавшей губы. Паша поспѣшно спряталъ голову подъ одѣяло.

— А? слышался злобный голосъ дядюшки и — пощечина.

— А?.. рычалъ спять Семенъ Матвѣичъ, превратившійся въ лютаго звѣря.

А вдали орали пьяные гости...

...На другой день, когда Павлуша открылъ глаза, онъ увидѣлъ няньку съ половой щеткой въ рукахъ.

— Ишь, волосищевъ-то натресъ... Меренъ!.. говорила она, подметая. Право меренъ!.. Поди теперича, у Петра-то Иваныча ни единаго волоска не осталось... Живодеръ! Вставайте, Павелъ Иванычъ, нонече ученья вашего не будетъ...

— Не будетъ? радостно спросилъ Паша...

— Учитель вашъ отошелъ въ лазаретъ... Дяденька, господь съ нимъ, можетъ ни одной косточки въ живыхъ не оставилъ у него...

Пашѣ было жаль переломанныхъ костей учителя, но за то онъ и радовался же, что не будетъ ученья!

Ему дали опять вздохнуть; потомъ снова служились молебны пророку Науму, снова подыскивались богословы и начинались многосложныя слова, новыя линейки и проч., и проч. Въ такихъ работахъ стукнуло Павлушѣ десять лѣтъ, а онъ не годился въ первый классъ. Рудневъ принужденъ былъ взять гимназиста, которыхъ онъ вообще не долюбливалъ. Только послѣ цѣлаго года занятій, набитая всякимъ мусоромъ голова стала привыкать къ занятіямъ сколько нибудь осмысленнымъ. Все-таки поступленіе Павлуши въ гимназію не обошлось безъ того, чтобы Рудневъ и тутъ не пожертвовалъ, не жалѣя. Жертвы эти шли каждый годъ, пока не настали новыя времена, не дозволявшія никакихъ жертвованій за отсутствіемъ жертвуемаго. Другой сынъ Руднева, которому пришлось явиться въ эту другую пору, оставался уже безъ всякаго призору.

ДРУГАЯ ПОРА.

Безпризорныя дѣти явились у Руднева совершенно въ другую пору его жизни. Эта другая пора, хлынувшая на чиновный людъ кучею разныхъ новинъ, прозвана въ провинціи всемірнымъ потопомъ. Потопъ этотъ поразилъ чиновниковъ своею неожиданностью и насталъ именно въ то время, когда люди беззаботно веселились и по возможности все устроивали къ своему благополучію.

Вода начала прибывать помаленьку. Сначала съ почты притащили объявленіе о какой-то газетѣ, съ почтительнѣйшимъ письмомъ къ управляющему канцеляріей, въ которомъ просили содѣйствія и сочувствія общему дѣлу у чиновниковъ, находящихся подъ его управленіемъ, — сочувствія, необходимаго именно теперь, когда настала пора отличить истинное отъ ложнаго, злое отъ незлого, доброе отъ недобраго и проч. Въ заключеніе говорилось, что настало время говорить своимъ голосомъ, и что подписка принимается тамъ-то. Въ доказательство же того, что онъ, редакторъ, отличилъ истинное отъ ложнаго, — прилагался нумеръ газеты, имѣвшій совершенно другое названіе, нежели „Московскія Вѣдомости.“ Это-то послѣднее обстоятельство и повергло чиновниковъ въ уныніе; до сего времени они полагали, что подъ словомъ газета разумѣются исключительно „Московскія Вѣдомости“; а тутъ оказывается что-то не то. Ни о битвѣ при Башъ Кадыкъ-

Ларѣ нѣтъ ни слова, — ни о Синопскомъ сраженіи, ни о генералѣ Андронниковѣ, ни о какомъ-либо подвигѣ русскаго рядоваго, изловчившагося подъ пулями ставить самоваръ и сквозь тучу ядеръ умѣвшаго пронести горшокъ щей и проч. Куда дѣвались всѣ эти герои, сіи чародѣи мужества и проч., и проч.? неизвѣстно. Въ прилагаемомъ листкѣ о вышесказанныхъ герояхъ не упоминалось; словомъ, было совсѣмъ не то. Упоминалъ ли въ этой газетѣ авторъ о тротуарномъ столбѣ, о который онъ спотыкнулся, возвращаясь домой, онъ не пропускалъ случая сказать: „пора намъ наконецъ сознать, что въ настоящее время и проч.“ Упоминалъ ли онъ о покачнувшемся фонарѣ, — онъ и тутъ прибавлялъ тоже, Всѣ чувствовали, что пора; въ доказательство пробужденія провинцій, приводилось множество корреспонденцій, въ которыхъ значилось, что вплоть отъ Шадринска до Мозыря и отъ Гиперборейскаго моря вплоть до Понта Эвксинскаго все возликовало, все желаетъ кого-то благодарить, обнять, разцѣловать, — и пользуясь этимъ радостнымъ временемъ, устроиваетъ литературные вечера. на которыхъ читаютъ „Бѣжинъ лугъ“, разсказъ о капитанѣ Копѣйкинѣ, и „остаются въ восторгѣ. Все видимо совершенствуется, ростетъ не по днямъ, а по часамъ и, по примѣру столичныхъ счастливцевъ, порицаетъ мѣстные тротуарные столбы и покачнувшіеся фонари, и точно также заканчиваетъ эти порицанія желаніемъ, что „пора намъ сознать.“ Время было превосходное.

Эта газета произвела на всю братію Палаты, въ которой служилъ Рудневъ, какое-то смутное, не предвѣщавшее добра, впечатлѣніе. Не знали куда дѣть ее, и что съ ней сдѣлать. Наконецъ рѣшили поступить по законамъ. Для сего сочувствовавшіе общему дѣлу чиновники (оказалось, что всѣ до одного сочувствуютъ) росписывались собственноручно на письмѣ редактора: „читалъ и сочувствую до послѣдней капли крови“. Контролеръ такой-то и т. д. Листъ съ подписями отправленъ къ редактору, съ почтительнѣйшимъ увѣдомленіемъ о готовности на все, не запрещенное закономъ (кромѣ подписки), а самая газета, поступила въ архивъ, была насквозь проколота шиломъ, связана веревкой конецъ которой припечатанъ казенной печатью. И теперь значится

за номеромъ, подъ названіемъ: „дѣло о журналѣ такомъ-то“, на столькихъ листахъ, — началось, и кончилось тогда-то.

Появленіе этой газеты, представляя собою совершенно небывалое доселѣ явленіе, почему-то считалось предвѣстіемъ недобраго; точно такъ, какъ комета съ хвостомъ непремѣнно наводитъ на мысль о войнѣ или холерѣ. Кромѣ того, изъ Петербурга доносились зловѣщіе слухи, что не только нельзя ждать прибавки, но напротивъ, въ скоромъ времени воспослѣдуетъ отбавка. Народъ находился въ тревожномъ состояніи.

Въ такую пору, какъ снѣгъ на голову, обрушился въ Т-ское губернское правленіе новый начальникъ. Сердца замерли. Старый начальникъ, удаляясь съ насиженнаго мѣста, заливался горючими слезами, присутствовалъ на обѣдѣ, данномъ чиновниками въ складчину, на которомъ произносились самыя искреннія, и задушевныя рѣчи или надгробныя слова прошлому. Рѣчи эти потому и были искренни, что говорившіе ихъ и сочувствовавшіе имъ, чутьемъ догадывались, что здѣсь надъ всѣми ими совершается заупокойная литія.

Новый начальникъ началъ съ того, что самымъ деликатнѣйшимъ образомъ отказался отъ хлѣба-соли и просилъ его впредь не подчивать.

Сослуживцы начинали костенѣть.

Изумленіе общее возрастало ежеминутно. Вслѣдъ за отказомъ отъ хлѣба-соли, новый начальникъ изумилъ еще тѣмъ, что тутъ же, подавая всѣмъ руку, говорилъ: „надѣюсь найдти въ васъ честныхъ и дѣльныхъ товарищей и проч., и даже сторожамъ говорилъ вы.

Ошеломленные невиданной доселѣ начальнической лаской, чиновники послѣ пожатія руки, такъ и окаменѣли на своихъ мѣстахъ. У каждаго рука оставалась протянутою впередъ, глаза, мутные, словно у замерзающаго человѣка, смотрѣли въ одну точку.

Когда страхъ прошелъ и чиновники сообразили все случившееся, то всѣ разомъ заключили, что съ такимъ мягкимъ начальникомъ можно жить за панибрата... И вслѣдствіе этого возликовали.

Но ликованіе было непродолжительно. Новый начальникъ, къ великому изумленію, не считалъ особеннымъ достоинствомъ годами пріобрѣтеннаго искусства подписыванія бумагъ, которое при его предшественникѣ выводило въ люди многихъ изъ чиновной мелкоты, не считалъ особенно полезнымъ для отечества — сидѣть въ присутствіи непремѣнно во фракѣ, и являлся просто въ пиджакѣ, что на начальника вовсе не походило. Не считалъ особенно вреднымъ для отечества закурить въ присутствіи сигару и проч., и проч. Все это было чѣмъ-то необыкновеннымъ; представленіе о начальникѣ сходилось въ головахъ сослуживцевъ съ представленіемъ опять о кометѣ въ видѣ огненнаго меча; мечъ этотъ не рубилъ головы ни одному изъ смотрѣвшихъ на него, а все-таки было жутко...

Взыгравшіе духомъ чиновники начинали снова костенѣть и скоро окостенѣли окончательно, когда начальникъ обратился къ цѣлому полчищу отборныхъ служакъ съ пожатіемъ руки и съ присовокупленіемъ къ этому фразы: „я бы васъ покорнѣйше просилъ пріискать себѣ другой родъ службы.“

— Ваше пр—во! Да у насъ дѣти, жены... хоромъ заголосили пришибенные.

— Все что только будетъ отъ меня зависѣть и проч., и проч.

Затѣмъ начальникъ удалился, а толпа чиновниковъ совершенно застыла съ разставленными руками и неподвижными глазами, смотрѣвшими въ полъ.

Такимъ образомъ всемірный потопъ обнаружилъ первыя попытки къ опустошенію. Нѣкоторые изъ развращеннаго рода человѣческаго или старались укрыться въ ковчегѣ, т. е. заблаговременно выхлопотать пенсію и закупориться въ благопріобрѣтенныхъ лачужкахъ, другіе же, подражая Ною, но не отъ избытка счастія, а отъ горя, нажали соку изъ виноградныхъ гроздій и валялись цѣлые дни безъ заднихъ ногъ.

Опустошеніе было ужасное.

Между множествомъ народа, снесеннаго при общемъ крушеніи, были оба братья Рудневы: Иванъ Матвѣичъ и Семенъ Матвѣичъ.

Рудневы въ эту пору почти-что вылѣзли въ люди, почти-что стали не хуже другихъ, — и въ этотъ моментъ вода поглотила ихъ. Иванъ Матвѣичъ въ послѣднее время былъ даже приглашенъ на обѣдъ къ губернатору, по случаю какого-то табельнаго дня, и хотя онъ тамъ не рѣшался взять куска въ ротъ, боясь начальниковъ, но все-таки одно присутствіе, одинъ выборъ изъ цѣлаго стада желающихъ, хоть глазкомъ взглянуть на это пиршество и потомъ умереть, — что нибудь да значитъ... И вдругъ потопъ!

Семенъ Матвѣичъ тоже нашелъ себѣ мѣсто въ ряду окружающихъ людей и предметовъ; говорю предметовъ, потому что, въ припадкѣ унынія и убѣжденія въ собственной ненужности и негодности, Семенъ Матвѣичъ часто сожалѣлъ, почему онъ не доска, не стулъ: на немъ бы хоть рубашки гладили, на немъ хоть бы сидѣли. Почему онъ, наконецъ, не полѣно, ибо въ такомъ случаѣ онъ давно бы сгорѣлъ въ печи, и вслѣдствіе этого въ настоящую минуту не терзался и не мучился-бы. Но полѣномъ ему быть не суждено и обстоятельства устроили ему иное тихое пристанище.

Новый начальникъ, осматривая палатскія комнаты, мимоходомъ вопросительно взглядывалъ на попадавшіяся въ шкафахъ съ бумагами бутылки, колбасы и прочее съѣстное, для подкрѣпленія силъ, отворилъ дверь въ чертежную и остановился, не рѣшаясь сдѣлать шага далѣе.

Чертежная была совершенно отдѣльная комната съ большимъ столомъ и высокими табуретами; въ комнатѣ этой не происходило никакихъ занятій, и Семенъ Матвѣичъ Рудневъ поэтому избралъ ее своей резиденціею. Въ послѣднее время, этотъ мужъ, совершенно приросъ къ палатѣ и никогда не оставлялъ ее, словно сросся съ ея стѣнами и поломъ. Послѣ долгой борьбы за существованіе, Семенъ Матвѣичъ вздумалъ навести атаку на чиновничьи карманы. Ближайшимъ средствомъ къ этому было наниматься за другого дежурить и получать за это четвертакъ. Такого рода занятія понравились ему; они не требовали никакихъ терзаній совѣсти исключали всякое присутствіе людей, надоѣвшихъ Семену

Матвѣичу до тошноты, и такимъ образомъ доставляли ему и покой, и нѣкоторый верхъ надъ прочей братіей, потому что скоплявшіеся мало по малу четвертаки навели его на мысль еще болѣе по эксплуатировать народъ. Чиновная братія, въ большинствѣ своихъ представителей ежедневно являющаяся съ похмѣлья, очевидно жаждала опохмѣлиться, и въ такой крайности прибѣгала за четвертаками къ Семену Матвѣичу, который получалъ долгъ вдвойнѣ отъ самаго казначея при мѣсячной раскладкѣ. Поведя такимъ образомъ свои дѣла, Семенъ Матвѣичъ скоро держалъ въ рукахъ всю палату, всѣмъ говорилъ ты и знать никого не хотѣлъ.

Привыкнувъ дежурить чуть не каждый день, Семенъ Матвѣичъ счелъ удобнымъ переселиться совсѣмъ въ палату; съ этою цѣлію въ пустую чертежную комнату перетащились его сундукъ и шкафъ; въ углу помѣстилось множество образовъ съ лампадами въ черныхъ закопченныхъ кіотахъ; спалъ онъ на столѣ, подложивъ подъ голову книгу о входящихъ и исходящихъ, и одѣвался шинелью, все болѣе и болѣе превращавшуюся въ одни лохмотья. Въ эту пору онъ не заботился объ одеждѣ и вообще о какихъ-бы то ни было расходахъ на свою персону, такъ какъ чувствовалъ приливъ величайшей скупости и скопидомства, которое заставляло его вести войну съ сторожемъ, претендовавшимъ на оставшіеся сальные огарки или разорванные конверты. Огарки эти, послѣ продолжителльной схватки съ сторожемъ, оставались въ рукахъ Семена Матвѣича и помѣщались въ огромномъ лубочномъ ящикѣ изъ подъ сальныхъ свѣчей, стоявшемъ подъ столомъ и заключавшемъ въ себѣ самое разнообразное содержаніе: старые голенища, пуговицы, клубки нитокъ, ремешки, веревки, гвозди, оторванныя подошвы, сломанные и залитые саломъ мѣдные подсвѣчники, галуны и проч., и проч. Сюргучныя печати Семенъ Матвѣичъ аккуратно вырѣзывалъ изъ отбитыхъ у сторожа пакетовъ и, перетопивъ ихъ въ печи, уступалъ регистратору, т. е. журналисту, занимавшемуся запечатываніемъ конвертовъ, который вслѣдствіе этого снюхался съ казначеемъ и дѣлилъ съ нимъ пополамъ сумму, назначенную на покупку новаго сюргуча.

Никто, поселившагося здѣсь Семена Матвѣича, не смѣлъ пальцемъ тронуть: — братъ секретаремъ, остальная братія въ рукахъ, старичокъ управляющій до этого дѣла не доходилъ.

Поэтому понятно, что новый начальникъ, остановившись въ дверяхъ чертежной, впалъ въ нѣкоторое изумленіе: передъ нимъ, вмѣсто комнаты присутственнаго мѣста, открылось цѣлое хозяйство, свое житье; хозяинъ былъ, по обыкновенію, совершенно не въ парадной формѣ. Поверхъ рубашки и панталонъ надѣта была та же шинель, которою онъ одѣвался; на ногахъ были сапожные опорки съ дырами, изъ которыхъ выглядывали пальцы; на столѣ избитый самоваръ съ проломанными боками и проч., и проч.

— Что вы изволите здѣсь дѣлать? спрашивалъ начальникъ.

— Живу...

— Служите?

— Писцомъ служу-съ.

— Да-съ... Да-съ... Да-съ.

Начальникъ помолчалъ, держа руки въ карманахъ и закусивъ нижнюю губу, и потомъ произнесъ:

— Ну, не смѣю вамъ мѣшать, и ушелъ.

На утро Семену Матвѣичу стоило великаго труда одѣться въ панталоны, сапоги и напялить галстукъ. Дѣлать было нечего, — звалъ новый начальникъ.

Когда Семенъ Матвѣичъ вышелъ послѣ аудіенціи снова въ толпу братій, къ нему посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы:

— Что? какъ?..

— Ничего...

— Не кричалъ.

— Ни-ни...

— И ласковъ?

— Такой разсыпчатый...

— Жалъ.

— Ну, стало быть, въ шею.

Когда дѣйствительно это предсказаніе сбылось, Семенъ Матвѣичъ вдругъ почувствовалъ, что рука, которую жалъ начальникъ, словно отвалилась или кто отсѣкъ ее.

Черезъ недѣлю послѣ аудіенціи, на пепелищѣ Семена Матвѣича суетилось нѣсколько поденщиковъ изъ отставныхъ солдатъ съ искалѣченными членами послѣ битвы при Синопѣ, — и, вооружившись заступами, метлами, скребками, швабрами и проч., старались очистить глыбы грязи, которую по всему огромному пространству комнаты расплодилъ недавній ея обитатель.

Чтобы покончить съ Семеномъ Матвѣичемъ, скажу, что онъ поселился гдѣ-то за заставой, въ лачужкѣ, и принималъ заклады. А когда всемірный потопъ прошелъ и животныя были выпущены изъ ковчега, то и Семенъ Матвѣичъ, сознавъ, что онъ ничуть не хуже любаго животнаго, выползъ и началъ проситься на службу опять...

Иванъ Матвѣичъ Рудневъ былъ въ большомъ загонѣ. Обстоятельства, видимо, перемѣнились и сама судьба смѣялась надъ нимъ: каково было видѣть его мягкой и легко разтрогиваемой душѣ, когда толпы мужиковъ, такъ недавно приходившія не иначе, какъ къ нему, теперь идутъ съ обнаженными головами къ другому секретарю, проживающему напротивъ дома Руднева. Секретарь былъ изъ новыхъ, былъ холостъ, танцоръ и имѣлъ за душой какую-то темную исторію съ одной дѣвицей, недопущенной впрочемъ къ подачѣ жалобы на секретаря въ уголовную палату. Отставной секретарь терзался: совѣсть его была чиста; какъ голуби ворковали они съ супругой десятки лѣтъ,—наворковали десятки ребятъ, и, къ несчастію, воркуютъ и теперь...

Отставной секретарь сразу съежился; правда, у него были небольшія залежныя деньжонки, но такъ какъ на виду у него, денежный потокъ направился совершенно въ другое бездонное море новаго секретарскаго кармана, то Иванъ Матвѣичъ считалъ долгомъ поскрѣпиться маленько, и отдалъ поэтому въ наемъ полъдома... Кромѣ новаго секретаря, его весьма убивала возраставшая годъ отъ году семья; послѣ ряда дѣвочекъ, предвѣщавшихъ счастье и добро, поползли мальчики, — къ горю конечно. Рудневу стоило большихъ усилій настроить себя на радостный манеръ при всякой новой прибыли. Какихъ трудовъ стоило переносить ему утѣшенія и радости родни, являвшейся на каждыя крестины съ одними и тѣми же фразами:

— Вельможа будетъ... Не забудьте насъ... говорилъ по прежнему родственникъ.

— Дитя есть мягкій воскъ, повторялъ священникъ.

А самъ Рудневъ занялъ роль совѣтовавшаго ему при рожденіи первенца драть ребятъ, и говорилъ только что женившемуся чиновнику:

— Ребятъ ты учи такъ: старайся нападать съ маху, и ущемивъ ухо, влеки въ колѣни и проч., и проч.

Дѣти, которымъ суждено было жить въ эту пору загона тятеньки, не могли разсчитывать даже на самый незначительный уходъ. Съ первыхъ дней послѣдній сынъ Петръ видѣлъ, что на него смотрятъ, какъ на обузу. Для него не разыскивали лучшихъ и самыхъ свѣжихъ кормилицъ, не покупалось новыхъ люлекъ, не покупалось игрушекъ; все было старое, — изъ подъ кроватей, изъ подъ шкафовъ вытаскивались лошади съ оторванными ногами, хвостами и головами, люльку не смазывали даже въ петляхъ, чтобы она не скрипѣла.—а вмѣсто кормилицы, кормили съ рожка, поручивъ всего Петрушу и процессъ ухода за нимъ старухѣ-нянькѣ, исполнявшей вмѣстѣ съ тѣмъ и должность кухарки. И такъ какъ ей поэтому нельзя было разорваться, чтобъ успѣть и за ребенкомъ ходить, и въ кухнѣ стряпать, то Петруша большую часть дѣтства провелъ въ кухнѣ.... Здѣсь постоянно стоялъ столбомъ чадъ и царствовалъ горячій, удушливый воздухъ; подъ люлькой Петруши пищали гусенята, рядомъ на логовищѣ няньки вывелись кошки, и вмѣстѣ съ этой народившейся мелюзгой жилъ и развивался Петруша... Надъ нимъ нянька не разсказывала сказки, въ которыхъ ходятъ люди въ золотѣ, всѣ счастливы и довольны, — ей некогда было; Петруша долженъ быть благодаренъ и за то, что она хоть укачивала его иногда по вечерамъ, при свѣтѣ сальнаго огарка. Закачивая Петрушу, старуха разсказывала ему свое прежнее житье. Разсказывая свою жизнь, старуха иногда брала рученку Пети и, отыскивая ею подъ повойникомъ большую яму на своей головѣ, говорила: — видишь какъ господа-то? Это утюгомъ мнѣ... Да что, такъ ли тиранили!.. По двѣнадцатому году было, барыня пойдетъ гулять зимой въ мо-

розъ, а я за ней босикомъ иди... Подожмешь ногу, потопчешься, — идешь... Мочи нѣтъ... А она видитъ и нарочно по вершочку шаги даетъ... Не стерпишь, покатишься по земи замертво...“

Сердце Петрушино болѣло за старуху.

— „Терпѣла я, терпѣла, разсказывала Старуха въ другой разъ, — нѣту моей моченьки, вскочила чуть свѣтъ,— сбѣжала... куда бѣгу, сама не знаю. Иду босыми ногами, въ одной затрапезной рубашкѣ да юбкѣ, по снѣгу, по сугробамъ... Нѣту дороги, — думаю замерзну. Пришла къ рѣчкѣ, — дорожка санная, вижу, чернѣетъ, — къ ночи дѣло шло, и прорубь прорублена,— стала надъ прорубью, — думаю утону... пущай утоплюсь, некому жалѣть... Вдругъ санки, священникъ ѣдетъ... — Что ты дрожишь?... — Такъ и такъ... Садись, дура... — Батюшка, увезите меня куда нибудь... барыня узнаетъ, убьетъ... — Садись, дурища... Сѣла я въ сани, пріѣхали въ городъ, отыскали мнѣ мѣсто такое, что лучше и не надо... Только, спустя эдакъ полгода, подъ самое рождество, хожу я съ хозяйкой по базару за покупками, — вижу барыня... Такъ я и обмерла: ноги, руки, затряслись... — А, шлюха, садись! закричала барыня. Я нейду; взяли силкомъ сбуторили, ввалили въ сани, привезли домой... билибили... Тутъ мнѣ и голову-то прошибли. Вотъ они, люди-то, каторжные...

Петруша только и слышалъ такіе разсказы.... Онъ жилъ въ кухнѣ, вмѣстѣ съ народомъ, который работалъ для господъ и отъ нихъ, а слѣдовательно думалъ и говорилъ не такъ какъ они. Здѣсь, кромѣ вѣковѣчной труженицы няньки, — всѣ окружавшіе Петрушу имѣли въ своемъ прошломъ одно и тоже горе, и жили одной надеждой, на будущее; кучера, горничныя, — все это на глазахъ Петруши думало и гадало о своей каторжной участи, и всѣ были обижены, только не своей братіей.

Призоръ няньки продолжался до тѣхъ поръ, пока Петруша не выучился самъ бѣгать и самъ не находилъ для себя занятія. Петруша на свободѣ забавлялся, какъ умѣлъ. Отыскавъ какой нибудь старый завалящій сапогъ, онъ находилъ удовольствіе въ темномъ уголку напяливать его на свою ножонку, и въ такомъ

костюмѣ медленно путешествовалъ по двору. Друзьями его, какъ и всегда были ужь ни какъ не чиновничьи ребятишки, а кучеръ или дворникъ. Петруша все больше и больше привыкалъ понимать мужицкія боли и все больше и больше отбивался отъ дому. Кучеръ иногда доставлялъ Петрушѣ удовольствіе: носилъ его на рукахъ подъ качели, кормилъ пряниками, водилъ даже въ театръ.

Мать Петруши, давнымъ давно охладѣвшая къ дѣтямъ, точно такъ же, какъ и отецъ, рада была, что ихъ меньше ползаетъ въ комнатахъ, и поэтому вспоминала о Петрушѣ только тогда, когда слышала его пронзительный плачъ гдѣ нибудь въ заднемъ углу двора, плачъ, продолжавшійся нѣсколько времени. Только тогда она говорила:

— Что тамъ съ нимъ? Кто его? Посмотрите.

И если плачъ этотъ продолжался еще, то мать иногда и сама поднималась съ мѣста, шла узнать, не подавился ли онъ чѣмъ и проч., и проч.

Какъ и мать, отецъ желалъ, чтобы въ комнатѣ меньше шумѣли и болтались дѣти, и поэтому рѣдко вспоминалъ Петрушу. Какъ-то разъ онъ, впрочемъ, вспомнилъ объ немъ?

— Что тамъ Петька-то какъ? живъ?

— Живъ, что ему, отвѣчала мать.

— Покажте его... Чай, мужикъ-мужикомъ...

Петя въ это время уже кой-что говорилъ... Чтобы показать барину его дѣтище, нянькѣ стоило большаго труда очистить его отъ всякой грязи, покрывавшей руки, ноги и щоки.

Когда Петруша былъ отскобленъ и принесенъ въ комнату, то сразу почувствовалъ, что ему всѣ здѣсь чужіе; и папашу, и мамашу, и всѣхъ и вся онъ готовъ бы былъ промѣнять на кухонныхъ котятъ и гусенятъ, своихъ первѣйшихъ друзей. Здѣсь особенно папаша какъ-то недоброжелательно смотрѣлъ на него.

— Ну, сказалъ онъ серьезно; чтожъ ты не говоришь ничего?..

Плебей дулся и хватался руками за шею няньки...

— Говори! произнесъ отецъ.

Плебей молчалъ.

— Эге-ге, братъ... Такъ ты вотъ какой... проговорилъ самымъ тоненькимъ голоскомъ отецъ... Дайте-ка вѣникъ...

И отецъ скоро показалъ сыну, что онъ дѣйствительно отецъ.

Нянька отняла изъ рукъ родителей плебея-ребенка и унесла его въ кухню, цѣлуя дорогою и говоря:

— Ахъ ты моя умница!...

Петруша не понималъ, за что его нянька называетъ умницей и за что папаша отодралъ его.

Такимъ образомъ мало по малу, съ годами, сама судьба незамѣтно развивала въ немъ любовь къ этимъ угнетеннымъ труженикамъ, и нѣсколько подозрительно глядѣлъ онъ на всѣхъ людей, именовавшихся господами. Онъ удивлялся, какъ могла жить съ спокойною совѣстью та барыня, которая избила его няньку, старуху. Удивлялся, почему всѣ смотрѣли на Петрушину мать, какъ на добрую и хорошую женщину, хотя она часто на глазахъ сына грызлась съ прислугою, ни въ чемъ не виноватою? Отецъ Петруши тоже считался хорошимъ человѣкомъ и назывался добрымъ бариномъ, а между тѣмъ дралъ же его, Петрушу. Баринъ, который вчера избилъ его знакомаго солдата, и котораго Петрушѣ удалось какъ-то видѣть, не возбуждалъ ни въ комъ никакого негодованія?...

Отецъ его, замѣтивъ наконецъ, что Петруша на свободѣ совсѣмъ отбился отъ рукъ, — принужденъ былъ подумать о сынишкѣ: что теперь съ нимъ дѣлать, драть ли его или учить?

Мать тоже подумала и сказала:

— Ты сначала маленько похворостинь его, а потомъ само собою и учить.

И родители начали сначала драть....

Впослѣдствіи времени Петрушѣ нашли учителя гимназиста, который и началъ готовить его въ 1-й классъ. Петръ былъ, относительно ученія, счастливѣе брата тѣмъ, что имѣлъ возможность начать прямо съ того, до чего брату пришлось додуматься го-

раздо позже. Не скажу, чтобы ученіе Петруши шло особенно успѣшно: рваные и затхлые учебники неприковывали его настолько къ своимъ страницамъ, чтобы онъ могъ бросить бѣгать на рѣку купаться или ловить рыбу, играть на погостѣ въ лапту, или устроивать змѣи... Все это предвѣщало въ немъ сорванца.... Сорванецъ дѣйствительно вышелъ. И въ настоящую минуту, когда Павелъ стоитъ посрединѣ полнаго бездорожья, не зная куда преклонить голову, чѣмъ интересоваться, за кѣмъ бѣгать, и наконецъ жить-ли, — Петръ крайне надоѣдаетъ начальству ежеминутными продѣлками, требующими карцера, черной доски, и пока о дорогахъ не думаетъ.

ПРИМѢРНАЯ СЕМЬЯ.

Мелкія, разрозненныя и отупляющія однообразіемъ служебныя обязанности, печальныя условія экономическаго быта, — все это мало по малу мертвитъ въ многочисленныхъ представителяхъ мелкаго чиновничества, — крошечныя, повидимому, незамѣтныя требованія человѣческой природы, и искажаетъ чиновничій бытъ до смѣшнаго и ужаснаго. Вспомните горькихъ пьяницъ, — начавшихъ хлебать черезъ край послѣ двадцатилѣтняго пребыванія въ одной и той же должности; вспомните домашнихъ тирановъ, звѣрски орудующихъ надъ семьей, — которая сначала была ихъ отрадой и пр. и пр. — все это искаженныя проявленія неудовлетворенныхъ или задушонныхъ человѣческихъ требованій. Но тамъ, гдѣ при тѣхъ же, печальныхъ условіяхъ быта, вырабатывается жизнь, нечувствующая горя, не заявляющая о своемъ правѣ на человѣчность, хоть бы пьянствомъ, гдѣ — слѣдовательно достигается идеалъ, къ которому стремятся условія чиновническаго быта, — тутъ происходятъ вещи, — еще отвратительнѣе. Мнѣ удалось видѣть одну семью, нравы которой въ этомъ смыслѣ, — почти идеальны.

На одной изъ улицъ г. N стоитъ двухъ этажный, необыкновенно узкій, какъ будто сдавленный съ боковъ, трехъ оконный

домъ; вверху — жильцы, внизу хозяева. Какъ тѣ, такъ и другіе въ мельчайшихъ подробностяхъ знаютъ, что дѣлается, и даже думается въ извѣстную пору внизу или вверху: стóитъ на верьху двинуть стуломъ, и потомъ заскрипѣть кровати — какъ внизу уже знаютъ, что это Марья Ильинишна легла спать, и т. д. Семейство хозяевъ состоитъ изъ вдовы, ея сына и его жены. Все это тріо отличается необыкновенною тишиною нравовъ, признавая единственнымъ законодателемъ и рѣшителемъ всѣхъ вопросовъ исключительно маменьку; сама маменька съ этимъ тоже вполнѣ согласна; кромѣ этого, особенную, исключительную черту этой семьи составляетъ постоянное разстройство желудковъ, и вообще крайне проховое тѣлосложеніе: какъ будто матерьялу изъ котораго вылеплены эти три существа, — отпущено было слишкомъ мало, такъ что едва-едва хватило на всѣхъ ихъ; при этомъ на сооруженіе головы пошли самые обрѣзки и обрубки, съ достаточною дозою воды; стоитъ взять одного изъ членовъ этой семьи, чтобы получить ощущеніе мокрой губки. Такого рода тѣлосложеніе заставляло съ измальства ходить, заткнувъ уши ватой, добиваться испарины, и опасаться сквознаго вѣтра; а такъ какъ подобнаго рода враги существуютъ постоянно, то постоянно и вниманіе было обращено исключительно на нихъ; побѣда поэтому желалась только надъ ними и, стало быть, полное счастіе было при самыхъ незатѣйливыхъ условіяхъ.

Сложилась эта примѣрная семья такъ: Покойникъ Пискаревъ, занимавшій какую-то, теперь уже несуществующую, должность, — оставилъ своей вдовѣ домъ, сына по одному гóду и крошечную пенсію. Положеніе вдовы было трудное: ей теперь одной приходилось имѣть зубы, которые бы ровнялись въ сложности зубамъ законныхъ супруговъ, — потому что у ней по прежнему существовали куры, по прежнему со всѣхъ сторонъ существовали сосѣди, и гнилые заборы, черезъ которые куры будутъ летать точно такъ, какъ и при покойникѣ, только отбить ихъ теперь будетъ много труднѣе, потому что нужно устроивать свалку втрое обширнѣе; вторая забота — надо воспитывать сына. Объ этóмъ нужно было уже думать и неограничиваться одними зубами. Но Господь помогъ въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ; къ великому удив-

ленію, куры хоть и перелетали черезъ заборъ, но были возвращаемы при первыхъ требованіяхъ: одинъ видъ вдовы Пискаревой, съ мужской продолговатой физіономіей, украшенной круглыми мѣдными очками, и большимъ чепцомъ вовсе не рисовалъ въ ней ту разбитую сосѣдку, которая обладаетъ необыкновенно визгливымъ горломъ, ежеминутною способностію выступить въ походъ съ ухватомъ и пр. Сосѣдки пожалѣли даже покойника, ибо увидали, что всѣ когда-то происходившія дебаты изъ за куръ происхожденіемъ своимъ обязаны исключительно ему. Такимъ образомъ дѣло съ курами было улажено незамѣтно.

Вторая трудность — выростить сына, — трудность не малая, — но зато и плоды ея тоже неизчислимы: съумѣвъ достигнуть того, чтобы не знать ничего, кромѣ четырехъ стѣнъ своего жилища, вдова Пискарева достигла впослѣдствіи полнѣйшаго покоя, сдѣлавъ единственнаго человѣка, который вязался съ ея сердцемъ, — прямымъ порожденіемъ этихъ стѣнъ, почитателемъ ихъ, ежеминутно страдавшимъ при всякой попыткѣ сунуть носъ на сторону. Маменька для него все: маменька сказала, что образъ, который виситъ въ передней и на которомъ, вслѣдствіе полнѣйшей тьмы, — Сеня ничего не могъ разобрать, — что образъ этотъ греческаго писанія, что такихъ образовъ теперича нигдѣ сыскать невозможно, — и Сеня теперь умереть готовъ, если ему скажутъ иное... Помнитъ онъ, какъ разъ въ лютую зиму вошелъ въ переднюю какой-то оборванный, въ лохмотьяхъ человѣкъ, и началъ жалобно болтать на какомъ-то, совсѣмъ не нашемъ языкѣ: повръ, повръ, анфанъ, анфанъ и пр. Маменька все говорила на это: „дома никого нѣту;“ нѣмецъ снова начиналъ конючить, а маменька снова орала ему: „говорятъ тебѣ, господа въ городъ ушли.“ Нѣмецъ долго стоялъ, молча, ожидая, что-нибудь своимъ бѣднымъ дѣтямъ, но видя передъ собой только изумленную рожу Сенички, и непрошибимое хладнокровіе старухи, углубившейся въ вязанье чулокъ, — вздохнулъ и вышелъ вонъ... Маменька тотчасъ устроила діалогъ съ кухаркой, по тому поводу, что „ни договорюсь, — сколько не говорю — запирай двери на крючокъ.“ Осмотрѣла все ли цѣло въ передней, не стянулъ ли нѣмецъ салопа и потомъ уже удовле-

творила любопытство Сенички, пристававшаго съ разспросами: „кто это такой?“

А это, говорила мать, нѣмецъ. Я сейчасъ его узнала по языку... Видѣлъ, какой у него языкъ-то — красный какъ огонь, — и длинный, какъ змѣя? Невпримѣръ православныхъ языковъ длиннѣе!.. Вотъ ты, Сенюшка, и замѣчай, — какъ ежели увидишь у кого языкъ длинный и красный, и знай ты, что это не нашъ крещенъ-человѣкъ, — а нѣмецъ, и говоритъ-то онъ не по нашему, потому что языкомъ-то ему ворочать трудно, — тяжелый (это ихъ Богъ наказалъ), — отъ этого ничего у нихъ и не поймешь...

Сеничка слушалъ эту тираду о языкахъ и націяхъ, — и если ему даже теперь сказать, что у его маменьки языкъ будетъ много подлиннѣе французскаго, и что она между тѣмъ отнюдь не французъ, и Богъ между тѣмъ ее не наказываетъ, — онъ умретъ, повторяя: „анъ нѣтъ, анъ нѣтъ.“ Такимъ-то образомъ всѣ познанія шли къ Сеничкѣ изъ рукъ матери, которая готовила ихъ, такъ сказать, съ маху, и притомъ съ невыразимою быстротою. Въ гимназіи Сеничка не высидѣлъ и двухъ лѣтъ: — въ то время было трудное ученье, — науки были невпримѣръ страшнѣе нынѣшнихъ: то и дѣло раскраивались лбы, отрывались уши, выщипывались цѣлыя лысины дѣтскихъ волосъ. Сеня былъ комплекціи слабой, — и материнское сердце, крѣпко болѣвшее надъ явственными признаками посѣщенія Сениной головы наукою, рѣшилась прекратить ученіе; одно уже оторванное ухо, ясно говорило, что познаній Сенею захвачено на столько, что съ ними легко можно будетъ одолѣть кой-какія чиновническія обязанности. Такимъ образомъ изъ рукъ мамаши Сеничка былъ переданъ на руки канцелярскихъ старожиловъ; одинъ изъ всѣхъ молодыхъ чиновниковъ, онъ не пьетъ водки, — ходитъ въ лѣтнюю пору съ ватой въ ушахъ, не обнаруживаетъ никакихъ весеннихъ стремленій, по прежнему покупаетъ чижей и ухаживаетъ за ними. Жалованье все идетъ матери, и сыну оставляется сумма, потребная на покупку чижа.

— Семенъ! сказала разъ — ему мать, — ужь ты сегодня чижика-то не чисть... некогда — мы съ тобой къ невѣстѣ пойдемъ.

У Семена и руки и ноги задрожали.

— Къ какой, маннька, къ невѣстѣ?

— Къ твоей...

— Маннька, какже это?.. Я, ей-Богу, боюсь...

Маменька нѣсколько даже усмѣхнулась...

— Охъ ты, моя дурашка! Что тебя съѣдятъ, что-ли? Будешь теперь съ женой жить, — вотъ и сказъ...

— Да ей-Богу, я не знаю...

— Ну я научу... Ужь это не твое дѣло...

Сынъ успокоивается, — маменька худому не научитъ. Невѣста оказывается тоже какого-то золотушнаго, губчатаго тѣлосложенія, — съ испуганнымъ выраженіемъ въ лицѣ.

Весь разговоръ жениха и невѣсты до свадьбы, — вертѣлся на такихъ предметахъ...

— Покорнѣйше благодарю, я больше чаю не хочу-съ, говорилъ женихъ...

— А еще не хотите? съ великимъ испугомъ говорила невѣста...

— Никакъ нѣтъ-съ...

Сеня въ это время смотритъ на маменьку, спрашивая глазами: можно-ли еще?

— Пей, чего-ты? произноситъ маменька...

— Ну позвольте, полчашечки...

Или:

— Это ваша кошка?

— Наша?

Молчаніе.

— У насъ тоже есть, Машкой звать...

— И нашу Машкой...

И т. д.

— Ну, что — полюбили вы другъ друга? спрашиваютъ юную чету родители.

— Полюбили...

— Очень.

— Очень-съ...

— Ну, такъ чего-жъ тутъ волочить-то?..

Волочить, дѣйствительно, не изъ чего; за нѣсколько часовъ до свадьбы мать сыну что-то усиленно шепчетъ на ухо...

— Ей-Богу я ни зачто... Какъ это можно!

— Да дуракъ! шопотомъ произноситъ мать и еще убѣдительнѣе начинаетъ работать губами, надъ ухомъ сына.

Сынъ, какъ будто, убѣждался въ справедливости резоновъ, приводимыхъ матерью и почти не возражалъ, — отчего, начинавшая успокоиваться маменька была несказанно изумлена, услыхавъ по окончаніи монолога: — „Ни за что на свѣтѣ!..“

— Прокляну! оставалось сказать ей... Сеня мгновенно притихъ, дѣло было слажено и Сеня началъ жить съ женою.

Черезъ мѣсяцъ мать спрашивала:

— Ну что, теперь веселѣе жить-то?

— Теперь, маннька, чудесно...

— Привыкъ?

— Привыкъ-съ...

— То-то дуралей!..

Сеничка изображаетъ безпредѣльно счастливую улыбку: глаза жмурятся, и хныканье слегка переходитъ въ нѣкоторое ржаніе.

Теперь маменька очень счастлива.—Она начала ясно понимать, что жизнь ее идетъ совершенно также, какъ и жизнь всякой достойной уваженія женщины: съ мужемъ жила она, — наживали, домъ выстроили, не хуже другихъ стали; вдовѣла, — горя многое множество перенесла, — но такъ какъ все — Богъ, — то и тутъ съумѣла выкарабкаться: сына выростила, воспитала, на службу опредѣлила и теперь женила. Мало-ли? Чтобы, стало-быть, закончить свою жизнь, вполнѣ исполнивъ начертанную годами программу, нужно теперь внучатъ; нужно, чтобы она, Пискарева, была бабушка, чтобы она же нянчила внучатъ, и чтобы стало-быть все, что только въ эту пору ни дышетъ около нее, все это была ея собственность, и безъ нея ни дышать, ни думать, ни шагу сдѣлать, — отнюдь не можетъ.

По этому, всѣ мысли господъ Пискаревыхъ теперь были о дѣтяхъ. Но къ великому горю, — дѣтей не было. Ждали годъ, ждали два, — нѣтъ. Общая скорбь одолѣла всѣхъ. Ждали еще годъ, — нѣту; совѣты и попытки помочь горю продолжались безъ конца; то совѣтовали Сеничкѣ въ банѣ облить жену черезъ плечо, то испить травы, настоянной на громовой стрѣлѣ, то двѣнадцать зорь говорить, обернувшись спиной къ солнцу, какія-то символическія слова. Однако все это не помогало.

Пріискиваютъ средство другаго рода.

— Ты, Сеня, слушай: три ночи... — какъ у Казанской къ утрени въ первой вдарятъ...

— Маннька, я засну...

— Ну я тебя разбужу...

Бѣдная мать, цѣлую ночь дремлетъ у кровати спящихъ супруговъ, и ее заботливую голову. до бѣлаго дня не покидаетъ мысль, „а авось, хотя это пособитъ...“

Старуха сидитъ и клюетъ носомъ...

Загудѣлъ колоколъ.

— Семенъ! Семенъ! Оглохъ, что ли... Звонятъ...

Семенъ вскакиваетъ съ ополоумѣвшими глазами...

Опять ждутъ годъ, — и опять ничего.

Уныніе одолѣваетъ семью, и иногда все тріо заливается горючими слезами...

Какъ-бы то ни было, — госпожѣ Пискаревой пришлось убѣдиться, что внучатъ у ней не будетъ, что невѣстка ее бездѣтная... Дѣти, по всей вѣроятности, своимъ появленіемъ внесли-бы множество хлопотъ, и стало быть, жизнь пошла бы нѣсколько разнообразнѣе. Этого разнообразія, при данныхъ условіяхъ, ждать было невозможно, и приходилось ограничиваться исключительно тѣмъ, что есть на глазахъ; что же такое есть на глазахъ? — Куры, — вотъ за ними надо, стало быть, усиленнѣе ходить, — и во вторыхъ больные желудки... Надо, стало быть, лечиться, плотнѣе затыкать уши и пр. и проч. Болѣе другихъ жаждали

дѣятельности при внучатахъ, — маменька и жена, — эту же энергію хлопотъ перенесли они и на заботы о здоровьѣ... Сеничка взялъ въ свое распоряженіе область куръ. Его не трогали, пока онъ мирно велъ бесѣды въ курятникѣ съ любимыми или нелюбимыми курами, — защищалъ здѣсь слабыхъ и каралъ сильныхъ,— но лишь только онъ попадалъ въ комнату, какъ вмѣстѣ съ тѣмъ попадалъ и въ когти нѣжнѣйшей заботливости жены и матери... Вслѣдствіе этой заботливости весьма часто устраивались такія сцены. Стоитъ Сеничка, послѣ обѣда, съ трубкой, у окна, и глядя на сосѣдскаго пѣтуха, — гордо разгуливающаго по улицѣ, сладко думаетъ: „погоди, милый человѣкъ, — я тебѣ прыть-то посшибу... пособью... ты думаешь, хохолъ-то твой застрахованъ... егге — братъ!.. шалишь...“ и проч. А въ это время въ углу, за его спиной, и мать и жена, сообщая что-то другъ другу на ухо, не спускаютъ глазъ съ Сенечки, качаютъ головами и толкуютъ:

— Что это, бытто, онъ въ лицѣ осунулся. Правда!..

— И глаза мутные...

— Гм...

Мать изчезаетъ въ однѣ двери, жена въ другія. Черезъ полчаса, въ продолженіи которыхъ Сеничка не оборачивалъ назадъ головы, такъ какъ пѣтухъ приковалъ все его вниманіе, — возвращается жена и мать, съ самоварами въ рукахъ; изъ средней двери, прямо за спиной Сенички, выступаетъ кухарка, держа обѣими руками, распахнутый тулупъ...

— Заходи, заходи, сзади... шепчутъ мать и жена...

Кухарка на цыпочкахъ приближается къ барчуку.

— Съ разу его! командуетъ мать...

— На земь, на земь вали, я перину подослала, командуетъ жена.

— Ахъ, батюшки! вскрикиваетъ Сеничка, барахтаясь на перинѣ въ тулупѣ, которымъ плотно завернули его могучія руки кухарки. А въ это время изумленные глаза его, пытливо доискивающіеся въ чемъ дѣло, — встрѣчаютъ два стакана, — одинъ съ шалфеемъ, другой съ мятой, стремящіеся поспѣшно къ его рту...

— Маннька, чтожъ это такое?

— Пе-ей!.. съ усиленнымъ удареніемъ говоритъ маменька, накачивая сына мятой...

— Ему-бы на животъ припарку? совѣтуетъ жена.

— Погоди-и! дай пропотѣть хорошенько... Вторые поты начнутся, — тогда на животъ...

А сынъ, успѣвши войдти въ роль больнаго, судорожно схлебываетъ съ блюдечка, то шалфей, то мяту...

— Ну, теперь легче? спрашиваетъ мать...

— Теперь, маннька, легче гораздо...

— Хорошо, что во время захватили...

Скоро окно завѣшено ковровымъ платкомъ, чтобы не особенно ярко билъ свѣтъ и не кусали мухи,—потому, что Сеничка спитъ!.. Во время сна постоянно то мать, то жена, поминутно прокрадываются къ нему, трогаютъ лобъ руками.

— Что? Жаръ?

— Меньше...

— Ну, слава Богу...

Вечеромъ Сеничка просыпается съ какой-то кислой физіономіей, и съ легкимъ кашлемъ.

Такимъ образомъ идетъ жизнь семейства Пискаревыхъ. Утромъ Сеня отправляется въ канцелярію, и шествуя вялою, сонною поступью, бываетъ очень недоволенъ, что на пути безпрестанно попадаются извощики, бѣгутъ люди, и все это не даетъ покою. — И что это имъ не сидится? размышляетъ Сеня. Мать и жена остаются дома: мать вяжетъ чулокъ и размышляетъ на слѣдующія двѣ темы: что ежели бы Сеню богоявленской водой спрыснуть?— авось какъ нибудь тогда насчетъ внучатъ дѣло сладится; а другое желаніе: чего бы къ обѣду наварить подешевле? что, между прочимъ, — составляетъ одну изъ главныхъ цѣлей чиновнаго быта. Жена собирается дѣлать любимыя Сеней левашники. Тихо идутъ будни, — вдругъ, подъ окнами, съ говоромъ и шумомъ пробѣгаетъ толпа народа. Проснулись собаки, проснулись люди и высунули свои испуганныя лица на улицу.

Милый человѣкъ? слышатся вопросы отовсюду. — Не знаешь ли что такое?

— Одинъ милый человѣкъ, запыхавшись бѣжитъ мимо. Точно также другой, третій. Это даетъ обывателю возможность подумать, какъ нынѣшній народъ Бога забылъ... Наконецъ выручаетъ какая-то старушка, при всѣхъ стараніяхъ, неугнавшаяся за толпой. Старуха сначала нѣсколько минутъ откашливается, надрывая свою разбитую грудь и напрягая на дряблой шеѣ всѣ жилы, и потомъ говоритъ...

— Такое дѣло, милые мои... Я, признаться, хорошо-то и не знаю, только сказывала куфарка сосѣдская, бытто, у Кузминыхъ кучеръ крысу поймалъ... Этакая большущая, каторжная... Онъ за ней — она отъ него... Хотѣлъ ее, вишь, полѣномъ пришибить,— ушла... Вотъ народъ сбѣжался, погналъ... Незнаю, что дальше... Надыть подождать, поспрошать народъ... Охъ... ноги-то мои не ходятъ,—а то бы я это все въ подлинности увазнала: какъ и что...

Старуха, снова начинающая кашлять, садится отдохнуть у воротъ...

— Которой тебѣ годъ, бабочка?

— Да поди девяносто лѣтъ—милая... Охъ, что-то они тамъ, съ крысой-то...

Лицо старухи изображаетъ крайнюю заботу. Наконецъ толпа возвращается назадъ. Кучеръ побѣдоносно несетъ убитую крысу за хвостъ. Общее оживленіе, общій говоръ...

— Ахъ! голубчики! всплеснувъ руками, вскрикиваетъ отъ радости старуха, снимаясь съ своего мѣста.

— Ловко, Петровичъ... Ей-Богу, — какъ мы ее жиганули...

— Я, братцы мои, — гляжу, — что такое? Семъ, думаю, попытаю... Топнулъ ногою-то, а она пырь наружу... А! думаю...—неуйдешь...

— Ха, ха, ха... вважна!

— Какже это ты ее...

— Я ее перво метлой... Пустился за ней въ каретный сарай, она въ бочку, я метлу туда, только, подлая, какъ шаркнетъ... и проч. и проч.

Толпа валитъ, разговоры оживлены, нѣкоторые мастеровые складываются на выпивку...

А кучеръ, шествуя безъ шапки, продолжаетъ тащить крысу за хвостъ; отовсюду продолжаютъ слышаться вопросы: „да какъ же это ты, братецъ, ее? а?“ Кучеръ съ тщательностію отвѣчаетъ на каждый изъ этихъ вопросовъ, возбудивъ разсказомъ восклицанія: — „Ахъ что-бъ тебѣ!.. Ей-Богу — важно обработалъ.“

Сеничка приходитъ изъ канцеляріи и сообщаетъ такого рода новость:

— Маннька, нонича судейскіе въ газетѣ читали, бытто, изъ Севастополя наши французовъ шесть верстъ по морю на лошадяхъ гнали...

— Такъ ихъ и надо!...

— Только, маннька, какже это по водѣ-то?..

— Нукштожъ такое? Чай, генералы гнали-то...

— Генералы, маннька, это точно, что генералы.

— Ну вотъ такъ и есть: ты думаешь, генералъ то станетъ тебѣ глядѣть, — что это вода али земля... Затрубилъ въ трубу, — вотъ и весь разговоръ.

— Я и самъ такъ думаю...

— А у насъ нонича крысу поймали; извѣщаетъ жена.

— Гдѣ? Когда?

— У Кузьминыхъ кучеръ... Она отъ него въ бочку, а онъ ее метлой...

— Погоди! останавливаетъ мать: прямо и въ бочку... Пойдетъ она прямо-то: первое дѣло, Кузьма топнулъ на нее, — она вонъ, — онъ за ней...

— Ну?

— Ну, сбѣжался народъ — убили.

— Ахъ, жалость, ей-Богу, — съ этой съ кацеляріей ничего не увидишь!

— Да мы тебя вспомнили: стрась народу собралось...

Сынъ очень горюетъ...

Приходитъ вечеромъ гость попить чайку, поговорить. Разговоры гость ведетъ такіе.

— Эко свѣчи нынче какія подлыя, — оплываютъ...

— Дда! вы четверикъ палите?..

— Четверикъ... говорю Костромину: что это, говорю, свѣчи вы даете, — ни начто не похоже... — у самихъ, говоритъ, такіе, — народъ избаловался, — вся причина...

Молчаніе. Гость, чтобы занять антрактъ, нюхаетъ табакъ, стараясь какъ можно дольше продлить это удовольствіе, и запихивая табакерку въ задній карманъ сюртука, говоритъ:

— Хотѣли было нониче, клоповъ обварить, — да такъ что-то замѣшкались.

— Намъ, маннька, тоже надо.

— Надо!.. Какъ нибудь свѣтлый денекъ попаду, я ихъ всѣхъ выжгу.

— А у насъ, произноситъ молодой Пискаревъ, замѣтивъ, что гость уже два раза съ ряду зарядилъ свой носъ и все таки не находитъ тэмы для разговора. А у насъ нониче крысу поймали...

— О? радостно восклицаетъ гость.

— У Кузьминыхъ, спѣшитъ сказать жена.

— Кучеръ поймалъ, спѣшитъ сказать мать...

— Говорятъ публики было, — страсть! торопится прибавить сынъ...

— Какже, — благородныхъ очень много прибыло... Должно полагать, какіе нибудь князья, подтверждаетъ мать.

Такъ тянутся дни и вечера; иногда, впрочемъ, Сеня достанетъ какую нибудь книжку и читаетъ ее вслухъ; книжка всегда почти такого рода, что улыбки и смѣха не возбуждаетъ; описываются предметы чувствительные, заставляющіе всѣхъ вздыхать, женщинъ еще разъ убѣждаться, что всѣ мужчины подлецы и вѣроломщики, а мужчинъ, что всѣ женщины тиранки и тоже вѣроломки. Впрочемъ книги въ этомъ быту — вещь рѣдкостная и по совѣсти сказать, — ненужная... Читать не за чѣмъ да и некогда: гость уходитъ рано, часу въ восьмомъ, и маменька тотчасъ-же заботится объ ужинѣ. Сеничка ѣстъ много, только въ прокъ такая ѣда почему-то не идетъ. Время за ужиномъ проходитъ почти въ молчаніи; маменька останавливаетъ Сеню, когда тотъ начнетъ чавкать или громко заговоритъ или засмѣется...

— Гдѣ ты сидишь? говоритъ мать въ такихъ случаяхъ. А?

Что ты въ конюшнѣ что-ли сидишь, — ржать принялся? Тутъ даръ Божій...

— Маннька, я не буду...

По мѣрѣ того какъ Сеня наѣдался, неопредѣленная улыбка появлялась на губахъ его все чаще; почему-то хотѣлось смѣяться; онъ вытягивалъ подъ столомъ ногу и толкалъ жену въ колѣно; если маменька не замѣчала этого, то Сеничка запускалъ подъ столъ руку. Жена наконецъ вскрикивала и мать узнавала все.

— Пошолъ спать! говорила она съ сердцемъ.

— Маннька...

-- Пошолъ молись Богу!.. Пошолъ!.. И ты пошла!

Мужъ и жена становились рядомъ...

Во время молитвы Сеничка почему-то начиналъ чесаться: то скребъ колѣнку, то спину, и перевиралъ слова молитвы безпощадно. При началѣ „богородицы“ — онъ начиналъ зѣвать. Но маменька дожидалась пока дѣти произнесутъ „и всѣхъ православныхъ христіанъ“ — и сама укладывала ихъ спать.

Наставала ночь.

Примѣрное семейство это существуетъ и по нынѣ, не измѣнивъ своего образа жизни ни на іоту, и надо думать, что въ вѣчную жизнь они отойдутъ всѣ разомъ, объ розничное, такъ сказать, существованіе ихъ немыслимо.

ДЕРЕВЕНСКІЯ ВСТРѢЧИ.

I.

НЕЧАЯННЫЯ ГОСТИ.

Подъ вечеръ, въ домѣ Лытовскаго дьякона, на столѣ кипѣлъ большой, красный, съ зелеными потеками, самоваръ, изъ аляповатой рѣшотки котораго по временамъ съ трескомъ вылетали большія искры. Дѣло происходило въ комнаткѣ съ почернѣвшими стѣнами, большой стряпущей печью и маленькими, четырехъ угольными оконцами, къ которымъ большими гвоздями были прибиты тончайшія кисейныя занавѣски, съ бахрамой изъ красныхъ шерстинокъ. За образомъ была заткнута большая кленовая вѣтка, далеко стлавшаяся по потолку: вѣтка эта по видимому служила непрестаннымъ воспоминаніемъ о днѣ святыя Троицы, но въ сущности была предназначена для мухъ: мухи садились на нее и поэтому ихъ было меньше въ комнатѣ. Кое гдѣ на стѣнѣ болталась лубочная картинка, приколотая булавкой; вообще комната была бѣдна и грязна: чистая половина дома, только-что отстроенная послѣ пожара стояла безъ рамъ и поэтому тамъ еще никто нежилъ.

Нечаянныхъ гостей собралось довольно: кромѣ меня и пріѣхавшей изъ посада мѣщанки въ комнатѣ присутствовали: дьяконица, самъ дьяконъ, и дьяконскій племянникъ, молодой исключенный семинаристъ. При появленіи своемъ въ горницу, онъ нѣсколько смутился, увидавъ чужаго человѣка, и тотчасъ же было снова попятился въ сѣни, но дьяконъ вытащилъ его оттуда за руку. Семенъ Матвѣичъ (племянникъ) отошелъ къ печи, кашлянулъ, тронулъ рукой шею, опять кашлянулъ, всталъ, сѣлъ,—вообще чувствовалъ себя неловко; но благодаря табаку, который предложилъ ему я, знакомство мало по малу завязалось: неза-

мѣтно, отъ неудобствъ, сопряженныхъ съ добываніемъ въ деревнѣ табаку, о чемъ сообщилъ онъ мнѣ, разговоръ перешелъ къ охотѣ, къ перепеламъ, и Семенъ Матвѣичъ оживлялся все болѣе и болѣе. Скоро онъ уже видимо не стѣснялся своимъ нанковымъ сюртучкомъ, запыленнымъ и отсырѣвшимъ, ни своими длинными охотничьими сапогами, ни вообще сознаніемъ своей деревенской фигуры и неуклюжести. Съ каждымъ словомъ все больше выяснялась эта личность, страстно преданная деревенской жизни и природѣ, не имѣющая никакой возможности какъ бы то ни было переродиться, дѣлать не то только, что считается нужнымъ у другихъ, а только то, что можно любить дѣлая, будь это охота на перепеловъ, или уженье рыбы по цѣлымъ днямъ. Разговорившійся Семенъ Матвѣичъ постоянно встряхивалъ своими слегка вившимися бѣлокурыми волосами, которые тотчасъ же снова закрывали половину лба, удерживаясь надъ бровью. Говорилъ онъ скоро, какъ скоро дѣлалъ тощую папиросу и потомъ выкуривалъ ее въ два-три пріема, пуская въ окно большія облака дыма, уносимыя мгновенно вверхъ, отсырѣвшимъ послѣ проливнаго дождя,—воздухомъ.

Разговоры плелись вяло: вспоминали родныхъ, причемъ дьяконъ всякій разъ съ умиленіемъ взглядывалъ на меня и, качая головою, говорилъ:

— Ахъ Боже мой, ахъ Боже мой,—я все гляжу гляжу,—какая измѣна въ лицѣ? а? какъ скоро время-то? Подумаешь — Господи! Кажется одна минута! и т. д. Этому вторила и дьяконица, не менѣе своего супруга, ахавшая и ужасавшаяся быстротѣ полета времени. Надоѣдало толковать о родственникахъ,—принимались благодарить Бога за сегодняшній дождь; посадская мѣщанка и Семенъ Матвѣичъ,—особенно плодовито говорили на эту тэму: грѣчи, сѣна́, овсы и проч. не сходили у нихъ съ языка; и нужно сказать правду, поэтическій Семенъ Матвѣичъ,—умѣлъ заставить полюбить эти овсы и грѣчи, человѣка,—ничего неразумѣющаго въ хозяйствѣ: такъ хорошо умѣлъ онъ изобразить благодать посланную дождемъ, — не указывая, на рыночные результаты этой благодати. Иногда разговоръ отклонялся отъ этихъ хозяйственныхъ предметовъ,—и дьяконъ съ Семеномъ Матвѣеви-

чемъ затѣвали какой нибудь споръ, заставлявшій дьякона воскликнуть:

— Ну, да такъ, такъ: по вашему мы выходимъ всѣ дураки...

Вообще, Семенъ Матвѣичъ, былъ героемъ вечера, и когда наконецъ всѣ присутствующіе въ комнатѣ замолкли, — онъ все-таки продолжалъ говорить не переставая. На этотъ разъ онъ съ особеннымъ увлеченіемъ восхвалялъ деревенскія прелести:

— Въ деревнѣ-то скучно? говорилъ онъ. — Никогда! Да знаете ли, что изъ города-то я ушелъ? Просто убѣжалъ... Не могу! Хоть убей! Да какъ же-съ? Какъ же не убѣжать-то? И семинарію бросилъ убѣжалъ... Жить нельзя — мука... Ѣсть нечего, зубри... Зимой — холодъ, живешь въ ямѣ... Къ чиновнику придешь: поясница болитъ, рожа зеленая, кряхтитъ, слова сказать не о чемъ. Думаю: да что я?. изъ-за чего въ самомъ дѣлѣ? Да лучше я въ деревню конторщикомъ: по крайности сытъ всегда... Какіе такіе мнѣ надобны дворцы? Ничуть не бывало! Заведу собаку, ружье, что мнѣ? Зимой натоплю избу — знать никого не хочу... Мужиковъ набьётся, — смѣхъ. На гармошкѣ примусь — что угодно: піэсы, „Не бѣлы снѣги...“ На разные манеры. Думалъ, думалъ — драла!.. Тамъ бумаги пишутъ: „Самовольная отлучка, то, другое“...—Боленъ!—По этапу съ ссыльно-каторжными, а равно...“ —Боленъ! Съ тѣмъ и отвертѣлся... Вѣрите-ли, какъ радъ-то! Прибѣжалъ домой, прямо въ траву... Лежалъ, лежалъ,—обомлѣлъ, такая прелесть... Ей-ей... Поле, лѣсъ, охота,—гдѣ-жь скучать-то? Да теперь меня отсюда—ни-и...

Небо темнѣло; сверчки начинали перекликаться за печкой; ребята дремали; въ сѣняхъ дьяконская дочь укачивала ребенка, стукая угломъ люльки въ стѣну; дьяконъ вспоминалъ, что завтра чѣмъ свѣтъ опять съ навозомъ въ походъ надо. Кто-то изъ присутствовавшихъ вздыхалъ. Наставало скучное время будничнаго, молчаливаго и задумчиваго вечера.

— А что, Авдотья Ивановна, отнесся дьяконъ къ женѣ:— не пора ли чего нибудь этакъ... того?..

Дьяконица сказала:—сейчасъ! и отправилась за перегородку. Скоро оттуда послышалось громыханье ухватовъ, печной заслонки,

трескъ лучины, и немного погодя, яркій цвѣтъ краснаго пламени освѣтилъ потолокъ, стѣну и окно за перегородкой. Старшая дочь накрывала на столѣ чистую скатерть, расправляя ее рукою, носила тарелки, ложки и вороха хлѣба.

— Ну-съ, прошу покорно, сказалъ дьяконъ, когда все было готово.—Не угодно ли. Ужь что есть,—не взыщите Бога ради... Сами-то мы кое-какъ, да коё-какъ, ну, а вотъ кто-нибудь случится... Да вамъ водочки не угодно ли?

— Водочки? Можно! отвѣчалъ за всѣхъ Семенъ Матвѣичъ.

— Право; я это сейчасъ дойду... Напротивъ...

Дьяконъ надѣлъ шапку, досталъ изъ шкафчика въ углу маленькую стеклянную бутылку съ перечнымъ стручкомъ на днѣ, засунулъ ее въ карманъ и вышелъ въ сѣни, но тотчасъ же воротился и, присматриваясь въ темноту сѣней, спрашивалъ:

— Кто это? Кто тутъ?

Въ сѣняхъ кто-то тяжело дышалъ и попадалъ палкою въ стѣну, щупая дорогу; что-то грохнулось на полъ; слышалось ворчанье:

— Ффу, Боже мой!.. Никакъ это я... а-а! да-да-да...

Дьяконъ подался въ сторону; въ комнату высунулась рука съ палкой, нога, прикрытая рваной полой, и скоро я узналъ странную фигуру одного пѣшехода, который попался мнѣ на большой дорогѣ. Но стоило только пристальнѣе, хоть съ минуту, остановиться на этомъ отекшемъ лицѣ гостя, его черныхъ глазахъ, услыхать еще разъ звукъ его голоса, и не только я, но всѣ находившіеся въ комнатѣ узнали въ гостѣ, — Ивана Никитича Мѣдникова, общаго родственника, который пропадалъ до этого времени цѣлые годы неизвѣстно гдѣ. Стоило узнать Мѣдникова, и никто не могъ удержаться, чтобы невольно не вздрогнуть при этомъ, потому что у всѣхъ, знавшихъ его, мелькнуло сразу множество самыхъ непріятныхъ, своимъ печальнымъ смысломъ, — воспоминаній. Перепугавшіяся дьяконъ и дьяконица не знали, что сказать. Дьяконъ впрочемъ кое-какъ перемогся и, сложивъ уста въ улыбку, заговорилъ: „Боже мой, Боже мой! какая измѣна въ лицѣ!“, но Иванъ Никитичъ остановилъ его строгимъ взглядомъ, брошеннымъ

искоса, подошелъ къ образу и съ театральнымъ жестомъ дѣлалъ огромнаго размѣра кресты.

— Какая измѣна въ лицѣ! бормоталъ дьяконъ, усаживая гостя за столъ. Гость былъ крѣпко хмѣленъ и утомленъ. Онъ почти не говорилъ, а съ нимъ боялись заговорить, потому что не знали, скажетъ ли онъ на это что, или прямо начнетъ драться. Никитичъ сидѣлъ, облокотившись локтями на столъ, туго поворачивалъ голову и неподвижно останавливалъ глаза на комъ нибудь изъ находившихся въ комнатѣ; отрывисто вздыхалъ, какъ вздыхаетъ тяжело-пьяный человѣкъ, бормоталъ „мм-дда!“, или вдругъ запускалъ руку въ карманъ, выворачивалъ его, вытаскивалъ оттуда копѣйку и вмѣстѣ съ кучей сора, наполнявшей карманъ, вываливалъ ее на столъ; потомъ упирался пальцемъ въ эту копѣйку, нахмуривалъ брови, думалъ и вдругъ снова бралъ все это въ горсть и тащилъ къ себѣ, вмѣстѣ со скатертью. Все это видѣли въ Никитичѣ и прежде, во всемъ этомъ не могли ничего понять, но боялись дохнуть, потому что знали, что Никитичъ можетъ вдругъ раскроить голову. Не мало изумились дьяконъ и дьяконица, увидѣвъ, что Мѣдниковъ оплелъ цѣлую сковороду яичницы, не смотря на то, что были Петровки и что Мѣдниковъ былъ лицо духовное. Едва выпилъ онъ рюмки двѣ водки, какъ глаза его почти тотчасъ же изъ мутно-пьяныхъ приняли грозное, ненавистное, давно знакомое намъ выраженіе. Дьяконъ опасался грозы, ибо чувствовалъ, что она можетъ послѣдовать каждую минуту, и мучился еще тѣмъ, что положительно не зналъ, за что она можетъ послѣдовать, не зналъ, съ какой стороны и въ какомъ родѣ угожлать Никитичу. Поэтому онъ кашлянулъ слегка и, осторожно придвигаясь къ гостю, заговорилъ:

— Отдохнули бы, Иванъ Никитичъ, чай съ дороги-то...

Иванъ Никитичъ устремилъ на него упорный взглядъ, но дьяконъ, устоявъ кое-какъ подъ напоромъ этого взгляда, потихоньку пропускалъ ему руку подъ локоть и продолжалъ:

— Право! Опять же и время, да и мы-то...

Пока дьяконъ возился, укладывая спать ворчавшаго басомъ Мѣдникова, вся остальная братія собралась на крылечкѣ — посидѣть. Ночь была темная, дулъ вѣтеръ и по небу неслись стаи дождевыхъ тучъ; по временамъ кое-гдѣ тучи эти разрывались, пропускали въ образовавшуюся прогалину клочекъ свѣтлаго пространства и смыкались снова. Въ избахъ и постоялыхъ дворахъ свѣтились еще огоньки, отбрасывая на стекла оконъ тѣни ужинавшихъ извощиковъ; у воротъ постоялыхъ дворовъ висѣли фонари съ сальными огарками, оттопыриваясь на короткихъ гвоздяхъ и освѣщая снизу пучекъ трепавшагося по вѣтру ковыля. Баба-дворничиха зачѣмъ-то вышла на крыльцо со свѣчкой; огонекъ свѣчи, казалось, только горѣлъ яркой звѣздочкой во тьмѣ, но свѣтилъ далеко. Колеса медленно проѣзжавшей повозки застучали по бревенчатому мостику, перекинутому черезъ шоссейную канаву, и чуть слышно покатились по земляной дорогѣ мимо постоялыхъ дворовъ. Спустя немного, слышался разговоръ:

— Самоварчикъ-съ? Можно... можно... Это сколько угодно...

— Нѣтъ, самовара не нужно...

— Ну, какъ вамъ будетъ угодно... Какъ угодно-съ... А то ежели въ случаѣ чего самоваръ потребуется, — тыкъ это въ одну минуту... Потому у насъ въ трубу произведено... когда угодно...

— Нѣтъ, самовара не нужно...

— Не нужно? Ну, какъ угодно... Это какъ вамъ будетъ угодно... Конечно... Я къ тому говорю, въ случаѣ ежели самоваръ потребуется, напримѣръ...

— Почемъ овесъ?..

— Ахъ, Боже мой! Неужто жь мы... Что мы такое? Господи Боже...

— Почемъ овесъ-то?

— Да будьте покойны, сдѣлайте милость... Аль мы что нибудь... Что съ другихъ, то и съ васъ...

— Съ другихъ-то это ты сколько хочешь... Съ насъ-то сколько?

— Да будетъ вамъ... О Господи Боже мой... Чай по вре-

мени-то сами знаете... Сами тоже деньги какія платимъ... Пятьдесятъ копѣичекъ...

— Э-э-э!..

Слышны удары кнута.

— Стой! стой!.. Куда же вы?.. Позвольте...

— Н-но, идолъ... э-э-э...

Колеса снова стучатъ по шоссе. Удары кнута повторяются въ усиленной степени.

— Съ пятакомъ за Дунай поѣхалъ, грубо заключаетъ мужескій голосъ.

Дьяконъ вошелъ на крыльцо и опустился на лавку.

— Ффу, Боже мой... Усталъ. И какой безпокойный этотъ Мѣдниковъ... даже совершенно утомился... Ей-Богу... „Послушай да погоди"... Спите. говорю. Сдѣлайте ваше такое одолженіе... „Прости меня"... — Будьте покойны... Спите... Что такое? въ чемъ?—„Прости... виноватъ"... Чудакъ!..

— Совсѣмъ смотался, произнесла дьяконица.

Отецъ дьяконъ только вздохнулъ.

Становилось все тише и тише. Въ кабакѣ, на продолговатыхъ окнахъ котораго торчали какія-то бутылки съ красноватою жидкостію, слышалась пѣсня и стучали чьи-то пьяныя ноги.

Почти всѣ сидѣли молча; дулъ вѣтеръ и по временамъ издали доносилось:

— Э... э... э... э...

— Куда же вы? Постойте, останавливалъ другой голосъ. Сдѣлайте милость!..

— Э... э... э...

И опять удары кнута сыпались на лошадей, а колеса стучали по грохотавшимъ бревнамъ мостика.

— Не пора ли, господа, на покой? сказалъ дьяконъ.

— И то!.. сказали всѣ.

— Право. Время... Да и опять съ дороги-то вы... отдохнуть...

Всѣ пошли спать. Семенъ Матвѣичъ остановился въ сѣняхъ съ дьяконскою дочерью и сказалъ:

— А что ежели къ вамъ забраться?

— Только посмѣйте...

— Ей-Богу! Что-жь за важность? Нешто меня въ Сибирь за это?

— Да и не знаю, что я тогда съ вами сдѣлаю...

— А вотъ посмотримъ... Любопытно!..

Семенъ Матвѣичъ говорилъ это и въ тоже время отворялъ дверь въ чистую половину, гдѣ намъ пришлось спать. Утомленный ходьбой цѣлаго дня, Семенъ Матвѣичъ былъ какъ-то неразговорчивъ, да и сонъ одолѣвалъ его, какъ уставшаго ребенка: глаза такъ и слипались. Лежа началъ онъ стаскивать сапоги; снялъ одинъ, принялся другой снимать — что-то туго идетъ. Семенъ Матвѣичъ сказалъ: „о, шутъ тебя... и такъ!“ — повалился и заснулъ въ одномъ сапогѣ.

. . . . . .

.... Улеглись всѣ, легъ и я, но не спалось. Вѣтеръ, урывками залетая въ окна, незащищенныя рамами, свѣжею дождливою сыростію обдавалъ мое лицо и шевелилъ сухими стружками, валявшимися по угламъ и на полу комнаты. Среди темноты и тишины ночи, мнѣ какъ-то особенно настойчиво лѣзло въ голову все, что только я когда-нибудь имѣлъ возможность видѣть или слышать о Мѣдниковѣ, и поэтому фигура его все опредѣленнѣе выступала передо мною.

II.

НИКИТИЧЪ.

Еще въ ту далекую пору, какъ мнѣ впервые приходилось видѣть Мѣдникова или слышать что-нибудь про него, — имя его способно было уже производить такой же трепетъ и ужасъ, какой обуялъ теперь все семейство лытовскаго дьякона; и тогда, едва ли не во всей Т—ской губерніи, весь духовный кружокъ зналъ хоть по наслышкѣ про тьмы темъ—всяческихъ безобразій и беззаконій, которыя неразрывно слѣдовали за именемъ Мѣдникова, и положительно не допускали мысли насчетъ какой-нибудь терпимости этой буйной головы въ мирной жизни, потому что дѣйствительно, Мѣдниковъ былъ осужденъ всею своей природой никогда не жить и неуживаться съ этой жизнью. Тѣмъ болѣе нетерпимъ и ужасенъ былъ онъ среди своихъ деревенскихъ родственниковъ, которые должны были переносить его безпутства, — почти обязательно, не сходясь съ нимъ при этомъ ни въ чемъ. Всѣ характерныя особенности деревенскихъ родственниковъ, которые отгораживали отъ себя личность Мѣдникова, имѣли возможность выказаться вполнѣ, благодаря случаю, который можно считать почти общимъ для всего духовнаго міра.

Какъ только количество ребятъ возрастаетъ на столько, что ихъ нѣтъ никакой возможности усадить въ телѣгу и даже въ двѣ, отношенія деревенскихъ родственниковъ начинаютъ слабѣть,

дружественныя связи стушевываются, потому что, за многочисленностію ребятъ, посѣщеніе имянинъ и храмовыхъ праздниковъ становится почти невозможнымъ. Ребята, между тѣмъ, появляются все въ большемъ и большемъ количествѣ, родственники старѣются и настаетъ пора, когда не пишется даже поздравительныхъ писемъ къ Рождеству и Святой — родственники какъ будто изчезаютъ другъ для друга, съ лица земли и забываются. Тишина царитъ. Вдругъ по селамъ и деревнямъ проносится какъ вихрь,— вѣсть: что такой-то изъ числа множества племянниковъ, только съ годъ мѣста успѣвшій опредѣлиться въ писцы губернскаго правленія, — такъ препрославился, такія дѣлаетъ дѣла, — что уму непостижимо; управляющій сажаетъ его за одинъ столъ съ собой, въ лавкахъ онъ забираетъ все безъ денегъ, мука, крупа, свѣчи, все непокупное, и кромѣ того, ежели захочетъ, то можетъ кого угодно отдать подъ судъ и въ Сибирь сослать... Это сразу поднимаетъ на ноги пріунывшихъ родственниковъ; возстаютъ они поголовно до десятаго колѣна, припоминаютъ разныя обиды и поношенія, припоминаютъ тысячи нуждъ, начиная отъ башмаковъ и жениха для дочери, отъ корыта — до разорвавшейся шлеи и кончая жалобой на благочиннаго и даже далѣе, до безконечности... Поднимаются эти десять колѣнъ, запрягаютъ для большей жалости къ своей фигурѣ самую тощую, самую ободранную лошадь, и спѣшатъ на разгорѣвшійся огонь—отогрѣть свое изболѣвшее всяческими горестями сердце. Вмѣстѣ съ тайною надеждою на подачку, съ первыхъ же шаговъ въ городѣ, родственнику приходится испытать еще и трепетъ по мѣрѣ приближенія къ цѣли: на каждомъ шагу онъ убѣждается въ дѣйствительной славѣ своего племянника, — потому что стоило ему спросить у встрѣчнаго: гдѣ живетъ такой-то! — какъ этотъ встрѣчный тотчасъ же снялъ шапку и тогда только отвѣтилъ: тамъ-то. Огромныя новыя ворота, къ которымъ темнымъ вечеромъ подползли сани деревенскаго родственника, огромные сараи, конюшни и десятки саженъ дровъ, размѣстившіеся на дворѣ, — все это рисовало въ головѣ его, какого-то богатаго Лазаря, на которомъ даже ваточный халатъ почему-то казался пурпуромъ и виссономъ. Сообразно

съ такимъ величіемъ духъ и тѣло родственника умалялись до послѣдняго предѣла, онъ не иначе рѣшался показать свои глаза въ комнату, какъ узнавъ предварительно въ кухнѣ: „не почиваютъ ли?“ Умывался, расчесывалъ волосы, съ женоподобной физіономіей шелъ въ горницу, перекрестившись передъ дверьми. Прославившійся племянникъ оказывался разжившимся секретаремъ, обладавшимъ всѣмъ, чему завидуютъ живущіе въ проголодь: жена высокая, тихая, постоянно беременная, домъ полная чаша, жизнь лѣнивая и почти всегда неряшливая, дѣти смирныя, послушныя, съ большими головами, золотухой и отупѣвшимъ взглядомъ. Увидавъ все это, деревенскій родственникъ несмѣетъ даже сѣсть къ столу и пьетъ чай у двери, держа стаканъ на колѣнкѣ, и въ это время убитымъ голосомъ передаетъ всѣ деревенскія новости, заканчивая ихъ извѣстіемъ о разнесшейся по всѣмъ селамъ и весямъ славѣ его, племянника, чиновническое лицо котораго деревенскій родственникъ созерцаетъ въ эту минуту. Послѣднее извѣстіе пріятно дѣйствуетъ на племянника и деревенскій родственникъ получаетъ право неутѣснительнаго житья, чѣмъ онъ и пользуется по своему, выказывая при этомъ такія качества, имена которымъ можно брать только изъ исторіи ветхаго завѣта и притомъ не позднѣе появленіе десяти заповѣдей: „любостяжаніе“, „лжесвидѣтельство“, страстное желаніе чужаго „осла и вола и всякаго скота“. Это обнаруживается на другой же день, тотчасъ же по уходѣ племянника въ должность. Родственникъ выходитъ „поболтаться“ по двору; при дневномъ свѣтѣ, всѣ эти сараи, водовозки, закромы овса и проч., и проч. до такой степени раззадориваютъ его библейскія похоти, что родственникъ, ни минуты не задумываясь, рѣшается вступить въ знакомство съ кучеромъ; и такъ какъ кучеръ представляется ему тѣмъ, что въ старинныхъ книгахъ, сказкахъ и житіяхъ встрѣчалъ онъ подъ названіемъ „царедворецъ“, то и знакомство съ этимъ царедворцемъ родственникъ начинаетъ изъ подтишка, ласково, вкрадчиво, говоритъ ему „вы“, узнаетъ, сколько лишнихъ хомутовъ, шлей и проч. и проч. и своею обходительностью побѣждаетъ мрачный видъ кучера, который скоро безпрепятственно вручаетъ ему эти лишніе

хомуты. А когда плмянникъ возвращается изъ должности, то бываетъ несказанно изумленъ наткнувшись въ передней на гору собраннаго утромъ хлама; гора эта начинаетъ шевелиться и скоро изъ средины ея выдвигается умиленная физіономія родственника и произноситъ:

— Не поскупись!

— Берите, берите! махая рукой, говоритъ племянникъ.

— Отецъ!! трагически заключаетъ родственникъ, ныряя въ средину горы и тотчасъ же увлекаетъ ее на дворъ, шаркнувъ о притолки. Чрезъ минуту онъ возвращается съ чернаго крыльца и начинаетъ разговоръ совершенно въ другомъ родѣ: — „Что же тепереча, главно-то-управляющій у васъ, полный генералъ, или какъ?“ и т. д. Вслѣдъ затѣмъ родственникъ постепенно обрушивается на племянника множествомъ просьбъ, вымаливаетъ ненужный платокъ, одѣяло, галстухъ, стаканъ, и нагрузивъ свои дровни, уѣзжаетъ во-свояси. Никакихъ подобнаго рода любостяжательныхъ качествъ не имѣлъ Мѣдниковъ, даже самое появленіе его въ городѣ у родственника не нашло такого униженнаго характера. Въ городѣ онъ являлся не по какимъ нибудь своимъ дѣламъ, — ибо такихъ не было, — а единственно для „толченія воды“, какое глубокомысленное занятіе предоставлялось ему не въ примѣръ чаще другихъ. Поэтому, прежде нежели Мѣдниковъ появлялся въ городѣ, — ему предшествовали разныя предзнаменованія, какъ о приближеніи сильной бури свидѣтельствуетъ ползучій вѣтеръ, поднимающій песокъ и пыль. Предъ появленіемъ его въ домъ чиновника, являлась какая-то консисторская особа; имѣя сообщить нѣчто нужное, она ломалась и хранила до тѣхъ поръ тайну, пока племянникъ не упитывалъ и не упаивалъ ее всѣмъ, чѣмъ могъ; тогда только особа эта извѣщала плохо вращавшимся языкомъ, что Мѣдниковъ опять напрокудилъ: началъ разслуживать молебны: ни Господи, ни помилуй, ни аминь и т. д., или нарядилъ въ какіе-то неприличные костюмы поповскихъ поросятъ, желая этимъ насолить отцу Василію, или что нибудь еще въ подобномъ крайне безобразномъ и кощунственномъ духѣ. Слѣдовали просьбы притушить дѣло, но скоро получались новые

доносы о буйствахъ, и Мѣдниковъ неизбѣжно долженъ появиться въ городѣ. Съ этого дня начинались самыя тревожныя ожиданія. Черезъ нѣсколько времени начинали носиться слухи, что онъ уже здѣсь, что его видѣли въ томъ или другомъ кабакѣ, и вотъ наконецъ, въ ту самую минуту, когда и не ждутъ его, когда уже немного поуспокоились, въ дверяхъ появляется его ужасная фигура, съ зачесанными назадъ посѣдѣвшими волосами, открывающими огромный лобъ и большіе, черные, ужасные глаза. Онъ пьянъ, шатается, и безо всякихъ церемоній приказываетъ заплатить извощику, попираетъ всякія семейныя приличія, растягиваясь по полу или съ грязными сапогами забираясь въ залу и т. д., что было причисляемо къ числу ужасовъ, которые изобиловали въ Мѣдниковѣ. Въ домѣ родственника тихая жизнь замирала, наставалъ какой-то лютый холодъ и лютое молчаніе, всѣми мѣрами напрягавшее голову, какъ бы только отдѣлаться отъ этого гостя. А гость и самъ напиралъ только на это. Всѣ отношенія его къ племяннику ограничивались полученіемъ трехъ цѣлковыхъ, пропиваніемъ ихъ и опять полученіемъ. Если же почему нибудь выдача этихъ цѣлковыхъ замедлялась, то Мѣдниковъ принималъ усиленныя мѣры, стараясь дѣйствовать такъ, чтобы отвращеніе къ нему, къ его особѣ, заставило поскорѣе выпроводить его. Ни водовозки, ни хомуты не составляли его заботъ, благодаря той бездомовности, которая между прочимъ была его главною особенностію: во всю жизнь ему не довелось съютить своего гнѣзда, своего хозяйства. На храмовые деревенскіе праздники онъ пріѣзжалъ на чужой лошади съ наемнымъ работникомъ; убогая одежда его, убогая повозка, уже одно это ставило его особнякомъ отъ другихъ пировавшихъ собратій. Но кромѣ этого, картину бездомовнаго житья, не имѣвшаго ни малѣйшихъ признаковъ внутренняго тепла, особенно ярко дорисовывала убитая жена Мѣдникова; это было маленькое оборванное существо, съ постоянными слезами на глазахъ и съ багровыми хмѣльными пятнами на одряблѣвшихъ щекахъ. Сначала тихая и унылая, она старалась сохранить скромный и озабоченный видъ деревенской хозяйки, со сложенными на груди руками, сжимавшими носовой платокъ, пробовала она сидѣть ме-

жду своими деревенскими родственницами, — попадьями и дьяконицами, охала вмѣстѣ съ ними надъ разными обуревающими ихъ печалями, и потомъ исчезала куда нибудь въ чуланъ, являясь оттуда только подъ вечеръ, и то вслѣдствіе особенно сильнаго и бурливаго хмѣля. Въ это время она даже и насильно не могла походить на своихъ домовитыхъ и чинныхъ родственницъ, потому что хмѣль прогонялъ изъ нея и наружную скромность и всякое, еще недавно признаваемое почти законнымъ, уваженіе окружающихъ дѣлъ и словъ: хриплымъ голосомъ и нетвердымъ языкомъ со слезами и со злобою, о которой и представить трудно среди жизни, основанной на няньчаньи ребятъ и пр., начинала она проклинать свою каторжную жизнь; громко, вслухъ договаривала она, опьянѣвшая, концы какихъ-то накипѣвшихъ въ ея душѣ жалобъ и убивалась до тѣхъ поръ, пока разгулявшіеся и начинавшіе уже затягивать „заиньку“ родственники не находили нужнымъ уложить ее спать. Долго слышались изъ-за запертыхъ дверей чулана ея крики и глухіе удары кулакомъ въ стѣны, — но когда прекращались они, никто не имѣлъ возможности замѣтить, потому что всѣ эти „никто“, проснувшись по утру, съ хмѣльными головами, — уже встрѣчали жену Мѣдникова съ тѣмъ же скромнымъ лицомъ, съ тѣмъ же насильственнымъ вниманіемъ ко всѣмъ, какъ и вчера утромъ; только еще болѣе изможденное, еще болѣе унылое лицо и засохшій надъ бровью шрамъ — говорили имъ о мучительной ночи, которую провела она.

Выражавшаяся въ такихъ безъэффектныхъ, но слишкомъ правдивыхъ, и поэтому невольно отталкивавшихъ картинахъ, — погибель, кажется, не встрѣчала себѣ избавителя, потому что съ годами чаще и чаще начали доноситься слухи о безобразіяхъ Мѣдникова. Въ безобразіяхъ этихъ были всѣ аттрибуты, обставляющіе погибель русскаго человѣка: и кровь и водка, разбитая голова и разбитый полштофъ и т. д. Все глубже падалъ онъ и безпутная жизнь становилась для него все болѣе неизбѣжною. Не донимали его разныя отдачи подъ началъ, не донимала даже водка, которая только калѣчила его, но не въ силахъ была доканать

на повалъ. Наконецъ пронеслись слухи, что у него умерла жена, и разсказывали, что Мѣдниковъ убилъ ее; начальство запретило ему служить. Мѣдниковъ шлялся по монастырямъ, изъ которыхъ почти тотчасъ же выгоняли его, и потомъ нѣсколько лѣтъ совершенно пропалъ изъ виду у всѣхъ: изрѣдка встрѣчали его въ засѣкѣ, на большой дорогѣ, въ кабакѣ, и притомъ въ самомъ отвратительномъ видѣ. Ясное дѣло, погибъ человѣкъ.

Но кто видалъ Мѣдникова въ его нормальномъ, т. е. пьяномъ, буйномъ, и дико-разрушительномъ состояніи, тотъ навѣрное изумился увидавъ хоть одну трезвую минуту его жизни; въ эти минуты рѣшительно невозможно было узнать Мѣдникова: всѣ соединенныя съ его именемъ качества, слагавшія потребность куда нибудь спрятаться отъ одного появленія его, — исчезали совершенно; Мѣдниковъ въ эти минуты на столько сдавался во мнѣніи своихъ враговъ, что при всей мелкости своей враги эти, вмѣсто какого нибудь топорнаго отмщенія, чувствовали къ нему такую же снисходительную жалость, какая чувствуется къ виноватому ребенку. Въ эти минуты онъ дѣйствительно былъ ребенкомъ, страшно конфузливымъ, робѣющимъ передъ серьезными лицами окружающихъ его людей, робѣющимъ потому, что въ этой серьезности людской видится ему страшное превосходство, все равно, если съ этой серьезностью кухарка чиститъ картошку, или чиновница сидитъ ничего не думая у окна; въ эти минуты если и подозрѣвается людская пустота, то убѣдившійся въ своихъ недугахъ человѣкъ всѣми мѣрами постарается оттолкнуть это подозрѣніе и растолкуетъ все въ свою невыгоду. Въ трезвыя минуты физіономія Мѣдникова принимала какой-то, худо скрываемый, виноватый видъ; всегда нахмуренныя брови выпрямлялись и какъ-то безпутно пятились къ верху; постоянно гнѣвное выраженіе глазъ замѣнялось совершеннымъ смущеніемъ, не позволявшимъ смотрѣть прямо въ лицо человѣку, передъ которымъ считаешь себя виноватымъ; къ этимъ, обезсмысливающимъ лицо признакамъ, въ это время присоединялась еще какая-то улыбка, которая то появлялась вдругъ и не сходила даже въ то время, когда Мѣдниковъ просто бралъ со стола чай, сахаръ, каковыя событія не заключали въ себѣ ни-

чего юмористическаго, или, напротивъ, мгновенно исчезала, замѣняясь какою-то искусственною серьезностію. Побѣжденный окружающей обстановкой, Мѣдниковъ радъ-радехонекъ былъ, если замѣчалъ, что хоть что нибудь и его привязываетъ къ числу этихъ серьезныхъ людей: онъ дѣлался предупредительнымъ, заискивающимъ. Въ такія минуты, кто хотѣлъ, могъ вертѣть имъ какъ угодно. Онъ съ охотою принимался переписывать гимназисту записки „о вычитаніи“ и былъ непритворно радъ, когда пискливый первоклассникъ находилъ, что онъ вѣрно написалъ; если этотъ гимназистъ заставлялъ его читать вслухъ Езоповы басни, то съ неменьшимъ рвеніемъ принимался онъ и за это дѣло, съ отчетливостію выговаривая каждое слово басни, повѣствующей о томъ, какъ лисица, встрѣтивъ барсука, объявила ему, что дѣла идутъ такъ-то и такъ. Это совершенно дѣтское смущеніе передъ чуждой ему жизнью, передъ чуждыми ему добродѣтелями, всегда проглядываетъ большою помѣхою въ его жизни, эпизоды изъ которой онъ въ трезвыя минуты иногда разсказывалъ.

Деревенскіе дѣды его рисовались въ дѣтскомъ воображеніи такими же страшными гигантами и силачами, образы которыхъ съ особенною любовью очерчиваютъ старушечьи сказки. Что-то невѣроятно дикое было въ этихъ мужикахъ, всю жизнь возившихся съ сохою и бороной и не имѣвшихъ поэтому никакого случая выказать своихъ природныхъ силъ, кромѣ полной возможности ошарашить народъ какою нибудь невѣроятною подѣтелью своихъ невѣроятныхъ мускуловъ. Изъ такой породы выходилъ и Мѣдниковъ. Но голова его, до тонкостей успѣвшая уже постигнуть кратчайшіе пути къ разрушенію галчиныхъ гнѣздъ на колокольнѣ, имѣла возможность не остановиться на этомъ скудномъ матеріалѣ для соображенія, который даетъ обстановка сельской жизни — его отдали въ училище. Новое мѣсто и новое дѣло заняло его. „—Сначала, разсказывалъ Мѣдниковъ, я прилежно и хорошо учился... Попался мнѣ товарищъ Лукинъ. Заманилъ онъ меня въ ладыжки играть. Что-то понравились мнѣ ладыжки эти, — только совсѣмъ бросилъ я науки... Отдали Лукина потомъ въ солдаты. Остался одинъ, думалъ-думалъ, — нѣту мнѣ товарища! Оробѣлъ; принялся опять

учиться. Повинился. Перевели меня въ реторику, — замѣчаю я въ книгѣ одной слова: „самая высокая премудрость — суета“. По этимъ словамъ я взялъ и исключился... Хотѣли меня отпороть— не исключайся. Услыхалъ объ этомъ, пересталъ въ классъ ходить, чтобъ не отпороли. Прихожу домой пѣшкомъ. Зачѣмъ? Объявляю: такъ и такъ — исключился... Полились слезы. Самому мнѣ стало горько. Повалился отцу въ ноги, — въ саду было дѣло, плачу и говорю: — Батюшка! Помилосердуй меня! Я человѣкъ... Я залѣнился... Прости меня. Ежели хочешь — то накажи“. Простилъ отецъ. „—Что же я съ тобой буду дѣлать? Куда я тебя дѣну?“ — Батюшка, Никита Петровичъ! Отвезите меня ко владыкѣ. Куда я гожусь: въ солдаты, — въ солдаты, куда хотите, туда и киньте“...

Много жизни было въ немъ. Въ эту пору, попалась ему молодая дворовая дѣвушка, побѣжденная сразу однимъ взглядомъ его огненныхъ глазъ. Пошло дѣло по своему. „...Потащила въ садъ, разсказывалъ Никитичъ. Деревья большущія — ночь, духота и туча виситъ... Шли, шли — такъ и кидается! такъ и кидается!... „—Отвяжись!“ — Голубчикъ! Милый мой! „—Отстань. Поди прочь!... Уйду“... Главная досада — сама; терпѣть не могу, — говорю: — Ни за что на свѣтѣ!... „—Утоплюсь!„— Топись, чортъ съ тобой... А тутъ сажелка... Гляжу, — что жь бы ты думалъ? по эстихъ поръ въ воду!... Э-э, думаю, пожалуй, чего добраго! Бросился — вытащилъ. Усадилъ на лавку, говорю:— Что ты, ошалѣла? Смотритъ на меня, какъ сумасшедшая... Ей-Богу даже я испугался; что съ ней такое? Между прочимъ не сдаюсь... „—Изобью!“ Молчу. „—Зубами разорву“. Молчу. Принялась кусать меня, за волосы, бить, и вдругъ заплакала... Да какъ вѣдь залилась-то! Бѣлый свѣтъ зачинался, заря... „—Отведи меня, говоритъ, Никитичъ, домой“... Еле движется... Жалко стало...

„—Дня черезъ два встрѣчаю: глаза въ землю, какъ убитая... Подошелъ, взялъ за руку, — повелъ... Думаю: вотъ теперь моя Хотѣлъ тоже, какъ добрые люди, честь-честью; самоваръ раздобылся, думаю: угощу... Во флигелѣ каморка была, забрались туда.

Окбнце махонькое, заварилъ я этотъ самоваръ, какъ поперъ оттуда, братцы мои, дымъ. Ни дохнуть! Слышу, на дворѣ кто-то оретъ: что за дымъ? кто такой? Думаю: провались ты и съ самоваромъ совсѣмъ, толкнулъ его ногой подъ лавку... Пойдемъ! И пошли мы въ рощу...“ И любилъ Никитичъ хорошую дѣвушку сильно, только все-таки по своему любилъ... „—Замѣчаю я, продолжалъ Никитичъ, будто она поглядываетъ маленько. — Сма-атри, говорю... И этому молодцу тоже внушаю: показываю кулакъ, говорю: „ — Видѣлъ? — Какъ не видать... „ — То-то, полегче бы...“ Тѣмъ временемъ однако слышу, галдитъ народъ: такъ и такъ, присматривай... „—Э-э, думаю, милая...“ Выбралъ время, вызываю: — Пойдемъ! „ — Пойдемъ!...“ Повелъ ее въ садъ. Идемъ; разговариваю съ ней такъ-то; все дальше да дальше... Отвелъ въ самый задъ, — свиснулъ... Такъ она и зашаталась, потому, какъ только свиснулъ я, — сейчасъ изъ кустовъ человѣкъ пять народу (братію эту я нарочно для секуцыи припасъ, съ прутьями). „—Ты что же, говорю, любезная, такъ-то?... Ребята! Ну-ко! „—Сейчасъ ее объ земь... вѣрите ли, то есть такъ жутко стало!... А она какъ мертвая... И самъ-то я, признаться, ошалѣлъ... Но однако же, перемогся, и сказать по чистой совѣсти, взодрали мы ее препорядочно!...“

Но на этой дорогѣ деревенскаго „лихача-кудрявича“ смиреннымъ глазамъ отца онъ казался какимъ-то „разбойникомъ“, „живодеромъ“. Оставлять дѣло въ такомъ видѣ было невозможно, изъ опасенія нажить уголовщину; нужно было прибѣгнуть за спасеніемъ къ начальству, вслѣдствіе чего скоро повезли Никитича ко владыкѣ. Далъ ему владыко Апостолъ почитать, на пробу — знаетъ ли что? и когда Никитичъ дернулъ своимъ деревенскимъ баскомъ — „братіе!“, то владыко только дрогнулъ всѣмъ тѣломъ отъ его ужаснаго голоса и ласково сообщилъ при концѣ бесѣды, что нужно читать не братіе, а во дни оны, опредѣлилъ его въ пѣвчіе. Когда извѣстили объ этомъ рѣшеніи Никитича, онъ сказалъ: — „Куда мнѣ... У васъ бочки, а я капли въ ротъ не беру“. — „Ну это, братъ, сочиненіе, отвѣчали ему. Невѣрилось Никитичу, что и онъ будетъ этой бочкой, а пришлось быть. И случилось

это незамѣтно. Отравилъ онъ свое тѣло самымъ пріятнымъ образомъ. Жизнь пѣвчаго пришлась ему какъ разъ по натурѣ, которая требовала въ это время самой полной жизни, такой жизни, чтобы каждая жилка жила и трепетала жизнью, каждая крупинка крови не дремала и гуляла живя. Голосъ Никитича далъ ему такую (покупную впрочемъ) жизнь. Городъ Т. скоро сдѣлалъ его своимъ любимцемъ. Населенный удалымъ мастеровымъ народомъ, городъ этотъ жилъ по старому, стараясь находить удовольствія и наслажденія свои по своей натурѣ: и вотъ между страстною любовью къ кулачнымъ и пѣтушинымъ боямъ, между голубиною охотою и соперничествомъ въ ныряніи до самаго дна неизмѣримо глубокой рѣчки Воронки, протекавшей подъ городомъ и пр., какъ нестерпимо ошарашивающее диво — полюбилъ этотъ народъ и голосъ Никитича. Это было до такой степени дивное диво, что любители громящихъ нотъ Никитича иногда не выдерживали и принимались въ церкви „трепать въ ладоши". Если же оказывалось невозможнымъ такъ выразить свое удовольствіе, то обожатели Никитича доказывали это тѣмъ, что тотчасъ же уходили изъ церкви, какъ замирало послѣднее слово Апостола, — потому что болѣе интереснаго для нихъ не оставалось ничего. Никитичъ сдѣлался героемъ народа, и народъ до безумія любилъ его. Говоритъ объ этомъ то неизмѣримое количество водки, которое вливалъ въ него этотъ народъ, умоляя напримѣръ, во время Благовѣщенія, позабористѣй долбнуть — „и Агарь"... Штофы французской водки вкачивали въ него богатые купцы, желая, чтобы онъ, точно также, еще половчѣй, прогремѣлъ на свадьбѣ: „и жена да боится своего мужа-а!" И дѣйствительно, это-то время Никитичъ могъ считать самымъ счастливымъ въ жизни: въ это время всѣ его невѣроятныя буйства, — начиная съ буйствъ голоса, до разгромленія какого нибудь тщедушнаго загороднаго кабачка, — совершались въ полномъ экстазѣ его дикой и сильной природы. Въ это время ни о чемъ не думалось; видѣлось и слышалось не такъ, какъ видится и слышится людямъ, составляющимъ своими особами будничную картину мирной жизни, — а такъ, какъ видятъ и слышатъ пьяныя уши и глаза. Но Никитичъ все-таки оставался тѣмъ же де-

ревенскимъ дѣтищемъ... Время однако брало свое. Съ замираніемъ сердца начали замѣчать его обожатели, что съ нѣкотораго времени голосъ Никитича не такъ твердъ и „верьха“ выходитъ плохо, а иногда и совсѣмъ не хватаетъ. „Съ перепою“ утѣшалъ себя народъ, жалѣлъ Никитича и потомъ еще больше убѣждался, что дѣло дрянь. Вышелъ разъ Никитичъ съ Апостоломъ, кашлянулъ словно въ бочку и завертѣлъ листами. Народъ притаилъ духъ... Раскрылъ Никитичъ ротъ, — и ни звука... Засипѣло что-то вмѣсто громовыхъ словъ, кровью налилось лицо Никитича, и сердце замерло сразу у всей набившей церковь толпы. Случилось такое дѣло въ другой, въ третій разъ, пробовалъ Никитичъ по недѣлямъ не пить, отрезвлялся, — но не ворочалось назадъ его исчезнувшее диво: въ горлѣ всегда словно чулокъ шерстяной былъ заткнутъ, голосъ хрипѣлъ и сипѣлъ, и дрожалъ, словно кто Никитича за плечи въ это время принимался трясти. Знатоки горевали объ немъ, не было другаго болѣе задушевнаго сожалѣнія, какъ сожалѣнія объ его золотомъ голосѣ...

Горевали они, обожатели его, еще и о томъ, что въ эту пору Никитичъ погибалъ въ пьянствѣ самомъ звѣрскомъ, самомъ неистовомъ. Пилъ онъ съ горя, и поэтому онъ стоялъ на той дорогѣ погибающихъ гдѣ нибудь подъ заборомъ, съ раскроеннымъ лбомъ или съ проломленной головой, которая въ самое короткое время постигаетъ людей, успѣвшихъ еще до этого момента разшвырять значительный запасъ своихъ силъ. Но Никитичъ былъ еще въ полномъ соку, онъ усталъ только, но не ослабѣлъ; и его природныя силы, умѣвшія охранять голову отъ пролома и всегда хорошо сдававшія всякаго рода сдачу, иногда успѣвали настолько пробудить его опьянѣлый, но нетронутый еще умъ, что Никитичъ могъ хладнокровно взглянуть на свои подѣтели, и въ такихъ случаяхъ онъ находилъ, что „дѣло дрянь“, что приходится доколачивать себя, тогда какъ по чистой совѣсти не за что и доколачивать-то, да и доколотишь ли еще? Чаще и чаще начинали приходить ему въ голову эти мысли. Покупная жизнь прошла. И Никитичъ тотчасъ же увидалъ, что онъ хуже всѣхъ на свѣтѣ. Идетъ, напримѣръ, онъ раннимъ утромъ, послѣ ночи проведенной

на концѣ города въ какой-то подозрительной лачугѣ; на длинныхъ ногахъ его надѣты чужіе короткіе разодранные шаровары; на плечахъ его чужая, узлами связанная рубаха, которую изъ милости далъ цаловальникъ, вмѣсто пропитой; похмѣльные и сердитые глаза его, созерцающіе это рубище, припоминаютъ Никитичу, что все это видитъ онъ не въ первый, а въ сотый разъ, и въ сотый же разъ испытываетъ какое-то отвратительное ощущеніе, рожденное самимъ собой. Въ сотый разъ видитъ онъ ни на волосъ не измѣняющуюся картину будничной жизни, которая въ лицѣ своихъ представителей вытаращиваетъ глаза, при видѣ его, Никитича, фигуры. Скверно становится на душѣ у него, и начинаетъ это деревенское дѣтище задумываться надо всѣмъ, на что только упадутъ его глаза, потому что все больше и больше сознаетъ оно ненужность своего деревенскаго опыта и смысла въ этой чужой жизни, усвоившей какъ на зло всевозможныя калѣчества. Чиновникъ неспѣша идетъ въ должность; барыня гуляетъ съ дѣтками, змѣй гудитъ въ вышинѣ, дерево стоитъ, а подъ деревомъ спитъ кто-то... И многое множество подобныхъ будничныхъ вещей останавливаютъ его: все это видѣлъ онъ милліоны разъ, все это даже надоѣло ему, какъ надоѣдаетъ не прочитанная, но сотни разъ перелистанная книга, въ которой глаза почему-то останавливаются на однихъ и тѣхъ же строчкахъ. И вотъ теперь всѣ эти подробности принимаютъ совершенно другой видъ: ихъ ненарушимое постоянство, переломившее своею стойкостію самое недовольство ими, говоритъ о чемъ-то такомъ, чего всѣми мѣрами хочется добиться; говоритъ о такой тайнѣ, которая зоветъ жить, требуетъ не перелистывать, но прочитать книгу всю. И Никитичъ твердо рѣшается сдѣлать это, ему хочется теперь прочитать и постигнуть эту книгу съ первой, заглавной строки, до точки при концѣ, чтобы не быть хуже всѣхъ, чтобы самому участвовать въ общей картинѣ окружающей жизни. Но попадается ему книга вовсе не для него написанная. Какъ только ему пришлось переступить границу изъ пьющаго царства къ миру и тишинѣ нравовъ, — ему пришлось столкнуться съ мелкимъ чиновничьимъ бытомъ и съ бытомъ городскаго духовенства: а въ этомъ

быту жизни-то никакой и не было какъ на зло. Представители мира и тишины намѣтили себѣ какія-то крошечныя цѣли, въ родѣ прибавки къ жалованью, или надежды переклеить потолки и т. п., и десятки лѣтъ дожидались этого счастливаго времени, набивая томительные промежутки ожиданія чѣмъ попало, всякимъ соромъ: дрались и ругались они за цыпленка, перелетѣвшаго къ сосѣдямъ, пороли своихъ ребятъ, потому что нельзя же ребятъ не пороть, а какъ только не съ кѣмъ было ругаться и некого пороть, принимались бузовать чай. Самовары по этому случаю были заведены большущіе, по ведру входило... Потѣли такимъ образомъ они десятки лѣтъ, а когда наконецъ потолки были переклеены (прибавки вообще никто никогда не могъ дождаться), — то ужь не было никакихъ стремленій: геморрои, поясницы и ревматизмы принимались хозяйничать надъ ними по своему, и оставалось только желаніе, пронесенное въ цѣлости черезъ всю жизнь — и состоявшее въ томъ, чтобы какъ нибудь попасть въ царство небесное, ибо въ аду жара представлялась до такой степени ужасною, что одна капля воды равнялась цѣлому кувшину холоднаго квасу, который въ сей тлѣнной жизни всякій чиновникъ выпивалъ залпомъ съ просонокъ и съ чѣмъ разстаться положительно не могъ. — Не намѣчая себѣ иной цѣли, кромѣ желанія не быть такимъ, какъ есть, Никитичъ съ искренностію, какой не было въ добрыхъ людяхъ, понимавшихъ тайну фокуса, присматривался къ этой житейской пустотѣ, будто бы (казалось ему) обставлявшей только самую тайну. Онъ щупалъ и разглядывалъ по одиночкѣ каждую шерстинку въ кускѣ сукна, и поэтому понятія о цѣломъ кускѣ составить не могъ. Не разглядѣвъ пустоты и мертвенности, которая царитъ въ мирныхъ нравахъ, Никитичъ рѣшилъ прямо стать за кулисы этой жизни, и первый шагъ къ этому — женитьба. „Надо жениться, размышлялъ онъ. — Чтожь такъ-то?“ Дѣло это совершалъ въ полной трезвости, то есть въ полной наивности ребенка. Невѣста съ перваго взгляда не пришлась по вкусу Никитичу, но стоило ему увидѣть поднявшуюся по случаю его появленія суматоху, эти блѣдныя, испуганныя лица всей семьи, стоило услыхать, какъ кто-то въ сѣняхъ умоляющимъ

шопотомъ говорилъ: — „Господи батюшка! Хоть бы теперича-то пристроить ее...“ Наконецъ, стоило подглядѣть въ лицѣ невѣсты трепетъ за роковую минуту, наставшую теперь, — и Никитичъ сказалъ: „Согласенъ“. Жена попалась не по немъ: вялое, больное существо, всѣми забытая въ семьѣ, какъ такая дѣвка, на которую никто не позарится, -- она сама видѣла въ замужствѣ свое тихое пристанище, хотѣла она немногаго, — именно только того, чтобы ею могъ помыкать только мужъ, а не встрѣчный и поперечный, толкавшій ее и въ хвостъ и въ голову во время житья въ семьѣ. А Никитичъ и не думалъ никѣмъ помыкать, онъ самъ отдавалъ себя на чужое помыканіе, надѣясь, что за него будутъ думать и такимъ образомъ спасутъ его, неумѣющаго думать по ихнему, отъ погибели. Средства къ спасенію были предложены самыя вѣрныя: „не пей и сиди дома„. Не пилъ, дома сидѣлъ и дурѣлъ отъ бездумья Никитичъ цѣлые полгода. Къ этому времени жена его успѣла по немногу войдти во вкусъ своей жизни: сначала она была рада-радешенька, что она мужняя жена, можетъ доверху накачивать себя чаемъ, потомъ, расправляя крылья больше, начала помаленьку заводить исторіи съ сосѣдями, сосѣдскими кухарками, притягивая сюда Никитича, который дѣло могъ рѣшить только въ пьяномъ видѣ, и притомъ не иначе, какъ осадивъ всѣхъ воевавшихъ своимъ здоровеннымъ кулакомъ, а въ это время онъ былъ трезвъ, стало быть только таращилъ глаза и соглашался въ одно и тоже время съ обѣими противными сторонами. Жизнь жены входила все больше и больше въ свою колею, — въ короткое время были, благодаря ей, оцѣплены сплетнями два квартала и начиналъ пошевеливаться третій... Никитичъ все сидѣлъ дома; смирно сидѣлъ и не пилъ. Чувствовалъ онъ, что въ этакой жизни онъ ни разу слова не сказалъ такого, чтобы нужно его было сказать; ни разу не подумалъ, не сознавая при этомъ, что думаетъ такъ по необходимости; шагу не сдѣлалъ по своему желанію. „Скучно“, осмѣливался только думать Никитичъ. Разъ подумалъ такъ, и два, и три... а потомъ потихоничку урвался изъ дому, -- въ кабакъ! Да двѣ недѣли и глазъ не показывалъ домой. Случалось, забѣгалъ сюда онъ на минутку, чтобы сорвать со

стѣны какую нибудь принадлежность своего гардероба, и если ему подъ руки подвертывалась жена и выла при этомъ: — „Злодѣй! Что ты съ собой дѣлаешь, губитель и пр.“, то онъ не пропускалъ случая отвѣтить ей по своему.

Сорвался, загулялъ. Загулъ на этотъ разъ былъ особенно продолжителенъ, потому что къ этому времени водка успѣла сдѣлать свое дѣло: если приходилось въ эту пору отрезвляться Никитичу, то только потому, что не на что пить было. Въ такіе немногіе трезвые дни случилась съ нимъ одна исторія, которая дала ему полную возможность къ загулу... „Переѣзжаетъ къ намъ во флигель, на одномъ дворѣ, — старушка помѣщица... Богомольница. Захотѣла она разъ отслужить всенощную... Иванъ Егорычъ, священникъ, встрѣчаетъ меня: “—Приходи, говоритъ, къ сосѣдкѣ подтянуть“... „—Отчего же“. Прихожу. Былъ я, признаться, въ то время грѣшенъ, но однако кое-какъ языкомъ орудовалъ и дралъ лыки вполнѣ. Отслужили; все честь честью. — Чайку не угодно ли? — Позвольте... Вижу, старушка все ко мнѣ, напримѣръ съ булками, съ сухарями... варенье, то, другое... Думаю: что за чудо! Ѣмъ, пью... — Этого не угодно ли? — „Позвольте, отчего же...“ Провожу такъ вечеръ, ухожу домой. Что за чудо?.. На Кирики и Улиты входитъ горничная. „—Господинъ пѣвчій дома? — Дома. „—Барынѣ скучно... просятъ на минутку“... Вхожу: водка... — Я, говоритъ узнала, какую ты любишь, такой и купила... Пью. Гляжу — что дальше? Закрываютъ ставни; остаемся въ потьмахъ; старушка эта сама меня за руку... Ей-ей. Околѣть — не вру. Сейчасъ беретъ за руку, говоритъ: „когда тебѣ что нужно, говори мнѣ... Я знакома... Я могу“. И за руку! Что ей, этой барынѣ, въ умъ зашло, — не могу вамъ сказать... Главная задача, можетъ ей что въ лицѣ моемъ?.. Или какъ въ то время я былъ молодъ, волоса, по совѣсти сказать, черные, въ кружокъ, можетъ быть, что нибудь ей показалось, но въ томъ исторія, что я, какъ былъ выпивши, забираю себѣ въ голову одну пакость: уходя даю горничной монету и говорю: — Какое обо мнѣ будетъ слово сказано, — помни. „—Слушаю-съ“. На утро встрѣчаю: — Что? — „Ничего. Ве-

черомъ приходитъ: — Господинъ пѣвчій дома? — Дома. — Пожалуйте. Вхожу, изловчаюсь къ ручкѣ, маменькой зову.—Здравствуйте маменька. — Маменька, не прикажете ли чего? Все исполняю „—Пѣвчій, поди сюда...“ — Иду. „Послушай, пѣвчій, садись здѣсь“. — Сажусь.—Цалуй! — Цалую. „Ступай вонъ!“ — Иду. Все благовидно. Замѣчаю ея расположеніе, выбираю день, говорю:

— Маменька, какъ мнѣ быть,—деньги у меня пропали казенныя, теперь я въ Сибирь.

— Ахъ Боже мой!

— Что мнѣ дѣлать.

— Возьми, возьми, сколько?

— Да какъ же это... (Между прочимъ беру).

Вижу ея любовь ко мнѣ, и по этому случаю думаю: какъ бы? Соображаю:

— Что, маменька, хочу я погадать у одной бабы, въ Осиновой горѣ, любитъ ли меня жена?...

— Ахъ, погадай, погадай.

— Право-съ! Только надо золотой....

— На, сдѣлай милость.

Беру деньги, сажусь на извощика, — пошолъ! Прихватишь бывало на дорогѣ въ кабакѣ ведро водки, отъѣдешь по воронежскому тракту версты двѣ-три, — стой! Распрягай извощикъ... Сейчасъ костеръ, пѣсни... Идутъ мужики, прохожіе:—Эй, друзья, сюда, подходи, пей!... То есть, Боже мой, что тутъ натворишь только!...

Вышли деньги, вхожу.

— Что?

— Гадалъ... Отвѣтъ завтра; нужно еще красную.

— Возьми...

Выхожу за ворота: Извощикъ!..

Продолжаю такъ, елико-возможно... Вижу, барынѣ самой туго пришло Принимаюсь одежу закладывать, — нашила она мнѣ ее — страсть... Барыню же между прочимъ жалѣю, но не хожу къ ней... Случилось, напился я. Входитъ горничная:

— Господинъ пѣвчій дома?

— Я развернулся, да ка-акъ двину ее... Тѣмъ и кончилось".

Какъ ни продолжительна была эта оргія, но Никитичу пришлось все-таки возвратиться въ домъ свой и очнуться... Чѣмъ больше отрезвлялся онъ, тѣмъ все въ болшемъ количествѣ выступали слѣды его безобразій, — въ квартирѣ не было ни одного цѣлаго стекла, рамы состояли изъ обрѣзочковъ склеенныхъ бумагой или просто заткнутыхъ подушкой, тряпкой; жена еле двигалась, отъ множества вывиховъ и переломовъ, перевязанныхъ разными тряпками, она охала и заливалась слезами, разсказывая какъ онъ, Никитичъ, будучи не въ своемъ видѣ, сгребалъ ни съ того, ни съ сего, цѣлую кучу посуды и грохалъ ее объ земь; какъ перетаскалъ въ кабакъ все платье, и даже ризу съ вѣнчальнаго образа содралъ, какъ огорошилъ ее, несчастную жену, по головѣ, тогда какъ она только и сказала-то всего, что: „Запирай дверь!"—и т. д. Не возражалъ Никитичъ, потому что былъ трезвъ, потому что былъ виноватъ. Горько ему было теперь вдвойнѣ.

А мирная, гнилая жизнь шла себѣ потихоньку, и тамъ, гдѣ въ пьяномъ видѣ Никитичъ находилъ возможнымъ только раскроить ту или другую рожу, отшлифованную множествомъ грошовыхъ добродѣтелей, тамъ теперь въ трезвомъ видѣ что-то стыдило его. Тайна все-таки была не разгадана, потому, что ее могла разгадать только деревня; искажонныя подъ разными наносными вліяніями, городскіе нравы,—не давали пищи его здоровой еще не затронутой природѣ. Такъ называемая среда, какъ видно стояла передъ нимъ съ закрытымъ ртомъ, и не думала заѣдать его: онъ неумѣя жить по ихнему, онъ проклялъ себя, старался подладиться, понять что нибудь, — и, не понимая чахнулъ при всемъ самомъ упорномъ ломаніи своей головы насчетъ способа къ своему спасенію, онъ теперь и выдумать-то не могъ ничего кромѣ слѣдующаго:

— Просто надо прошеніе подать владыкѣ, въ дьякона. Докуда такъ-то мыкаться?... По крайнѣй мѣрѣ буду знать тогда, что я такое... Живутъ же люди?„

Начинались хлопоты. Ради будущаго счастія, которое на этотъ разъ, какъ и во время женитьбы, казалось несомнѣннымъ, Никитичъ на колѣняхъ умолялъ владыку...

Помедли, говорили ему:—Повремени, потерпи.

Медлилъ, временилъ, терпѣлъ и наконецъ осмѣлился заикнуться:

— Докуда жь это?...

— Вонъ отсюда! отвѣчали ему.

Никитичь уходилъ и пьянствовалъ съ горя: счастію мѣшаютъ. Дѣло ясное. Наконецъ давали ему это счастіе, и черезъ двѣ-три недѣли Никитичь снова убѣждался, что дрянь дѣло, что новое положеніе все-таки не дало ему жизни. Онъ не сознавалъ этого отчетливо, но томился пустотой и считалъ единственнымъ исходомъ изъ этого мертваго царства — водку.

Снова срывался, снова падалъ и снова рѣшалъ:

— А вотъ что, — безо всякихъ разговоровъ: надо подать владыкѣ прошеніе на приходъ, въ село... Это дѣло-то попрочнѣй будетъ.. По крайней мѣрѣ самъ хозяинъ и т. д.

А деревня, въ которую наконецъ-таки попалъ онъ, и рада бы радешенька была пріютить свое любимое дѣтище, но уже на Никитичѣ, незамѣтно для него, лежала уродующая печать уродскихъ нравовъ города. Никитичь теперь уже не могъ разглядѣть своего спасенія. Насталъ длинный періодъ сплошныхъ безобразій; и хлѣбъ, начавшій гнить на корню, — догнивалъ. Дѣло подъ конецъ пошло путемъ разныхъ судебныхъ инстанцій, при посредствѣ становыхъ, понятыхъ, на основаніи пунктовъ и статей...

III.

ДЕНЬ.

Небо незамѣтно очистилось отъ тучъ, и несмотря на то, что было почти также темно, что исчезла только милліонная доля ночныхъ тѣней, можно было убѣдиться, что дѣло идетъ къ свѣту. Становилось свѣжѣе; за окномъ завозился и застучалъ головой

въ клѣтку перепелъ. Прошло еще немного времени и перепелъ крикнулъ, разъ и два. Семенъ Матвѣичъ вскочилъ съ своего войлока и тотчасъ же высунулся въ окно; почесывая то ногу, то спину, онъ глядѣлъ направо и налѣво и говорилъ про себя: — Э... э... э... пора, пора, пора...

Постоявъ еще среди комнаты, онъ зѣвнулъ раза три залпомъ, не переставая, вздрогнулъ отъ холода, лѣниво надѣлъ сапогъ, и осторожно ступая на цыпочкахъ шарилъ, растопыренными руками сюртука...

— Гдѣ это я его давича ткнулъ, шепталъ онъ, хлопая и шаркая ладонями по полу... — Во-во-во... Э-э, батюшка да вы не спите?

— Нѣтъ.

— Знаете, что я вамъ скажу? Пойдемте-ка мы на перепеловъ! Вы посмотрите, какая прелесть-то! а? Ей Богу... Одѣвайтесь, теперь самая пора... три часа... куда теперь спать?. Какой сонъ?..

Семенъ Матвѣичъ сыпалъ такого рода фразы до тѣхъ поръ, пока мы оба не были совершенно готовы и не вышли въ сѣни. Здѣсь вверху надъ срубомъ виднѣлась почернѣлая труба, жерди съ тряпками, сплюснутые березовые вѣники. По угламъ, въ плетеныхъ изъ соломы лукошкахъ сидѣли съёжившись куры и ворочали чуть слышно спросонокъ...

— Куда? раздалось съ полу...

Семенъ Матвѣичъ нагнулся.

— Отецъ дьяконъ?

— Я. Что, друзья, глазъ сомкнуть не могу...

— Что такъ?

— Да вы послушайте, что это такое...

Издали слышался свирѣпѣйшій, ожесточенный храпъ Мѣдникова.

— Вѣдь это какъ угодно! говорилъ дьяконъ. — Нѣтъ, надо по совѣсти признаться, сатана-то около Никитича походилъ, порядочно.

— Ну разумѣется, смѣясь сказалъ Семенъ Матвѣичъ...

— Тебѣ, я вижу, только грохотать, братъ.. Можешь, можешь Сколько вамъ будетъ угодно; сдѣлайте милость...

Дьяконъ сердито завернулся съ головой въ овчинный тулупъ и ворчалъ оттуда:

— Будьте такъ добры... Го-го-го!... Превосходно! и т. д.

Улыбаясь потихоньку, Семенъ Матвѣичъ вытащилъ изъ какой-то трещины между бревнами перепелиныя дудки и сѣти и мы вышли. На топкомъ дворѣ валялось перевернутое корыто, кучами лежали и похрюкивали отъ холода маленькіе пестрые поросята, стараясь сдвинуть головы въ одно мѣсто. Подъ сараемъ спали овцы, изъ которыхъ нѣкоторыя, заслышавъ стукъ двери, подняли головы и заблѣяли...

Отворивъ скрипучія ворота, зацѣпившіяся за землю, мы очутились на узенькой тропинкѣ между высокими коноплянниками. Тропинка шла къ рѣкѣ, куда прежде всего сбѣжалъ Семенъ Матвѣичъ, чтобы посмотрѣть, есть ли что нибудь въ вершѣ, которую онъ поставилъ вчера. Оказалось. что ничего нѣтъ, и опытный въ деревенскихъ нравахъ глазъ Семена Матвѣича убѣдилъ его, что было что-то, но украдено.

— Экіе храпаидолы, говорилъ онъ, влѣзая на берегъ и направляясь потомъ въ рожь.

Начинало свѣтлѣть.

Надъ неподвижной, сонной рѣкой висѣло какое-то разорванное, жиденькое облачко тумана; вдали шумѣла вода на плотинѣ у мельницы, звуки мужичьихъ дудокъ доносились откуда-то издалека и тотчасъ же на долго замолкали. Тишина была поразительная: казалось, все спало сладкимъ утреннимъ сномъ, — все, начиная отъ верхушекъ лѣса, отъ едва мигавшихъ звѣздъ, — до послѣдняго колоса ржи, до послѣдней только еще вылѣзающей на свѣтъ Божій травки. И когда наши ноги, поминутно врѣзывавшіяся въ рожь, безжалостно валяли и мяли цѣлыя полосы ея колосьевъ, то казалось, что эти спящіе колосья точно также вздрагивали во снѣ, какъ вздрагиваетъ ребенокъ, которому приснилось, что онъ упалъ съ горы или съ моста въ воду...

Семенъ Матвѣичъ оживился, онъ шелъ бодро, поднимая голову и легко работая ногами.

— Экая прелесть! говорилъ онъ, вдыхая полной грудью утренній воздухъ. — А? вѣдь это что такое? Благодать!..

Потомъ вдругъ нагибался надъ чернымъ лоскутомъ вспаханной земли, присматривался и говорилъ:

— Каково? Гречиха-то? Какъ поперла!.. У-у... Посмотрите-ка... Хо-хо-хо!.. От-тлично, то есть просто великолѣпно...

Отъ гречихи онъ снова пускался впередъ, давалъ какіе-то удивительно далекіе концы въ разные стороны по полямъ, по ржи, и въ тоже время не умолкая говорилъ что нибудь. — Эта дудка-то, знаете, что такое? говорилъ онъ, потрогивая перепелиную дудку. — Это дѣвица. Барышня. Сидитъ она подъ окошкомъ и говоритъ: я тепереча одна, маменька-ко всенощной ушли... А напротивъ, замѣтьте, чиновникъ посматриваетъ; такъ это для него, чтобы онъ понималъ... А перепелъ (т. е. вотъ дурачье-то, ужасъ что за ослы)! А перепелъ (чиновникъ-то). — А, говоритъ, очень пріятно... Проводите отъ собакъ... Понимаете? Ну, ужъ тятенька-то, ясное дѣло, — я; потому я ихъ и прихлопну, и дѣло поведу судебнымъ порядкомъ...

Всторонѣ крикнулъ перепелъ. Семенъ Матвѣичъ замолкъ, присѣлъ и поднимая палецъ тянулъ:

— Цсссс...

Въ то же время ползкомъ пробирался въ рожь, осторожно раскинулъ сѣтку по верхамъ колосьевъ, снялъ и положилъ около себя шапку, и стоя на колѣняхъ, слегка потрогивалъ дудку...

Перепелъ шелъ на рандеву.

— Вотъ болванъ-то! шепталъ Семенъ Матвѣичъ и вдругъ замахалъ руками, крикнулъ и швырнулъ шапку на средину сѣтки.

Перепелъ однако перепорхнулъ въ другую полосу и ушелъ.

— Ну, счастливъ твой Богъ, заключилъ Семенъ Матвѣичъ, собирая сѣтку. И начались снова долгіе, утомительные походы по полямъ. — Солнце между тѣмъ начало понемногу высовывать свой золотой край, и скоро, какимъ-то продолговатымъ кругомъ, очертилось вполнѣ. Съ порывистыми, на секунду совершенно прекращавшимися движеніями поднималось оно по небу, дрожало, волновалось, и теплые, слишкомъ теплые, лучи его такъ пріятно пригрѣ-

вали человѣка, что его невольно охватывала самая сладкая дремота.

Ноги вяло брели впередъ, глаза смыкались, я все больше и больше отставалъ отъ товарища.

— Э-э, батюшка, кричалъ Семенъ Матвѣичъ, остановившись вдали. — Такъ-то?.. Стало быть ужь и домой?..

— Домой, сказалъ я.

Легіоны самыхъ назойливыхъ и надоѣдливыхъ мухъ, заставили меня открыть глаза. Семенъ Матвѣичъ набивалъ у окна папиросу и говорилъ:

— Долгонько-съ, долгонько... Пора. Не годится...

Скоро мы оба были на крыльцѣ. Стоялъ жаркій лѣтній полдень. Лытовка блистала теперь во всей своей красотѣ: по обѣимъ сторонамъ шоссе тянулись постоялые дворы, съ красивыми крыльцами, на верху которыхъ, подъ пересѣкавшимися краями крыши, были прибиты четырехъ-угольныя новыя вывѣски, по синему фону золотыми буквами. Такими вывѣсками украшался почти каждый постоялый дворъ. Кромѣ того, въ деревнѣ было два-три грязныхъ трактира, для почтовыхъ ямщиковъ и фабричныхъ съ ближнихъ суконныхъ заводовъ. Вывѣски у трактировъ были тоже новыя, но на нихъ не было надписей въ родѣ: „Венеція“, Неаполь“, а красовались совершенно новыя, отечественныя слова: „кружало покровское“, „друзья-пріятели“, „пей-ко сноха“! — „Спасибо батюшка“ и т. д. Прямо противъ насъ, на противуположной сторонѣ дороги, возвышался длинный шестъ, къ верхушкѣ котораго была привязана трубка и огромный пукъ розогъ, — т. е. „не курить. Боже избави“.

Справа, на камняхъ, служившихъ ступенями крыльцу, сидѣлъ плотный дворникъ, съ краснымъ лицомъ, маленькимъ клочкомъ бороды, въ одной рубахѣ, босикомъ и въ тепломъ плисовомъ пожелтѣвшемъ картузѣ. Дѣлать ему было ровно нечего; онъ глазѣлъ по сторонамъ, зѣвалъ, снималъ картузъ и тотчасъ же надѣвалъ снова, поправляя его кивкомъ головы.

Мимо идетъ маленькая, трехлѣтняя дѣвочка.

— Здластуйте дяденька...

— Здрастуй, здрастуй, любезная, говоритъ дворникъ. —Куда бѣжишь?..

— Домой...

— Домо-ой? Н-д-а... За что жь это такъ домой-то?

-- Нада...

— Да-да-да, — надобно... Вотъ такъ умница! Стало быть требуется? Такъ!.. Ну, что же, башмаки-то сшили?

— Нѣтъ еще...

— Еще не сшили? Скажите на милость...

Дѣвочка припала плечомъ къ углу крыльца, смотрѣла въ землю, и упершись пальцемъ въ дерево, вертѣла имъ словно штопоромъ и говорила:

— Еще ни готова...

— Цссс... Ахъ разбойники! Да чтоже это они... А ты вотъ что, Дуняшь... Подико-съ сюда, поди... Ты вотъ какъ: пойдешь ты къ Петру Петрову, скажи ему: Иванъ, молъ, Иванычъ приказывалъ-хорроше башмаки сшить...

— Сказу...

— Скажи, молъ, приказывалъ, чтобы мнѣ башмаки въ лучшемъ видѣ.... Ахъ вы молъ, разбойники эткіе!... Деньги брать ваше дѣло.... Нешто такъ можно? Рази, молъ, это годится?

— Сказу....

— Чтобъ за первый сортъ башмаки были.... Молъ Иванъ Иванычъ приказывалъ — строго... Чтобы живо... Такъ и скажи: Ахъ вы, анаѳемы! — и т. д.

Посреди улицы, т. е. шоссе, двигалась цѣлая толпа коротконогихъ, съ низкимъ брюхомъ и огромными головами, деревенскихъ мальчишекъ; прижавъ ко рту кулаки съ притиснутой внутри ихъ травой, они оглашали воздухъ самыми пронзительными звуками. Дворникъ обратилъ вниманіе и на нихъ.

— Эй, ты, рыжій... Ѳедька? Поди сюда!

Ѳедька подбѣгалъ.

— Что это, ребята, дивлюсь я, попусту вы горланите? На

перегонки, что ли бы... или какъ нибудь... А то что жь, безъ толку-то?..

Ребята становились честь честью въ шеренгу; въ качествѣ лошадей принимались ржать, толкать другъ друга колѣномъ въ бокъ, — т. е. бить задомъ, и всѣ запаслись длинными хворостинками, приготовляясь погонять лошадей, т. е. себя.

— Н-но? спрашивалъ дворникъ, готово? — Разъ, два... пущай!

Ребята сразу огорошиваютъ себя хворостинами по ногамъ и бросаются впередъ стремглавъ, скашивая на бокъ голову и вскидывая ногами всторону.

По шоссе мчался тарантасъ съ заливавшимся колокольчикомъ.

— Не хотите ли, сказалъ Семенъ Матвѣичъ: — пройти тутъ недалеко — въ контору... къ лѣсникамъ?

— Пойдемте.

Въ сѣняхъ встрѣтился дьяконъ, онъ стоялъ противъ жены, грозилъ ей пальцемъ и шопотомъ говорилъ.

— Такъ смотри же, — ни капли... То есть ни единой росинки... Нѣту, да и только... какъ угодно... Выпьетъ рюмку, его неудержишь... Просто на просто, — молъ, ни денегъ нѣту, ни послать никого... н-н-нельзя...

— Все опасаюсь за Никитича, добавилъ онъ, обращаясь къ намъ.

Мы пошли чрезъ огородъ.

Въ тѣни низенькаго, расплюснутаго сарая, лежалъ Никитичъ въ растегнутомъ полукафтаньѣ, открывавшемъ грязную, потную узенькую рубаху. Онъ былъ совершенно трезвъ, — причесанъ, конфузливъ и молчаливъ. Года научили его прятать эту конфузливость подъ какимъ-то насильственнымъ смѣхомъ, который впрочемъ сразу давалъ знать, что ему вовсе не смѣшно.... Дьяконъ, разъяснявшій эту конфузливость и молчаливость желаніемъ выпивки, старался отвлечь мысли Никитича отъ такого соблазнительнаго предмета и поэтому занималъ самыми разнообразными разговорами: то начиналъ онъ разсказывать содержаніе какой-то превосходной проповѣди, въ которой онъ какъ нарочно забылъ

всю середку, вслѣдствіе чего слушателю становился совершенно непонятнымъ переходъ отъ вопроса въ началѣ проповѣди: „Знаете ли, братіе, что значитъ Іерусалимъ?“ къ концу, трактовавшему о безобразіяхъ современныхъ кринолиновъ и проч. Похваливъ эту проповѣдь, дьяконъ перескакивалъ къ другому предмету и спрашивалъ, держась при этомъ за бороду и соображая:

— Скажите, сдѣлайте одолженіе: что за чудо... Пишутъ про поляковъ, быдто бы собрали они что-то тысячъ... какъ бы... дай Богъ память... до пяти сотъ.

— Чего? спрашивалъ племянникъ.

— Чего бишь?... — Вотъ ужь этого-то, признаться сказать, и не того... Пишутъ: „на разстояніи, говоритъ, пятнадцати верстъ... и при пріятной погодѣ“ и т. д.

Послѣ того какъ Семенъ Матвѣичъ успокоился отъ хохота по случаю этихъ разговоровъ, — настало тупое молчаніе.

Никитичъ молча гладилъ рукою волоса назадъ; глаза его, смотрѣвшіе въ сторону, были какъ-то упорно вдумчивы.

— А что, отецъ дьяконъ, произнесъ онъ вдругъ, какъ бы вслѣдствіе долгой, рѣшившейся только теперь думы: — что я васъ хочу спросить: какъ вы посовѣтуете? хочу я владыкѣ прошеніе подать...

Дьяконъ соображалъ...

— По крайней мѣрѣ, что нибудь ужь одно... хоть бы знать, что я такое?.. Ей Богу...

— Что жь, прошеніе — ничего, подумавъ, вяло заключилъ дьяконъ...

Мы постояли еще здѣсь съ минуту и пошли въ контору. Грустно было у меня на душѣ...

НРАВЫ РАСТЕРЯЕВОЙ УЛИЦЫ.

ОЧЕРКИ.

Въ. г. Т. существуетъ Растеряева улица. Состоя на полозу захолустья, она обладаетъ всѣми аттрибутами, обставляющими фигуру мѣстностей такого рода, т. е. множествомъ всего покосившагося, полуразвалившагося или развалившагося совсѣмъ. Эту картину дополняютъ ужасы осенней грязи, ужасы темныхъ осеннихъ ночей, оглашаемыхъ неистовыми криками: „караулъ", и всеобщая бѣдность, въ мамаевомъ плѣну у которой—съ незапамятныхъ временъ томится убогая сторона. Бѣдное и обглоданное населеніе всякого закоулка, состоящее изъ мелкихъ чиновниковъ, мѣщанокъ, торгующихъ мятой, мятной водой, мѣщанъ, пропивающихъ все, что выторгавываютъ ихъ жоны, горнизонныхъ солдатъ и пр. — такое бѣдствующее населеніе въ городѣ Т. пополняетея не менѣе обглоданымъ классомъ разнаго мастероваго народа. Въ Т. съ давняго времени процвѣтала промышленность всякаго рода металлическихъ издѣлій: въ городѣ и въ окрестностяхъ находятся чугунно-литейные, колокольные, самоварные и др. заводы. Кромѣ того городъ славится извѣстнымъ заводомъ стальныхъ издѣлій, населившимъ своими рабочими все Зарѣчье и цѣлую слободу Чулково. Это совершенно особая сторона, — городъ въ городѣ, — обыватели которой, когда-то пользовавшіеся разными привилегіями, гордо посматривали на мастеровъ городской стороны, работающихъ въ одиночку, и при встрѣчахъ не упускали случая подѣлиться взаимными любезностями: — „Кошкинъ хвостъ!" говорилъ одинъ, „огурцомъ зарѣзался", отвѣчалъ другой и оба съ серьезными лицами проходили мимо. Отъ насмѣшекъ зарѣчен-

скаго мастера или казюка, какъ называютъ ихъ мѣщане, не уходилъ даже чиновникъ „стрюцки“ или „точеныя ляшки“,— бросалъ ему казюкъ на ходу, — подтрунивая главнымъ образомъ надъ испитой, благочестивой фигурой чиновника съ сухими цаплеобразными ногами, облаченными въ узкія брюки.

Растеряева улица лежитъ на городской сторонѣ, — но общій колоритъ рабочаго города отдался и здѣсь. Вотъ между прочимъ, въ лачугѣ, ни откуда не защищенной заборами, проживаетъ представительница собственно растеряевскаго мастерства, старая солдатка, — кукольница. Подъ ея дряхлыми пальцами цвѣтетъ отечественная скульптура; въ лѣтніе, погожіе полдни, на заваленкѣ ея лачуги, непремѣнно сушится нѣсколько глиняныхъ офицеровъ и дамъ, и безчисленное множество лошадей съ одними передними ногами и отверстіями во внутренности. Растеряевскіе мальчишки запасаются этими свистящими конями, и въ теченіи цѣлаго года разнообразятъ смертельно-пронзительнымъ свистомъ свое горестное существованіе. Въ такихъ же лачугахъ живутъ сверлильщицы, наждашницы, — женщины и дѣвушки, занимающіяся на фабрикахъ. Въ этой же улицѣ живутъ гармоньщики, токаря, наводильщики и т. д. На концѣ улицы, упирающейся въ широкое воронежское шоссе, виднѣется квадратное зданіе изъ темно-краснаго не крашенаго кирпича — самоварная фабрика. Всѣ эти мастерства даютъ Растеряевой улицѣ нѣсколько иную сравнительно съ другими захолустьями физіономію. Въ дни отдыха, молчаливая физіономія ея оживляется драками, пьяными, разбросанными тамъ и сямъ. Въ будничные дни, къ звонкому пѣнью куръ присоединяется стукъ молотковъ, то въ перемежку, то сразу вдругъ обрушивающихся на отчеканиваемую металлическую массу; звуки гармоніи, на которой мастеръ для пробы тронулъ съ „перехватомъ, съ пирипеpомъ“, жужжаніе токарнаго станка и надо всѣмъ этимъ по обыкновенію тихая пѣсня. Въ темные зимніе вечера, когда бывали обыкновенно вездѣ уже заколочены наглухо ворота и ставни, а чиновники съ жонами ложились спать въ нестерпимо жаркихъ и продушонныхъ шерстяными чулками комнатахъ, окна самоварной фабрики были еще ярко освѣ-

щены, изъ осмигранной трубы медленно выползали большія мутно-красныя искры, тотчасъ же потухавшія въ темномъ воздухѣ.

Никѣмъ не вспоминаемая, никѣмъ не сторожимая, Растеряева улица покорно несетъ свое исконное бремя, — нужду. Мертвая тишина, парящая здѣсь, яркая зелень курчавыхъ яблонь и солнечные лучи, щедро затопляющіе и зелень и тишину, обманутъ усталаго и жаждущаго отдыха человѣка, который наровилъ выбрать именно такое мѣстечко, гдѣ бы было такъ много зелени, тепла, солнца, и напротивъ, такъ мало человѣческихъ голосовъ и разговоровъ. Усталый человѣкъ будетъ обманутъ во всѣхъ статьяхъ, ибо скоро узнаетъ онъ, что въ этой тишинѣ нѣтъ минуты покоя; въ этомъ такъ упорно вѣющемъ отовсюду безмолвіи и снѣ — нѣтъ минуты покойнаго сна, потому что растеряевскія ночи „безсонны“... Точно такъ же будетъ обманутъ усталый человѣкъ и насчетъ разговоровъ: онъ услышитъ ихъ и здѣсь, но они въ результатѣ принесутъ не это одряблѣвшее, выстуженное сердце, которымъ надѣленъ усталый человѣкъ, но самое полное сознаніе всей мелкоты собственной боли, самая страшная степень которой никогда не сравнится съ горемъ растеряевскаго запивахи-сапожника, который молча глушитъ его въ самомъ себѣ, слегка только крякнувъ и повернувъ сжатымъ кулакомъ на собственной груди. И чѣмъ далѣе будетъ усталый человѣкъ жить растеряевскою жизнію, тѣмъ все больше и больше наплывающихъ бѣдъ разглядитъ онъ въ этой зелени и тишинѣ. Убогая сторона эта вовсе не чужда разнаго рода новинокъ, разнаго рода радостныхъ ожиданій, и эти новинки часто залетаютъ сюда, по временамъ принося нѣчто въ родѣ сюрприза бѣдствующему растеряевскому люду; кажется, что карты вѣрно сказали „исполненіе желанія“. Но суровыя уста, осѣненныя двумя вило-образными усами и возвѣщающія здѣсь эти новинки, много отнимаютъ отъ радости, произведенной сюрпризомъ. Если иногда грозный видъ этихъ устъ перемѣнится на милость, — и ласково спросятъ они: „довольны? всѣ ли довольны?“ то растеряевцы не знаютъ, что и сказать на это, ибо предчувствуютъ, что уста тотчасъ же примутъ грозное выраженіе и загремятъ:

— Вторрое: отнюдь, ни подъ какимъ предлогомъ...

— Трррретье: аккуратно взносить... Что же касается... т-то: перрвое: н-не-ммедля... подъ страхомъ и т. д.

Тѣ же растеряевцы, до ушей которыхъ не доходятъ эти новинки, убѣждаются въ существованіи ихъ во очію.

Цѣлый день ходитъ по нестерпимой жарѣ мѣщанка, держа наизамлѣвшемъ плечѣ лотокъ съ мочеными яблоками, пискливо поетъ: „по яблоки“ и думаетъ: „какая настала жизнь!“ въ прежнее время послѣ дневнаго скитанья выручала она двугривенный, изъ котораго гривенникъ шолъ на пропой мужу, а теперь мужъ заламываетъ по меньшей мѣрѣ четвертакъ, а выручки дай Богъ гривенникъ... Прошла баба улицу, прошла другую, все-то заперто, все-то словно попряталось отъ нея...

— Ахъ пошли мнѣ, Господи, смерть поскорѣе! молитъ баба.

— Старушка! Поди-ко сюда, милая...

Съ радостію подлетѣла старушка къ нижнему окошечку дома, и расположилась съ лоткомъ на землѣ... Разгорѣлись у молодаго приказнаго глаза на моченые яблоки, поворачиваетъ онъ голову въ комнату и молитъ:

— Маменька! Сдѣлайте божескую милость!.. Позвольте мнѣ копѣечку! Все я хоть немножечко развлекусь....

— Кто это про тебя копѣйки-то припасалъ? Много ты ихъ копѣекъ-то накопилъ? слышится сердитый голосъ... — Ты бы смерти у Бога попросилъ, а не мочениинькаго... Не надо! ступай, матушка...

— Ахъ, пошли ты мнѣ, Господи, смерть праведную, ропщетъ старуха, понапрасну натрудившая кости... Ахъ, смерть моя!..

— Старушка! поди сюда, милая! зоветъ баринъ какой-то.... По усамъ, граціозно расправленнымъ, и по густо намазаннымъ помадою волосамъ, можно понять, что господинъ этотъ недавно началъ утверждать: „служба наша теперь совсѣмъ благородная стала“.

— Поди, милая! Есть у тебя, милая, сам-мыя ллуччія?

„Вотъ я Бога-то понапрасну потревожила“, думаетъ баба.— Есть, есть, есть-съ.

И скоро на окнѣ лежатъ самыя крѣпкія и крупныя яблоки. Баринъ взялъ всѣ...

— Покорнѣйше васъ благодарю, баринъ милый.

Но баринъ вдругъ складываетъ по наполеоновски руки, перекашиваетъ ротъ такъ, что одинъ усъ смотритъ въ потолокъ, другой въ полъ, и вопіетъ:

— А как-кое ты имѣешь право, не взнося акцизу, производить ручную торговлю неузаконенн...

Баба опрометью бросается въ сторону, и только пробѣжавъ пять кварталовъ, рѣшается снова затянуть:

— По ябу-лу-кии!.. Ахъ, трудно! думаетъ она.—Трудно!...

Такъ ощущается присутствіе новинокъ въ Растеряевой улицѣ.

Среди общаго унынія и отчаянія, пронизавшаго насквозь всю Растеряеву улицу, можно было отыскать только одного человѣка, который иногда съ совершенно покойною совѣстію могъ говорить:

— Чего жь мнѣ еще отъ Христа моего желать?

Человѣкъ этотъ былъ пистолетный мастеръ, молодой малый, по прозванію Прохоръ Порфирычъ, обитавшій въ собственномъ домишкѣ. Ради такого дивнаго-дива мы прежде всего и познакомимся съ этимъ счастливымъ человѣкомъ, чтобы, вмѣстѣ съ тѣмъ, познакомиться съ скромными растеряевскими людьми всякаго званія, — по своему недовольными, по своему счастливыми, и наконецъ, по своему современными.

I.

ПРОХОРЪ ПОРФИРЫЧЪ.

Года два тому назадъ, Прохоръ Порфирычъ еще не былъ постояннымъ обывателемъ Растеряевой улицы, хоть выняньчила его и выпустила на свѣтъ Божій изъ своихъ голодныхъ нѣдръ.

Дѣло въ томъ, что въ Растеряевой улицѣ когда-то давно поселился отставной полицейскій чиновникъ, упрочившій за собой славу великаго дѣльца и человѣка особливо неустойчиваго насчетъ женскаго пола: такъ онъ развелся съ женой, необыкновенно слезливой женщиной, и сошелся съ ярославской мѣщанской дѣвицей Глафирой, которая долго держала брыкливаго барина въ своихъ рукахъ, и подъ конецъ все-таки должна была отказаться отъ него въ пользу чиновничьей дочери Лизаветы Алексѣевны, дѣвицы среднихъ лѣтъ, съ опущенными всегда въ землю глазами и жестокимъ стремленіемъ къ воровству. Глафира впрочемъ не разсталась съ бариномъ: низведенная на степень кухарки, она рѣшилась скоротать свой вѣкъ въ кухнѣ и полегонечку начала запивать. Брыкливый баринъ, тоже и самъ, не имѣлъ духу прогнать ее, что слѣдовало по обычаю, потому что у нея было два сына, которые хоть и назывались Порфирычами, въ честь ветхаго кучера Порфирія, — но и баринъ, и Глафира, и дѣти знали, въ чемъ дѣло. Старшій сынъ Глафиры оставался при домѣ въ качествѣ лакея, младшій, Прохоръ, отданъ былъ въ ученье къ токарному мастеру. И въ то время, когда веселый домъ чиновника какъ-то уныло стоялъ съ запертыми въ нижнемъ этажѣ окнами, когда въ саду его не слышно было больше пьяныхъ чиновничьихъ голосовъ, отдиравшихъ „посѣюль-я кан-н-на-ппель... и проч.“, а самъ баринъ, пораженный всяческими недугами, когда-то замазанными и кое-какъ залѣченными, недвижно лежалъ въ маленькомъ мезонинѣ, ожидая смерти, — Прохоръ Порфирычъ, въ эту пору двадцати-трехлѣтній парень, — работалъ за кіевской заставой, — одинъ, на себя, приготовляя на продажу револьверы.

Въ это время и начинается наше съ нимъ знакомство.

Вслѣдствіе ли сознанія своего „благородства“, или вслѣдствіе житейскаго опыта, Прохоръ Порфирычъ держался какъ-то въ сторонѣ отъ своихъ собратій — мастеровыхъ, не походя на нихъ ни въ чемъ: его никто никогда не видалъ въ дракѣ, съ разбитымъ глазомъ, или пьянымъ, валяющимся гдѣ нибудь среди лужи. Раскроенная, ободранная и тощая фигура Т—скаго рабочаго че-

ловѣка, съ свалявшеюся войлокомъ бородой, въ картузѣ простреленномъ и пулями и дробью во время пробы ружья, съ какими-то отчаянными порывами ежеминутно доказать, что „жизнь — копѣйка“ и проч. и проч., — такая горестная фигура совершенно не сходилась съ фигурой Прохора Порфирыча: на немъ всегда былъ цѣльный, опрятный картузъ, лицо тщательно вымыто, а грязная шея, запыленная мельчайшими желѣзными опилками, носившимися въ воздухѣ мастерской во время работы, пряталась подъ гаруснымъ шарфомъ, придерживаемымъ плисовымъ воротникомъ достаточно подержаннаго драповаго пальто. Плохенькіе, но все-таки выпускные панталоны и ясные признаки поплевыванія на носки грязноватыхъ сапогъ, все это говорило о желаніи имѣть хоть какое нибудь подобіе человѣка, и главное, человѣка—благороднаго. Вообще, онъ не столько походилъ на мастероваго, сколько на семинариста, благочинническаго сына, у него не было только этого довольства фильдекосовыми перчатками, этого страстнаго желанія распластать огненнаго цвѣта шарфъ по всей спинѣ и проч., да и физіономія его носила слѣды постоянной сдержанности, вдумчивости, дѣла, что самъ Прохоръ Порфирычъ называлъ разсчетомъ, руководясь имъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. Такъ, напримѣръ, носить нѣмецкое платье Прохора Порфирыча побуждало не только благородство, но и разсчетъ. — „Случись, говоритъ онъ: — пожаръ, примѣрно, твое дѣло сторона... Такъ-то!“ И дѣйствительно, въ то время, когда руки хожалыхъ тащили за шивороты толпы разныхъ чуекъ и чемерокъ, и когда эти чуйки среди огня рвали голыми руками раскаленныя листы желѣза, изрѣдка подставляя лицо и спину подъ струю воды, въ эту пору Прохоръ Порфирычъ мирно стоялъ среди благородныхъ людей и спокойнымъ голосомъ объяснялъ сосѣду:

—...Изволите видѣть, столбъ-отъ... бѣлый-съ?

— Да, да, да.

— Это все изъ-за самыхъ пустяковъ происходитъ. Потому, теперича, изъ верхнихъ слоевъ тяга съ одного конца ударяетъ, а съ низу-то... ужь она опять тоже оштибку даетъ... Извольте взглянуть, какъ оттэда понесло.

И Прохоръ Порфирычъ поворачивался лицомъ къ вѣтру.

Чѣмъ болѣе Прохоръ Порфирычъ убѣждался въ справедливости своихъ взглядовъ, тѣмъ вдумчивѣе становилась его физіономія. Часто, во время работы въ своей мастерской, Прохоръ Порфирычъ одинешенекъ велъ какіе-то отрывочные разговоры вслухъ, довѣряя свои мысли станку и сырымъ, почернѣлымъ стѣнамъ. „Черти! право, черти!“ слышалось тогда въ мастерской. „Ваше дѣло—путать... Колесомъ ходить,—нѣтъ я тебѣ разберу авчинуто... и т. д.“ Но если случалось, что Прохоръ Порфирычъ забѣгалъ на минутку къ какому нибудь знакомому чиновнику (знакомые его были исключительно чиновники и вообще люди благородные), то здѣсь сразу прорывалась его застуженная серьезность и всѣ размышленія вылетали наружу; онъ особенно любилъ говорить о своихъ дѣлахъ именно съ чиновникомъ, потому что всякій чиновникъ всегда сочувствовалъ ему, — вытаращивалъ глаза именно тамъ, гдѣ самъ Прохоръ Порфирычъ дѣлалъ то же,—у мѣста говорилъ да, у мѣста нѣтъ, и какъ разъ кстати задавалъ вопросы. Со стороны чиновника это было не болѣе, какъ умѣнье быть готовымъ на всякъ часъ: если ему самому не приходилось кого нибудь лудить или поливать, то онъ считалъ священною обязанностію дѣлать угодное, пріобрѣтая удивительную способность давать самые безукоризненые и пріятные отвѣты въ самыхъ неожиданныхъ случаяхъ: неожиданно забѣжавшему знакомому, неожиданно налетѣвшему ревизору, даже въ моментъ трубнаго гласа въ послѣдній день—и тутъ чиновникъ дастъ отвѣты безъ сучка и задоринки. Если же, паче чаянія, чиновникъ не понималъ, въ чемъ дѣло, то ужъ за то отнюдь не противорѣчилъ.

Сидя гдѣ нибудь въ углу въ тѣсной квартиркѣ чиновника, Прохоръ Порфирычъ неспѣша прихлебывалъ горячій чай и не переставая говорилъ.

— Вотъ вы изволили, Иванъ Иванычъ, разговаривать, — времена-то тенерь тугія-съ.

— Д-да? вскидывая ногу на ногу, говорилъ чиновникъ.

— Д-да-съ; а ежели говорить какъ слѣдуетъ, то есть по чистой совѣсти,—умному человѣку, по теперешнему времени, нѣтъ

лучше, превосходнія... Особливо съ нашимъ народомъ, съ голью, съ эстимъ народомъ — рай!

— Рай?

Чиновникъ встряхивалъ отъ удивленія головой.

— Ей-ей-съ!.. Главное то, — наша досада, — не съ чѣмъ взяться!... Хучь бы мало-маленько силишки въ руки взять, какъ есть — первое дѣло!.. Одно — умѣй намѣтить! разсчесть... Приложился — навылетъ! Вотъ, говорятъ, хозяева задавили. Хорошо. Будемъ такъ говорить: надѣли я нашего брата, гольтепу, всѣмъ до малости, чтобы одно слово — не въ проворотъ, — какъ вы полагаете, очувствуется?

Чиновникъ всматривался въ лицо Прохора Порфирыча и нерѣшительно произносилъ:

— М-мудрено!

— Ни въ жисть! Ему надо по крайности десять годовъ пьянствовать, чтобы въ настоящее понятіе войти. А покеда онъ такія алимонины пущаетъ, умному человѣку не околѣвать... не изъ чего... Лучше же я его въ полоумствѣ захвачу, потому полоумство это мнѣ разсчетъ составляетъ.... Такъ ли я говорю?

— Что тамъ.... Народъ какъ есть....

Чиновникъ наливалъ чай, то высоко поднимая чайникъ, то опуская его, и указывая Порфирычу на чашку, прибавилъ:

— Ну-ко.... колупни....

Порфирычъ бралъ чашку, садился на прежнее мѣсто и продолжалъ:

— Еще какой разсчетъ-то-съ... Примѣрно, хучь такое дѣло: работаетъ мастеръ у хозяина, на фабрикѣ-съ... Тотъ же и потепериче еще ему жалованье даетъ на ассигнаціи... У него разсчетъ: на серебро дай онъ пять цалковыхъ, — деньги, а на ассигнаціи дастъ онъ девять рублей-съ... потому, онъ отмѣнно понимаетъ, какъ мастеровой съ разсудку сшибенъ и какъ онъ бахвалъ... Ему главное дѣло — зашелъ въ кабакъ, запустилъ руку въ штаны: „во деньги-то!“ Это ему удовольствіе, — чтобы то есть громыхало. „Девять рублей, — обида, али нѣтъ?“ А за мѣсто того и въ кабакѣ, и въ лавочкѣ все на серебро... Умному

человѣку это разсчетъ-съ... Потому, ежели я вижу, человѣкъ въ полоумствѣ, то дамъ я ему что моей душѣ угодно, — и не можетъ онъ пикнуть... Такъ-то-съ!

Чиновникъ по обыкновенію поддакивалъ, и ободренный этимъ, Порфирычъ принимался развивать передъ нимъ, какъ бы надо по настоящему, „ежелибъ безъ полоумства". Понижая почти до шопота свой голосъ, словно что утаивая отъ кого-то, — онъ изчислялъ всѣ выгоды разсудительнаго житья: „тогда бы и работа ходчѣй", и „самъ бы собой дорожилъ" и „былъ бы ты на человѣка похожъ" — шепталъ онъ, — и какъ ни былъ сообразителенъ чиновникъ, онъ поддавался своему дрогнувшему сердцу и съ скорбію произносилъ, что хорошо бы надоумить ребятъ, но тутъ же, принимая въ разсчетъ „полоумство", приходилъ въ себя и убѣждался, что „ихъ чертей" надоумить нѣтъ никакой возможности. Ироническій взглядъ и улыбка Порфирыча, послѣдовавшая за такимъ заключеніемъ, неожиданно поражали чиновника...

— Надоумить! возразилъ Порфирычъ, не измѣняя улыбающагося лица. — Напротивъ того, Иванъ Иванычъ, — надоумить его можно въ одну секунду... Человѣкъ, который имѣетъ настоящую словесность, можетъ это оборудовать съ маху. — Скажетъ онъ имъ: „черти! аль вы очумѣли... Такъ и такъ"... и такое, прочее... Въ единую минуточку они отойдутъ... отъ хозяина... Но что же изъ этого выходитъ? А то, что этому словеснику — шею они свернутъ, тоже не мѣшкая... „Отбить отбилъ, — а работы нѣту?" Хозяинъ, — онъ перетерпитъ, — а нашъ братъ на вторые сутки заголоситъ... Брюхо-то, оно, — первое дѣло въ кабакъ... Напрѣло! Въ ту пору ему сустерпѣть нельзя... А хозяинъ съ благочинностію взялъ полштофъ въ руку, поднялъ его превыше головы, для повсемѣстнаго виду: — „ребятушки!" Такъ и ломонутъ!.. Въ ту пору хозяинъ можетъ ихъ нажимать даже безъ границъ... Это разсчотъ-съ, большой...

Снова поддакиваетъ чиновникъ, и желая не уронить себя на этотъ разъ, уже смѣло выводитъ заключеніе, что всему горю голова — „водка!"... Порфирычъ на этотъ разъ — даже засмѣялся... Чиновникъ былъ низвергнутъ...

— Водка-съ! ухмыляясь, спокойно говорилъ Порфирычъ. — Водка, она ни чуть ничего въ этомъ дѣлѣ... Она дана человѣку на пользу... Потому, она имѣетъ въ себѣ лѣкарственное... Какъ кто возьмется.... А главное дѣло, опять же это полоумство.... Какъ вы обсудите: мальченка по тринадцатому году, — и горя-то настоящаго онъ не видалъ, — а вѣдь наровитъ тѣмъ же слѣдомъ въ кабакъ... И пьетъ онъ „на споръ", — кто больше... Облопаются, съ позволенія сказать, какъ бѣсенята, — а потомъ товарищи и тащутъ по домамъ на закоркахъ....

Чиновникъ недоумѣвалъ.

— Нѣтъ-съ, Иванъ Иванычъ, — въ нашемъ быту разобрать что съ чего перначалъ взяло, — невозможно... У насъ доброе ли дѣло, случится, сдѣлаютъ тебѣ, — и то съ дуру, — пакость, — и это опять съ дуру... Изволь разбирать!... То ты къ нему на козѣ не подъѣдешь, потому онъ три полштофа обошелъ, а въ другое время я его за маленькую получу совсѣмъ съ генеральствомъ его. Опять съ женой драка.... Несусвѣтное перкобыльство.

— Перкобыльство? радостно переспрашиваетъ чиновникъ.

— Такъ перкобыльничаютъ, такъ перкобыльничаютъ, — мочи нѣтъ! Вотъ къ этому-то я и говорю насчетъ теперешняго времени... Прежде онъ, дуракъ-полоумный, дѣло путалъ, справиться не могъ, а теперь-то онъ ужь и вовсе какъ демонъ шарахаетъ... Умный человѣкъ тутъ и хватай!.. Подкараулилъ минутку, — только пяточкомъ помахивай... Ходи да помахивай, — твое!... Жалѣть нечего... Горе мое — не съ чѣмъ взяться... А то бы баггато! Хучь бы мало мало силенки... Вмѣстѣ съ этими дьяволами — умному человѣку издыхать пустое дѣло.... Лучше же я натрафлю.... да, Господи благослови, самъ ему на шею сяду.

Тутъ вытаращивалъ глаза даже самъ Прохоръ Порфирычъ; чиновникъ дѣлалъ тоже въ усиленной степени. Долго длилось самое упорное молчаніе...

Время-то теперь, Порфирычъ, нерѣшительно бормоталъ чиновникъ: — время, оно....

— Время теперь самое настоящее... Только умѣй намѣтить, — разжечь въ самую точку...

Прохоръ Порфирычъ сказалъ все. Нѣкоторый азартъ, охватившій его при концѣ разсужденій и намѣреній, только что высказанныхъ, прошелъ. Разговоръ плелся тихо, пополамъ съ зѣвотой, — толкуютъ о томъ, „что отъ праведнаго труда будешь не богатъ, а горбатъ“. Заходила рѣчь о ворахъ, которые въ послѣднее время расплодились въ городѣ, и Прохоръ Порфирычъ приводилъ по этому случаю пословицу: „по міру пойдешь и тѣстомъ возьмешь, такъ и это, прибавлялъ онъ, радъ не радъ, — а дѣться некуда. Брюхо-то по старому контракту живетъ... и т. д.“ Изъ благородства, на прощаньи, Порфирычъ задавалъ чиновнику еще нѣсколько постороннихъ вопросовъ — и уходилъ; чиновникъ высовывался въ окно и, увидавъ своего собесѣдника на тротуарѣ, считалъ нужнымъ тоже что нибудь сказать.

— Такъ перкобыльство? спрашивалъ онъ.

Порфирычъ утверждалъ это кивкомъ головы и утвердительнымъ движеніемъ руки. Оставшись одинъ, чиновникъ подумалъ уже на своемъ умѣ такъ:

„Однако этотъ Прошка значительная жила будетъ въ скоромъ времени“.

Какъ видно, намѣренія Порфирыча насчетъ своего брата рабочаго человѣка были не совсѣмъ чисты: самымъ яростнымъ желаніемъ его въ ту пору было — засѣсть сказанному брату на шею и орудовать, пользуясь минутами его „полоумства“. Между тѣмъ Прохоръ Порфирычъ самъ, на своихъ плечахъ, выносилъ и выноситъ всю тяготу жизни рабочаго человѣка, имѣя преимущество только въ трезвости, въ обстоятельномъ разсчетѣ всякаго дѣла, и больше всего въ благородномъ происхожденіи, которое какъ-то ужь и безъ разсчета и безъсознательныхъ причинъ заставляло его крѣпче держаться своихъ взглядовъ, и клало какую-то грань между нимъ и чумарзымъ мастеровымъ народомъ. Ему и въ голову не могло зайдти, что „перкобыльство“ и „полоумство“, которыя онъ усматриваетъ въ нравахъ своихъ собратій, — питье водки на споръ, битье жены „биза время“, растравленное до послѣдней

степени брюхо, довольство платой на ассигнаціи, пріятно поражающей только слухъ своею призрачною силою и пр. и пр., — все это порождено слишкомъ долгимъ горемъ, все покорившимъ косушкѣ, которая и царила надо всѣмъ, занявъ по крайней мѣрѣ три доли въ каждомъ дѣйствіи, поступкѣ и безъ того отуманеннаго разсудка. Прохору Порфирычу некогда было разбирать этого, — у него была своя забота, съ которою только-только справиться: „Душа пить-ѣсть хочетъ, да штаны сшей!“ говорилъ онъ и резонно не хотѣлъ имѣть ничего общаго съ пропащимъ народомъ. А народъ этотъ онъ понималъ и разсказывалъ про него такъ:

....„Былъ я мальчикомъ по двѣнадцатому году, и спасибо братцу, въ то время грамотѣ выучился: читать-писать.... Хоть, признаться сказать, вся моего братца эта учеба въ томъ и состояла, какъ бы кого линейкой обезславить, теть по затылку.... И дрались они, братецъ, не то, чтобы съ сердцовъ, а даже отъ большаго унынія... Скука. Обучившись я грамотѣ, послѣ того, не знаютъ, по какой меня части пустить? Маменька Глафира Сергѣвна отъ сидѣльцевъ безъ памяти, „лучше житья нѣту“ — баринъ говорятъ — „какъ знаешь“, а станемъ у братца спрашивать, — то опять же это уныніе... Былъ я у мальчика одного, знакомаго, онъ у мастера работалъ, „иди, говоритъ, къ намъ...“ Поглядѣлъ я на станокъ (по токарному мастерству они были), колеса эти разныя, винты, пойдетъ, пойдетъ чесать, откуда что возьмется... замлѣлъ! Хочу, да хочу, отдай, да отдай къ мастеру... Никуда больше не пойду... Молилъ, молилъ, — просилъ, просилъ, — маменька серчаютъ, братецъ съ великимъ вздохомъ въ башку мнѣ полыхнулъ за это, за мое желаніе, ну все же отдали. Только не къ тому мастеру, къ растеряевскому, — чтобы поближе къ своимъ... Радуюсь я: думаю, вотъ сейчасъ я эту машину превзойду до послѣдней порошинки... Только что же случилось: какъ я былъ изумленъ, когда два года у мастера живши, ни разу къ этому станку доступу не получилъ, — потому собственно, что былъ онъ, этотъ станокъ, пропитъ... Ужаснулся я въ то время! Бѣдность была не покрытая, — истинно ужь ни кола, ни двора, ни

куринаго пера... Вся избеночка-то была вотъ этакъ отграничить, — и лежало въ этой избѣ корыто съ глиной, — а болѣ ничего и не было... Сталъ я объ такомъ ученьи удивляться, отыскалъ ребятъ, — было насъ учениковъ трое, — говорю. „Что же, ребятушки, когда же это ученье будетъ?..“ А одинъ изъ нихъ, Ершомъ звали, худой, глаза большущіе, маленькій, волоса топоршутся, шепчетъ мнѣ ровно бы басомъ. „—Ты, говоритъ, не говори про это... А лучше того, нонѣ ночью, какъ съ покражи придемъ, я тебѣ про дьяволовъ сказку скажу... Молчи. Я тебя на все наведу...“ — Съ какой съ покражи? „—Ты, Проха, громко не кричи, — лучше ты шептуномъ, когда тебѣ что надо... А покража у насъ каждую ночь положена, потому что жрать намъ съ хозяевами нечего, такъ мы это все воруемъ съ сусѣдскихъ огородовъ...“ Тутъ я Бога всно-омнилъ! залился, залился — поздно! А Ершишка утѣшаетъ, и все шепчетъ: — „ты, другъ, не робѣй, потому я тебя полюбилъ, и нонѣ скажу сказку про Еѳеопа... Я ихъ и по ночамъ вижу...“ Хозяина все дома не было. Подошелъ вечеръ, — Ершишко говоритъ: — „Пора, Проха, на кражу... Перва пойдемъ дровъ добывать“. Пошли мы всѣ троичкой на пустошь, а на пустоши стояла гнилая изба: можетъ года съ три въ ней никто не жилъ, и большимъ страхомъ отъ нея отдавало... Перва мимо пройти боялись, потомъ посмѣлѣй стали, въ окошечко заглянули, потомъ того, въ нутро пробрались: лежитъ на полу мертвый пѣтухъ и тряпка съ кровью... Начали туда солдаты съ бабами шататься, приказный одинъ зарѣзался... А послѣ того, помаленьку да помаленьку, кто ставню оторветъ, кто дверь, — и пошли таскать... Такъ что изба эта цѣлой улицѣ была отопленіе... Приходимъ — а ужь тамъ ческа идетъ — упаси Богъ! Ровно на пожарѣ: солдаты, бабы дерутся; увидали нашу команду — бросились съ дубинами — гнать,.. Тутъ страху! народу видимо-невидимо. А Ершишко словно бытто полковой. — „Ребята, говоритъ, не отставай!“ Какъ пошли они этого бѣднягу, Ершонка, трепать, — только и видно, какъ онъ по воздуху летаетъ, только подшвыриваютъ, — какъ есть въ лапту. А дубины такъ и гудутъ, такъ и гудутъ... Но Ершонокъ не мало храбрости сохранилъ и,

летая по воздуху, кричитъ: „нѣтъ, врешь!“ „посмотримъ, кто кого...“ Нахожу я Ерша въ крапивѣ, — лежитъ онъ и шипитъ:— „башку проломили!“ Сталъ я его жалѣть: „—ничего, говоритъ, Проха, все же я за этотъ проломъ полѣнце получилъ... А этому Ефремову, унтеру, я докажу, какъ онъ меня дубиной нонѣ охаживалъ... А тебѣ я за твою жалость двѣ сказки скажу, — про чертей; ты будешь доволенъ, — только покаряйся мнѣ...“ Отсюда пошли мы въ другое мѣсто воровать: рѣпу, капусту, огурцы... Тутъ дѣло обошлось безъ помѣхи, даже такъ, что яблокъ себѣ натрясли, — никто не слыхалъ... Цѣлую ночь Ершонокъ все мнѣ сказки сказывалъ, и въ смертельную дрожь меня ввелъ своимъ шептаньемъ, подъ конецъ началъ даже ровно сумасшедшій, домовова мнѣ показывать, „вонъ говоритъ, — я вижу“. Спали мы въ сѣнцахъ, — ночь была непогожая, пробрало насъ водой до костей, по улицѣ вода гудѣла... А хозяина все еще не было. Только подъ утро, чуть свѣтокъ, слышишь-послышишь, въ сѣнную дверь стучатся. Отворили — нищая стоитъ... „Поглядитеко, братцы, не вашъ ли это человѣкъ, — бабы подняли...“ Сейчасъ Ершъ вскочилъ. „Я это все, говоритъ, только одинъ знаю“,— побѣгли и мы... Глядимъ, двѣ нищія въ лохмотьяхъ несутъ человѣка, только-только рубаха осталась, нашли они его въ канавѣ, и всю ночь черезъ него вода бѣжала. Ершъ живымъ манеромъ его оглянулъ,—„нашъ“, говоритъ, „осторожнѣй; за мной!“ Принесли они его въ избу, свалили мокраго на земь,— хотѣли было нищіе награжденія попросить, ну только хозяйка сказала: „—За что я васъ буду награждать вслучаѣ онъ живъ? Еслибъ онъ издохъ, то я вамъ большую бы милостыню подала!“ По правдѣ сказать, хозяйка наша не то чтобы очень тосковала,—начала она у одной барыни приживать... кой чѣмъ прислуживала...

— Такъ мнѣ грустно было, такъ грустно, не могъ я горести своей судержать, — побѣгъ домой, къ маменькѣ... Залился, разсказалъ, какъ все было, какое началось ученье... Но маменька еще того пуще меня огорчила, такъ какъ совсѣмъ отъ меня отказалась. — Сталъ я братца умолять, но и братецъ, разогорчившись разсказомъ моимъ, значительную получилъ унылость и трое-

кратно меня линейкой обезпокоилъ... — Надо, стало быть, какъ ни какъ терпѣть...

Между прочимъ, къ ночи хозяинъ очувствовался. Хозяйки не было... Подзываетъ онъ меня и говоритъ:

— Смотри у меня, старайся...

— Буду, говорю...

— То-то!

И тутъ же онъ безо всякой злобы развернулся мнѣ въ щеку, дабы я узналъ, какова въ рукѣ его тяжесть; для вѣсу; чтобы черезъ эсту боль помнилъ я и соблюдалъ осторожность...

И началась съ этого времени моя каторжная жизнь!

Ѣли мы, когда что случится, да когда своруешь; спали на мокротѣ, на дожжу... А ученья все не было, — не начиналось; все хозяинъ, когда твирезый, — отъ Бога ждалъ, вотъ большая работа набѣжитъ, вотъ набѣжитъ... А покуда что, все онъ хмѣльной, все нѣтъ нѣтъ, да вытянетъ палкой кого... Случалось въ эту пору, навернется работишка, въ ножницахъ винтъ поправить, или бы какому чиновнику на палку наконечникъ насадить. Тогда хозяинъ радуется и чиновнику говоритъ: „будьте покойны“... Но подумавши, полагалъ такъ, что это дѣло „успѣется“, и звалъ Ерша...

— Ершило! говорилъ онъ: — можешь ты мнѣ эту палку заговорить?..

— Могу! Въ лучшемъ видѣ!

— Чтобы ее никакая сила не взяла?..

— Могу!

— Ну, заговаривай!

Ершъ сейчасъ начнетъ разными словами сыпать, — не поймешь, откуда это онъ ихъ набрался. Сыплетъ-сыплетъ...

— Готово! говоритъ.

— А ежели ты врешь, — то могу я ее въ пропой пустить?..

— Я, говоритъ Ершъ, — въ жисть мою не вралъ, а заговорено это дѣло на глухо... Потому на демонскомъ нарѣчіи пущено...

Тогда хозяинъ беретъ безъ всякаго труда палку, даетъ Ершу треухъ, и несетъ ее въ кабакъ.

— Ахъ ты, идолова порода, закричитъ Ершъ, — что я сдѣлалъ... Вѣдь я самое главное слово пропустилъ... А то бы ни въ жисть ему этой палки не своротить... Ахъ ты, Ершъ, — болванъ!...

А хозяину главнѣе, — къ случаю какъ-бы прицѣпиться: „проспорилъ!“

Придетъ хозяинъ пьяный, тутъ ужь всѣмъ достается... На нашу долю больше всѣхъ... Ежели жена случится, то сейчасъ наровитъ она отъ мужа либо подъ кровать, либо на чердакъ... Хозяинъ почнетъ шастать, искать, найдетъ, — драка! И вся эта битва съ женой, „зачѣмъ спряталась“... Я теперича такъ думаю, ежели бъ въ случаѣ она прямо на мужа пошла, вѣдь онъ бы и слова-то не прибралъ, за что драться... А то истинно, ей Богу, изъ поконъ вѣку бабы полагаютъ — нѣтъ, лучше спрятаться, а мужья только за одно за это и дубасятъ...

Случится, хозяинъ отрѣзвѣетъ, въ ту пору онъ тихій, то есть какъ есть передъ всѣми виноватъ...

Тутъ мы къ нему, бывало, пристанемъ:

— Дяденька, когда жь ученье-то?...

— Ребятушки, говоритъ: — дайте вы ради Господа мнѣ маленечко въ умъ войдти. Можетъ, говоритъ, хоть чужія молитвы объ насъ Богъ услышитъ и пошлетъ намъ какого заступника. Тогда не токмо всѣхъ васъ въ единую минуточку выучу, еще у всякаго прощенія попрошу...

Тутъ, случается, жена заговоритъ:

— Заступника тебѣ? А чиновникъ палку далъ, чѣмъ бы выработать что, замѣсто того пропилъ...

— Милая! Супруга Анна Ѳедоровна! Какъ же можетъ эта палка насъ отъ нашего несчастія сохранить?.. Тутъ на двугриный дѣла не справишь! Ежели бъ палкой-то этой голову мнѣ кто прошибъ, тогда бы я за это ему ручки поцаловалъ...

— У насъ все такъ-то!.. И пойдетъ баба причитать: ей только дорваться, кажется, порошинки не оставитъ.

— Анюта! заговоритъ хозяинъ. — Ради царя небеснаго не души ты меня этими разговорами... Я это все въ тыщу разъ

складнѣй знаю... Только погоди ты хоть минуточку, дай мнѣ опомниться, всѣхъ васъ въ золотые наряды разукрашу.... Ахъ, Боже мой!

И не пройдетъ съ часъ мѣста, а ужь опять отъ него жена подъ кровать прячется, а нашъ братъ, кто куда... Разбѣжимся врозь...

И все мы этой работы дожидаемся, все Бога молимъ.... Кажется намъ, что какъ только эта работа навернется, въ тую же минуту все благополучно пойдетъ... Случается такъ, и въ самомъ дѣлѣ, — вдругъ откуда ни возьмись — работа и большая... Домъ что ли какой чиновникъ строитъ, сейчасъ, бываетъ, навалятъ намъ замковъ чинить, новые дѣлать, опять къ окнамъ эти приправы, чтобы въ лучшемъ видѣ, — ищо какая ни на есть мелочь... Ежели такъ-то случится, то ужь истинная благодать наступала у насъ въ то время... Ну только все же на одну минуточку, никакъ не пространнѣе...

Какъ сейчасъ помню, случился такой заказъ; выпросилъ хозяинъ задатку и (удивленія!) тверезый домой пришолъ. Сейчасъ началъ онъ на образъ креститься, и передо всѣми нами клялся:

— Вотъ разрази меня громъ, ежели я только дохну на него, на мучителя моего (на вино то есть)! Жена! Ребятушки! Всѣмъ вамъ теперича я удовольствіе сдѣлаю...

Сейчасъ отпущаетъ женѣ на расходы — цѣлковый; на свѣчку казанской Божіей матери — тоже рубль серебра, остальное себѣ на матерьялъ... Самоваръ закипѣлъ, всѣ мы радуемся, всѣ Бога благодаримъ; только и слышно:

— Слава Богу! Слава тебѣ Господу заступнику!.. Ахъ какъ мы, ребятушки, наголодались съ вами!..

Очень я въ это время радовался, только Ершъ этотъ шипитъ:

— Погоди, говоритъ: — не торопись; ты меня только слушай, одного...

И точно. Пошелъ хозяинъ въ кабакъ инструменты выручать, и насъ взялъ съ собой: такая была дружба у насъ... Идемъ и разговариваемъ. Входимъ въ кабакъ... Все чинно... Выручилъ инструменты. Вина ни-ни... Хочемъ мы уходить, а цѣловальникъ такъ между дѣломъ и говоритъ:

— Игнатычъ, говоритъ, — что это мы слышали, кабысь у тебя разстройка по работѣ-то...

Хозяинъ кэ-экъ на него зарычитъ:

— Разстрой-ка-а?..—Изъ какихъ же это мѣстовъ слухи такіе?..

И сейчасъ онъ, чтобы кабацкой кампаніи на удивленіе было, вываливаетъ деньги на стойку, и продолжаетъ:

— Разстройка! Деньги-то вотъ они... Сла-ва Богу... У мине работы не быть, — да гдѣ же это ты по нашей сторонѣ такого мастера сыщешь, чтобы въ полномъ комплектѣ?..

Сейчасъ онъ полу откинулъ, картузъ заломилъ, — какъ есть милліонщикъ!..

— Какая же можетъ у меня быть разстройка, когда я вотъ всѣ эти деньги въ пропой отдѣлилъ.

— А ни пропьешь! говорилъ цѣловальникъ...

Тутъ дяденька отъ обиды такой весь зеленый сдѣлался и потребовалъ сразу „монастырскій“, то есть ужь самый превосходительный стаканъ...

Ну и пошло!..

Только поддаетъ, только поддаетъ, и такой форсъ въ немъ проявился, что даже на удивленіе:

— У мене, говоритъ, — работы навалено! У меня всегда безъ разгребу... у мене на двадцати станахъ идетъ...

Истинно глазамъ моимъ не вѣрю! А дяденька только покрикиваетъ: — д-дава!.. Полно, зубы-то полоскать... Разстройка!..

Подъ конецъ того, инструменты эти онъ опять же въ прежнее мѣсто препроводилъ и очень виномъ нагрузился; сидитъ на лавкѣ, еле держится, и все бормочетъ:

— Я, ггрю васскарродіе, на двац-ни-цалко...хъ сутки... Я ггрю, васскарродіе. Можетъ по всей инперріи...

Тутъ цаловальникъ, видитъ время позднее, говоритъ:

— Голубь! Время, — запираю.

Взялъ его подъ мышки и потащилъ къ двери...

— Я пперрвый мастеръ?..

— Ты-ы! говоритъ цаловальникъ.—Кто жь у насъ первый-то?... Ты и есть...

— Масей!.. Это хозяинъ-то нашъ ему. — Признайся, по совѣсти, — доказалъ я тебѣ свое могущество?..

— Ты, Игнатычъ, отвѣчалъ ему на это цѣловальникъ: — такъ меня ноне уничтожилъ, такъ сконфузилъ... То есть истинно побѣдилъ своимъ богатствомъ... Я мылъ, ты бѣдный, а ты подико-сь...

— Я-а-а...

— Ты-ы-ы...

И оставилъ насъ цѣловальникъ на крыльцѣ; дождикъ шолъ, и темно было...

— Ребятушки! Видѣли, какъ я его побѣдилъ?..

— Видѣли, говоримъ.

Не могли мы его тащить съ собой, повалился онъ на улицѣ и тутъ же заснулъ...

Стали мы ему въ трезвый часъ говорить:

— Дяденька! Что же это вы себя роняете? Передъ Богомъ божились, такъ хорошо выговаривали, а замѣсто того еще хуже...

— Ребятушки, говоритъ, знаете, что я вамъ скажу?

— Я знаю все! заговорилъ Ершъ...

— Нѣтъ, тебѣ этого не узнать!.. А вотъ что я скажу: кажется мнѣ, сколько я зароковъ на себя не клади, никогда мнѣ себя не судержать... Потому радости на своемъ вѣку только я и видѣлъ, когда въ лодыжки игралъ махонькимъ еще... Люди добрые въ мою пору и хозяйство знаютъ, и семью, и почетъ получаютъ... Ну, а мнѣ этого въ своей избѣ не сыскать! Нѣтъ!... Окромя лодыжекъ-то, — я еще, ребятушки, ни единою радостію не радовался... По этому случаю, какъ малаго ребенка, можно меня обмануть, лишь бы только единую минуточку предоставить мнѣ по моему желанію... Такъ-то...

Въ тотъ же вечеръ онъ меня здорово раскроилъ...

Такъ мы и жили; а безперечь хозяинъ себя чрезъ свое перкобыльство до того доводилъ, что непремѣнно онъ разъ двадцать у закащика въ ногахъ валялся, ругали его, самыми страшными божбами божился, вымаливалъ еще чуточку, и опять же таки черезъ слабость свою домой не доносилъ... Подъ конецъ входитъ

квартальный: — „Ты Иванъ Игнатовъ?“ Ну, тутъ ужь мы всѣ въ ноги валимся; тутъ народу копошится — страсть!.. Вымолимъ кое-какъ прощеніе. — И ужь тутъ-то работа начин-а-а-ется!.. То есть, не то что работой можно это назвать, а истинно ужасъ какой-то всѣхъ въ это время обхватывалъ... Потому хозяинъ, — ровно бы сумасшедшій бывалъ тогда... Гдѣ-то ужь, Господь его знаетъ, доставалъ онъ инструменты, и такъ-то ли принимался бузовать ими, что ужь нашему брату только въ пору глаза вытаращить, не только для себя замѣчать.... И день и ночь, и день и ночь, только опилки летятъ, только молотки постукиваютъ; ни водки въ это время, ни даже крохи не бралъ, и ужь такъ-то работалъ, безъ разгибу... Въ этомъ запалѣ намъ въ мастерскую носъ показать опасно было: „Пррочь! кричитъ, черти! — такъ промежду ногъ и суются! Пррочь, разшибу!...“

Мы разбѣжимся обнаковенно... кто-гдѣ ёжимся...

Кончить работу онъ безпремѣнно къ сроку, и всѣ денежки до копѣечки пропьетъ, даже домой не скажется... Дней по крайности пять пропадаетъ...

Такъ я вздыхалъ въ это время, такъ я убивался о своей жизни. Который, думаю, мнѣ теперича годъ, никакого я мастерства не знаю... Только-только колотушки и треухи въ исправности отпускаются... На ласковое слово хозяйское понадѣешься, — пустое выходитъ. Гдѣ обиды не ждалъ и не чуялъ я совсѣмъ,— втрое тебѣ ее, безо всякаго заправскаго дѣла... Что это, думаю, Господи!..

Хотѣлъ я сбѣжать... Ну, только въ скорости исторія одна случилась, и безъ сбѣгу обошлось... Однова смотримъ мы, что такое по нашей улицѣ воза ѣдутъ: съ перинами, съ сундуками,— столы, напримѣръ, разные накручены, стулья... Все вобче разное имущество... И идутъ съ боковъ этихъ бабы, и все у встрѣчныхъ спрашиваютъ что-то... Ну, только встрѣчные отъ нихъ съ испугомъ бѣгутъ... Что за удивленіе! Пошли мы за ворота съ Ершомъ, стали насъ бабы спрашивать:

— Гдѣ тутъ, ребятки, солдатка покойница Караулова жила...

— Я знаю гдѣ! говоритъ Ершъ.

— Авдотья Кузьминишна?

— Знаю! Знаю... Я все знаю. Только вы меня слушайте....

— Отъ нее намъ въ наслѣдство домъ есть?

— Есть!.. Пойдемъ!..

Повелъ онъ ихъ на пустошь: тамъ кое-гдѣ щепки валяются, и печка съ трубой вытянулась. Только и сохранено отъ дому.

— Вотъ, говоритъ Ершъ. — Получите...

— А домъ-то?... Гдѣ же домъ-то?...

— Домъ точно что тутъ былъ, отвѣчалъ Ершъ ну: — только теперь отыскать его мудрено... хошь я, признаться, словцо одно знаю...

Между прочимъ бабы по этой пустоши заметались какъ угорѣлыя... Руками машутъ, бросаются туды сюды... „ахъ-ахъ-ахъ, ахъ-ахъ-ахъ... Ахъ, дома нѣтъ! Ахъ гдѣ домъ!..“ Тутъ народу навалило, стали всѣ удивляться: гдѣ домъ: — я, говоритъ одинъ, только полѣнце, я говоритъ другой, — только щепочекъ чуть-чуть отсюда взялъ. А тутъ цѣлый домъ пропалъ! Стали бабъ этихъ жалѣть. Бабы тѣ заливались слезами и разсказывали...

„Она тетка намъ; она, Авдотья-то, намъ этотъ домъ отказала. Жили мы въ ту пору въ дальнемъ Сибирю, на самомъ концѣ; покуда дошло туда извѣщеніе, съ годъ мѣста протянулось, а ужь насъ въ то время на Кавказъ перегнали, покедъ опять въ здѣшнія палаты извѣщеніе-то вернули, покеда отсюда на Кавказъ дали знать, время-то два года и ушло, лѣтошній годъ мы въ октябрѣ мѣсяцѣ собрались изъ черкесской земли, да покеда доползли, анъ всего три года... Ахъ, ахъ, ахъ, дома нѣту!...“

И — выть!

Начали бабы черезъ начальство орудовать. Губернаторъ говоритъ, чтобы этотъ домъ отыскать, — „изъ горла вырви, да вороти“. Стали нашу растеряевку потрошить, — кто избу разбиралъ? — никто не признается, одинъ на одного сворачиваетъ.... Что тутъ дѣлать! Хозяинъ нашъ дрожитъ, — „ну, говоритъ, ребята, договѣлись мы!“

Однова ввалило къ намъ въ сѣнцы народу — страсть: квартальный, буташники, бабы эти и Ефремовъ, ундерцеръ... Потре-

бовали насъ къ суду: сейчасъ Ефремовъ этотъ солдатъ, — усищи во! — снимаетъ передъ квартальнымъ фуражку и говоритъ:

— Ваше высокородіе! Я Богу и царю служу вѣрой и правдой, — извольте посмотрѣть, нашивка, и опять же царь билетъ мнѣ на красной бумагѣ далъ, это чего нибудь стоитъ...

— Говори, въ чемъ дѣло!

— А въ томъ дѣло-съ. что весь этотъ домъ вотъ эти мальченки (мы-то) — разнесли... Особливо одинъ, Ершомъ звать...

— Это я! сказалъ Ершъ.

— Вотъ онъ-съ! Я, лопни глаза, самъ видѣлъ, какъ онъ крышу съ дому воротилъ... Будь я проклятъ.

— А ты, Ефремовъ, сказалъ Ершъ, забылъ, какъ ты меня дубиной охаживалъ?

— За то я его, васскародіе, точно что съ осторожностію коснулся, чтобы онъ казенное добро не воровалъ! Вы, васскародіе, съ него, съ Ерша требуйте, а мы, видитъ Богъ, ни въ чемъ не причинны...

— Какъ ты смѣлъ воровать?.. закричалъ квартальный.

— Хорошенько его, васскародіе, — потому окромя воровства, этотъ Ершило еще въ колдовствѣ замѣченъ... Вы извольте у него увспросить... У него и разговору нѣту безъ чернаго слова... Увспросите-ко-сь его... Мы это довольно хорошо знаемъ...

— Точно сказалъ Ершъ: — я въ колдовствѣ много могу. Мнѣ теперь только одно слово осталось узнать...

— Вотъ изволите, васскародіе, видѣть, — этотъ демонъ не такой домъ проглотитъ, этакой-то домишко у него въ зубахъ застрянетъ... а мы истинно невиноваты. Счастливо оставаться, васскародіе.

Тутъ насъ стали по формѣ судить; — „говѣлъ ли?“

— Вы, дрова-то спросите, говорятъ бабы.

Но судія какъ слѣдуетъ по порядку велъ, — и къ тому онъ привелъ, чтобы хозяина нашего въ острогъ, — а намъ секуцію... Тутъ мы шаркнули, кто куда могъ. Ерша я видѣлъ въ красной курткѣ. — не знаю, куда онъ побѣгъ; слышалъ потомъ, что его въ сумасшедшій домъ заперли.

Ушелъ я отъ хозяина, — и, признаться сказать, горько заплакалъ. Господи, думаю, что я такое? Кто мнѣ на всемъ свѣтѣ есть помощникъ? — Никого не было. Беззащитенъ я въ то время былъ вполнѣ, тѣмъ прискорбнѣе, что мастерства-то совсѣмъ не зналъ никакого: правда, могъ кое-какъ самоварную ножку подпилкомъ обойдти, — да вѣдь ужь это такое дѣло, что и малый ребенокъ не испортитъ; потому никакъ невозможно испортить. Только всего и зналъ-то я.... Да вотъ еще съ Ершомъ на этомъ его демонскомъ нарѣчіи наторѣлъ. Куда я съ эстими науками дѣнусь? Ну такъ какъ былъ я два слишнимъ года въ ученикахъ, — то слѣдовало мнѣ теперь по порядку въ подмастерья идти. Заведено. Что будешь дѣлать, пошолъ я въ подмастерья...

...Года четыре шатался я съ одной фабрики на другую, съ завода на заводъ: тамъ того узнаешь, тамъ этого... Все настоящаго-то мастерства не получилъ; а шатался-то я собственно потому, что ужь оченно было мнѣ отвратительно хозяйское полоумство: что онъ мнѣ деньги какія-нибудь пустяковыя платитъ, то долженъ я, изволите видѣть, совсѣмъ себя забыть; до того мученія было, что вѣрите ли — выйдешь въ субботу съ разсчета, посмотришь на народъ-то, какъ все движется, огоньки... то есть совсѣмъ ополоумѣешь, и смѣешься, и чего-то бытто радостно — и не подберешь объ этомъ никакого стоющаго понятія,— а какъ-то, не думавши, глядь — въ кабакѣ... Было мнѣ очень оскорбительно, что я, почесть, что (сами изволите знать) благородный, — и такое терплю гоненіе, и зачѣмъ голько живу — самъ не знаю.... Ахъ, думалъ я въ то время, ежели бы только благородные люди узнали, что я тоже благородный, — сейчасъ бы они со мной подружились и стали бы меня угощать! Началъ я маленько опоминаться, ребятъ своихъ сторониться, ну все же справиться не могъ — потому платятъ на ассигнаціи, четыре рубля въ недѣлю, извольте прокормиться! Наши ребята по этому случаю все жалованье пропивали. Потому некуда его дѣть... А мнѣ, по моему благородству, куда жь съ этимъ жалованьемъ дѣваться?... Хотѣлось мнѣ жить хошь бы какъ приказный живетъ: сейчасъ у него гости, трубочку покуриваетъ, какъ ваше здо-

ровье? — тихо, чудесно.... Сталъ я думать такъ: стану-ка я одинъ работать? На себя.... Думаю себѣ, тогда и барышъ мнѣ сполна идетъ, — и буду жить я съ разсудкомъ. Былъ у меня товарищъ Алеша Зуевъ, другъ и пріятель. Сказалъ я ему объ эфтимъ, — и онъ обрадовался, — „лучше нѣтъ, говоритъ. Давай вмѣстѣ". — Давай!...

Кой-какъ да кое-какъ сколотились мы на станчишко, — взялись пистолеты работать. Наняли себѣ у скачкѣ конурку, стали жить. Трудно намъ, по правдѣ сказать — было, пришлось слѣсарнымъ мастерствомъ заняться. Дѣло новое; ну все же радовался я, что теперича совсѣмъ я по благородному жить начну, потихоньку; между прочимъ полагаю, что отъ полоумства этого я ужь избавленъ.... Однако же нѣтъ. Живши болѣе шести лѣтъ въ этомъ пьянствѣ да буянствѣ, въ прижимѣ да нажимѣ, — достаточно я свое благородство исказилъ.... Случай такой случился.

Зачалась это у насъ работа,—а наипаче того пошла дружба: такая дружба, такая дружба, — страсть... Мало мнѣ своего дѣла дѣлать, все я стараюсь пріятелю угодить.... Зуевъ еще пуще того надсѣдается... Такъ онъ тихости и спокою обрадовался, что когда бывало сидимъ мы съ нимъ на заваленкѣ, — все онъ меня благодаритъ. Попроситъ онъ меня стихъ какой сказать (я стиховъ много знаю) — я ему стихъ скажу: и такъ я, признаться, умѣю этими стихами человѣка пробрать, — даже невѣроятно. Я главнѣе стараюсь жалобными; голосъ у меня для этого есть тонкій такой. Такъ я бывало этого Алеху стихомъ проберу, — что только вздыхаетъ онъ и говоритъ:

— Господи! Подумаешь, подумаешь, — удивленія! Въ ту пору ему кажется, словно онъ и самого себя въ первой увидалъ,— начнетъ думать,—только ужасается: Господи, говоритъ,—что жь это такое?... Какъ же это все?... И на дерево смотритъ, и на небо.

И никакъ ничего не сдумаетъ... Такъ онъ въ этой жисти заржавѣлъ. Тогда какъ я, при моемъ благородствѣ,—довольно хорошо все это понималъ: примѣрно, — дерево. Я это могъ.

Я его стихомъ пробираю, — онъ мнѣ ночью сказку какую запуститъ. Сказки онъ богато сказывалъ...

*

Ну,, — истинно говорю, шла у насъ дружба, — не приведи Богъ! Настояще какъ два ангела жили.

Только, — что же? Продали мы работу, первую; и съ радости, маленечко того, — пивца.... Дальше да больше, — глядь и нало-о-пались... На утро тоже. Потомъ того, Алеха сломалъ у моего замка пробой, — и выкралъ все мое имущество. Выкралъ и пропилъ... Жестоко я этимъ оскорбился, хучь, признаться по совѣсти, самъ я тоже (ужь истинно не знаю, какъ меня Богъ не защитилъ!) у Алехи изъ сундука лопонулъ что было, и тоже пропилъ... Хмѣльны мы были; оскорбившись, подхожу я къ Алехѣ,— на улицѣ сустрѣлъ; и въ досадѣ на его такой поступокъ говорю:

— Ты какъ смѣлъ воровать?

— Ты самъ воръ!

— Врешь, — ты!

— Ка-акъ, я воръ?

Кэ-экъ а-а- е—в-вво-о!...

На оборотку сколупнулъ онъ меня торчмя головой въ канаву; упалъ я, лежу и думаю:

— Господи! Что жь это такое?

Ничего не пойму!... Все же благородству моему обидно. Осерчалъ я, вскочилъ и такъ ему заговорилъ:

— Ты зачѣмъ въ мой сундукъ залѣзъ?

— А ты зачѣмъ?

— Нѣтъ, ты-то зачѣмъ?

— Нѣтъ, зачѣмъ ты?...

Я развернулся... рря!

Потому смертельная мнѣ была обида,—что я такъ себя унизилъ, — и никакъ настоящаго перначала не сыщу.... Теперь я такъ думаю, что ежели который на двадцати языкахъ знаетъ,— заставить его это дѣло разчесть, — и то онъ пардону попроситъ....

Тутъ меня Алеха, признаться, помя-алъ!..

Послѣ этого Алеха закрутился, завихрился гдѣ-то. Сижу я одинъ дома тверёзый, и все раздумываю: „какъ же это я-то?“ И стало мнѣ, признаться сказать, отъ такихъ размышленій смерть

какъ жутко... Сталъ я каженнаго человѣка опасаться: что у него на умѣ? Можетъ, такъ-то говоритъ онъ съ тобой и по душѣ бытто, — а замѣсто того, что онъ сдѣлаетъ? Господь его знаетъ!

Не дознавшись ничего въ своемъ умѣ, — спомнилъ я свое благородство и тутъ же передъ Господомъ побожился, что съ эстаго времени, — ни друзьевъ, ни недруговъ промежду нашимъ мастеровымъ народомъ не заведу; и сталъ я въ родѣ какъ затворникъ: въ прежнее время хоть съ хозяевами слово какое скажешь... или съ ихней свояченицей, дѣвушкой... Очень она мнѣ въ то время нравилась, но чтобы у насъ промежду собой что нибудь этакое происходило — ни Боже мой (мнѣ, я вамъ доложу, на этотъ счетъ вѣрно такое несчастіе: чуть мало мало какое касаніе... — Нѣтъ, ты, говоритъ, женись!) Такъ докладываю вамъ, въ прежнее время, хоть съ нею... А теперича, даже когда она прибѣжала ко мнѣ однова въ мастерскую и почала ревѣть, — будто цырюльникъ съ ней неладно поступилъ, обманомъ, то я тотчасъ же ее изъ мастерской удалилъ и дверь крѣпко захлопнулъ.

Да въ самомъ дѣлѣ? Что я ввяжусь?... Опять кто ихъ разберетъ, а мнѣ по тюрьмамъ шататься некогда...

Но все же я ее пожалѣлъ!

Случалось еще, что черезъ эту мою робость тогдашнюю, немало я ругательствъ перенесъ. Иду, примѣрно, по переулку. Вдругъ солдатъ попадается.

— Не знаешь ли, спрашиваетъ, милый человѣкъ, гдѣ тутъ Дарья солдатка? На это я только молчаніемъ ему отвѣчаю: потому, ну-ко онъ скажетъ: „а, знаешь! а пойдемъ-кось, скажетъ, въ часть: Дарья-то эта фальшивыми дѣлами занималась!“ Такъ по глупости своей опасался тогда... Начинаетъ меня солдатъ поливать, я все не оборачиваюсь, иду, онъ того злѣе, я все иду... Грозитъ, грозитъ, наконецъ я бытто не вытерплю, повернусь, „вотъ я, молъ, тебѣ“... Тоюжь минутою солдатъ исчезалъ, ровно скрозь землю проваливался.

Началъ я маленько разгадку понимать!

Подходитъ время, надо что нибудь пробовать! Всѣ я мытар-

ства видѣлъ, ото всего въ убыткѣ остался... Порѣшилъ я работать одинъ; трудно, ну, по крайней мѣрѣ, хучь какой нибудь жизни добиться можно. Тутъ я, признаться, братцу и маменькѣ въ ножки поклонился, дали они мнѣ денегъ, съ Зуевымъ за его половину въ станкѣ разчесться... Сталъ я Алешкѣ деньги отдавать, плачетъ малый!

— Ахъ, говоритъ, Проша, какъ ты чуденъ? Ну, пьянъ человѣкъ, чужое добро пропилъ, эко дѣло! А ты, говоритъ, ужь и и бозныть что... Лучше бы въ тыщу разъ стали мы съ тобой опять дѣло дѣлать.

— Нѣтъ, говорю, шалишь!

— Опять бы пѣсни, стихъ бы какой... Неужто жь я звѣрь какой? Я все понимаю это... А ужь противъ нашей жизни не пойдешь: вотъ я теперь чуйку пропилъ, долженъ я стараться другую выработать.

— И другую, говорю, пропьешь.

— Можетъ и другую... Я почемъ знаю... Я впередъ ни минуточки изъ своей жизни угадать не могу...

Жалко мнѣ его стало, но поскрѣпившись, я его спросилъ:

— Куда мое-то пальто дѣвалъ?

— Я почемъ знаю!.. Я объ этомъ тебѣ ничего не могу сказать... Эхъ, Проша!

Однакоже я съ нимъ жить не сталъ. Страсть какъ трудно мнѣ было одному! двѣ недѣли съ неумѣлыхъ-то рукъ надъ работой покоптѣть, а выручки, барышу то есть, — три рубли. Съ чего тутъ жить? Ну, кое-какъ перебивался, платьишко началъ заводить, напримѣръ манишку, все такое, нельзя! Познакомился съ чиновникомъ... Кой-какъ! Къ братцу я въ то время не ходилъ, или ежели случится, то очень рѣдко: по той причинѣ, что окромѣ унынія, завели они другую Сибирь: — гитару... Иной человѣкъ возьметъ на гитарѣ-то, восхищеніе, душа радуется, но братецъ мой изо всего муку-мученскую дѣлалъ... Сейчасъ возьметъ гитару, первое дѣло начнетъ харкать въ эти колки, плевать, чтобы гуще.... За это за одно я съ него, кажется, тыщи рублей не взялъ бы, чтобы смотрѣть на эту пакость. Послѣ

того, — игра: сейчасъ палецъ постановитъ на струнѣ у самыхъ у колковъ, и начнетъ его спущать даже до самой дыры, точно давится кто, съ позволенія сказать! Смерть! Замѣсто пріятности, — всѣ кишки вывернетъ наружу. По этому случаю я у него не бывалъ. Началъ было я въ это время Алеху Зуева вспоминать,—не позвать ли молъ? А онъ, не долго думая, и самъ ко мнѣ привалилъ... Пьяный, распьяный.

— Ты! заоралъ на меня: — подлѣкарь! подавай деньги!

— Как-кія, говорю, деньги?

— Ты разговоры-то не разговаривай, подавай деньги... Какія! передразниваетъ: — за станокъ! вонъ какія.

Тутъ я, признаться сказать, въ такое остервенѣніе вошелъ, что не помня себя, тотчасъ за горло его сцапалъ, и грохнулъ на землю. Вижу, малому — смерть, но все же я еще ему колѣнкой въ грудь нажалъ, и какъ же я его въ это время полыскалъ!... Ахъ, какъ я надъ нимъ всѣ свои оскорбленія выместилъ! Зажалъ ему горло, и знаю, что ему теперича ни дохнуть, — и между прочимъ кричу на него: говарри!

— Прр, хрипитъ... Пруссс...

— Говорррри! Анафема...

Въ то время я себя не помнилъ и истинно мучилъ его какъ звѣрь... Съ часъ мѣста я съ нимъ хлопоталъ, наконецъ пустилъ... Отрезвѣлъ онъ... Помню, стоитъ этакъ-то въ дверяхъ, картузишкомъ встряхиваетъ и двашитъ...

— Сичасъ битца, говоритъ; — нѣтъ у тебя языка сказать-то... Право! За го-орло!

— Ладно, говорю, мнѣ къ суду съ тобой идти не время.

— Я почемъ знаю! „деньги“, „получилъ“... Я почемъ знаю...

— Дьяволъ! кто жь у насъ знать-то будетъ! Чо-ортъ!

— Я почемъ знаю... За горло!.. Эко диво какое!

— Проваливай!..

— Обрадовался!..

Кой-какъ ушелъ онъ. (И между прочимъ скажу, объ своемъ добрѣ, что я-то того.... и не спросилъ, потому зналъ онъ, что искать его негдѣ, ибо гдѣ его у дьявола сыщешь?). Вздохнулъ

я маленько послѣ такихъ заботъ и, говорю вамъ по чистой совѣсти, стало мнѣ страсть какъ легко на душѣ, когда я его побѣдилъ... Тутъ ужь я совсѣмъ понялъ! Изъ-за того жить, чтобы жить, чтобы выработать да пропить, — на это я несогласенъ... Н-нѣтъ-съ!.. Мнѣ желательно — по людски... Съ эстимъ я и рѣшилъ, что въ полоумствѣ, безъ разговору, ручная расправа, а въ благородствѣ всякое почтеніе...“

II.

ПЕРВЫЙ ОПЫТЪ.

Еще немного подобныхъ случаевъ, узаконявшихъ силу кулака въ глазахъ благороднаго человѣка и физіономія Прохора Порфирыча приняла тотъ оттѣнокъ „себѣ на умѣ“, который такъ часто проглядываетъ въ умныхъ и обдѣлистыхъ русскихъ людяхъ: деревенскихъ дворникахъ, прасолахъ, и проч., которыхъ простой, добродушный и оплетаемый народъ потихоньку называетъ жилами, жидоморами и проч. По ходу дѣла Прохоръ Порфирычъ тоже былъ жила, но жила чуть-чуть не благородная, вѣжливая, что впрочемъ съ большей подробностію мы увидимъ впослѣдствіи. Мысль о разживѣ не покидала его: то представлялось ему, что идетъ онъ по улицѣ, вдругъ — деньги, „богато!“ сладко улыбаясь произносилъ онъ. По ночамъ ему снились тоже деньги. Кто-то выкладывалъ передъ нимъ вороха и сизыхъ, и сѣрыхъ и говоритъ: — получай. Прохоръ Порфирычъ въ ужасѣ раскрывалъ глаза, и узнавалъ свою холодную комнату...

— Ахъ колъ тѣ въ горло! съ досадою вскрикивалъ онъ тогда.

А времена все труднѣй становились. Помѣщики съежились; опустѣли трактиры и цыганскія пѣвицы напрасно поджидали „графчика“, зѣвая и пощипывая струны гитары. Торговля прі-

утихла всякая; рабочіе, на подобіе Зуева — шли охотой въ солдаты. Шли также и неохотой. По ночамъ въ тысячѣ пунктовъ слышалось:

— Карраулъ!!..

— Баггато! отзывался на это Прохоръ Порфирычъ, ибо вполнѣ понималъ положеніе шарахающагося народа и зналъ цѣну своимъ взглядамъ именно въ настоящую минуту, т. е. могъ разчесть, приложиться и „па вылетъ!“

— Ахъ, теперича бы силенки! Ахъ бы хоть немножечко!... Тосковалъ въ эту пору Порфирычъ.

Во время такой страстной жажды лишняго гривенника, своего угла, вообще во время жажды обдѣлывать свои дѣла, умеръ растеряевскій баринъ. Дѣло случилось темнымъ и сырымъ вечеромъ. Поднялась суматоха, явились душеприкащики, дали знать Порфирычу. При этомъ извѣстіи, въ глазахъ его, сразу мгновенно прибавилась какая-то новая острая черта, какія являются въ рѣшительныя минуты. Онъ сразу понялъ, что настало время. Одѣвшись въ свое драповое пальто съ карманами назадъ, онъ почему-то поднялъ воротникъ, сплюснулъ шапку, и строгая фигура его измѣнилась въ какую-то юркую, готовую нырнуть и провалиться сквозь землю, когда это понадобится.

Порфирычъ дѣлалъ первый шагъ.

....Вечеромъ, въ нижнихъ окнахъ барскаго дома, долго стоявшихъ забитыми наглухо, свѣтился огонь. На столѣ лежалъ покойникъ, въ мундирѣ; двѣ длинныя сѣдыя косицы падали на подушку; стояли высокіе мѣдные подсвѣчники; солдаты, бабы налѣзли смотрѣть „упокойника“. Унылая фигура послѣдней фаворитки барина, Лизаветы Алексѣевны, въ огромной атласной шляпѣ, съ заплаканными глазами и руками, державшими на сухой груди платокъ, ныряла въ толпѣ тамъ и сямъ, пробивая плечомъ дорогу къ одному изъ душеприкащиковъ.

— Семенъ Иванычъ, слезливо говорила она: — неизвѣстно... мнѣ-то... хоть что нибудь...

— Я вамъ сто тысячъ разъ говорю—не знаю.

— Не сердитесь, ради Бога... Не сердитесь!.. Голубчикъ!

— Что вы пристаете? Сидите и дожидайтесь!

— Буду, буду, буду... Боже мой! ахъ Господи!

Лизавета Алексѣевна садилась въ уголъ, тревожно бросая глазами туда и сюда. Замѣтивъ, что душеприкащики разговорились, она минуточку подумала и вдругъ безъ шума шмыгнула въ другую комнату. Горѣли свѣчи. Лампадки. Дьячокъ, съ широкой спиной, приготовлялся читать псалтирь, переступая въ углу тяжелыми сапогами. Въ виду покойника толковали шопотомъ. Было упомянуто о томъ, что хоть и всѣ мы помремъ, но все „какъ-то..." къ этому присовокуплялось: „ни князи.... ни друзи"..... А заключеніе выходило такое...

— А вотъ между прочимъ, не уступите ли вы мнѣ рыжаго мерина? подъ водовозку?

— Охъ, мерина, мерина... Погодите, Христа ради, немножечко. Дьячокъ кашлянулъ и зачиталъ:

— Блаженъ му-у-у-у..."

— Крррау-у-улъ!! Краулъ! Стой! раздалось подъ окнами.

— Господи Іисусе Христе!

Всѣ бросились на улицу:

— Стой! Стой! Н-нѣтъ, ввpешь, — братъ! Братъ!...

Народъ, сбѣжавшійся со свѣчами, увидѣлъ слѣдующую сцену. Прохоръ Порфирычъ старался вырвать изъ рукъ Лизаветы Алексѣевны огромный узелъ, въ который та вцѣпилась и замерла. Изъ узла сыпались чашки, стаканы, серебряныя ложки и проч. и проч.

— Братъ, братъ! Краденое!..

— Мадамъ, сказалъ душеприкащикъ:—прочь! Прохоръ Порфирычъ наперъ на врага съ узломъ, и потомъ сразу рванулъ его къ себѣ. Лизавета Алексѣевна грохнулась о земь. Толпа повалила вслѣдъ за побѣдителемъ. Надо всѣми колыхался огромный бѣлый узелъ.

— Какъ? воровать? громче всѣхъ кричалъ Порфирычъ. — Нѣтъ, я тебя не допущу... Извини...

— Сюда, сюда, сюда...

Узелъ свалили на крыльцо съ рукъ на руки душеприкащику.

— Спасибо, спасибо, братъ....

— Помилуйте, васскародіе, говорилъ Прохоръ Порфирычъ, обнажая голову и въ ужасѣ раздвигая руки. — Какъ же эт-то только возможно? Я—всѣ мѣры!.. Ка-акъ? воровать?.. Нѣтъ, это не модель...

— Ты тутъ ее схватилъ?

— Да тутъ-съ, васскародіе, какъ есть у самихъ у воротъ слаудилъ... Баррское добро, д-да Боже меня избави!.. Что тебѣ по бумагѣ вышло, Господь съ тобой, получай.

— То другое дѣло.

— Д-дэсъ! то совсѣмъ другое дѣло! А тто скажите...

— Спасибо! молодецъ.

— Всей душой.

Порфирычъ осторожно пощупалъ у себя за пазухой и подумалъ: „здѣсь“.

— Я, васскародіе, — видитъ Богъ!

Душеприкащикъ ушелъ. Порфирычъ долго еще толковалъ брату: — „а то скажи на милость такой поступокъ... цѣлый узелъ, нѣэ-ээ“ и т. д. Потомъ пошелъ подъ сарай, запихнулъ между дровъ какой-то свертокъ, подхваченный въ бою, и возвращаясь оттуда, говорилъ:

— Каакъ? воровать? Нѣтъ, ты это оставь!

Лизавета Алексѣевна долго билась и истерически рыдала за воротами:

— Изъ-за чего? Изъ-за чего? Изъ-за чего я всю-то молодость, — всю, всю, всю... Госссподи! Грѣхъ-то! Грѣхъ-то!.. Ахъ, ахъ, ахъ!..

Вдругъ она вскочила, отряхнула платье, утерла глаза и быстро направилась въ комнату.

— Мадамъ! говорилъ душеприкащикъ: — прочь!..

— Н-не пойду!..

Лизавета Алексѣевна сѣла на стулъ, прижалась спиной къ

углу, плотно сложила руки и даже сплела ноги, будучи увѣрена, что въ такомъ случаѣ ее никто не въ силахъ сорвать съ мѣста.

— Съ вашимъ поведеніемъ здѣсь не мѣсто... Здѣсь покойникъ.

— Н-не пойду... н-не пойду, твердила Лизавета Алексѣевна, дрожа.

— А! не пойдете...

— Голубчикъ!

Она брякнулась на колѣни.

— Есть въ васъ Богъ! не гоните меня! Рради Бога.... Я вѣдь съ нимъ, съ покойникомъ-то, восемь лѣтъ... Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ!..

Душеприкащикъ ушелъ, махнувъ рукою.

Поздно вечеромъ, душеприкащикъ, отправляясь спать, поручилъ за всѣмъ надсматривать Порфирычу, — на унылаго, нерасторопнаго Семена надежды было мало: гдѣ нибудь завалится и заснетъ. Разошлись всѣ, даже и Лизавета Алексѣевна. Прохоръ Порфирычъ вступилъ въ свои права: надсматривалъ и распоряжался. Въ кухнѣ дожидалась приказаній стряпуха. Порфирычъ вступилъ съ ней въ разговоръ.

— Какъ въ первыхъ домахъ, говорилъ онъ: — такъ ужь, сдѣлайте милость, чтобы и у насъ.

— Слава Богу, на своемъ вѣку видала,—Богъ привелъ, — разные дома... Вотъ купцы умирали Сушкины, два брата.

— Д-да-съ! Потому нашъ домъ—тоже слава Богу... Будьте покойны!

— Не въ первый разъ... На сколько—позвольте спросить—пирсонъ?

— Пирсонъ,—благодареніе Богу,—довольно! Насъ весь городъ знаетъ....

— Дай Богъ, а завтра утренничкомъ надыть пораньше грибнова, — и опять трахмалу для киселя.

— И грибнова. Мы за этимъ не разсчитываемъ.

Молчаніе.

— Я полагаю, говоритъ стряпуха: — кисель-то съ клеемъ запустить.

— И съ клеемъ... Какъ лучше... какъ въ первыхъ домахъ.

— А не то, взять форму изъ-подъ маламоржи, ды, ежели изволите знать, со свѣчкой въ нутренности... для красоты.

— Какъ въ первыхъ домахъ! И съ клеемъ, и со свѣчкой... Запущайте, какъ угодно... чтобы лучше... Мы не поскупимся.

Бодрствованіе во время ночи Прохоръ Порфирычъ тоже выдержалъ вполнѣ. Разставшись со стряпухой, онъ направился въ домъ, уговоривъ братца лечь спать.

— И то, сказалъ братецъ, и легъ на крыльцѣ въ кухнѣ.

Въ освѣщенной комнатѣ раздавалось тягучее чтеніе псалтыря, прерываемое понюшками табаку. Порфирычъ босикомъ, тихонько приходилъ къ дьячку, засунувъ одну руку съ чѣмъ-то подъ полу и придерживая это „нѣчто“ сверху другой рукой.

— „Во-олчцы-ы... жже тя-а-а-а“...

— Благодѣтель!

Дьячокъ обернулся.

— Ну-ко!

Дьячокъ сообразилъ и произнесъ:

— Вотъ это благодарю! тутъ онъ нагнулся къ уху Порфирыча и зашепталъ: — Грудь! На грудь ударяетъ! ду-ду-ду-то!..

— Прочиститъ!

— Это такъ! Оно очистку даетъ! Въ случаѣ тамъ въ нутрѣ какая гадость зацѣпится.

— Во-о... Она ее въ то время единственно... Ну-ко!

Пола полегоньку приподымается; дьячокъ говоритъ:

— О, ды много.

— Что тамъ!

Нѣчто поступало въ дрожавшія руки дьячка.

— Сольцы, сольцы!

— Цссс.... Сію минуту.

— Гм-м... кхе!.. Во-о-о-о!...

— Готово!

— Ахъ, благодѣтель! Я тебѣ, другъ, что скажу, прожевывая, шепталъ дьячокъ: — ты по какой части?

— Слесарь.

— А мы при церковной утвари. Я тебѣ что скажу: наше дѣло — хочешь не хочешь!

Дьячокъ пожалъ плечами.

— Смерть!

— Ты думаешь, на боку да на боку,— какая работа?

Долго идетъ самое дружественное шептаніе. Въ комнатѣ опять раздается: „В-о-о-о...“

Прохоръ Порфирычъ ужь въ мезонинѣ; онъ нагибается подъ кровать, кряхтя, что-то достаетъ оттуда, потомъ на цыпочкахъ спускается съ лѣстницы и идетъ черезъ дворъ къ саду. Брешетъ собака.

— Черно́й!...

Порфирычъ посвистываетъ.

— Какъ! воровать? говоритъ онъ, возвращаясь изъ саду и проходя мимо брата. — Нѣтъ, гораздо будетъ лучше, ежели ты это оставишь... Братецъ, не спите?

— О-охъ!... Не сплю! вздыхаетъ Семенъ, поворачиваясь на своемъ ложѣ.

Порфирычъ подсаживается къ нему, тоже вздыхаетъ, присовокупляя: „охъ, горько, горько!“, и затѣмъ тянется долгій шопотъ Порфирыча:

— Аххъ ты, говорю... Да какъ же ты, говорю, только это въ мысль свою впустить могла...

Безлунная ночь стоитъ надъ городомъ; небо очистилось, въ воздухѣ сыро. Въ сторонѣ по небу скатилась звѣзда, оставивъ свѣтлый слѣдъ.

— О-охъ, Господи! шепчетъ кто-то въ кухнѣ.

На крыльцѣ явилась стряпуха.

— Я все безпокоюсь, заговорила она: — какъ кисель?

— Какъ въ первыхъ домахъ.

— Опять можно и полосами его пустить, съ клюквой? — какъ угодно?

— Какъ вамъ угодно, — и съ клюквой...

— И клею запустить?

— И клею!... Какъ въ первыхъ домахъ!

— Я все безпокоюсь, заключила стряпуха, уходя.

Усталый дьячокъ еще медленнѣе читалъ псалтырь; изъ отвореннаго окна на него изрѣдка налеталъ свѣжій воздухъ.

— „И-изреку-у-у...“

— Сссссс... раздалось подъ окномъ. Дьячокъ обернулся.

— Прохоръ Порфирычъ облокотился на подоконникъ локтями, прищуривалъ глазъ и кивалъ головой въ сторону.

— Не мѣшаетъ, сказалъ дьячокъ.

Слѣдовало повтореніе „нѣчто“ и опять монотонное чтеніе. Прохоръ Порфирычъ снова исчезалъ куда-то. Дьячокъ, у котораго начинали слипаться вѣки, иногда закрывалъ глаза и прерывалъ чтеніе, пошатываясь впередъ и назадъ. Тишина была мертвая. Вдругъ гдѣ нибудь, — не то вверху, не то внизу, — съ какимъ-то нытьемъ щелкалъ замокъ. Дьячокъ выпрямлялся, широко раскрывалъ глаза и едва успѣвалъ произнести два, три слова: „бѣ же часъ... въ о-о-онь,“ какъ начиналъ дремать снова.

Послышалось какое-то шуршанье. Дьячокъ снова встрепенулся.

— Я, я, я! шепталъ изъ сѣней Порфирычъ, осторожно таща по землѣ какую-то шкуру, или коверъ или шинель. — Завтра и безъ того хлопотъ полонъ ротъ.

Начинали пѣть пѣтухи. Дьячокъ совсѣмъ заснулъ, положивъ голову на кожаный налой и присѣдая. Его разбудилъ какой-то шумъ, происходившій на дворѣ... Въ окно онъ увидѣлъ Прохоръ Порфирыча, расправлявшагося съ Лизаветой Алексѣевной, которая-таки не вытерпѣла до утра, и тихонько успѣла пробраться въ мезонинъ.

— Уйду! уйду, уйду... Ради Бога! Ахъ, не увѣчьте! Сама, сама, сама.

Съ такою же точно разсудительностію проводилъ Прохоръ Порфирычъ и слѣдующіе дни; въ день похоронъ, почти въ одно и то же время онъ распоряжался въ кухнѣ, подавалъ къ столу тарелки, бѣжалъ за водкой, утѣшалъ маменьку, выводилъ изъ-за стола пьянаго, подтягивалъ вмѣстѣ со всѣми „вѣчную память!“ и тутъ же засовывалъ въ карманъ какую-то вещь, присовокупляя про себя „ременная, аглицкая“ и т. д. и т. д. Безъ Прохора

Порфирыча никто не могъ дохнуть; отовсюду слышались голоса „Порфирычъ, Прохоръ Порфирычъ!“ и въ отвѣтъ на нихъ Порфирычъ безпрестанно сыпалъ: „Ссію минуту-съ, ссію минуту-съ... Иду, иду, иду и т. д.“ Кончились похороны, домъ опустѣлъ; вездѣ были открыты окна и двери, вѣтеръ свободно гулялъ повсюду, вытаскивая въ отворенное итальянское окно мезонина ветхую зеленую стору и подгоняя ее подъ самый князекъ крыши; въ комнатѣ, гдѣ такъ долго умиралъ баринъ, было все взрыто копромъ, — загаженныя перины и тюфяки, рыжіе парики съ слѣдами какой-то масляной грязи вмѣсто помады, банки съ какими-то мазями, заткнутыя за кровать, за комодъ, обсосанные и издали воняющіе чубуки, — все это наполняло душу отвращеніемъ, почему-то гнало изъ комнаты, уже опустѣвшей. Внизу и вверху лопались шпалеры и за ними то и дѣло шумѣли потоки сору.

Прохоръ Порфирычъ это время постоянно находился при маменькѣ, изрѣдка заглядывая въ домъ, гдѣ черезъ нѣсколько времени начался аукціонъ. Порфирычъ долго разсматривалъ вещи, долго молчалъ, и когда рѣшился наконецъ просунуть въ толпу голову и произнести „пятачокъ-съ!“ — то это значило, что ему попалась такая штука, за которую люди знающіе „охотники“ дадутъ по крайней мѣрѣ во сто разъ больше. Зацѣпивъ какую нибудь подобную вещицу, онъ скромно возвращался къ маменькѣ, покупалъ ей на свои деньги водку, — малиновую сладенькую любила Глафира, и къ чаю бралъ у Трифона тоже любимые Глафирой грецкіе орѣхи и винныя ягоды...

— Кушайте, маменька... сдѣлайте милость, говорилъ онъ.

— Не могу Прошенька, я этого чаю глотка проглотить, чтобы безъ эвтаго безъ сладкаго... Изюмцу или бы чего...

— Кушайте, на доброе здоровье, не томитесь...

— Чтожь это, Проша, будетъ ли намъ какое награжденіе отъ покойника...

— Надо быть. Я такъ думаю, чѣмъ нибудь же долженъ онъ свое пакостничество оплатить... Надо за этими крюками-то поглядывать!.. намекалъ онъ на душеприкащиковъ.

— То-то; ты, Прошь, посматривай!.. Поглядывай, какъ бы они чего не наплели тамъ...

— Авось Богъ! Кушайте...

Послѣ аукціона, душеприкащикъ позвалъ Прохора Порфирыча на верхъ.

— А, ты! сказалъ чиновникъ, когда Порфирычъ вошелъ и поклонился. — Вотъ васъ баринъ наградилъ...

Порфирычъ осторожно подвинулся къ столу и упорно смотрѣлъ въ валявшуюся тамъ бумагу.

— Вотъ деньги. Отдай матери...

— Покорнѣйше благодаримъ, васскародіе...

Порфирычъ поцаловалъ у чиновника ручку...

— Ну, ступай...

— Слушаю-съ...

Порфирычъ сталъ у двери...

— Больше ничего; ступай...

— Слушаю, васскародіе. И все таки остался у двери.

— Тебѣ что нибудь нужно?

— Такъ точно-съ; потому, васскародіе,—самыя пустыя деньги вы изволили отдать-съ...

— Каакъ?

— Такъ точно-съ... Мы это дѣло знаемъ-съ... Сдѣлайте милость извините... баринъ по бумагѣ отдѣлили третью часть на сиротъ, — слѣдовательно, — двѣсти ассигнаціями, — бозныть гдѣ... Когда намъ дана самая бездѣлица... Вы, васскародіе, сдѣлайте вашу милость, доложите, что слѣдоваетъ...

— Ступ-пай! Я тебѣ говорю...

— Слушаю-съ...

И опять таки сталъ у двери.

— Ты не уйдешь? черезъ нѣсколько минутъ злобно закричалъ чиновникъ.

— Сдѣлайте божескую милость, васскародіе, — доложите деньги-съ...

— Вонъ!..

— Я, васскародіе, по суду буду искать... Какъ вамъ будетъ угодно...

Грозное молчаніе...

— Какъ вамъ угодно-съ.... Я къ господину губернатору.... Опять же мы и Ѳедоръ Ѳедорыча довольно хорошо знаемъ... Какъ вамъ угодно...

— Я самъ Ѳедоръ Ѳедорычъ! Что ты мнѣ грозишь! Плевать я на него хотѣлъ....

— Какъ вамъ будетъ угодно... Ну, только я этого грабежа не оставлю....

Порфирычъ, весь зеленый, спускался съ лѣстницы. Чиновникъ нагналъ его и бросилъ въ лицо пачкой бумажекъ....

— Ты деньги-то не швырай! загорланилъ Порфирычъ во все горло... Ты свою рожу-то береги....

— Дьяволъ! послышалось съ верху....

Блистательная побѣда надъ чиновникомъ завершилась не менѣе блистательной попойкой въ кухнѣ. Братъ Порфирыча уѣзжалъ въ деревню, въ конторщики; въ кухнѣ по этому случаю кипѣли самовары, на столѣ стояли полуштофы, валялись орѣхи, винныя ягоды, рыба, куски блѣдной и слизистой ветчины, — и шло веселье не малое. Братъ Порфирыча, никогда не пившій водки, разсолодѣлъ съ двухъ рюмокъ, лѣзъ обниматься и кричалъ...

— Братъ!.. Брратъ! Я доввѣряю...

— Проша, приставала мать...

— Господи! умиленно говорилъ Порфирычъ... Братецъ!

— Братъ!

— Братецъ! видитъ Богъ...

— Братъ! Я довѣряю... Маннька!... Братъ!...

— Всей душой!... Боже!

— Братъ!

Порфирычъ обнимался съ братомъ, прижимая къ его спинѣ полштофъ....

— Братъ!

Лакей совсѣмъ осоловѣлъ и валялся какъ снопъ, не переставая повторять „Бр-ратъ“. Наконецъ его ввалили въ мужичью

повозку, присланную изъ деревни, — и Прохоръ Порфирычъ остался съ матерью вдвоемъ...

— Ну, маннька, говорилъ онъ ей на другой день. — Надо думать!... Не сегодня завтра въ шею погонятъ...

— О-охъ, надо, надо...

— Я такъ думаю, — домикъ бы... Деньги, — они, не увидишь, разбѣгутся...

— Ужь какъ ты это знаешь!.. Куда мнѣ... Я не пойму ничего... Ищо изобьютъ пожалуй и суда не сыщешь... Мнѣ бы гдѣ свой уголъ...

— Я такъ думаю, — домикъ... Я похлопочу... По крайности будетъ у васъ свое имѣніе...

— О-охъ, давно своего-то не было...

— То-то и есть... Братецъ, дай Богъ здоровья, довѣряютъ мнѣ.

— Да я-то, нешто звѣрь какой?... Ты меня не ограбишь.... Не выдашь... Изъ моего дому не выгонишь...

— Пом-милуйте... Чать тоже вашего заводу-то. Слава Богу! и Прохоръ Порфирычъ цаловалъ у маменьки ручку.

Душеприкащикъ ходилъ съ купцами вокругъ дома умершаго барина, пробовалъ стѣны топоромъ, мѣрялъ землю цѣпью, и сердито постукивая въ кухонное окно, говорилъ:

— Выбирайтесь, выбирайтесь, выгоню....

— Не безпокойтесь, сдѣлайте вашу милость, уйдемъ-съ.... отвѣчалъ Прохоръ Порфирычъ за мать...

Нѣсколько дней онъ употребилъ на отыскиваніе дома, наконецъ нашелъ. Въ лачугѣ жила одна старая баба, никогда не показывавшаяся на свѣтъ Божій. Ходили слухи, что она съ мужемъ занималась когда-то „нехорошими“ дѣлами, вслѣдствіе чего мужъ и умеръ безъ покаянія, безъ причастія. Не захотѣлъ. Старуху всѣ боялись и не знали, что съ ней дѣлается: въ окнахъ у нея никогда не свѣтился огонь, печь не топилась, и чѣмъ питалась она, тоже было неизвѣстно. Умри старуха, — всѣ бы побоялись войдти къ ней. Но Прохоръ Порфирычъ зашелъ. Старуха превратилась въ какую-то дикую кошку. Долго не понимала

она, что такое толкуетъ ей Порфирычъ, — но когда онъ показалъ ей деньги, старуха заговорила.

— Дава! давай!.. Я зарою....

— А сама уйдешь?

— Давай... Уйду! уйду!...

Кое-какъ Порфирычъ наконецъ растолковалъ ей, въ чемъ дѣло, и далъ цѣлковый. Старуха съ жадностію схватила его, обернула тряпками, спрятала за пазуху и забилась на печь въ самый уголъ....

Послѣ того какъ былъ отысканъ домъ, дѣйствія Прохора Порфирыча приняли какой-то таинственный характеръ. Притащивъ матери изъ кабака сладенькой, онъ просилъ у ней позволенія сходить на минутку въ одно мѣсто, и поспѣшно направлялся въ какой-то глухой закоулокъ. Здѣсь жилъ извѣсстный городской кляузникъ—приказный. Прохоръ Порфирычъ вѣжливо раскланивался съ хозяиномъ и, отведя его къ столу, объявлялъ въ чемъ дѣло:

— Однако, извините меня, говорилъ приказный, какъ вы молоды и такая у васъ въ душѣ подлость.

— Что дѣлать! время не такое...

— Въ первый разъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ встрѣчаю такую низость...

— А я такъ думаю, надо бы мнѣ Бога благодарить.

— Раненько-съ... чего добраго, еще нашему брату горло перекусите... вотъ обидно что...

— На этомъ будьте покойны. Ну, а дѣло черезъ эсто всетаки, я полагаю, само собой?

— Это до дѣла не касающе. Вы остаетесь при вашемъ свинствѣ....

— А вы при вашемъ....

— А я-съ при моемъ. Посылайте за полштофомъ.

Приказный съ шумомъ перевернулъ листъ бумаги.

Съ этого дня между Порфирычемъ и приказнымъ начались какія-то непостижимыя отношенія: они никогда не были вмѣстѣ, но и не разлучались; въ то время, когда Порфирычъ сидѣлъ съ

маменькой и угощалъ ее, вдругъ въ окнѣ какъ молнія мелькала рожа приказнаго, дѣлавшая какія-то ужимки и гримасы. Порфирычъ срывалъ съ гвоздя фуражку и исчезалъ. То можно было ихъ встрѣтить еще такъ: Порфирычъ стоялъ на одномъ концѣ улицы, а приказный на другомъ, и разговоръ шелъ тоже непостижимыми жестами: приказный махалъ куда-то головой въ сторону, Порфирычъ показывалъ ему кулакъ; въ отвѣтъ приказный трясъ головой, крестился и вынималъ изъ боковаго кармана бумагу... Порфирычъ почему-то плевалъ сердито въ землю, но шелъ къ приказному. Приказный, стараясь вызвать Порфирыча ночью, громко кашлялъ подъ окномъ, или начиналъ выть. Днемъ стоило Порфирычу выдти на улицу, какъ тотчасъ же раздавалось откуда-то „сссс... сссс...“ и въ сторонѣ показывалась фигура приказнаго, поднимавшаго руку вверхъ и показывавшаго почему-то три пальца, Прохоръ Порфирычъ показывалъ ему тоже три пальца, только въ другой комбинаціи... Послѣ такихъ таинственныхъ сценъ, приказный на минутку зачѣмъ-то явился въ кухнѣ у Глафиры, вмѣстѣ съ Прохоромъ Порфирычемъ, жался у двери, а когда Глафира сказала сыну: „да я этого ничего не понимаю“, приказный вдругъ развернулъ на столѣ бумагу, опрокинулся надъ ней, зачеркалъ перомъ и заговорилъ: „дов-вѣ-р-рителю моему, сыну, къ сссемму“ и т. д. Та же сцена произошла и въ домѣ старухи, у которой покупали домъ. Затѣмъ пріятели снова разошлись въ разныя стороны. Стоя на крыльцѣ гражданской палаты, Порфирычъ манилъ приказнаго, торчавшаго гдѣ-то Богъ знаетъ какъ далеко... Приказный показалъ что-то руками, Порфирычъ еще поманилъ. Тогда приказный направился къ палатѣ зигзагами, почему-то миновалъ палатское крыльцо, потомъ повернулъ назадъ, поплелся по стѣнкѣ и, снова поравнявшись съ крыльцомъ, вдругъ юркнулъ туда во мгновеніе ока. Порфирычъ изчезъ за нимъ....

Результатомъ такихъ таинственныхъ дѣяній провинціальной адвокатуры было то, что Прохоръ Порфирычъ воротился изъ гражданской палаты хмѣльной, постоянно улыбающійся, вывалилъ матери изъ кармана совершенно смятыя ягоды, яица и проч... и все хихикалъ.

— Все ли, батюшка, Прошинька, теперечa-то?...

— В-всссе! будьте покойны... Кушайте на здоровье....

— Ну, и слава Богу!

— Сслава Богу!.. Эт-то справедливо...

Порфирычъ вдругъ хихикнулъ...

— Маменька! сказалъ онъ, зажимая рукою ротъ и фыркая... А что я вамъ скажу... Домъ-то... Домъ-то вѣдь, онъ—мой-съ!..

— Ахъ!.. вскрикнула Глафира и осатанѣла... Прохоръ Порфирычъ попробовалъ было сдѣлать серьезную физіономію, но вдругъ фыркнулъ и рванулся въ дверь, поваливъ на ходу скамейку и оставивъ Глафиру въ какомъ-то оцѣпенѣніи.

Скоро Глафира и Прохоръ Порфирычъ перебрались въ купленную лачугу. Глафира заливалась слезами и кричала на всю улицу...

— Маменька, сказалъ на это сынъ строго: —ежели вы такъ продолжать будете, я ей Богу въ полицію не постыжусь...

Послѣ этого Порфирычъ перенесъ ругань отъ брата, нарочно пріѣхавшаго изъ деревни.

— Я съ тобой съ подлецомъ и говорить-то Богъ знаетъ чего не возьму, заключилъ свою рѣчь братъ и пошелъ къ двери...

— Сейчасъ самоваръ готовъ, братецъ, произнесъ все время молчавшій Порфирычъ, и проводилъ разгнѣваннаго брата до воротъ.

Преодолѣвъ такія трудности, Порфирычъ приступилъ къ старухѣ.

— Ну, старушка, ступайте съ Богомъ...

— Что ты, очумѣлъ, что ли?

— Какъ очумѣлъ? домъ мой! ступайте съ вашимъ капиталомъ.

— Куда я пойду? Да я тебѣ всѣ глаза выцарапаю: только ты заикнись.

Порфирычъ порѣшилъ это дѣло повести черезъ полицію; а старуха безмолвно скорчилась на печи.

Сознавъ наконецъ себя полнымъ хозяиномъ, Прохоръ Порфирычъ, съ истиннымъ благоговѣніемъ произнесъ:

— Боже! Благодарю Тя!...

III.

ДѢЛА И ЗНАКОМСТВА.

Такъ поселился Прохоръ Порфирычъ въ растеряевой улицѣ. Ветхая и забавная изба старухи оживилась, пріосанилась: около нея нѣсколько дней возились два поденьщика: отставной раненый солдатъ, съ засученными рукавами и панталонами, густо смазалъ ее глиной, таская за собой наполненное глиною корыто и шайку, изъ которой онъ по временамъ брызгалъ водою на стѣну; плотникъ, съ своей стороны, усердно охаживалъ избу кругомъ, тщательно выбирая мѣстечко, куда бы, не опасаясь паденія избы, можно было загнать хорошій гвоздь; ветхость хибары устрашала плотника: — „ну зданія!“, толковалъ онъ, проваливаясь ногою гдѣнибудь въ гнилыхъ доскахъ крыши: „вотъ такъ зданія!“ Плотникъ безнадежно трясъ своей шляпой-зимогоркой, почесывалъ голову и осторожно постукивалъ обухомъ топора, приколачивая клинышекъ бѣлой доски. Скоро ярко выбѣленная изба — пестрѣла повсюду множествомъ свѣтлыхъ планокъ, досокъ, досчатыхъ четыреугольниковъ, ярко вылегавшихъ на почернѣвшихъ и полусгнившихъ доскахъ крыши, воротъ и забора. И не смотря на такія старанія, изба все-таки напоминала физіономію обезьяны, если посмотрѣть на нее съ боку: нижняя выпятившаяся челюсть соотвѣтствовала выпятившимся бревнамъ въ фундаментѣ, вслѣдствіе чего

окна верхнимъ концомъ уходили въ глубь избы, а нижнимъ выпирали наружу. Въ одно и тоже время съ преобразованіемъ наружнаго вида избы шли и внутреннія реформы. Прохоръ Порфирычъ неутомимо вводилъ разныя „положенія“: для маменьки было „положеніе“ — знать свое мѣсто, сидѣть и дожидаться послѣдняго часу; изюмы и сладкія малиновыя были отмѣнены, — „не такое время“; насчетъ старухи, которую не выжила никакая полиція, было положеніе — не касаться: „хочетъ издохнетъ, — издыхай, не хочетъ, какъ угодно“; изъ домашнихъ харчей ей на отпускалось ничего; маменька, убитая сыномъ, выговорила у него дозволеніе хотя въ спокоѣ доживать вѣкъ и не трепаться около печки; Прохоръ Порфирычъ попятился, припомнилъ маменькѣ ея недобропорядочную жизнь, но все-таки взялъ въ стряпухи бабу, которая была тоже оплетена положеніями: солдатъ не водить и не таскаться по сосѣдямъ, — „нечего слоны слонять“ попусту; баба тотчасъ заступилась за свое правое дѣло и выговорила только одного солдата и тотъ обѣщался жениться на ней послѣ Святой. Скоро явился солдатъ, растегнулъ сертукъ, закурилъ трубку, началъ поплевывать по сторонамъ, запахло махоркой, послышались слова: „фитьфебиль„, „чихаусъ“, „каптинармусъ“ и пр. за солдатомъ потихоньку вошла какая-то баба, спросила — „что нашей курицы не видали?“ и сѣла. За ней другая, тоже насчетъ курицы, третья, — пошолъ говоръ, дружба, драка, — словомъ, житье, которое Прохоръ Порфирычъ не могъ замуровать никакими положеніями. Онъ изрѣдка высовывалъ сюда голову и грозно произносилъ: — „Черти! аль вы очумѣли?“ Солдатъ пряталъ пылавшую трубку въ карманъ, бабы замолкали — но черезъ нѣсколько времени начиналась таже самая исторія. Порфирычъ поэтому держался преимущественно въ своей половинѣ.

Прохоръ Порфирычъ выбралъ себѣ на житье другую половину избы, отдѣленную отъ кухни сѣнями съ землянымъ поломъ. Маленькая комнатка его хоть и смотрѣла окнами въ заборъ, но за то не предвѣщала того близкаго разрушенія, которымъ ежеминутно грозило жилище маменьки: стѣны были довольно крѣпки и прямы, окна не такъ гнилы и не такъ ввалились внутрь комнаты; тутъ

же была особая печка съ лежанкой. Некрасивый видъ комнаты, при дѣятельномъ стараніи Порфирыча, принялъ нѣкоторый смыслъ. Передъ окнами стоялъ станокъ, на которомъ Порфирычъ обыкновенно высверливалъ дуло револьвера и зарядныя отверстія въ барабанѣ; на этомъ же станкѣ оттачивались какъ эти двѣ штуки, такъ и всѣ принадлежности замка, собачки, шомпола и т. д., которыя доставляются кузнецомъ въ самомъ аляповатомъ видѣ, едва-едва напоминающемъ настоящую форму. Необходимые для этого инструменты были воткнуты за кожатый ремешокъ, прикрѣпленный къ стѣнѣ нѣсколькими гвоздями. Надъ ними, у самаго потолка, на большихъ гвоздяхъ болтались вырѣзанные изъ листоваго желѣза фасоны для пистолетовъ: по нимъ можно было прослѣдить всѣ послѣднія новости въ пистолетномъ мастерствѣ. Безъ пособія какихъ бы то ни-было руководствъ, безъ самомалѣйшихъ признаковъ какого-нибудь печатнаго лоскута по этому предмету, Прохоръ Порфирычъ, всегда умѣлъ поддѣть самую послѣднюю новинку. Проѣзжій офицеръ изъ Петербурга, помѣщикъ, облетѣвшій весь міръ и возвращающійся въ отечество съ твердою вѣрою только въ сыворотку и съ двумя-тремя десятками заграничныхъ рѣдкостей, — никогда почти не ускользали отъ зоркаго глаза Прохора Порфирыча. Гдѣ нибудь въ гостинницѣ, Порфирычъ убѣдительно просилъ такого проѣзжаго дать вещицу на фасонъ, тутъ же, повертывая эту вещицу передъ глазами, смекалъ, въ чемъ дѣло; въ крайнихъ случаяхъ прикидывалъ вещицу на бумагу и обводилъ наскоро карандашемъ, а до остальнаго додумывался дома. Такимъ образомъ, въ глуши, гдѣ-то въ растеряевой улицѣ, Прохоръ Прохорычъ зналъ, что на бѣломъ свѣтѣ есть Адамсъ и Кольтъ, есть слово „система“, которое онъ впрочемъ переводилъ въ свою вѣру, отчего оно преображалось въ „исцему.“ Мало того, пистолеты, выходившіе изъ рукъ Порфирыча, носили изящно вытравленное клеймо: „Patent“, смыслъ каковаго клейма оставался непроницаемою тайною, какъ для Порфирыча, такъ и для травщика.

Все остальное въ комнатѣ, не относившееся до мастерства, обставляло исключительно личныя потребности Прохора Порфи-

рыча. Деревянная скрипучая кровать съ грубымъ ковромъ, когда-то принадлежавшая растеряевскому барину, каждая подушка того же барина, манишка на стѣнѣ, сундукъ съ тощими пожитками, и наконецъ на лежанкѣ, издали казавшейся грудою кирпичей, кусокъ тарелки съ ваксой, сапожная щетка, съ отодранной верхней крышкой, и оплывшій сальный огарокъ въ приземистомъ жестяномъ подсвѣчникѣ. Всѣ эти признаки убожества въ глазахъ Прохора Порфирыча принимали другой оттѣнокъ, потому что говорили о собственномъ хозяйствѣ.

Сѣнцы также не пропали даромъ: въ нихъ было „положено" спать подмастерью, котораго Порфирычъ скоро припасъ для себя. Подмастерье этотъ былъ не изъ Т—скихъ; — онъ былъ Тамбовецъ и, на счастье Порфирыча, обладалъ такимъ множествомъ собственныхъ бѣдъ, что вовсе не требовалъ за собою ни строгаго присмотра, ни понуканья и ругательствъ. Онъ былъ почти вдвое старше Порфирыча, испыталъ наслажденіе быть полнымъ хозяиномъ, имѣлъ благородную жену, которая и помутила всю его жизнь, доведя наконецъ до того, что онъ, Кривоноговъ, бѣжалъ изъ роднаго города, куда глаза глядятъ. Въ Т. проживалъ онъ безъ билета, что составляло его ежеминутную муку. Ко всѣмъ этимъ несчастіямъ присоединилось еще одно, едвали не самое страшное, именно, непомѣрная сердечная доброта, покорливость и ежеминутное сознаніе своей ничтожности. Такія бѣды сдѣлали изъ него горчайшаго пьяницу, но опасность попасть въ пьяномъ видѣ въ острогъ, а потомъ въ руки жены, удерживала его въ предѣлахъ одного шкалика въ сутки. Прохоръ Порфирычь, имѣвшій возможность по крайней мѣрѣ разъ тысячу убѣдиться въ честности своего подмастерья, знавшій полную его невозможность сдѣлать какую нибудь „колендрію", все-таки, уходя изъ дому, заглядывалъ въ кухню и говорилъ бабамъ:

— Присматривайте за энтимъ молодцомъ-то...

Самою задушевною собесѣдницею подмастерья была Глафира; при ея помощи какъ-то таинственно явилась выпивка, соленый огурецъ, потомъ благодаря имъ, тянулись долгіе разговоры шопотомъ, ибо грозная тѣнь Порфирыча невидимо витала въ мастер-

ской. Подмастерье разсказывалъ про свое имущество, „что всего было“, какъ онъ съ полицмейстеромъ пилъ шампанское на балконѣ, какъ ходилъ за женой въ маскарадъ, куда она укатила съ офицерами, и т. д. Потомъ еще болѣе глубокимъ шопотомъ присовокупилъ о томъ, ккъ жена его лудила. При этомъ дѣло происходило такъ: — „Харя! — Покорнѣйше, говорю, благодарю... — „Рогожа! Вонь!“ — Чувствительнѣйше васъ благодарю!... Разлетится, разлетится, по щекѣ — хлопъ! — Сдѣлайте вашу милость еще...

Послѣ множества мытарствъ, перенесенныхъ имъ отъ супруги, „вѣроломка“ однажды пожелала съ нимъ помириться...

— Я, говоритъ, тебя, Ѳедя, ни на кого не промѣняю... — О? — Провалиться! Потому я тебя безъ памяти обожаю...

— Обрадовался я, признаться, разсказывалъ Кривоноговъ. — „Пройдись со мной подъ ручку“... — Подхватилъ, пошли. Шли-шли... „ — Зайдемъ сюда на минутку, вотъ въ этотъ домъ“... Изволь, говорю. Зашли. Вводитъ она меня, милые мои, въ залу — сидятъ господа... Я маленько оробѣлъ... А она дѣлаетъ этотъ самый поклонъ: „ — Вотъ, говоритъ, господа генералы, прикажите, сдѣлайте такую милость, моему мужу лобъ забрить... въ ссалдаты!“ Я кэ-экъ черкану въ окно, — бѣжать! Тринадцать городовъ пробѣжалъ, вотъ здѣсь очутился, не знаю, какъ отсюда-то Богъ вынесетъ...

Кривоноговъ вздыхалъ и принимался за работу.

Если иногда случалось, что подмастерье заливалъ лишнее и начиналъ поговаривать, что самъ г. хозяинъ рожна передъ нимъ не стоитъ, то хозяинъ, т. е. Прохоръ Порфирычъ, бралъ его за шиворотъ, тащилъ въ анбаръ и, толкнувъ туда, запиралъ дверь на замокъ.

— И покорнѣйше васъ благодарю! говорилъ на это Кривоноговъ, очутившись гдѣ нибудь въ углу, среди корытъ протухшихъ отъ капусты, и всяческой мерзости.

Обставленный всѣми невзгодами, подмастерье не переставая работалъ цѣлые дни, и подъ защитою его двужильныхъ трудовъ,

Прохоръ Порфирычъ неспѣша обдѣлывалъ свои дѣла. Главною задачею его въ эту пору было — оставлять въ своемъ карманѣ цѣликомъ всю красненькую, которая получалась за проданный револьверъ, т. е. не отдѣлять изъ нея по возможности ничего въ пользу кузнецовъ, наводильщиковъ и т. д., которые участвуютъ своими трудами, — а уплачиваетъ имъ по возможности натурою, въ „надобное“ время. Сообразно съ такими планами Прохоръ Порфирычъ особенно цѣнилъ только два дня въ недѣлѣ, — понедѣльникъ и субботу.

Понедѣльникъ былъ для него потому особенно дорогъ, по чему для прочаго рабочаго люда—онъ былъ невыносимъ. Въ понедѣльникъ Прохоръ Порфирычъ дѣлалъ дѣла свои потому, что цѣлый городъ въ этотъ день не имѣлъ силъ ударить палецъ объ палецъ, утверждая, что въ этотъ день работаютъ „лядкины дѣтки“, а всѣ настоящіе люди рыщутъ цѣлый день, желая отдать душу дьяволу, только бы опохмѣлиться. И этотъ-то общій недугъ доставляетъ въ руки Порфирыча нѣсколько такихъ недужныхъ субъектовъ живьемъ. Но и до этого имъ приходилось пройдти еще многое множество рукъ, всегда достаточно цѣпкихъ и много способствующихъ успѣху Порфирыча. Дѣло совершалось такимъ путемъ.

Пріятный для Прохора Порфирыча субъектъ пробуждался въ понедѣльникъ въ какой-то совершенно неизвѣстной ему мѣстности. Только самое тщательное напряженіе разбитой послѣ вчерашняго головы приводило его къ заключенію, что это—или архіерейская дача, за пять верстъ отъ города, или засѣка, за четырнадцать верстъ, или наконецъ родная улица и жена со слезами, упреками или поднятыми кулаками. Успокоившись насчетъ мѣстности, бѣдная голова мастероваго успѣваетъ тотчасъ же проклясть свое каторжное существованіе, даетъ самый обстоятельный зарокъ не пить, подкрѣпляя это самою искреннею и самою страшною клятвою, и только выговариваетъ себѣ льготу на нынѣшній день, и то не пить, а опохмѣлиться. Такое богатство мыслей совершенно не соотвѣтствуетъ внѣшнему виду мастероваго: на немъ нѣтъ ни шапки, ни чуйки, куда-то изчезли новенькіе коневые сапоги, но почему-то уцѣлѣла одна только жилетка. Мастеровой понимаетъ это собы-

тіе такъ: около него возились не воры-разбойники, а быть можетъ первые друзья пріятели, которые точно такъ же, какъ и онъ, проснулись съ готовыми лопнуть головами и такіе же полураздѣтые или раздѣтые совсѣмъ. Тотъ, кто оставилъ на мастеровомъ жилетку, такъ думалъ:

„Чать и ему надо похмѣлиться-то“...

И пошолъ искать въ другое мѣсто.

Сожалѣнія о коневыхъ сапогахъ и чуйкѣ, терзанія больной головы, проклятія мало по малу исчезаютъ въ размышленіяхъ надъ жилеткой, и въ особенности въ сомнѣніи касательно того, какъ на этотъ предметъ посмотритъ Данило Григорьичъ.

Полная, здоровая фигура Данилы Григорьича уже давнымъ давно красуется на высокомъ кабацкомъ крыльцѣ. Поправляя на животѣ поясокъ, исписанный словами какой-то молитвы, онъ солидно раскланивается съ стоющими людьми, или, понимая смыслъ понедѣльника, примается набивать стойку цѣлыми ворохами перемѣнокъ. Подъ этимъ именемъ разумѣется всякая ношебная рвань, совершенно негодная ни для какого употребленія: старые халаты, сто лѣтъ тому назадъ пущенные семинаристами въ закладъ и прошедшіе огнь и воду, лишившись въ житейской битвѣ полы, рукавовъ, цѣлаго квадрата въ спинѣ и пр. пр. Какія-то непостижимыя и чудовищныя комбинаціи воротника съ полою и рукавомъ; сюртукъ, отъ котораго остались двѣ заднія пуговицы на суконномъ лоскутѣ, къ каковому лоскуту силою суровыхъ нитокъ привлеченъ синій военный рукавъ съ нашивкой, и т. д. Вообще подъ именемъ перемѣнокъ подразумѣвается самое сокращенное воспоминаніе о томъ, что вдревлѣ называлось одеждой. Вся эта рвань, предназначается для несчастныхъ птицъ понедѣльника, которые то и дѣло залетаютъ сюда, оставляя чуйки и облачаясь въ это уродовское тряпье, для того, чтобы хоть въ чемъ нибудь добраться домой.

Весело похаживаетъ Данило Григорьичъ, по временамъ онъ затягиваетъ какую нибудь духовную пѣснь: „иного-бо развѣ тебѣ“... и т. д., или идетъ за перегородку, откуда скоро, вмѣстѣ съ его приземистымъ смѣхомъ, слышится захлебывающійся женскій смѣхъ...

— Грѣхъ! слышно за перегородкой...

— Эва!...

На крыльцѣ кто-то оступился отъ слишкомъ быстраго взбѣга, и передъ Даниломъ Григорьичемъ, солидно обдергивающимъ подолъ ситцевой рубахи, выростаетъ полуобнаженная и словно на морозѣ трясущаяся фигура. Данило Григорьичъ спокойно помѣщается за стойкой.

— Сдѣлл... милость... хрипитъ фигура, подсовывая жилетку и болѣе ничего не въ силахъ сказать. -- Сдѣлл... милость.

— Покажь-ко, за что миловать-то.

Начинается самая мучительная ревизія всѣхъ дыръ жилета. Данило Григорьичъ третъ ее мокрымъ пальцемъ, разсматриваетъ на свѣтъ, словно фальшивую бумажку.

— Сдѣлл... милость! Ахъ ты Боже мой! а? царапая всклокоченную голову, хрипитъ фигура.—Данило Григоричъ! Сдѣлл... милость... Ахъ тты Боже мой...

Мучитель швыряетъ жилетъ подъ стойку и говоритъ мастеровому, тыкая себя пальцемъ въ грудь:

— Только един-нствен-но моя одна доброта!

— Отецъ!... Ды разя... Аххъ тты Ббоже мой!...

Данило Григорьичъ съ сердцемъ откупориваетъ кривымъ шиломъ полштофъ, съ тѣмъ же ожесточеніемъ суетъ маленькій стаканишко, склеенный и сургучемъ и замазкой, почему потерявшій очень много въ своемъ, и безъ того незначительномъ объемѣ.

Ужасъ охватываетъ мастероваго.

— Данило Григоричъ! Побойся Бога!

— Я гав-варю,—истинно только изъ одной жалости... Повѣрь ты мнѣ... Я съ тебя, бозныть чего не возьму божиться... Для того, что видѣть я не могу этаго вашего мученія...

— Данило Григоричъ! Отецъ! Ды что же это мнѣ?... Опять стал-быть на недѣлю испорченъ... Данило Григоричъ!

Цѣловальникъ молча ставитъ полштофъ на прежнее мѣсто.

— Данило Григоричъ! умоляя хрипитъ мастеровой. — Ради Самаго Господа Бога, Данило Григоричъ!...

— Я теб-бѣ гаварю, — хочешь, — а не хочешь...

— Сто-сто-стой... Что ты? Сдѣлл... милость!... Ахъ ты Господи...

— Для Господа, я такъ полагаю, пьянствовать нигдѣ не показано... Нуко-сь, поправляйся махонькой...

Мастеровой долго смотритъ на стаканишко съ самымъ жестокимъ презрѣніемъ, съ горя плюетъ въ сторону — и наконецъ пьетъ...

Долго тянется молчаніе Слышно хрустѣніе соленаго огурца...

— Нѣтъ, — говоритъ наконецъ мастеровой, немного опомнившись. — Я все гляжу, какова обчистка?...

— Справорено по закону...

— А?... Одну жилетку?... Эт-то какъ же будетъ?...

— Скажи еще за жилетку-то — слава Богу!

— И ей-Боту скажешь!...

— Ищо какъ скажешь-то...

— Ей-ей... Ищо сллава Богу, хучь... Аххъ ты Боже мой!... а?... Абчи-и-стка-а... ай-ай-ай... а?... Канн-евые сапоги, одни, — душа вонъ, — пять цалковыхъ; — одни!... Да вить какой конь-то!...

— Эти что ль?

Цѣловальникъ вынесъ изъ за перегородки два сапога...

— Он-ни! он-ни! завопилъ мастеровой простирая руки. — Ахъ, братецъ ты мой!... Какъ есть, какъ живые...

— Ну, теперь не воротишь...

— Дѣ воротить!.. Ни воротишь!..

— Теперь н-нѣ-этъ...

— Теперь, избави Богъ, ни въ жисть не вернуть... Ахъ ты Боже мой!.. Они какъ есть!.. Апчисстка...

Мастеровой развелъ руками.

— То-то и есть: говорилъ я тебѣ... ой, не больно конями-то вышвыривай...

Идетъ долгое нравоученіе.

— И опять же скажу, это на насъ отъ Господа Бога попущеніе... Докуда вамъ мамонѣ угождать?.. заключаетъ цѣловальникъ.

Мастеровой вздыхаетъ и скребетъ голову...

— Данило Григоричъ! умильно начинаетъ онъ; голосъ его принимаетъ какой-то сладкій оттѣнокъ. — Сдѣлай милость!.. маленькую!.. Данила Григорьича охватываетъ ужасъ. Не отвѣчая, онъ въ одну секунду успѣваетъ нарядить посѣтителя въ перемѣнку и за плечи ведетъ къ двери.

— Маленькую! отецъ!

— Ступ-пай!.. Ступай съ Богомъ.

— Полрюмочки!

Мастеровой стоитъ посреди улицы...

— Данило Григоричъ!

— Ступай-ступа!..

— Ахъ Господи! Какъ же быть-то!

— Думай!

— Думать? Вить и то пожалуй...

— Дѣло твое...

— Надо думать... Ничего не подѣлаешь... Ахъ, ты...

Черной тучей вваливается мастеровой въ свою лачугу, и не взглянувъ на омертвѣвшую жену, нетвердыми ногами направляется къ кровати, предварительно съ размаху налетая на уголъ печки и далеко отбрасывая пьянымъ тѣломъ люльку съ ребенкомъ, висящую тутъ же на покромкахъ, прицѣпленныхъ къ потолку. Не успѣла жена всплеснуть руками, не успѣла сдавленнымъ отъ ужаса голосомъ прошептать: „разбойникъ!“ —какъ супругъ ея, съ какимъ-то ворчаньемъ бросившійся ничкомъ на постель, уже храпѣлъ самымъ звѣрскимъ образомъ, поглощая легкими за одинъ пріемъ всю крошечную атмосферу избы. Испуганный этимъ храпомъ ребенокъ вздрагивалъ ногами и икалъ. Оцѣпенѣнье бѣдной бабы разрѣшается долгими слезами и причитаньями... А мужъ все храпитъ... Наконецъ рыдающая жена рѣшается на минуточку сходить къ сосѣдкѣ. На-скоро разсказываетъ она пріятельницѣ, въ чемъ дѣло, занимаетъ до вечера хлѣба, и тотчасъ же возвращается домой. Прямо подъ ноги ей бросаются изъ избы три собаки, съ явными признаками молока на мордѣ. Чуя погибель молока, припасеннаго ребенку, она дѣлаетъ торопливый шагъ черезъ порогъ —

и натыкается на пустой сундукъ, съ отломанной крышкой; въ сундукѣ нѣтъ платья, на стѣнѣ нѣтъ старой чуйки, на кровати нѣтъ мужа,—а люлька съ ребенкомъ описываетъ по избѣ чудовищные круги, попадая то въ печку, то въ стѣну. Окончательно убитая баба долго не можетъ ничего сообразить и вдругъ пускается въ догонку....

Въ это время супругъ ея съ какимъ-то истинно артистическимъ азартомъ выдѣлываетъ въ дальнемъ концѣ улицы удивительные скачки; иногда онъ словно подплясываетъ, а вмѣстѣ съ нимъ пляшетъ по землѣ и хвостъ женскаго платья, выбившагося изъ-подъ чуйки...

— Держи, держи... голоситъ баба, путаясь въ подолѣ отнявшимися и онѣмѣвшими ногами: — ахъ, ахъ, ахъ... Разбойникъ! Грабитель!

Какой-то лабазникъ сталъ ей поперекъ дороги, растопыривъ руки, словно останавливалъ вырвавшуюся лошадь. Прохожій солдатъ обнялъ на ходу и раза два повернулся съ ней; другой солдатъ съ улыбкой смотрѣлъ на эту сцену, придерживая подъ мышкой двѣ пары подошвъ. Остановился и засмѣялся чиновникъ съ женой... А супругъ въ это время уже поравнялся съ храминою Данилы Григорьича и съ разлету распахнулъ обѣ половинки дверей, напирая собственнымъ тѣломъ.

Добралась наконецъ и баба. Мужа не было.

— Дѣ мужъ? едва переводя духъ, закричала она. — Подавай! Слышшь! Сейчасъ ты мнѣ его подавай кровопійцу...

— Я съ твоимъ мужемъ не спалъ! загалдилъ въ свою очередь Данило Григорьичъ. — Ты его супруга,—ты и должна его при себѣ сохранять...

— Подавай, я тебѣ говорю!

Баба вся позеленѣла.

— Сссію минутую мнѣ мужа маво!.. Знать я этого не хочу!..

Цѣловальникъ усмѣхнулся.

— Мала̀! произнесъ онъ, направляя слова за перегородку.— Вотъ баба мужа обронила... Сдѣлайте милость, — присовѣтуйте...

— Ххи-хи-и-ихъ-хи-хи-хи! раскатилось за перегородкой.

— Шкура! заорала баба.—Мнѣ на твои смѣхи наплевать!.. Твое дѣло плешничать!..

— Чтобъ тѣ разорвало!..

— Ахъ ты...

— Сивастопаль! громче всѣхъ закричалъ цѣловальникъ. — Генералъ Бебутàвъ!.. Ты мутить пришла? Такъ я, опять же тебѣ скажу, — мужа твоего здѣсь не было..

— Не было-о?

— Нѣту. Проваливай съ молитвой! Къ Ѳомину на Павшинскую вдарился.

— Къ Ѳомину-у?

— Къ нему. Съ Бог-гамъ! Въ окно прянулъ!..

Баба замолчала и тихонько заплакала.

— Молись Богу—ды въ путь!.. говорилъ цѣловальникъ.

Баба медленно пошла къ двери.

— Все ли взяла? Какъ бы чего не забыть... въ дорогѣ неравно...

— „А я вотанъ, а я во-о...“ вдругъ запѣлъ кто-то... Баба узнала голосъ мужа... Но гдѣ раздавалось это пѣніе, — на чердакѣ ли, подъ поломъ ли, или на улицѣ,—рѣшительно разобрать было нельзя. Тѣмъ не менѣе баба бросилась на грохотавшаго цѣловальника.

— Подавай! Сичасъ подавай! Я тебѣ голову разнесу...

Хохоталъ цѣловальникъ, хохотала баба за перегородкой, — и пѣніе возобновилось въ усиленной степени.

— Разбойники! Дьяволы! У меня корки нѣту... Под-дав-вай сичасъ!..

— А я вотанъ, а я во, а я во, а я во, — хооо...

Смѣхъ, гамъ, слезы...

— Ну,—съ Богамъ! заговорилъ цѣловальникъ рѣшительно и повелъ бабу на лѣстницу.

— Я на тебя, извергъ ты этакой, доносилось съ улицы: — сто судовъ наведу ма-ашенникъ! Я тебя, живодера этакаго, начальствомъ заставлю...

— Ду-ура! Нѣту такого начальства, башка-а! Гдѣ же это

*

ты такое начальство нашла, чтобы не пить?.. рожа-а!.. Рѣзко и внушительно говорилъ цѣловальникъ, высовывая голову на улицу.— Горшешная ты пагубница,—это твое дѣло,—а въ начальствѣ ты рожна не смысли-ишь!.. Какого ты начальства будешь искать? Иродъ! Прочь!

Баба долго кричала на улицѣ.

Цѣловальникъ, разгоряченный послѣднимъ монологомъ, плотно захлопывалъ дверцы.

— Не торопись! остановилъ его Прохоръ Порфирычъ, отпихивая дверь:—совсѣмъ было прищемилъ!..

— А! Прохоръ Порфирычъ! Добраго здоровья... Виноватъ бачука. Съ эстими съ бабами то есть не приведи Богъ... Прошу покорно.

— Ай ушла? шопотомъ проговорилъ мастеровой, приподымая головой крышку маленькаго погреба, устроеннаго подъ поломъ за стойкой, у подножія Данилы Григорьича.

— Ушла!.. Ну, братъ, у тебя ба-аба!..

— О-о!.. У меня баба — смерть!

Мастеровой выползъ изъ погреба, весь въ паутинѣ, и сталъ доѣдать пеклеванку...

— Какую жуть нагнала-а? спросилъ онъ улыбаясь у цѣловальника. Тотъ тряхнулъ головой и обратился къ гостю:

— Ну, что же, Прохоръ Порфирычъ, какъ Богъ милуетъ.

— Вашими молитвами.

— Нашими? Дай Господи! За тобой двадцать двѣ...

— Ну, что жъ, сказалъ мастеровой:—эко бѣда какая!

Въ это время изъ-за перегородки выползла дородная молодая женщина, съ большой грудью, колыхавшейся подъ бѣлымъ фартукомъ, съ распотѣлымъ свѣжимъ лицомъ и синими глазами, на головѣ у нея былъ платокъ, чуть связанный концами на груди. По добротности, лѣни и множеству всего краснаго, навѣшенному на ней,—можно было заключить, что цѣловальникъ „держалъ при себѣ бабу“—на всякій случай.

Прохоръ Порфирычъ засвидѣтельствовалъ ей почтеніе.

— Что это, Данило Григоричъ, заговорила она:—вы этихъ бабъ пущаете... Только что одна срамота черезъ эсто.

— Будьте покойны! вмѣшался захмѣлѣвшій мастеровой:—она непосмѣитъ этого... Главное дѣло, обратился онъ къ Порфирычу шопотомъ:—я ей сказалъ: Алена!.. Я этого не могу, чтобы каждый годъ дите!.. чтобы этого не было!.. Мнѣ такое дѣло,—нельзя!

— Ну и что же? спросилъ цѣловальникъ.

— Говаритъ: не буду! Потому я—строго...

— Мала! ухмыляясь произнесъ цѣловальникъ. — Вотъ бы этакъ-то... а?..

— Се вы съ глупостями.

— Ххе-ххе-ххе!.

Мастеровой тоже засмѣялся и прибавилъ:

— Нѣтъ, — надо стараться!..

Цѣловальничья баба отвернулась... Прохоръ Порфирычъ кашлянулъ и вступилъ съ ней въ разговоръ:

— Ну, что же, Малань Иванна, — по своемъ по Каширу тужите?..

— Чего жь объ немъ... Только что сродственники...

— Ндэ-съ... родные?..

— Родные! Только что вотъ это. Конечно жалко, — ну все я такой каторги не вижу, когда братецъ Иванъ Филипычъ одной вонью меня задушилъ...

— Сссс...

— Наберетъ дохлыхъ кошекъ, сичасъ ихъ потрошитъ,.. это се мы видимъ; одно погляденье на этакую гадость... тьфу...

— Данило Григорьичъ! шепталъ мастеровой, колотя себя въ грудь.—Передъ истиннымъ Богомъ...

— Опять развѣситъ—сушить!.. Смердъ!.. Кажется—Господи!..

— Ты еще мнѣ за стекло долженъ! Помнишь!..

— Данило Григоричъ!..

— Ну, Малань Иванна!—а въ нашемъ городѣ что же вы, пужаетесь...

— Пужаюсь!

— Пужливы?.

— Страсть, какъ пужлива... Сичасъ вся задрожу...

— Да дда да... Мѣсто новое...

— Да и признаться,—все другое, все другое... За что ни возьмись... Опять народъ горластый...

— П-па ккакому же случаю я тебѣ дамъ!

— Данило Григоричъ! Отецъ!

— Народъ горластый и опять-же, чуть мало-мало, — сичасъ драка! Наровитъ какъ бы кого...

— Въ ухо... Это вѣрно. Потому вы нѣжныя?..

— Нѣжная!..

— Умру! умру! заоралъ мастеровой, упавъ на колѣни.

— А чудакъ человѣкъ! Ну изъ-за чего же я...

— Каплю! дьяволъ, — каплю!

— Что? Что такое? заговорилъ вступаясь Прохоръ Порфирычъ.—Въ чемъ разсчетъ?..

— Да ей-Богу, совсѣмъ малый взбѣсился... Проситъ колупнуть,—но какже я ему могу дать.

— Любезный! заступись!.. Я ему душегубу—за четвертакъ цволъ... Цѣна ему два цѣлковыхъ... Прошу—махонькую! а?

— Что же ты, Данило Григорьичъ! произнесъ Порфирычъ.

— Ей-ей не могу. Мы тоже съ эстаго живемъ...

— Покажь! сказалъ Порфирычъ: — что за цволъ!..

У мастероваго отлегло отъ сердца.

— Другъ! заговорилъ онъ, осторожно касаясь груди Порфирыча:—я тебѣ передъ истиннымъ Богомъ поручусь,—полпуда пороху сыпь.

— Посмотримъ, попытаемъ.

Цѣловальникъ вынесъ кованый пистолетный стволъ, на которомъ мѣломъ были сдѣланы какія-то черты... Прохоръ Порфирычъ принялся его пристально разсматривать.

— Сичасъ околѣть, говорилъ мастеровой: — Дюженцеву дѣлалъ!.. Ище къ той субботѣ велѣлъ... Я было понадѣялся, понесъ ему въ субботту-ту, а его угорѣлаго дома нѣту... Рыбу, вишь, пошелъ ловить... Ахъ, молъ, думаю, засади тебѣ! Ну оставить-то безъ него поопасался...

— Ды ко мнѣ въ сохранное мѣсто и принесъ! добавилъ цѣловальникъ:—чтобы лучше онъ проспиртовался... оно крѣпче!

Мастеровой засмѣялся...

— Оно одно на одно и вышло, проговорилъ онъ:—Дюженцеввъ этотъ и съ рыбою-то совсѣмъ—утопъ...

— Вотъ такъ-то!

— Ахъ и цволъ-же! ежели бы на охотника...

— Это — что же такое?.. произнесъ Порфирычъ, отыскавъ какой-то изъянъ.

— Это-то? Ды отецъ!

— Я говорю,—это что? Это работа?

— Ахъ ты Божже мой! Ну, ей-Богу, — это самое пустое: чуть чуть молоточкомъ прищемлено...

— Я говорю,—это работа?

— Да ты сейчасъ ее подпилкомъ... Она ничуть ничаво...

— Все я же? Я плати, я и подпилкомъ? Получи братъ...

— Ахъ ты Боже мой!..

Прохоръ Порфирысъ кладетъ стволъ на стойку, садится на прежнее мѣсто, и дѣлая папиросу, говоритъ бабѣ:

— Такъ пужаетесь?

— Пужаюсь! Я се пужжаюсь...

— Ангелъ! перебиваетъ мастеровой. — Какая твоя цѣна? Я на все; только хоть чуточку мнѣ помочи-защиты, потому мнѣ — смерть.

— Да какая моя цѣна? солидно и неторопливо, говоритъ Порфирычъ:—Данилу Григорьичу чать рубль ассигнаціями за него надо?..

— Это надо... Это безпремѣнно...

— Вотъ-то-то! Это разъ. Все я же плати... А второе дѣло,—это колдобина, на цволу-то,—это тоже мнѣ не статья...

— Да Боже мой! Я тебѣ, сичасъ умиреть...

— Погоди! Ну, пущай я самъ какъ ни какъ ее сравняю,— все же набавки я большой не въ силахъ дать...

— Ну,—примѣрно; на глазомѣръ?

— Да примѣрно, — что же?.. Два боаьшихъ полыхнешь за мое здоровье; больше я не осилю...

— Куда жь это ты Бога-то дѣвалъ?

— Ну ужь, это дѣло наше. Бога ты не безпокой!

— Ты про Бога своими пьяными устами — не осмѣливайся! прибавляетъ цѣловальникъ.

Настаетъ молчаніе.

— Такъ вы, Малань Иванна, пужаетесь все?

— Се пужаюсь.

— Это такъ. Опасно.

— Три! отчаянно вскрикиваетъ мастеровой. — Чтобъ вамъ всѣмъ подавиться... Терзатели!..

— Давиться намъ нечего, спокойно произносятъ цѣловальникъ и Порфирычъ.

— А что „три“, прибавляетъ послѣдній: — это еще я поддумаю.

— Тьфу! Чтобъ вамъ!

— Дако-сь цволъ-то.

— Ты меня втрое пуще моей муки измучилъ...

Порфирычъ снова разсматриваетъ стволъ и наконецъ нехотя произноситъ:

— Дай ему, Данило Григорьичъ!

— Три?

— Да ужь давай три... Что съ нимъ будешь дѣлать... Малый-то дюже перкобылистъ.

Мастеровой почти залпомъ пьетъ три большихъ стакана по пятачку, обдаетъ всю компанію тучами нецеремонной ругани и, снова пьяный, снова разбитый, при помощи услужливаго толчка, пущеннаго услужливымъ цѣловальникомъ, скатывается съ лѣстницы, считая ступени своимъ обезсилѣвшимъ тѣломъ. Прохоръ Порфирычъ спокойно запихиваетъ въ карманъ доставшійся ему за безцѣнокъ стволъ и снова обращается къ цѣловальничьей бабѣ, предварительно вскинувъ ногу на ногу.

— Такъ вы, Малань Иванна, утверждаете, что главнѣе вонь, то есть на родинѣ?..

— Такая смердюшшая!..

— Конечно!

Такой образъ дѣйствія Прохоръ Порфирычъ называетъ умень-

емъ потрафлять въ надобную минуту, и въ понедѣльникъ могъ имъ пользоваться до отвалу, употребляя при этомъ почти однѣ и тѣ же фразы, ибо общій недугъ понедѣльника слагалъ сцены съ совершенно одинаковымъ содержаніемъ.

Побесѣдовавъ съ цѣловальничихой, Прохоръ Порфирычъ отправлялся или домой, унося съ собою груду шутя пріобрѣтенныхъ вещей, или же шелъ куда нибудь въ другое небезвыгодное мѣсто. Между его знакомыми жилъ на той сторонѣ мѣщанинъ Лубковъ, который былъ для Порфирыча выгоденъ одинаково во всѣ дни недѣли.

Мѣщанинъ Лубковъ жилъ въ большомъ ветхомъ домѣ съ огромной гнилой крыши. Самая фигура дома давала нѣкоторое понятіе о характерѣ хозяина. Гнилыя рамы въ окнахъ, примкнувшія къ нимъ тонкія кисейныя занавѣски мутно-синяго цвѣта, оторванные и болтавшіеся на одной петлѣ ставни, аляповатыя подпорки къ дому, упиравшіяся однимъ концомъ съ середину улицы, а другимъ въ выпятившуюся гнилую стѣну и пр. и пр., все это весьма обстоятельно дополняло безпечную фигуру хозяина. Въ лѣтнее время онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ на ступенькахъ своей лавчонки. Вслѣдствіе жары и тучности, ноги были босикомъ, на плечахъ неизмѣнно присутствовалъ довольно ветхій халатъ, значительно пожелтѣлый отъ поту и съ особеннымъ стараніемъ облипавшій всѣ выпуклости на тучномъ хозяйскомъ тѣлѣ. Такой легкій лѣтній костюмъ завершался бобровымъ картузомъ, истрепаннымъ и засаленнымъ съ затылка до послѣдней степени... Безпорядокъ, отпечатывавшійся на домѣ и на хозяинѣ, отмѣчалъ едва ли не въ большей степени и всѣ дѣйствія его. Сначала онъ занимался разведеніемъ фруктовыхъ деревъ; дѣло тянулось до смерти жены, послѣ чего Лубковъ вдругъ началъ для разнообразія торговать говядиной, но не умѣя разчесть, сталъ давать въ долгъ, и проторговался. Кризисы такіе Лубковъ переносилъ необыкновенно спокойно, и въ тотъ моментъ, когда напр. торговля говядиной была рѣшительно невозможна, онъ велъ за рога корову на

торгъ, продавалъ ее, на вырученныя деньги покупалъ водовозку и принимался не спѣша за водовозничество. Точно съ такимъ же неразсчетомъ завелъ онъ кабакъ, который самъ и посѣщалъ чаще всѣхъ, хлѣбную пекарню и пр. и пр. и на всемъ спокойно прогорѣлъ. Къ довершенію своей добродушно-безтолковой жизни, онъ женился на молоденькой дѣвушкѣ, имѣя на плечахъ пятьдесятъ лѣтъ, и благодаря этому пассажу, имѣлъ возможность хоть разъ въ жизни чему нибудь удивиться и вытаращить глаза. У него родился сынъ. Событіе было до того неожиданно, что Лубковъ рѣшился оставить на нѣкоторое время свое любимое мѣстопребываніе — крыльцо, и направился къ женѣ:

— Наталья Тимофевна, сказалъ онъ ей, почесывая голову: — Это... что же такое?

— Убирайся ты отсюда... знаешь куда? много ты тутъ понимаешь.

— Ды и то ничего не разберу...

— Пшолъ!..

Черезъ минуту Лубковъ по прежнему сидѣлъ на крыльцѣ. Спокойствіе снова осѣнило его. Раздумывая надъ случившимся, онъ улыбался и бормоталъ:

— К-каммедія!..

Шли года и семья Лубкова росла все больше и больше. Ребята, т. е. мастеровой народъ, поднимали Лубкова на смѣхъ и часто извѣщали его о близкой прибыли въ то время, когда онъ и не подозрѣвалъ этого.

— Не сегодня, завтра жди! говорили ему.

— Н-но?

— Вотъ увидишь!..

Слова ребятъ сбывались. Нѣсколько лѣтъ такихъ неожиданностей и насмѣшекъ снова нарушили покой Лубкова. Онъ вторично покинулъ свое сѣдалище съ цѣлію поговорить съ женой.

— Наталья Тимофевна! сказалъ онъ ей: — вы сдѣлайте милость, осторожнѣя...

— Нѣтъ, ты перва двадцать разъ оставить...

— Хучь по крайности сказывайтесь мнѣ... въ случаѣ чего... чтобы я во всякъ часъ могъ отвѣтъ дать...

— Пошолъ!..

Постигнувъ наконецъ, что ему безвинно суждено быть отцомъ многочисленнаго семейства, Лубковъ на шутки ребятъ отвѣчалъ:

— А ты бы, умный человѣкъ, помалчивалъ бы, ей Богу! Во стобы тысячъ разъ было превосходнѣе ежели бы ты молчкомъ наровилъ... такъ-то.

Въ настоящее время у него по прежнему существовала лавка, но родъ промышленности былъ совершенно непостижимъ, потому что лавка была почти пуста. Въ углахъ висѣли большія гирлянды паутины, съ потолка свѣшивалась какая-то веревка, которую Лубковъ собирался снять въ теченіи десяти лѣтъ, а на полкахъ помѣщались слѣдующіе предметы: ящикъ съ ржавыми гвоздями, кусокъ мыла, шкворень и полштофъ съ водкой. Болѣе ничего въ лавкѣ и не было, кромѣ дивана, покрытаго рогожей. На этомъ диванѣ любила сидѣть жена Лубкова и обыкновенно во время этого сидѣнья занималась руганьемъ мужа на всѣ лады. Неподвижная спина Лубкова, подставленныя подъ ругательскія рѣчи жены, лѣнивое почесыванье подъ мышками или въ головѣ, среди самыхъ патетическихъ мѣстъ ругани, смертѣльно раздражали разгнѣванную супругу.

— Демонъ! вскрикивала она въ ужасѣ.

Мужъ встряхивалъ головой, и сдвинутый на сторону картузъ снова сидѣлъ въ прежней позѣ.

Отвѣта не было.

Въ понедѣльникъ въ лавкѣ Лубкова было довольно много посѣтителей и происходило что-то въ родѣ торговли. Дѣло въ томъ, что потребность опохмѣлиться загоняла даже къ Лубкову цѣлыя толпы бѣднѣйшихъ подмастерьевъ, которые, за неимѣніемъ своего, тащили добро хозяйское: въ сапогахъ или потаенныхъ карманахъ, придѣланныхъ внутри чуйки, тащили они къ Лубкову мѣдную обтирню или дрязгу, цѣлые вороха всякаго сборнаго желѣза по копѣйкѣ или по двѣ за фунтъ и т. д. Все это у него тотчасъ же перекупали люди понимающіе. Иногда и самъ Лубковъ принимался какъ будто дѣлать дѣло: онъ выбиралъ изъ сборнаго желѣза годныя въ дѣло петли, крючки, ключи и т. д., откла-

дывалъ ихъ въ особое мѣсто и при случаѣ продавалъ не безъ выгоды. Иногда въ общей массѣ желѣзнаго лома, попадались какія нибудь рѣдкостныя вещицы: напримѣръ замокъ съ фокусомъ и таинственнымъ механизмомъ. Ради этихъ диковинокъ заходилъ сюда и Прохоръ Порфирычъ, имѣя въ виду „охотниковъ", которымъ онъ сбывалъ любопытныя вещи за хорошую цѣну, платя Лубкову копѣйками, на что впрочемъ тотъ не претендовалъ.

Лубковъ по обыкновенію молча сидѣлъ на ступенькахъ крыльца, когда съ нимъ поравнялся Порфирычъ.

— А-а! Бачука, Прохоръ Порфирычъ! Въ кои-сто вѣки!..

— Что же это ты въ магазинѣ-то своемъ не сидишь?..

— Ды такъ надо сказать, что прикащики у меня тамъ орудуютъ...

— Торговля?

— Хе-ххе-хе!..

Порфирычъ вошелъ въ лавку и, помѣстившись на диванѣ, принялся дѣлать папироску.

— Подтить маленичка хлѣбушка искупить... произнесъ хозяинъ, кряхтя поднимаясь съ сидѣнья, — и пошолъ въ лавчонку напротивъ: подъ парусиннымъ пологомъ торговалъ хлѣбникъ, на прилавкѣ были навалены булки, калачи, огурцы и стояла толпа бутылокъ съ квасомъ, шипѣвшимъ отъ жары.

— Что это у тебя въ квасу-то, лѣниво спросилъ Лубковъ.

— Дьявола!

— То-то я гляжу...

Все это говорилось совершенно серьезнымъ тономъ, при полномъ и обоюдномъ сознаніи, что все произносимое сущій вздоръ. Началось долгое и упорное чесанье спины; наконецъ Лубковъ вяло коснулся пальцемъ о бѣлый вѣсовой хлѣбъ и сказалъ:

— Ну-кося, — замахнись...

Въ тоже время въ самомъ „магазинѣ" происходила слѣдующая сцена. Рядомъ съ Прохоромъ Порфирычемъ на диванѣ помѣстилась молодая, черномазенькая, смазливая жена Лубкова, въ маленькой шерстяной косынкѣ на плечахъ, изображавшей красныхъ и черныхъ змѣй.

— Ты что же, домовой, — говорила она Порфирычу: — когда же ты мнѣ, платокъ-то принесешь?..

— Да ты и безъ платка выйдешь...

— Ну, это ты вотъ накось, выкуси...

— Ей Богу выдешь! Потому я на тебя твому главному донесу?

— Мужу-то? Лѣшему-то?

— Н-нѣтъ, Енстигнѣю...

— Прошка! ошарашивъ по плечу еще глупѣе улыбавшагося Порфирыча, воскликнула собесѣдница.—Я тебѣ тогда, издохнуть, башку прошибу...

— Хе-ххе-хе!'

Молчаніе...

— Прохаръ! заговорила опять жена Лубкова. — Если это твой поступокъ, то я съ собой со свиньей... Тьфу! Приходи вечеромъ... Чортъ съ тобой.

— Безъ платка?

— Возьмешь съ тебя, съ выжиги... и она еще разъ огрѣла его по плечу.

Порфирычъ улыбался во все лицо...

Въ это время на порогѣ показался Лубковъ,—онъ несъ подъ мышкой большой кусокъ вѣсоваго хлѣба, придерживая другой рукой конецъ полы своего халата, которая была наполнена огурцами. Сваливъ все это на стойку, онъ взялъ одинъ огурецъ, и шмыгая имъ по боку, говорилъ Порфирычу:

— Какая, братецъ ты мой, камедія случилась... Алешку Зуева, чать знаешь?

— Ну?

— Ну... То есть истинно со смѣху окалѣлъ!.. Малый-то замотался, опохмѣлиться нечѣмъ. Что будешь дѣлать?... Сижу я, никакъ вчерась, вотъ такъ-то, на крылечкѣ, — гляжу, что такое: тащитъ человѣкъ на себѣ ровно бы вороты какія. Посмотрю, посмотрю, — ко мнѣ... Але! — Я. — Что ты дуракъ? — Да вотъ, говоритъ: сдѣлай милость, нѣтъ ли на полштофикъ, я тебѣ приволокъ махину въ сто серебромъ... — Что такое? — Надгробіе, говоритъ... Такъ я и покатился! Это онъ съ кладбища сволокъ —

Почитай-кось, говоритъ, что тутъ написано... Началь я разбирать: „Пом-мя-ни“ — „Ну, вотъ я и помяну, говоритъ... Хе-хе-хе!

Смѣхъ...

Лубковъ отхватываетъ полъ-огурца.

— Кам-медія! говоритъ онъ, усаживаясь снова на крылечкѣ.

Настаетъ общее молчаніе.

Жена Лубкова грозитъ кулакомъ около самяго носа Порфирыча. Тотъ сладко улыбается, полузакрывъ глаза...

Въ обиталищѣ Лубкова онъ дѣлалъ дѣла пополамъ съ шуткой; но я не стану изображать, какимъ образомъ тутъ въ руки Порфирыча попадала та или другая нужная ему вещица, открытая въ ящикѣ съ сборнымъ желѣзомъ. Все это дѣлается спрохвала, тянется отъ нечего дѣлать, долго, но вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря талантамъ Порфирыча, не носитъ на себѣ ничего отталкивающаго. Самый процессъ обдиранія Лубкова весьма милъ. Жадности или алчности не было вообще замѣтно въ дѣйствіяхъ Прохоръ Порфирыча: на его долю приходилось слишкомъ много такого, что можно было брать навѣрняка, безъ подвоховъ и подходовъ; да кромѣ того, даже при такомъ тихомъ образѣ дѣйствій, — Порфирычъ могъ еще подготовлять себѣ надобную минуту. Уходя отъ нужнаго человѣка домой, онъ находилъ полную возможность сказать ему: „такъ смотри же, за тобой осталось.... Помни“. Вообще, — достоинство Прохора Порфирыча состояло въ умѣньи смотрѣть на бѣдствующаго ближняго, не съ сожалѣніемъ, — а съ равнодушіемъ и разсчетомъ, да еще въ томъ, что такой взглядъ осуществленъ имъ прежде множества другихъ, — тоже понимавшихъ дѣло, но не знавшихъ еще, какъ сладить съ собственнымъ сердцемъ.

Взявъ отъ понедѣльника все, что можно взять навѣрняка, Прохоръ Порфирычъ, спокойный и довольный, возвращался домой. Поджидая у перевоза лодку, онъ присѣлъ на лавочкѣ, закурилъ папироску и разговорился съ своимъ сосѣдомъ. Это былъ старикъ лѣтъ шестидесяти, съ зеленоватой бородой, по всѣмъ примѣтамъ заводскій мастеръ. На колѣняхъ онъ держалъ большой мѣшокъ съ углемъ.

— Что же, ты бы работы поискалъ, говорилъ внушительно Прохоръ Порфирычъ.

— Другъ! рработы! По моимъ лѣтамъ теперича надо бы по настоящему спокой, а я вонъ...

Старикъ какъ-то пихнулъ мѣшокъ съ углемъ.

— Стал-быть, нѣту, прибавилъ онъ. — Что я знаю? Всю жись колесо вертѣлъ, — это разя куды годится?..

— Плохо. Ну, и воруешь?

— И ворую, братецъ мой... Я въ эфтимъ не запираюсь: которые господа у меня берутъ; тѣ это знаютъ. — „Что, старичекъ, подтибрилъ?“ — „Такъ точно, говорю, васскародіе!..“ Такъ-то! Ничего не подѣлаешь...

Старикъ замолчалъ и потомъ что-то началъ шептать Порфирычу на ухо, но тотъ его тотчасъ же остановилъ.

— Ты, старина, такихъ словъ остерегайся...

Старикъ вздохнулъ. Лодка причалила къ берегу, и въ нее вошла толпа пассажировъ: казючка, больничный солдатъ съ книгой, два мѣщанина, старикъ и Прохоръ Порфирычъ. Лодка тихо отплыла отъ берега.

— Вытасшили его? спрашивалъ одинъ мѣщанинъ другаго.

— Вытасшили... Главная причина, пять денъ сыскать не могли: шарили, шарили... Разъ двадцать невода закидывали, — нѣтъ, да нà поди... А онъ, дьяволъ, что же? Какую онъ штуку удралъ...

— Н-но?

— Знаешь ключи-то у берега? Онъ туда и сковырнись, засѣлъ въ дыру-то, — нѣтъ да и полно... Коммиссія!..

— Вотъ тоже наше дѣло, заговорилъ солдатъ съ книгой: — это коммиссія! Я говорю: васскародіе, нешто голыми людей хоронить показано гдѣ? А онъ мнѣ...

— Это къ чему же рѣчь ваша клонитъ? иронически перебилъ Порфирычъ.

— Чево это?

— Въ как-комъ, говорю, смыслѣ?

Старикъ прищурился и, видимо, не разслышалъ ироническихъ словъ сосѣда.

— Онъ-то, что ль? заговорилъ старикъ.— О-о-о! Онъ смыслитъ! Еще какъ концы-то прячетъ! Ты, говоритъ, Богомъ тоже въ наготѣ рожденъ. Вона ка-акъ!..

Порфирычъ, откинувшись къ краю лодки, съ презрительной улыбкой глядѣлъ на полуглухаго старика, который началъ медленно набивать табакомъ свой золотушный носъ.

— Онъ, братъ, пон-нимаетъ!..

Выйдя на берегъ, Порфирычъ повернулъ налѣво, мимо каменной стѣны архіерейскаго двора; у заднихъ воротъ, выходившихъ на рѣку, стояло нѣсколько консисторскихъ чиновниковъ въ вицмундирахъ; одни торопливо докуривали папиросы, другіе упражнялись въ пусканіи по водѣ камешковъ, рикошетомъ, и дѣлали при этомъ самыя атлетическія позы. У берега бабы и солдаты стирали бѣлье, шлепая вальками. Порфирычъ пошелъ городскимъ садомъ. На лавкѣ, среди всеобщей пустынности, сидѣлъ какой-то отставной чиновникъ, въ одномъ люстриновомъ пальто и въ картузѣ съ выцвѣтшимъ околышемъ. Это современный капитанъ Копѣйкинъ. Принеся на алтарь отечества все, во время севастопольской кампаніи, то есть съѣвъ сотни патріотическихъ обѣдовъ, устроивавшихся для ополченцевъ, онъ до сихъ поръ весьма явственно видитъ посрамленіе враговъ — въ объемѣ никакъ не менѣе дванадесяти языкъ. Рядомъ съ нимъ была женщина подозрительнаго свойства; она какъ-то особенно пристально всматривалась въ лицо проходившаго Порфирыча и дѣлала томные глаза.

— Костинька! сказала она: — мнѣ скучно.

— А мнѣ чортъ тебя обдери! злобно прорычалъ собесѣдникъ.

— Какъ вы спыльчивы!

Скука, жара...

Въ серединѣ сада, въ кругу, обставленномъ разросшимися акаціями, сидитъ нѣсколько темныхъ личностей, что-то оборванное, разбитое; одни дремлютъ, прислонившись спиной къ дереву, другіе лежатъ на лавкѣ, подставивъ солнцу спину.

— Посмотрите-ка, голубчики, что онъ со мной сдѣлалъ, го-

воритъ какой-то мастеровой, и отнимаетъ отъ локтя огромный газетный листъ. Локоть оказывается разбитымъ въ дребезги, льетъ кровь.

— Хло-обысну-лъ! говоритъ кто-то.

— А? И за что же, голубчики вы мои, онъ меня этакъ-то изувѣчилъ, какъ вы полагаете, — а? Прросто удивленіе! Вхо-ожу я къ нему, и только два словечка всего и сказалъ-то: одолжи, говорю, мнѣ, Тимоѳеюшко, на копѣечку хрѣнку! Тольки-сего и сказалъ-то, — а? и замѣсто того, что же?

Всѣ удивились. Прохоръ Порфирычъ понялъ, что у Тимоѳеюшки навѣрно теперь расшибены оба локтя. Онъ закурилъ папироску и вышелъ изъ сада.

Пошли длинныя, безмолвныя улицы, длинные заборы, взрытые тротуары.

Тишина. Скука. Жара.

— Держи! держи! раздавалось вдругъ, и на перекресткѣ мелькала фигура улепетывавшаго отъ жены мастероваго.

„Понедѣльничаютъ еще!..“ думалъ Прохоръ Порфирычъ.

Наставалъ отдыхъ. Подъ защитою двужильныхъ трудовъ Кривоногова, Прохоръ Порфирычъ имѣлъ возможность ничего не дѣлать цѣлую недѣлю, вплоть до субботы. Время отдыха, ухлопываемое обыкновенно въ кабакѣ, непьющему мастеровому рѣшительно некуда дѣть. Предоставленный самому себѣ, онъ чувствуетъ себя очень неловко: что-то глубоко задавленное трудомъ, въ эту пору какъ будто начинаетъ оживать; чего-то хочется, какія-то странныя мысли залетаютъ въ голову и, застывая въ формѣ неразрѣшеннаго вопроса, еще болѣе тяготятъ малаго: дѣло оканчивается или звѣрскимъ сномъ, или кабакомъ. Прохоръ Порфирычъ въ свободное время принимался посѣщать знакомыхъ, и такимъ образомъ избѣгалъ обоихъ несчастій. Зеленый, довольно объемистый сундукъ его могъ указать еще другую пользу знакомствъ: наполнявшіе его разнаго рода, длины и вида брюки и сюртуки были подарки за ту или другую услугу отъ разныхъ знакомыхъ.

Правда, всѣ эти подарки были довольно дряхлы и засалены, но Прохоръ Порфирычъ умѣлъ скрыть эти недастатки не только отъ глазъ постороннихъ, но, можно сказать навѣрное, и отъ самого себя; онъ былъ увѣренъ и могъ увѣрить кого угодно изъ растеряевцевъ, что это вотъ напр. сукно — аглицкое, этотъ жилетъ французскаго покроя, этотъ — испанскаго, а такого сукна съ искрой, которымъ покрыто пальто, теперь нигдѣ отыскать невозможно. Знакомился Прохоръ Порфирычъ только съ благородными, потому что самъ онъ тоже благородный, и еще потому, что благородный человѣкъ не скажетъ: „угости!“, а напротивъ, угоститъ самъ. Правда, Порфирычу всегда приходилось въ гостяхъ присутствовать у притолки, но все-таки и притолка эта тоже была благородная. Выходило вовсе не обидно. Онъ какъ-то глупо былъ доволенъ своими знакомствами и, дѣлая услуги благородному человѣку, иногда терялъ даже нѣкоторую долю разсчетливости, впрочемъ, не надолго.

Послѣ обѣда, когда Кривоноговъ ложился въ сѣнцахъ отдохнуть, Прохоръ Порфирычъ тщательно украсилъ себя чѣмъ могъ, запасся коротенькою сломанною тросточкою,—подарокъ растеряевскаго живописца, — и не спѣша отправился попить чайку и посидѣть къ чиновнику Богоборцеву. Знакомство съ этимъ чиновникомъ завязалось благодаря кахетинской курицѣ, забѣжавшей къ Порфирычу и доставленной въ цѣлости хозяину, т. е. Богоборцеву. Кромѣ непреодолимой страсти къ курамъ, Богоборцевъ имѣлъ множество особенностей, совершенно выдѣлявшихъ его изъ класса „чиновниковъ“. Его не интересовали канцелярскія тайны и чиновническіе разговоры столько, сколько конная, оранье прасоловъ и цыганъ; любимымъ зрѣлищемъ его была — драка, которую онъ всемѣрно старался „подгвазживать“. Любилъ слушать двухорные концерты и съ глубокимъ вниманіемъ смотрѣлъ, какъ гоняютъ „сквозь строй“ и пр. Книгъ онъ не читалъ ни одной, но былъ увѣренъ, что прочелъ всѣ; духовныя книги онъ считалъ неизмѣримо выше свѣтскихъ, но все-таки не читалъ и духовныхъ, ибо, казалось ему, что и духовныя онъ уже прочиталъ. Относительно политики полагалъ, что „всѣ наши“. Въ двѣнадцатомъ

году *мы* всѣхъ взяли. На поляковъ сердился и совѣтовалъ ихъ уничтожить. Насчетъ внутренняго устройства собственной персоны онъ не имѣлъ никакого понятія, зналъ, что есть сердце, которое „стоитъ посередъ души“, и кишки, но въ какомъ порядкѣ размѣщены эти предметы: душа, кишки и сердце, — объяснить не могъ. Среди смѣняющихся поколѣній или такъ называемой „рѣки временъ“, господинъ Богоборцевъ представлялъ собою скалу, о которую въ дребезги разбиваются всякія „направленія“, „плоды реформъ“, „отрадныя явленія“ и явленія, надъ которыми „можно призадуматься“ и т. д., и т. д. Все это бушующее около него даже въ провинціи, — не имѣло силъ хоть на волосокъ оттянуть его отъ любимаго окошка, гдѣ по вечерамъ Богоборцевъ неизмѣнно присутствовалъ и при этомъ, обыкновенно, пѣлъ, весьма нѣжнымъ голосомъ:

— Вво-об-блацѣ ле-эхцѣ-э...

Отъ жары въ квартирѣ Богоборцева были заперты ставни. Раскаленный, отвратительный воздухъ наполнялъ сѣни. Прохоръ Порфирычъ вошелъ въ горницу. Хозяинъ сидѣлъ въ полуосвѣщенной комнатѣ около стола и какъ-то вяло, неохотно ѣлъ разваренную говядину...

— А! Пріятель! радостно сказалъ онъ.

— Здрассте, Егоръ Матвѣичъ! Кушаете?

— Нѣтъ, это я такъ, отъ скуки...

Хозяинъ отодвинулъ блюдо и почувствовалъ, что сытъ по горло...

— Ффу, батюшки...

— Жарко-съ! говорилъ Порфирычъ, отирая лицо платкомъ... Хозяинъ замоталъ головой.

— Какъ есть сопрѣлъ.

Начался тугой, вялый разговоръ, поминутно прекращавшійся за отсутствіемъ всякихъ новостей. Обоюдная натуга хозяина и гостя была безпримѣрна, но дѣло не ладилось.

Ударили къ вечернѣ.

— Э-э-э! радостно произнесъ хозяинъ.—Авдоть! Авдотья-а!..

Отвѣта не было.

*

-- Что она, никакъ оглохла.

Хозяинъ вышелъ въ другую комнату, потомъ въ сѣни... Порфирычъ сѣлъ посвободнѣе, оглянулъ комнату: на стѣнахъ висѣли рамки съ разными рѣдкостями: птица, сдѣланная изъ настоящихъ перьевъ, наклеенныхъ на бумагу; „отче нашъ“, написанный въ видѣ креста, съ копьями по бокамъ; „вѣрую“, въ видѣ пылающаго сердца и т. д. Только такого рода рѣдкостныя вещи интересовали Богоборцева въ области искусствъ. Во всей комнатѣ была одна картина, изображавшая людей, но и та попала сюда послѣ смерти хозяйскаго брата. Не понимая ея содержанія, Богоборцевъ былъ глубоко увѣренъ, что теперь такихъ картинъ уже нѣтъ нигдѣ. Какъ любителю рѣдкостей, Прохоръ Порфирычъ часто всучивалъ Богоборцеву разныя таинственные замки и прочія вещи, добытыя у Лубкова. Хозяинъ возвратился съ прежними упорными потугами завязать разговоръ. Прохоръ Порфирычъ, ужаснувшись предстоявшей каторги, прямо ударилъ въ любимую тему хозяина:

— Какъ куры, Егоръ Матвѣичъ? спросилъ онъ.

— Что, братъ! Горе мое съ этими курами! Главное дѣло, негдѣ держать!

— Это неловко-съ...

— Прросто бѣда, просто ббѣда!..

Хозяинъ вынималъ изъ шкафа чайную посуду...

— Курицѣ надобенъ просторъ, говорилъ онъ: — а я ее въ банѣ морю... Коли хочешь, пройдемся...

Гость и хозяинъ тронулись въ путь. Егоръ Матвѣичъ прошелъ дворъ, нагнувшись подъ веревкой, протянутой для бѣлья, вошелъ въ садъ и направился къ банѣ.

— Негдѣ имъ разойдтись-то! оборачиваясь говорилъ онъ:— вотъ горе!..

Въ темной банѣ бродило по полу съ пискомъ и крикомъ нѣсколько породистыхъ куръ и множество цыплятъ; все это населеніе загомозилось при видѣ хозяина. Цыплята начали пищать почти непереставая. Одинъ цыпленокъ забрался на бочку со щелокомъ и поминутно взмахивалъ крыльями, опасаясь опрокинуться въ пропасть.

— Эко у васъ, Егоръ Матвѣичъ, кочетъ-то баггатый!

— Горлопанъ-то? о-о-о! онъ у меня — бѣда... Ка-агда глаза-то продеретъ, почнетъ голосить, — смерть!.. Кочетъ бѣдовый!.. Вотъ кохетинки меня сконфузили... Цыпляки какъ есть всѣ зачичкались...

Хозяинъ подхватилъ одного цѣпленка съ полу и вынесъ къ свѣту.

— Во... Поглядико-сь! Опоёный...

Цыпленокъ еле раскрывалъ глаза и чуть чуть издавалъ какіе-то плаксивые звуки.

— Съ чего же это они?

— Скука! со скуки... Тоска!..

— Меланхолія?..

— Д-дэ! въ заперти... выпустить боюсь, — народъ, самъ знаешь?..

— Это что!..

— Вотъ то-то... Ну, и груститъ!..

Хозяинъ пустилъ цыпленка, отворилъ передбанникъ и показалъ индюшку.

— Однодворка, прибавилъ онъ.

— Вотъ тоже охота у Филипъ Львовича! проговорилъ Порфирычъ, и былъ изумленъ неожиданной перемѣною, произшедшей въ хозяинѣ. На лицѣ его выразилось презрѣніе.

— Много вы съ твоимъ Филипъ Львовичемъ въ охотѣ смыслите?.. О-о-хота! Рожна вы постигаете въ охотѣ-то!..

— Егоръ Матвѣичъ! испуганно проговорилъ Порфирычъ. — Я это истинно, передъ Богомъ упомянулъ, т. е. такъ...

— Вамъ еще до настоящей охоты-то сто лѣтъ рости осталось! У Филипъ Львовича охота!..

— Егоръ Матвѣичъ! Богомъ вамъ божусь, я даже самъ обезживотѣлъ со смѣху, когда этотъ Филипъ Львовичъ сказалъ: — у меня, говоритъ, охота... Ей-ей... Такъ и покатился... Собственно только для этого и упомянулъ...

— У него, охота!

— Ей Богу... Просто обезживотѣлъ... У меня, говоритъ, охота, такъ я и покатился!.. Ей-ей...

Прохоръ Порфирычъ оробѣлъ.

— Знаетъ ли онъ, продолжалъ хозяинъ: — что такое охота? Настоящая охота, гляди сюда...

Хозяинъ для модели взялъ въ руки цыпленка и заговорилъ съ разстановкой, отдѣляя каждое слово:

— Первое дѣло порода: этого вѣдь онъ ни шиша не постигаетъ. Потому, — есть курица голландская, и есть курица шампанская...

— Это вѣррно!

— Погоди! Это рразъ! Ежели, — храни Богъ грѣха, — повалятъ ублюдки, это для охотника что? Порфирычъ молча и испуганно смотрѣлъ на хозяина. — Видишь, вонъ щепка валяется? Вотъ что это для охотника...

— Трудно! сказалъ Порфирычъ, не найдя другаго слова.

— Второе дѣло! продолжалъ хозяинъ: — шампанская курица бурдастая, изъ сибѣ кволая... бурдѣ-во! Понялъ?

Порфирычъ кашлянулъ и переступилъ съ ноги на ногу.

— Филипъ Львовичъ! Дьявола паленаго смыслитъ онъ! Опять, индюшка: ежели въ случаѣ ее по башкѣ: тюкъ! — она летитъ торчмя головой! Но аглицкій пѣтухъ имѣетъ свой разсчетъ: онъ сперва клюетъ землю, а потомъ к-э-экъ!.. Ох-хота!

— Егоръ Матвѣичъ! Передъ Богомъ я это упомянулъ только ради смѣху, сейчасъ умереть! Какая же можетъ быть у него охота?

— Болванъ онъ! Вотъ ему цѣна.

Хозяинъ бросилъ цыпленка и вышелъ.

— Я такъ и покатился! говорилъ Порфирычъ, слѣдуя за нимъ. Богоборцевъ не отвѣчалъ, хотя и успокоился.

На дворѣ здоровая баба выносила изъ кухни лохань, обнаруживъ свои толстыя ноги. Богоборцевъ остановился.

— Мареа! сказалъ онъ серьезно. — Что же это такое и сегодня жара?

— Коли не видишь?

— Чтобы у меня этихъ безпорядковъ не было!

Баба и Порфирычъ засмѣялись.

— Я такъ и покатился, говорилъ Порфирычъ входя, въ комнату. На столѣ кипѣлъ самоваръ.

Началось долгое и дружное чаепитіе.

Черезъ нѣсколько времени Порфирычъ остановился у воротъ дома, принадлежавшаго отставному статскому генералу Калачову. Прежде нежели войдти во дворъ, онъ тщательно осмотрѣлъ свой костюмъ, спряталъ подъ жилетку концы галстука, расторыренные въ разныя стороны для красоты, и нѣсколько разъ откашлянулся. Все это дѣлалось на томъ основаніи, что генералъ Калачовъ считался извергомъ и звѣремъ во всей растеряевой улицѣ; чиновники пробирались мимо его оконъ съ какою-то поспѣшностію, ибо имъ казалось, что генералъ „уже вылупилъ глазищи“ и хочетъ изругать не на животъ, а на смерть. Словомъ, всѣ, отъ чиновника и семинариста до мастероваго, или боялись или презирали его, но ругали положительно всѣ. Растеряевой улицѣ было извѣстно, что онъ скоро въ гробъ вгонитъ жену, измучилъ дѣтей и пр. пр. Порфирычъ, спасенный генераломъ отъ рекруства, считалъ обязанностію задаромъ чинить ему садовыя ножницы, разные столярные инструменты, и былъ тоже убѣжденъ въ его звѣрствѣ. Приведя въ порядокъ свой костюмъ, онъ осторожно входилъ въ калитку; представленіе о генералѣ разныхъ ужасовъ почему-то подкрѣплялось этой необыкновенной чистотой двора, всегда выметеннаго, этими надписями, начертанными мѣломъ на сырыхъ углахъ и гласившими: „не смѣть“ и пр.

Порфирычъ встрѣтилъ генерала на дворѣ: онъ торопливо шелъ изъ саду съ большими ножницами.

— А! сказалъ генералъ. — Милости просимъ! и скрылся въ домъ.

Порфирычъ зашелъ за чѣмъ въ кухню и потомъ робко пробрался въ комнату.

Въ маленькой комнаткѣ, съ старинною, но чистою и блестѣвшею мебелью, сидѣло семейство генерала: около яркаго кипѣвшаго самовара сидѣла дочь, съ блѣднымъ болѣзненнымъ ли-

цомъ и равнодушнымъ взглядомъ; рядомъ съ ней братъ, молодой человѣкъ, съ изможеннымъ лицомъ, боязливымъ взгзядомъ и сгорбленой спиной; онъ какъ будто прятался за самоваръ и нагибалъ голову къ самой чашкѣ. У окна, завернувшись въ заячьщю шубку, грѣлась на солнцѣ жена генерала, протянувъ ноги на стулъ. Лицо ея дѣйствительно было полно грусти, болѣзни и скорби. Она постоянно вздыхала и говорила: „о-охъ, Господи батюшка!“

При появленіи Порфирыча всѣ сказали ему „здрастуй“.

— Садись, Проша! сказалъ генералъ, помѣщавшійся по другую сторону самовара.

Порфирычъ кашлянулъ и сѣлъ. Настала мертвая тишина. Стучали часы, бойко кипѣлъ самоваръ. Отъ самовара и отъ солнца, ударявшаго прямо въ окна, въ комнатѣ дѣлалось душно. Генералъ большой костлявой рукой вытиралъ огромный запотѣвшій лобъ съ торчавшими по бокамъ сѣдыми косицами.

Гробовое молчаніе. Сынъ все больше и больше прячется за самоваръ. Ему понадобилась ложка.

— Ма... Маш..., шепчетъ онъ чуть слышно.

— Мм? спрашиваетъ дѣвушка.

Слѣдуютъ знаки руками.

— Ло... Лож...

— Что тамъ? громко спрашиваетъ генералъ. Все замираетъ. Сынъ начинаетъ опрометью хлѣбать чай.

— Нѣтъ, это Сеня... тихо говоритъ дочь.

Сеня въ ужасѣ вытаращиваетъ на сестру глаза.

— Что ему? допытывается генералъ. — Что тебѣ?

— Нѣтъ-съ... это...

— Ты что-то говорилъ?

— Нѣтъ... я...

— А?

— Ничего...

Сеня высовываетъ сестрѣ языкъ.

— Что жь ты тамъ шепчешь?

— Скат-ти-на, пригнувшись къ самому столу, шепчетъ Сеня, посылая это привѣтствіе сестрѣ.

Снова мертвое молчаніе.

Порфирычъ какъ-то и самъ привыкъ бояться этого громкаго и твердаго голоса генерала, если бы даже онъ говорилъ самыя обыкновенныя вещи. Въ мертвой тишинѣ Порфирычъ чуялъ ежеминутно бурю. Такую же бурю чуяли всѣ.

Генералъ началъ тереть лобъ, словно собираясь что-то сказать, но нерѣшительность и тревога, вовсе несоотвѣствовавшія его энергическому лицу, останавливали его.

— Пашенька! наконецъ мягко произнесъ онъ. Жена вздрогнула; дѣти тоже.

— Тамъ въ саду у насъ... вербочка. Она такъ разрослась, и я думаю... что ее необходимо... с-с-срубить...

Жена отчаянно махнула рукой.

— Я знаю, ты ее любишь... но...

— Руби! нервно и почти визгливо перервала жена.

— Ты, ради Бога, не сердись понапрасну... Мнѣ самому ее смертельно жаль... Но я хотѣлъ тебѣ сказать...

— Что мнѣ говорить? напрягая всю силу горла, заговорила взволнованная жена. — Зарубилъ одно, захотѣлъ!

— Ради Бога! Не захотѣлъ! Пойми же ты хоть разъ въ жизни, что я ничего не хочу!... Необходимо срубить... Она задушила у насъ двѣ прекрасныя вишни...

Грозное молчаніе. Жена вся дрожитъ отъ новой прихоти мужа, потому что вербочка ея любимое деревцо.

Прохоръ Порфирычъ подался къ двери.

Черезъ нѣсколько времени генералъ началъ было опять...

— И такъ, мой другъ, я... принужденъ...

— Всѣхъ руби! завизжала и закашлялась жена. — Всѣхъ рѣжь!...

— Фу-т-ты!

Блюдечко съ горячимъ чаемъ полетѣло на столъ; генералъ быстро вышелъ, хлопнувъ дверью...

Порфирычъ дрожалъ... Жена генерала рыдала, — дѣти были парализованы звѣрствомъ родителя — и сидѣли съ вытаращенными глазами... Тяжесть свинца висѣла надо всѣми...

„Извергъ!“ думалъ Порфирычъ. Дѣти, воздухъ комнатъ, все, все, думало тоже.

А извергъ между тѣмъ заперся въ своемъ мастеровомъ кабинетѣ и, утирая большимъ костлявымъ кулакомъ слезы, думалъ: „Господи!... за что же! за что же это?..“ — Отчего? спрашивалъ наконецъ онъ вслухъ... И все-таки онъ не зналъ этого „отчего“. Надо всѣмъ домомъ, надо всей семьей генерала, царило какое-то „недоразумѣніе“, вслѣдствіе котораго всякое искреннее и, главное, дѣйствительно благое намѣреніе его, будучи приведено въ исполненіе, приносило существеннѣйшій вредъ. Въ тѣ роковыя минуты, когда онъ допытывался у Бога, отчего онъ безвинно сталъ врагомъ своей семьи, — онъ припоминалъ множество подобныхъ нынѣшнихъ сценъ, — и ужасался... Горе его въ томъ, что, зная „свою правду“, онъ не зналъ правды растеряевской... Когда онъ передъ вѣнцомъ говорилъ будущей женѣ: „ты должна быть откровенна и не утаивать отъ меня ничего, иначе я прогоню тебя или уйду самъ“, — онъ не зналъ что на такую, въ устахъ жениха необычную, фразу послѣдуетъ слѣдующій комментарій, переданный задушевной пріятельницѣ: „признавайся, говоритъ; зарычалъ на меня ровно звѣрь... прогоню, говоритъ...“ Онъ не зналъ, что слова его, всегда требовавшія смысла отъ растеряевской безсмыслицы,— еще болѣе безсмыслили ее. Страхъ, который почувствовала жена генерала передъ громкимъ голосомъ и густыми бровями мужа, — она какъ-то безтолково передала дѣтямъ. Если напримѣръ, случалось, сидѣла она съ ребенкомъ и вертѣла передъ нимъ блюдечкомъ, то при звукахъ мужниныхъ шаговъ считала какою-то обязанностію украдкой бросать блюдцо и вертѣть ложкой. — Ты что-то бросила? говорилъ мужъ. — Господи! вовсе я ничего не бросала... — Я видѣлъ, что ты бросила что-то? Зачѣмъ же ты утаиваешь? Отчего ты не хочешь сказать мнѣ? — Господи, да вовсе я ничего не бросала! Я самъ видѣлъ. Мужъ, разсерженный ложью, сердито хлопалъ дверью. — „Господи разсказывала жена пріятельницѣ — пришолъ, наоралъ, накричалъ, изругалъ... какъ какую самую послѣднюю... и за что? Ей-Богу, — только что вотъ этакъ-то блюдцемъ съ Сеней играла... Господи! пошли ты

мнѣ смерть". Дѣти, устрашенныя ужасомъ сценъ, происходившихъ при появленіи родителя, привыкли видѣть въ немъ лютаго звѣря и врага матери. Отъ „папеньки" старались спрятаться, потихоньку думать, потихоньку дѣлать и пр.

Такъ и пошло дѣло. Страхъ въѣдался въ дѣтей, росъ, росъ... безтолковщина растеряевскихъ нравовъ, намѣревавшихся шагать по прадѣдовскому пути не думавши, запуталась въ постоянныхъ понуканіяхъ жить сколько нибудь разсуждая... Растеряева улица, для того чтобы существовать хоть такъ, какъ существуетъ она теперь, требовала полной неподвижности во всемъ. Поставленная годами въ трудныя и гонькія обстоятельства, сама она позабыла счастье и давала его первому проходимцу. Честному, разумному счастью здѣсь мѣста не было.

Не имѣя силъ оставаться въ чайной, Порфирычъ потихоньку спустился внизъ, гдѣ были устроены двѣ комнатки для дѣтей... У маленькаго продоговатаго окна стояла дочь генерала, съ лицомъ, убитымъ какою-то тупою ненавистью... Яркое вечернее небо такъ привѣтно сіяло передъ ней, и чѣмъ больше прелести прибавлялось въ немъ, чѣмъ больше звало оно наслаждаться и радоваться, — тѣмъ тупѣе, злѣе дѣлалось лицо дѣвушки, потому что безтолково возмущонная душа ея, упорно отталкивала эту, посылаемую небомъ, ласку.

— Семенъ! нетерпѣливо и раздраженно заговорила она: — отдай мою книгу... я читаю... Отдай.

Семенъ лежа держалъ въ рукахъ книгу, бѣгалъ глазами по строкамъ и не видѣлъ ничего, подавленный тою же, висѣвшею надо всѣмъ домомъ, тупою тоской...

— Отдай мою книгу-у! Семенъ!...

Книга съ шумомъ летитъ въ уголъ.

— Свинья!

— Скатина!...

Прохоръ Порфирычъ потихоньку поднялся съ дивана и ушелъ. На дворѣ онъ увидѣлъ генерала, который вытащилъ изъ сада и и бросилъ подъ сарай срубленную вербу...

Очутившись за воротами, Порфирычъ вздохнулъ свободнѣе, снова выпустилъ и растопырилъ концы галстуха и бодро тронулся въ путь, намѣреваясь сдѣлать еще одинъ визитъ, столько же веселый, сколько и необходимый въ видахъ разсчета... Стоялъ душный лѣтній вечеръ; скромные обыватели переулковъ, по которымъ шелъ онъ, не зажигали огней и всѣ высыпали за ворота или высунулись въ окна, полураздѣтые отъ духоты. Въ открытое окно изъ неосвѣщенной комнаты доносились мелодрамматическіе звуки гитары и кто-то пѣлъ:

Н-не ад-дной ли мы пррироды
Ссъ ттабой Фе-ня раждены?

Становилось темнѣе; легонькая свѣжесть чувствовалась въ воздухѣ.

Прохоръ Порфирычъ стоялъ подъ окномъ маленькаго домика, выходившаго окнами на плац-парадъ, гдѣ обыкновенно происходятъ разнаго рода военныя упражненія гарнизонныхъ солдатъ; окно, съ большимъ косякомъ кумачу въ видѣ драпри, было открыто. Передъ нимъ сидѣла дѣвица съ папироской и съ необыкновенно аляповатой грудью, подпиравшей въ подбородокъ. Распространяя на нѣсколько саженей въ окружности удушливый запахъ душистаго мыла и розовой помады, — дѣвица едва касалась губами папироски и пискливо говорила Порфирычу:

— Вы бы его привели сюда...

— Пом-милуйте, Таиса Семенна!... Тогда для нихъ не будетъ этого, какъ сказать, — рвенія... Капитонъ Иванычъ не такой человѣкъ. Имъ много будетъ пріятнѣе, когда ежели въ случаѣ вы безъ пороку.

Дѣвица улыбнулась.

— Именно правда! подтвердила изнутри комнатъ тетенька. — Для мужчины первое дѣло, — не подавай виду! Особливо изъ купеческаго сословія, онъ готовъ кажется себя заложить.

— Да какже-съ! дѣло извѣстное! Онъ, въ ту пору, тоись въ случаѣ интересъ... Онъ тутъ голову прошибетъ, а ужь доберется. По этому случаю, Таиса Семенна, вы съ Капитонъ Ива-

нычемъ обойдитесь строго!... „Ет-та что такое? Какъ вы осмѣливаетесь?“ а потомъ маленичко сдайтесь: „а конечно, молъ, я точно что безъ памяти отъ вашей красоты...“ Ну и проччее.

— Именно правда, прибавила тетка. — Дай тебя Господи за это всякаго счастія!... Какъ ты намъ отъ души, — такъ и мы тебѣ,

— Я истинно только изъ одного, что вижу я вашу доброту...

— И Господь тебя не оставитъ... Это все зачтется.

— Я такъ думаю.

Тетенька удалилась въ другую комнату; Прохоръ Порфирычъ облокотился на подоконникъ и покуривалъ папироску, пуская дымъ въ сторону, для чего всякій разъ поворачивая голову назадъ. Разговоръ принялъ болѣе умозрительное направленіе: толковали о томъ, — кто вѣроломнѣе. Дѣвица доказывала противъ „мускова полу“, Порфирычъ выводилъ на чистоту женскую слабость.

Въ другой комнатѣ послышалось харканье.

— Тетенька! сказала дѣвица- — Хоть бы вы чуточку подождали... Ну, наѣдетъ кто?...

— Я каплю одну. Да опять и такъ думаю, пожалуй что никто и не наѣдетъ, — время постное.

Заскрипѣла кровать; тетенька завалилась.

— О-о Господи-батюшка! шептала она, изрѣдка икая... Сохрани и помилуй насъ.

Въ это время къ дому съ грохотомъ подкатила пролетка, — и съ нее свалилось на землю три человѣка.

Послышалось непонятное мычанье.

— Тетенька! гости! вскрикнула дѣвица, подлетая къ зеркалу и оправляя волоса. — Запирайте ставни!

IV.

СУББОТА.

Въ субботу, мрачная физіономія Растеряевой улицы нѣсколько оживаетъ: въ домахъ идетъ суетня съ мытьемъ половъ и обметаніемъ потолковъ, молотки на фабрикѣ валяютъ съ особенной торопливостію, на улицѣ замѣтно болѣе движенія. Всѣ полагаютъ, что завтра, въ воскресенье, почему-то будетъ легче на душѣ, хотя въ тоже время всѣ вполнѣ достовѣрно знаютъ, что и завтра будетъ такая же смертельная тоска и скука, только слегка подрумяненная густымъ колокольнымъ звономъ, огромными пирогами, густо намасленными головами и шеями, туго-натуго стянутыми гастухами. У генерала Калачова топятъ баню въ складчину, — кто дрова, кто воду, и т. д.; вслѣдствіе этого черезъ улицу бѣгаютъ дѣвки, кучера, солдаты съ водоносами, ушатами воды и проч.; въ банѣ по причинѣ стеченія множества субъектовъ обоего пола идутъ веселые разговоры. Кучера, желая заслужить любовь горничныхъ, выказываютъ безпримѣрные подвиги мужества: одинъ берется поднять зубами ушатъ съ водой, другой еще что нибудь и т. д. Между вкладчиками, людьми благородными, вслѣдствіе разныхъ „амбицій“ и „анбицій“, происходятъ стычки за первенство обладанія баней прямо послѣ выхода генерала. Случаются поэтому драки.

Часовъ съ шести вечера оживленіе еще примѣтнѣй. Вмѣстѣ

съ трезвономъ колоколовъ, поднимается стукъ дрожекъ и пролетокъ, развозящихъ по церквамъ православныхъ христіанъ. Торопливо возвращаются съ фабрикъ наждашницы, закутывая почернѣвшія отъ наждака лицо и руки головнымъ платкомъ; самоварщики цѣлыми фалангами тащатъ ярко вычещенные самовары въ склады ;у каждаго въ рукахъ по двѣ штуки; изрѣдка они останавливаются, становятъ ногу на тумбу и поправляются съ своей ношей, подталкивая ее колѣномъ. На фабрикахъ идутъ разчеты.

Въ огромной комнатѣ съ низкими сводами, столпился рабочій народъ, съ книжками въ рукахъ и съ крайне тревожными лицами: ждутъ разсчета. И странное дѣло, — какъ нетерпѣливы они въ то время, когда хозяинъ какъ-то безтолково оттягиваетъ минуту разсчета, разговаривая съ прикащикомъ о совершенно посторонникъ предметахъ — столько же народъ этотъ дѣлается робкимъ, трусливымъ, даже начинаетъ боятся, когда наконецъ настаетъ самая минута разчета и хозяинъ принимается громыхать въ мѣшкѣ мѣдными деньгами.Мастеровой человѣкъ, до сихъ поръ не привыкъ вѣрить въ силу своихъ трудовъ и въ вознагражденіи видитъ не должное, но чуть ли не милость. Начинается шептанье; передніе ряды ежутся къ задней стѣнѣ ;иные закрывая глаза и заслонившись разчетной книжкой, какимъ-то испуганнымъ шопотомъ репетируютъ монологъ убѣдительнѣйшей просьбы хозяину: „Самойлъ Иванычъ!... ради Господа Бога! Сечасъ умереть,—на той недѣли какъ угодно ломайте... Батюшка!..“ Другіе, разсматривая книжки одинъ у одного, фыркаютъ и изчезаютъ въ толпѣ.

— Пожалуйте лащетъ! произноситъ мальченко лѣтъ 10 въ синей рубахѣ, босикомъ, съ растопыренными волосами; хозяинъ удивленно взглядываетъ на него черезъ очки и обращается къ прикащику:

— Это что же такое? Откуда онъ?

— Да я, признаться Самулъ Иванычъ, говоритъ прикащикъ, тронувъ шею и складывая руки назади: — признаться сказать, въ эфтимъ не могу васъ удостовѣрить... т. е. откэда онъ взялся...

— Давно ли онъ?

— Да болѣ пожалуй недѣли... Эт-та, ежели изволите спомнить, на прашедшей недѣли хлѣбъ у насъ ссыпали... Ну, я обнаковенно въ сараѣ, — хлопоты... Вижу, стоитъ посередъ двора вотъ этотъ самый кавалеръ... Я, признаться, крикнулъ ему: будетъ, молъ, тебѣ башку-то чесать, иди помогай... Н-ну онъ и сталъ... Дали ему потомъ въ кухнѣ поѣсть... Такъ вотъ и того... кое-что помочи даетъ-съ...

— Пожалуйте лащетъ, настоятельно повторилъ мальчикъ. Въ толпѣ глухой смѣхъ.

— Мать-то есть у тебя? спросилъ хозяинъ.

— Нѣту, я теткинъ.

— Отъ тетки родился?

— Отъ тетки.

Раздался дружный смѣхъ; даже хозяинъ закряхтѣлъ какъ-то весело. Мальчонка въ первый разъ задумался надъ своимъ происхожденіемъ.

— Какъ же теперича его считать? спросилъ хозяинъ у прикащика.

— Да такъ я полагаю, считать, что собственно — приблудный-съ... на этомъ счету его и остановить.

— Гм!

Хозяинъ подумалъ.

— Все, я чай, Петру Ивановичу надо сказаться?

— Н-н-ѣтъ-съ!... Я такъ полагаю, — Господь съ нимъ!... Пущай его. Все что нибудь въ хозяйствѣ поможетъ.. Богъ дастъ, выростетъ, получитъ свое понятіе, — тады ужь его дѣло-съ..

Хозяинъ далъ мальчугану гривенникъ. Тотъ бросился ему въ ноги, брякнувшись объ полъ всѣмъ, чѣмъ только можно брякнуться: лбомъ, локтями, колѣнками...

Толпы рабочихъ, вываливаясь изъ воротъ фабрики, раздѣлялись на партіи; одни шли прямо въ кабакъ, другіе сначала въ баню и потомъ въ кабакъ; третьи — сначала въ церковь, потомъ въ баню и наконецъ въ кабакъ. Бани полны народомъ; вся рѣка покрыта тѣлами гражданъ; въ купальняхъ идетъ гамъ, крикъ, хохотъ; народу тьма, отъ большинства отдаетъ водкой; все это

наровитъ забраться подъ самый переметъ купальни и оттуда чебурыхнуть въ воду. Берегъ рѣки около бань запруженъ купающимися. Черныя фигуры мастеровыхъ торопливо срываютъ съ плечь чуйки, рубашки; слышенъ говоръ, смѣхъ.

— Ну ко, Господи благослови! говоритъ мастеровой и съ разбѣгу летитъ въ воду, — откинувъ напряженіемъ ноги большой кусокъ земли отъ берега; вытянутыми впередъ руками, онъ врѣзывается въ воду почти вертикально — и изчезаетъ, взболтнувъ ногами...

— Нырокъ! говоритъ кто-то...

Мастеровой выныряетъ среди рѣки и принимается отмѣривать саженями, взмахивая головой въ сторону, чтобы откинуть мокрые, закрывшіе лицо, волоса...

Дальше за банями, гдѣ берегъ уложенъ высокими стѣнами навоза, въ мутныхъ лужахъ, полощатся мѣщанскія дѣвицы, опасаясь на аршинъ отдѣлиться отъ берега, такъ какъ платье ихъ можетъ быть ежеминутно похищено разнаго рода юношами. Какая-то смѣлая баба, съ головой обвязанной платкомъ, рѣшается выплыть изъ лужи на рѣку...

— Ха-а, ха-а, ха-а! грозно вскрикиваетъ мастеровой, и пускается за ней въ догонку, — необыкновенно сильно и искусно работая руками. Баба въ испугѣ поворачиваетъ назадъ, взбивая ногами цѣлые фонтаны.

На большой улицѣ, съ шумомъ желѣзныхъ засововъ запираются лавки; мастеровые съ работами рыщутъ отъ одной лавки къ другой. Новыя времена, отозвавшіяся на торговлѣ, не поддаются на единственное доказательства мастероваго: „Христа ради!“

Въ ярко освѣщенной лавкѣ стальныхъ издѣлій, сидитъ на диванѣ молодой хозяйскій сынъ въ пестрыхъ брюкахъ; у прилавка, съ ящиками разныхъ стальныхъ мелочей, стоитъ прикащикъ. Тутъ же, въ качествѣ посѣтителя, присутствуетъ лакей, держа подъ мышкой цѣлый узелъ разнаго оружія.

— Такъ ужь я такъ барину и передамъ-съ, говоритъ онъ.

— Такъ и скажи, говоритъ хозяинъ.

— Конечно, мнѣ какое дѣло, — мнѣ приказано: скажи, говоритъ, ему (вамъ-то), что у меня этого оружія въ избыткѣ... Я такъ вамъ и передаю... хоть достовѣрно понимаю, что у нихъ этого избытку не токма въ оружіи...

Лакей шепчетъ.

— То-то и есть, — говоритъ хозяинъ.

— Вѣрите ли? многозначительно произноситъ лакей, скрестивъ руки.

— Ихнее дѣло, прошло-о...

— Это какъ есть... Я теперь вижу, къ чему идетъ-съ. Теперь попретъ купечество... вотъ-съ!... Оно теперича еще не очувствовалось какъ слѣдуетъ... Дай ему обглядѣться — ббѣда. Оно теперь робѣетъ... Вотъ я вамъ скажу, — одинъ купецъ купилъ у нашего барина коляску... а ѣздить-то — боится. Хочетъ-хочетъ сѣсть, занесетъ ногу то, — н-нѣтъ, говоритъ. И велитъ кучеру ѣхать впередъ. „Я, говоритъ, трусцой въ сторонкѣ пройдусь...“ Еще робѣютъ-съ!

— Капитонъ Иванычъ! громко произнесъ мастеровой, появляясь на порогѣ лавки. — Отецъ! Что жь мнѣ, околѣвать что ли на улицѣ-то!

— Черти! Что у меня, быкъ чтолѣ, съ позволенія сказать, отелился? Изъ-за чего я долженъ раззоряться. Ну, купи ты у меня? Видѣлъ товару-то? Ну, купи!

— Куда жь это дѣваться мнѣ теперь?

Хозяинъ молчалъ.

— Толкнись къ Шишкину... Аль ужь, въ самомъ дѣлѣ, у меня монетный заводъ... Только и прутъ, что ко мнѣ... Ступай!

— Ахъ ты Боже мой!...

Мастеровой уходитъ, отчаянно тряхнувъ головой...

Въ отворенныя двери лавки видно еще нѣсколько мрачныхъ фигуръ, медленно лавирующихъ мимо... Они сходятся на углу, слышны слова: „какъ тутъ быть, а?“ „Душа вонъ, — хлѣба не на что купить.“ „Ну, время!..“ Скоро между ними показывается чинная фигура Прохора Порфирыча. Револьверъ его завернутъ въ

платокъ и засунутъ въ рукавъ, а рукавъ, въ свою очередь, засунутъ въ карманъ; — такъ что все-таки Прохоръ Порфирычъ ничуть не теряетъ благороднаго вида. Неумѣлые въ современныхъ разговорахъ мастеровые обступаютъ его со всѣхъ сторонъ; слышны просьбы, какія-то клятвы, „за что ни отдать“ и т. д.

— Я, ребята, обѣщанія вамъ не даю, говоритъ чрезъ нѣсколько времени Порфирычъ, — а попытать—попытаю.

— Отецъ!

— Погодите, друзья; сами вы разочтите, какая въ этомъ дѣлѣ нужна словесность... разъ! Окромѣ того, долженъ я подъ него, ирода, подводить махину не маленькую... Два! Все это хлопоты! Дѣло это пріятели, — не легкое... По этому случаю я ужь съ васъ, ангелы, — по полтинничку получу...

— Гряби! Хучь-бы мало - мало... Палтинникъ! Гряби смѣло.

— То то... Ну ко-ся, — вали!..

Пять пистолѣтовъ падаютъ въ разставленный платокъ...

— Ну, говоритъ Порфирычъ: — творите молитву! Какую покрѣпче...

И чинно входитъ въ лавку...

— Мае пачтеніе! провозглашаетъ хозяинъ.

— Все-ли въ добромъ здоровьи! произноситъ Порфирычъ, почтительно снимая картузъ.

Хозяинъ прищуриваетъ одинъ глазъ. Порфирычъ утвердительно киваетъ головой.

— Такъ ужь вы такъ вашему барину и доложите, что молъ у насъ у самихъ товару некуда дѣвать... Опять-же, это ихнее оружіе не по насъ, — намъ въ теперешнее время нужна вещь грошовая, ярморочная...

— Это само-собой...

— Вотъ что-съ! Намъ теперича нужна вещь, — лишь-бы коекакъ сляпана... Убьешь, — хорошо; не убьешь, — еще того лучше; зачѣмъ бить?

— Именно, правда ваша! подтвердилъ лакей. Я такъ вамъ докладываю: мое дѣло — исполняй: приказано сказать — отъ избытка, — я исполняю, но достовѣрно знаю, что не токма...

*

Слѣдуетъ шептаніе: хозяинъ поддакиваетъ, издавая какіе-то звуки въ родѣ: „гм... мм... или д-дэ! во-отъ!“ и пр.

— До пріятнаго свиданія, заключаетъ лакей.

— Будьте здоровы!

Лакей уходитъ. Лицо Порфирыча превращается въ радостную улыбку...

— Ну? спрашиваетъ строго хозяинъ, отводя его въ сторону.

— Готово-съ!

— Врешь, мошенникъ!

— Сичасъ умереть!.. Я вамъ, Капитонъ Иванычъ, такую дѣвицу подпихнулъ, — истинно — пшено! Провалиться!

— Проха-аръ! Я тебя убью...

— Какъ вамъ угодно... Это именно ужь самъ Богъ вамъ помогаетъ...

— Ежели ты въ случаѣ врешь, сечасъ умереть — такъ разнесу...

— Что угодно! Я ей, Капитонъ Иванычъ, такъ говорю: Таинька! Вы ихъ любите? Васъ то-есть!...

— Ну?

— „Даже, говоритъ, до безчувствія влюблена...“ — А когда, говорю, вы влюблены, то вы ихъ должны удостовѣрить въ полномъ размѣрѣ...

— Ну?

— „Мнѣ, говоритъ, стыдно; пущай, говоритъ, они меня сами вовлекутъ...“

— Баг-гато!.. Ну?

— Н-ну-съ; по этому случаю, завтрешняго числа назначено вамъ быть въ рощу... Тамъ дѣло ваше... Главная причина, маменька ихъ очень строги, — а разожжены они, то-ись Таиса эта, — до бѣла. — Можно сказать, — одно: — по колѣно влюблена!

— А ежели врешъ?

— Какъ вамъ угодно! Я подвелъ дѣло. Теперь трафте сами...

— Я натрафлю!.. Вѣрно ты говоришь?

— Издохнуть на мѣстѣ. У меня, слава Богу, — одна спина-то...

Пріятное молчаніе.

— Ну, Капитонъ Иванычъ, затягиваетъ Прохоръ Порфирычъ: — съ васъ тоже могарычу надо будетъ получить...

Въ дверяхъ мелкаютъ нетерпѣливыя фигуры рабочихъ... Порфирычъ грозитъ кулакомъ; фигуры изчезаютъ...

— Какой же это могарычъ тебѣ? — любопытно...

— Я многаго не прошу... Намъ бы только какъ ни какъ перебиться... На васъ вся надежда...

Порфирычъ не торопясь вытаскиваетъ свой револьверъ...

— Ахъ, т-ты идолъ эдакой, — подо что подперъ? Небось опять красную?

— Да ужь, что дѣлать...

— Клади! Погоди, я тебѣ разгребу пчелу-то!

— А вотъ эти рубликовъ по четыре, штоли...

Слѣдуетъ развязываніе узла...

— Неси-неси-неси-н-н-н.

— Капитонъ Иванычъ! Что-жь это вы говорите?.. Ради субботы-то хоть снизойдите...

— Дьяволъ!

— Вѣть посмотрите вы на эту лузгу, — издыхаютъ. А вамъ все годится... Четыре цѣлковыхъ! онъ въ работѣ шесть стоитъ... Это я вамъ истинную правду говорю... Капитонъ Иванычъ?..

— Клади! Домовой!

— Ххе-хе-хе-хе...

Прохоръ Порфирычь получаетъ деньги и, отдѣливъ себѣ что слѣдуетъ и даже что вовсе не слѣдуетъ, собирается уйти.

— Погоди, говоритъ хозяинъ: — мы съ тобой того...

— Слушаю-съ, я сію минуту...

Радостно привѣтствуютъ своего избавителя неумѣлые люди. И потомъ такъ разсуждаютъ.

— Экой у этого Прохора умъ, братцы мои!

— Чево это?

— Я, говорю, у Прохора — ума; страсть?

— О-о! У него ума наваленò...

Мастеровые медленно разбредаются въ разныя стороны.

— Прощай!

— Прощай! до свиданія... Ты куда?

— Домой. А ты?

— Я-то. Я, братъ, домой... довольно!

Но медленность въ походкѣ, остановки и размышленія надъ трехъ-рублевой бумажкой, совершающіяся на каждыхъ двухъ шагахъ, весьма явственно знаменуютъ борьбу добра и зла, происходящую въ душѣ мастеровыхъ. При этомъ добро является въ фигурѣ разваленной избы, въ которой на трехъ-рублевую бумажку почти невозможно получить ни единой крупицы радости, настоятельно необходимой въ настоящую минуту; а зло: — въ формѣ кабака, гдѣ означенная бумажка можетъ сдѣлать чудеса...

Мастеровой дѣлаетъ еще два медленныхъ шага, — зло преодолѣваетъ, шаги принимаютъ совершенно обратное направленіе... и скоро, только что разставшіеся, пріятели съ громкимъ смѣхомъ, встрѣчаются у стойки кабака „канавки“.

Къ ночи надъ городомъ нависла большая туча, и пошелъ тихій, теплый, лѣтній дождь... Улицы были совершенно пустынны; нигдѣ ни огонька; ярко горѣли только кабаки и харчевни. Въ „канавкѣ“ были растворены окна; изъ нихъ, вмѣстѣ съ криками и звономъ стекла, лились на улицу яркія полосы свѣта и удушливый воздухъ, раскаленный плитою, на которой клокотали пятикопѣечные пироги и селянки; въ отдаленной комнатѣ смертельно бузовала провинціальная шарманка и здоровенный бубенъ ежеминутно, и какъ-то тяжело, охалъ подъ напоромъ ядренаго пальца севастопольскаго героя. Ближе, среди хохота, раздававшагося съ неудержимою силою по временамъ, шло пѣніе. Какой-то тощій портной, оцивилизовавшій свой, почти прародительскій, костюмъ, разорваннымъ до воротника сертукомъ, пѣлъ пѣсенку про вольника, приправляя ее нѣкоторыми жестами. Прежде всего онъ сдѣлалъ

грустную физіономію, изображая собой старуху мать вольника, прижалъ руку къ щекѣ, и всхлипывая, тянулъ:

Да и что-о-же ты ди-и-тятко...
Будешь тама наси-и-ти?..

Тутъ пѣвецъ вдругъ встрепенулся и съ отчаяннымъ ухарствомъ и присядкой торопливо запѣлъ:

Мма-минка — сертучки, — охъ!
Сударынька — сертучки, — охъ!
Пусс-кай сертучки-и!..
Ну чтожь? сертучки-и!
Носить буд-ду серртучки-и...

Прохоръ Порфирычъ, щедро упитанный Капитономъ Иванычемъ, нетвердыми шагами возвращался домой, и вслѣдствіе непроходимой грязи, растворившейся въ Растеряевой улицѣ, поминутно поскользался на глинистой тропинкѣ и хватался рукой за заборъ.

— Эт-то кто такой?.. вскрикнулъ онъ, натыкаясь на что-то живое...

— Да что, другъ, шапки никакъ не сыщу...

— Кто ты такой?

— Дальній... Я, братъ, не здѣшній. Никакъ, провалиться, не сыщу этаго демона, шапки...

— Что же ты, лѣшій, безо время шатаешься?

— Ды сё, другъ, теплаго мѣста ищу, которое, ежели бы мѣсто, иной разъ, сухое...

— Смотри, не попади въ теплое-то.

— Я самъ, братецъ, такъ полагаю... Надо быть — попадешь... во-во-во... Ахъ ты, анафема! вотъ она, шельма... ишь! Запотѣла!

Раздается хлясканье объ заборъ мокрой шапкой...

Прохоръ Порфирычъ пробирается далѣе... Усилившійся, но такой же тихій, дождикъ чуть чуть шумитъ въ листьяхъ деревъ.

Совсѣмъ темно.

У однихъ воротъ возится съ лошадью пьяный извощикъ; въ

темнотѣ онъ растерялъ возжи; лошадь переступила черезъ оглоблю и, подаваясь назадъ, подвернула переднія колеса подъ дырявыя и изломанныя дрожки, которыя вслѣдствіе этого свалились на бокъ.

— Тпрр... Тпрр... ласково говоритъ извощикъ, засѣвъ по колѣно въ грязь и отыскивая во тьмѣ лошадиную морду... Тпрррю... Трр... Нич-чего!.. трр... милая...

Прохоръ Порфирычъ, видя безпомощное положеніе хмѣльнаго человѣка, хотѣлъ было сначала посовѣтовать ему: постучись молъ. Хотѣлъ потомъ самъ постучаться, но раздумалъ..... „Шутъ ихъ возьми“... И заключилъ размышленіями о томъ, какой человѣкъ свинья, ибо завсегда радъ облопаться и, насчетъ водки, не имѣетъ мѣры...

Извощикъ все копошился въ грязи... Лошадь поминутно шлепала въ грязь переступившею ногою... Дрожки скрипѣли.

Въ непроницаемо темныхъ сѣняхъ избы Прохора Порфирыча стояла Глафира и подмастерье. Отъ Кривоногова отдавало виномъ.

— ...Это развѣ возможно, шепталъ онъ надъ самымъ ухомъ Глафиры: — извольте послушать. „—Хочу въ маскарадъ, — ты пьяница, немытая мочалка, вонючая рогожа. — Я? — Ты... — Изволь! Ступай съ Богомъ. — „Въ лучшемъ костюмѣ!“ — Сдѣлайте вашу милость... — „Я благородная! ты харя!“ — Какъ вамъ будетъ угодно: на балъ,—на балъ,—харя,—харя! какъ ваша душа желаетъ... Дверью хлопъ,—ушла... Потомъ того слышу, — съ офицерами... Добраго здоровья!.. Это какже?

Вопросительное молчаніе. Глафира вздыхаетъ.

— Или, говоритъ Кривоноговъ снова: — какъ вамъ покажется... Повѣнчались мы съ ней; все какъ слѣдуетъ: гости, — шампанское (околѣть, было-съ!) Отходимъ въ спальню: какъ есть мужъ и жена... Я.... Ну она же, напримѣръ, — брыкать, пихать, — прочь, харя, псина, тварь... Благородно? Или какъ по вашему?...

Опять молчаніе.

— Ну, и валялся, какъ песъ у порога...—Вонъ отсюда! И уйдешь въ кухню... Это жизнь?

Шумъ дождя начиналъ слышаться яснѣе среди безмолвія улицы. Около повалившихся дрожекъ и спутавшейся лошади возился другой извощикъ, съ фонаремъ въ рукахъ. Онъ сердито дергалъ лошадь за узду и злобно кричалъ: „ног-гу! н-но, идолъ!“ Слышалось ярое хлясканье кнутомъ объ лошадиную морду... Лошадь билась. Извощикъ торопливо и сердито бормоталъ:

— Прр-апоица!.. Мало ты ученъ!.. Жживотная! Н-но...

И снова свистъ кнута...

— Кумъ! глухо говорилъ пьяный хозяинъ лошади, скрывшись гдѣ-то въ темнотѣ.

— Права! Ненасытная утроба!.. Какъ не бьется, какъ не бьется, а ужь къ ночи готовъ... Па-адлецъ ты эдакой!..

— Кумъ! сонно бормоталъ пьяный.

Извощикъ съ фонаремъ молча возился около дрожекъ. Сальный огарокъ въ фонарѣ разливалъ тусклый свѣтъ на небольшое разстояніе кругомъ, отчего три большія осины, кучей столпившіяся за заборомъ и слегка освѣщенныя снизу, уходили въ темноту своими вершинами и казались безконечными.

Отворивъ окно, Прохоръ Порфирычъ присѣлъ къ нему съ папироской; хмѣльная голова его клонилась къ низу къ подоконнику. Съ крыши лилъ дождь; гдѣ-то вдали съ легкимъ гуломъ вода била въ пустую еще кадушку...

— Господи! шепталъ Порфирычъ. — Сохрани и помилуй ррраб-ба твоег-го...

Лилъ дождь.

— Ка-арра-у-у-улъ! бушевало гдѣ-то далеко.

...Горе по горю, — и въ Растеряевой улицѣ все по старому. Только видъ ея и физіономія измѣняются сообразно временамъ года: вотъ отошли ясные, свѣжіе, осенніе дни, поднялись со всѣхъ концовъ неба сизыя тучи, и заморосилъ нескончаемый осенній дождь,— подошла глубокая осень... Растворилась грязь, настала непроходимая топь и отовсюду навалилась какая-то непроглядная тоска... Ежатся голуби подъ князькомъ крыши, пряча носы въ перья и встряхиваютъ, въ студеныхъ просонкахъ, мокрыми крыльями. Ежатся обыватели, и устами старухъ говорятъ: — Господи! хоть бы зима поскорѣй!..

Но вотъ начались крѣпкіе утренніе заморозки; подошелъ Варваринъ день,—и повалилъ пухлый, рыхлый снѣгъ. Въ одну недѣлю покрылъ онъ и улицу, и крыши, и верхушки заборовъ, нѣжнымъ и рыхлымъ снѣжнымъ пологомъ, изъ подъ котораго, словно лица мертвецовъ, изъ подъ савана, смотрятъ черныя, гнилыя, полуразрушенныя растеряевскія лачужки. Ударилъ морозъ, повисли на крышахъ сосульки, понеслись ледянки, зашумѣла мятель и завыла по волчьи въ развалившейся трубѣ.

— Эка стыдь, эка стыдь! твердятъ старухи, кутаясь на холодной печи.—И когда это только весна придетъ!..

А тутъ, глядь-поглядь и весна: вдоль всей улицы, съ шумомъ несутся потоки, унося съ собою, въ какую-то неизвѣстную сторону, все, что только накопилось, все, что было выкинуто на улицу зимою: Но эта картина топи и разрушенія, не производитъ, однако, того мертвящаго впечатлѣнія какое бываетъ

осенью. Теплые, блестящіе, грѣющіе лучи солнца, воздухъ окрашенный золотомъ этихъ небесныхъ лучей, — зовутъ жить. Безъ умолку трещатъ воробьи, громко, хоть и устало, каркаютъ отощалыя вороны; насильно выпихнутая изъ закуты корова, еле передвигая ноги, выползла на средину улицы, да такъ и закоченѣла, подъ благодатными солнечными лучами; по цѣлымъ часамъ не ворохнется она ни однимъ членомъ; впалые бока ея, подставленные солнцу, — чуть колышутся едва примѣтнымъ дыханіемъ; глаза тупо смотрятъ въ одну точку... Иногда, разогрѣтая тепломъ солнечныхъ лучей, она медленно подгибаетъ колѣна и валится бокомъ на теплую и мокрую землю, испустивъ глубокій вздохъ... Галки и вороны бодро разгуливаютъ по ея дымящейся спинѣ, поклевывя въ нее острыми носами, — но счастливое, въ эту минуту, животное, не замѣчаетъ обиды....

Подошла страстная недѣля. Громко загудѣлъ звучный колоколъ, а игривый вѣтеръ разнесъ эти звуки по окрестности.

Въ эту пору хороша даже и растеряева улица.

А дни идутъ все теплѣй и ярче. — Въ яркой зелени деревъ исчезли черныя вороньи гнѣзда; подъ заборами и посередъ улицы пролегли извилистыя, крѣпко протоптанныя тропинки; солнце начинаетъ припекать...

— Вотъ и лѣто! говоритъ обыватель и, сказать по совѣсти, говоритъ не безъ тайнаго ужаса, потому что впереди, въ неизвѣстномъ количествѣ будущихъ годовъ, видится ему тоже тоскливое ожиданіе проливныхъ дождей, вьюгъ и мятелей...

Все тоже.

Тоже и въ жизни. Правда, между постоянной борьбой съ нуждою и ежеминутными отдыхами отъ нея въ кабакѣ, въ нашихъ нравахъ бываютъ минуты, когда несчастнымъ растеряевцамъ удается „отчунѣть“; т. е. когда въ отуманенныя головы гостемъ вступаетъ здравый разсудокъ, но область, надъ которою хозяйничаетъ этотъ разсудокъ, — такъ мала, что объ ней можно говорить только между прочимъ, хотя повидимому разсудку есть надъ чѣмъ поработать: въ эти минуты весь міръ Божій, отъ пониманія тайнъ и красотъ котораго растеряевецъ почти отвыкъ, является множествомъ

неразрѣшаемыхъ вопросовъ. Въ эту пору ново все, что ни попадется на глаза. Между тѣмъ крошечныя минуты отчунѣнія, — плохой помощникъ въ такомъ множествѣ запутанныхъ дѣлъ... Убитый обыватель нашъ,—въ ужасѣ успѣваетъ только схватиться за свою разбитую голову и, не устоявъ подъ напоромъ нахлынувшей на него тоски, спѣшитъ снова успокоиться въ томъ же властительномъ кабакѣ. Не обладая способностью изображать всю трагичность этихъ короткихъ минутъ, — я,тѣмъ не менѣе, буду продолжать мой разсказъ о растеряевой улицѣ, удерживаясь, по возможности, въ области дѣяній, совершающихся въ трезвомъ умѣ и здравомъ разсудкѣ.

V.

КНИГА.

Послѣ смерти вдоваго шапошника Юраса, остался сынъ, болѣзненный мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, неузнавшій, за хвораньемъ, даже ремесла своего отца. Родственники тотчасъ же запустили свои руки подъ подушку покойника, пошарили въ сундукахъ, подъ войлокомъ и найдя нѣчто, припасенное Юрасомъ для неработящаго сына, тотчасъ же получили къ этому сыну особенную жалость. Имѣя въ душѣ Бога, родственники ни-за-что не хотѣли оставить его безъ призору. Кабаньи зубы и пудовые кулаки мѣщанина Котельникова отвоевали сироту у прочихъ родственниковъ. Сироту помѣстили на палатяхъ въ кухнѣ, водили въ церковь въ нанковыхъ больничнаго покроя халатахъ, и попивая чаекъ на деньги покойнаго Юраса, толковали о заботахъ и убыткахъ своихъ, повесенныхъ черезъ этого сироту. Пролежалъ на палатяхъ сынъ Юраса года четыре, и вышелъ изъ него длинный, сухой, шестнадцатилѣтній парень, задумчивый, тихій съ блѣдноголубыми глазами и почти бѣлыми волосами. Втеченіи этихъ годовъ лежанья, отъ нечего дѣлать прозубрилъ онъ пятикопѣечную азбуку со складами, молитвами, изрѣченіями, баснями и проч., и незамѣтно книга въ глазахъ его приняла видъ и смыслъ совершенно отличный отъ того вида и смысла, какой привыкли придавать ей растеряевцы. Страсть къ чтенію сдѣлала то, что сирота рѣшился просить опекуна купить ему какую нибудь книгу.

Опекунъ сжалился, книга была куплена и сирота замеръ надъ ней, не имѣя силъ оторваться отъ обворожительныхъ страницъ. Книга была: „Путешествіе капитана Кука, учиненное англинскими кораблями Революціею и Адвентюромъ....“ Алифанъ (сирота) забылъ сонъ, ѣду, перечитывая книгу сотни разъ: капитанъ Кукъ все больше и больше плѣнялъ его и наконецъ сдѣлался постояннымъ обладателемъ головы и сердца Алифана. По ночамъ онъ въ бреду выкрикивалъ какіе-то морскіе термины, леталъ съ палатей во время кораблекрушенія и перепугалъ всю семью опекуна не на животъ а на смерть. Котельниковъ понялъ это сумасшествіе по своему.

— Ну, Алифанъ, сказалъ онъ однажды сиротѣ: гляди сюда: оставленъ ты сиротою; я тебя призрѣлъ,—можно сказать изъ послѣдняго натужился... Шесть годовъ, Господи благослови, мало-мало по сту-то серебра ты мнѣ стоилъ... Такъ-ли?

— Я кажется, до вѣку моего буду ножки, ручки...

— Погоди. Второе дѣло,—старался я, себя не жалѣлъ сдѣлать тебѣ всяческое снисхожденіе и удовольствіе... Черезъ это я тебѣ, напримѣръ, вотъ книгу купилъ...

— Ахъ! вскрикнулъ Алифанъ въ восторгѣ....

— Погоди... Вотъ то-то: Ты, можетъ, читавши ее отъ радости чумѣлъ, а спроси-ко-сь у меня: какъ молъ, Андрей Петровичъ, голова-то у васъ на плечахъ уцѣлѣла, когда вы за эту книгу чистыми денежками рублей можетъ полтыщи отсыпали... а?

Алифанъ стоялъ потупившись: онъ не зналъ, бросаться-ли неоцѣненному родственнику въ ноги или цѣловать у него ручки. Слезы разрѣшили это затруднительное положеніе.

— Слѣдственно, продолжалъ Котельниковъ: — исхарчился я на тебя до послѣдняго моего издыханія... Но такъ какъ имѣю я отъ Бога доброе сердце, то главнѣе стараюсь черезъ мои жертвы только бы въ царство небесное попасть и о прочемъ не хлопочу... Съ тебя-же за мои благодѣянія не требую я ничего... По силѣ помочи воздашь ты мнѣ малыми препорціями. Ибо придумалъ я тебѣ, по твоей хворости особенную должность, дабы „родъ жизни на пропитаніе“.

Послѣднюю фразу Котельниковъ похитилъ изъ устъ какой-то вдовы, слонявшейся по нашей улицѣ и просившей милостыню именно этими словами, похищенными въ свою очередь изъ какого-то прошенія.

Скоро Алифанъ вступилъ въ ново-изобрѣтенную Котельниковымъ должность. На тонкомъ ремнѣ былъ перекинутъ черезъ его плечо небольшой ящикъ, въ которомъ находились иголки, нитки, обрѣзки тесемокъ, головныя шпильки, булавки и прочія мелочи, необходимыя для женскаго пола. Обязанности Алифана заключались въ постоянномъ скитаніи по улицѣ, изъ дома въ домъ, и цѣлый день такой ходьбы давалъ ему барышъ по большей мѣрѣ пятіалтынный. Этотъ пятіалтынный приносилъ онъ все-таки къ Котельникову, будто-бы на сохраненіе.

— У меня цѣлѣй, говорилъ Котельниковъ.

И Алифанъ вполнѣ этому вѣрилъ.

Но книга и капитанъ Кукъ не оставляли Алифана и здѣсь. Замечтавшись о какомъ нибудь подвигѣ своего любимца, онъ не замѣчалъ, какъ вмѣсто полутора аршинъ тесемокъ, отмѣривалъ три и пять, или въ задумчивости шолъ мимо домовъ, позабывъ о своей профессіи, и возвращался потомъ безъ копѣйки домой. Если Алифану приходилось зайдти въ чью нибудь кухню и вступить въ бесѣду съ кучерами и кухарками, то и тутъ онъ незамѣтно сводилъ разговоръ на Кука и заикаясь и блѣднѣя, принимался прославлять подвиги знаменитаго капитана. Но кучера и кухарки, ошалѣвъ отъ непостижимыхъ морскихъ терминовъ и иностранныхъ людей и чудесъ, о которыхъ не упоминается даже въ сказкѣ о жаръ-птицѣ, скоро подняли несчастнаго Алифана на смѣхъ. Скоро вся улица прозвала его „Кукомъ“, и ребята при каждомъ появленіи его разражались несказаннымъ хохотомъ; имъ вторили кучера, натравливая на бѣднаго доморощеннаго Кука собакъ. Даже бабы, ровно ни буквы непонимавшія въ разсказахъ Алифана, и тѣ при появленіи его кричали:

— Ахъ ты, батюшки мои, угораздилъ же его,—Кукъ! Этакое-ли выперъ изъ башки своей полоумной...

— Въ тину вѣшь заѣхалъ... На карапь сѣлъ, да въ тину...

Ха, ха, ха... помирали кучера.

— Кукъ! Кукъ! Кукъ! визжали мальчишки.—Твой Кукъ-то протухъ...

— Врешь! вскрикивалъ Алифанъ поблѣднѣвъ.

— Анъ протухъ.

— Анъ ошибесся!

— Анъ...

Алифанъ схватывалъ съ земли кирпичъ и запускалъ въ мальчишекъ; смѣхъ и гамъ усиливался, и беззащитный Алифанъ пускался бѣжать...

— Ку-укъ! Ку-укъ! голосила улица. Общему оранью вторила перепуганныя собаки; народъ высыпалъ за ворота.

Торговля Алифана мельчала все болѣе и болѣе. Обыватели чиновные и въ особенности обывательницы, съ улыбкою встрѣчали его и купивъ на пятачекъ шпилекъ или еще какой нибудь мелюзги, считали обязанностію позабавиться странной любовью Алифана.

— Ну какъ же Кукъ-то этотъ? спрашивали они.—Какъ ты ты это говоришь, разскажи-ко.

— Да такъ и есть...

— Какъ же это? плавалъ?

— И плавалъ-съ; вотъ и все тутъ...

Алифанъ, желая избѣжать насмѣшекъ, иногда думалъ было отдѣлаться такими отрывочными отвѣтами, но влюбленное сердце его, обыкновенно, не выдерживало: еще немного и Алифанъ начиналъ:

— Тысяча семьсотъ семьдесятъ второго году, благополучно отбыли господинъ капитанъ Кукъ изъ порту, давая салютованія по пушкамъ...

Мало-по-малу онъ воодушевлялся: чудеса чужой стороны, подкрашивались его пылкимъ воображеніемъ и картины незнакомой природы выходили слишкомъ ярко и чудно. Алифанъ забывалъ все; онъ самъ плылъ на Адвентюрѣ, по морю, среди фантастическихъ тумановъ, и островов волшебной прелести, воображеніе

его разгоралось, разгоралось... и вдругъ неудержимый, неистовый хохотъ, какъ обухомъ ошарашивалъ его.

— Батюшки, умру! Умру, умру—спасите! вопилъ обыватель.

И Алифанъ исчезалъ.

Иногда выслушаютъ его, посмѣются въ одинаковой мѣрѣ и надъ Кукомъ и надъ разскащикомъ, продержутъ отъ скуки часа три и скажутъ:

— Ступай, не надо ничего.

Плохо приходилось ему. Синій нанковый халатъ, сшитый опекуномъ еще въ первые года опеканія, до сихъ поръ не сходилъ съ его плечь, потому что другого не было. Если иногда Алифанъ принимался раздумывать о своихъ несчастіяхъ, то по тщательномъ размышленія находилъ, что во всемъ виноватъ одинъ капитанъ Кукъ.

— Господи! восклицалъ тогда Алифанъ,—какъ я этого нехристя Кука полюбилъ, что даже изъ сердца своего никакими силами выгнать его не могу! Царица небесная, сохрани и помилуй мя!..

Но было уже поздно!

Такимъ образомъ, извѣстнѣйшій мореплаватель Кукъ, погибшій на Сандвичевыхъ островахъ, вторично погибъ въ трясинахъ растеряевскаго невѣжества; погибъ раскритикованный въ пухъ и прахъ нашими кучерами, бабами, мальчишками и даже—собаками. А вмѣстѣ съ Кукомъ погибъ и добродушный Алифанъ.

Горестная жизнь его была принята обывателями во первыхъ къ свѣдѣнію, ибо говорилось:

— Вонъ Алифанъ читалъ-читалъ книжки-то, да теперь эво какъ шатается... Ровно лунатикъ...

И во вторыхъ къ руководству, ибо говорилось:

— Что у тебя руки чешутся: все за книгу, да за книгу? Она вѣдь тебя не трогаетъ?.. Дохватаешься до бѣды... вонъ Алифанъ читалъ-читалъ, и т. д.

VI.

БАЛКАНИХА.

Тьма вопросовъ являющихся у Растеряевца въ минуты отчуненія, — требуетъ такого помощника въ уразумѣніи ихъ, какого растеряева улица—не видала еще ни разу, съ того времени какъ вытянулись въ кривую линію ея косыя заборы и приземистыя лачужки съ своими голодными обитателями; поэтому, растеряевецъ съ давняго времени привыкъ полагаться на Бога,—будучи горькимъ опытомъ убѣжденъ, что спасеніе его — не въ рукахъ человѣческихъ. Только что разсказанная исторія съ книгою,—и факты будничной жизни,—скажутъ наивному наблюдателю,—полагающему, что въ минуты жажды совѣта и уразумѣнія, не худо-бы подсунуть растеряевцу нѣчто общедоступное или даже обще-занимательное,—будничный опытъ скажетъ такому наблюдацелю, — что хлопоты его поэтому предмету будутъ тщетны вполнѣ. Голодный лунатизмъ Алифана подкрѣпитъ взглядъ растеряевца на какую-то штуку именуемую „книгою,"—и по прежнему сомнѣнія его и надежды будутъ въ рукахъ умовъ мудреныхъ и загадочныхъ, говорящихъ необыкновенными словами... Такія мудреныя умы есть у многихъ растеряевскихъ бабъ, одну изъ которыхъ я тотчасъ-же постараюсь отрекомендовать читателю.

Вѣроятно всякому приходилось не разъ встрѣчать типъ необразованной, но умной бабы, преимущественно вдовы, которая всю жизнь усердно ходитъ въ церковь, пользуется всеобщимъ по-

четомъ, именуется „матушкой,“ получаетъ за обѣдней просвиру на равнѣ съ генералами и заслуженными людьми и проч. и проч. Всѣ такія качества совмѣщаетъ въ себѣ Пелагея Петровна Балканова, иначе Балканиха, иначе Дунай-Забалканова. Послѣдній варіантъ фамиліи Пелагея Петровна считала самымъ правильнымъ, объясняя сложность ея, знатностью дворянскаго рода, отъ котораго, будто-бы, она происходила. Къ несчастію документы о ея происхожденіи были затеряны, и хоть она ни на минуту не покидала надежды отыскать дворянство, тѣмъ не менѣе улица наша смотрѣла на нее пока какъ на мѣщанку, супругу маленькаго и тощенькаго мѣщанина... Но даже и въ званіи мѣщанки Балканиха обратила на себя вниманіе растеряевцевъ, какъ женщина умная; этому главнымъ образомъ способствовали непостижимыя, но самыя существенныя, средства, которыя употребляла она для укрощенія мужа. Холостякомъ онъ слылъ за вертопраха и сорви-голову, женившись присмирѣлъ, оглупѣлъ, словомъ сдѣлался тряпкой. Средства, употребляемыя Балканихой для его усмиренія, — мало того, что были непостижимы, можно сказать навѣрное, не имѣли въ себѣ ничего звѣрскаго, что почти невозможно въ нашихъ нравахъ. Пелагея Петровна не крикнула, не топнула, не плюнула супругу въ лохань — ни разу: въ серьезномъ выраженіи ея почти мужескаго лица, въ ея строгихъ, но всегда спокойныхъ глазахъ, даже быть можетъ въ этихъ небольшихъ усахъ, которыми была надѣлена она отъ природы, было что-то такое, что заставляло мужа ея осматриваться, самому придумывать себѣ вину и просить извиненія. Вслѣдствіе такого, постоянно замирательнаго, положенія, мужъ Балканихи, началъ питать къ ней какую-то тайную ненависть, утѣшая себя возможностью когда-нибудь отплатить ей тѣми же мученіями какія испытывалъ теперь самъ. Но Балканиха не измѣнялась, и неотомщенный мужъ смирялся все болѣе и болѣе. Супруга пріучила его подходить къ ручкѣ, по воскресеньямъ поздравлять ее съ праздникомъ, въ извѣстныхъ случаяхъ говорить: виноватъ, не попомните! Дѣло усмиренія подвигалось впередъ все быстрѣе и успѣшнѣе и окончилось однимъ весьма трагическимъ происшествіемъ, которое помнитъ вся растеряева улица. Мужъ

*

Пелагеи Петровны, привыкшій все дѣлать въ темномъ углу, потихоньку,—однажды вознамѣрился отвѣдать на старости лѣтъ—вареньица. Съ замираніемъ сердца пробрался онъ въ чуланъ, досталъ и развязалъ банку, проглотилъ одну полную вареньемъ ложку, и только что запустилъ было ее въ другой разъ, какъ неожиданно на порогѣ показалась серьезная фигура Балканихи....

Супругъ вздрогнулъ, выпустилъ изъ рукъ ложку... и умеръ!

Палагея Петровна была такъ увѣрена въ справедливости своей власти надъ мужемъ, что даже въ ту минуту, когда увидала трупъ его, и когда, казалось, всѣ земныя прегрѣшенія должны бы были забыться, она все-таки не могла не произнесть:

— Вотъ ежели бы ты какъ слѣдуетъ пришелъ бы да попросилъ у меня вареньица-то, а не воровски поступилъ, остался бы ты живъ-живехонекъ... А то вотъ, Господь-то и покаралъ!...

На похоронахъ Палагея Петровна поплакала въ самую мѣру, отпустивъ слезъ и причитаній ровно столько, сколько требовалось для того, чтобы растеряевскія бабы не имѣли основаній упрѣкать ее въ холодности и безсердечіи. Совершивъ все это по установленному порядку, Палагея Петровна вступила въ новый періодъ жизни — принялась вдовѣть. Въ ея власти находился небольшой собственнный домъ съ мезониномъ, огородъ съ нѣсколькими кривыми яблонями, разбросанными тамъ и сямъ, баня и небольшое количество разнаго рода добра, которое съумѣла скопить она. Изъ приближенныхъ къ ней людей остались съ ней неразлучны по прежнему только старая баба Харитониха, исправлявшая всѣ должности отъ наперстницы до поломойки, и пріемышъ Кузька, самоварщикъ, о которомъ будетъ въ своемъ мѣстѣ болѣе обстоятельная рѣчь.

Прежде всего послѣ смерти мужа она отправилась пѣшкомъ къ Троицѣ-Сергію, такъ какъ давнымъ-давно обѣщалась Богу сдѣлать этотъ подвигъ, и возвратившись оттуда вступила на дорогу мирнаго и благочестиваго житія. Съ этихъ поръ начинается ея власть надъ нашей улицей. Разсказы про угодниковъ божіихъ, про чудеса, были до такой степени обворожительны въ ея устахъ, что всѣ бабы нашей улицы толпами стекались слушать ихъ и выносили

изъ Балканихинаго жилища самыя свѣтлыя ощущенія. Палагея Петровна не пользовалась однако этою минутною славою: при полной возможности шататься съ своими разсказами по дворамъ и опивать на чаю весь женскій полъ нашей улицы, она этого не дѣлала; напротивъ, въ самомъ разгарѣ первой славы своей, она попрежнему сидѣла съ шерстянымъ чулкомъ въ рукахъ въ своей маленькой коморкѣ и басомъ пѣла „Да исправится", подражая напѣву лаврскому. Авторитетъ свой она устроивала не торопясь. Этому много способствовала Харитониха, которая, отъ нечего дѣлать, находила возможность слышать и знать все, что дѣлается у сосѣдей и вообще во всей улицѣ. Балканиха слушала ее безъ малѣйшихъ признаковъ любопытства и только иногда, выслушавъ разсказъ, одѣвалась и шла на мѣсто произшествія, гдѣ и давала разные совѣты. „Вы хоть бы погрѣли у печки одѣяло-то, говорила напримѣръ она, — а то этакъ-то и въ гробъ родильницу отправить недолго". Или: „Матушка! видите вы человѣкъ слабъ, а вы ему въ самое дыханіе ладаномъ надымили. Развѣ это возможно!. Дайте ему очнуться, можетъ онъ вовсе и къ смерти не надлежитъ"... И случалось, что родильница лежавшая подъ нагрѣтыми одѣялами, вдругъ выздоравливала, или что человѣкъ, который по случаю загула пролежалъ дня два недвижимо, и котораго начинали уже душить ладаномъ, приготовляя на тотъ свѣтъ, вдругъ, послѣ совѣта Балканихи, приходилъ въ чувство и хриплымъ голосомъ произносилъ:

— Ахъ бы солененькаго!

Все это служило Балканихѣ къ добру.

— Дай вамъ Господи добраго здоровья, матушка Палагея Петровна, говорилъ воскресшій растеряевецъ. Безъ васъ я, кажется, давно бы душу отдалъ и опохмѣлиться бы не пришлось...

Такъ потихоньку слава Балканихи все росла да росла. Случалось ли въ нашей улицѣ какое нибудь неожиданное событіе: учитель застрелился, утопилась молодая вдова купиха, всѣ вопросы насчетъ этихъ неожиданностей разрѣшались Балканихой:

— Ахъ вы, глупые глупые, говорила она пришедшимъ къ

ней обывателямъ. Ну гдѣ жь таки видно, чтобы столько пулей онъ въ лобъ себѣ выпалилъ, и живъ остался? а?

— Это вѣрно! говорили растеряевцы.

— То-то и есть.

— Вѣрно!

Видимо увеличившееся значеніе Балканихи, казалось вовсе не радовало и не волновало ее. Но это только казалось; въ существѣ-же дѣла, она очень была довольна и немало гордилась своею властію; ея умъ ограничивавшейся въ прежнее время уходомъ за супругомъ, и домашними заботами, теперь имѣлъ болѣе пищи, развивался и пріобрѣталъ даже нѣсколько философское направленіе. Балканиха начинала чувствовать въ своей головѣ умъ несказанный: ощущеніе совершенно новое и пріятное, тѣмъ болѣе, что вся наша улица не испытывала этого ощущенія ибо не имѣла ни минуты свободной на то, чтобы заглянуть въ собственныя мозговыя сокровишницы. Мудрствованія и философствованія, были необыкновенно пріятны для нея и она часто нарочно устроивала разныя философскія маневры, дабы во первыхъ явственнѣе познать силу своего ума, а вовторыхъ болѣе наторѣть въ философскихъ ухищреніяхъ. Такіе маневры устраивала она пока только дома, ибо случаи къ этому дома представлялись частые.

Одинъ изъ жильцовъ ея былъ городской извощикъ Никита, нанимавшій у Палагеи Петровны баню. У Никиты была огромная семья, и Балканиха, изъ жалости брала съ него только рубль серебромъ въ мѣсяцъ, съ тѣмъ однакоже условіемъ, что всякую субботу, когда топится баня, Никита долженъ былъ выбираться оттуда съ семьей и пожитками, въ садъ.

Баня особенно часто топилась зимою,—слѣдовательно Никита зналъ вполнѣ, что такое холодъ. Въ той же мѣрѣ зналъ онъ, что такое и голодъ, потому что съ давнихъ, почти незапамятныхъ временъ, испытывалъ неописуемую нищету. Кто изъ трехъ враговъ опекавшихъ его, — голода, холода и запоя явился прежде, вообще, съ чего началось его бездомовничество, — рѣшить было совершенно невозможно. Палагея Петровна, какъ женщина сердобольная, иногда предпринимала походы въ области грѣшной души

Никиты, съ цѣлію возвратить его на путь истины. Такіе походы совершались преимущественно послѣ обѣда, когда мухи и жара не даютъ никакой возможности заснуть. Въ такую пору Балканиха обыкновенно завѣшивала окна платками, и среди темной комнаты, съ жужжащими у потолка мухами, вела отрывочныя разговоры съ Харитонихой. Эта вѣрная наперстница, всѣми мѣрами старалась придумать какую нибудь интересную вещь, надъ которой бы Палагея Петровна могла поумствовать: она сообщала сплетни, новости, пересуды; истощался этотъ матеріалъ, Харитониха поднимала вопросы въ родѣ того, что правда ли, будто рыжіе въ царство небесное не попадутъ и нѣтъ ли этому какой нибудь основательной причины. Если же истощался и этотъ запасъ, то Балканиха вдругъ начинала чувствовать потребность добраго дѣла, и приказывала звать Никиту, предварительно справившись: въ разсудкѣ ли онъ.

— Никита-а! звала Харитониха.

— Сейча-асъ! отзывался Никита изъ сарая. Чего тамъ?

— Палагея Петровна зовутъ къ себѣ.

— Но-о!.. злобно рычалъ Никита, стиснувъ зубы. Зачесалось! Опять воловодить начнетъ... Иду!.. Какъ только это не совѣстно мучить человѣка... Скажи иду!..

Скоро дѣйствительно Никита входитъ въ комнату Балканихи. Онъ дѣлаетъ низкій поклонъ, шопотомъ здоровается, отступаетъ шагъ назадъ къ двери, обдергиваетъ рубашку и съ пугливымъ недоумѣніемъ ожидаетъ допроса. Палагея Петровна начинаетъ изъ далека: она задаетъ ему вопросъ: „куда душа человѣческая надлежитъ по настоящему“, полагая про себя, что всякая истинно христіанская душа надлежитъ въ рай.

Никита недоумѣваетъ.

— Непонимаешь?

— Мал-ленечко, точно что... есть препону...

— Ну, ты подумай.

— Слушаю-съ...

— Тогда и скажи... Только хорошенько подумай.

— Да ужь будьте покойны... Слава Богу!.. Али мы?.. Приму всѣ силы...

Настаетъ мертвое молчаніе. Никита думаетъ, по временамъ взглядывая на потолокъ; откашливается, потихоничку вздыхаетъ и вдругъ говоритъ, направляясь къ двери.

— Я, матушка, Палагея Петровна, на минуточку...

— Нѣтъ, ты погоди!

— То есть... одну только минуту...

— Нѣтъ, нѣтъ... постой... Ты сначала скажи, что слѣдуетъ...

— И въ самомъ дѣлѣ, соглашался Никита, лучше же я теперича скажу вамъ все...

— Ну, вотъ...

— Да тогда ужь и отлучусь... Покрайности объясню вамъ. Во сто разъ лучше...

Никита понимаетъ всю безвыходность своего положенія, и съ особеннымъ напряженіемъ ума, старается разузнать истинные позывы своей души.

— Ну, спрашиваетъ Балканиха. Куда-же наша душа надлежитъ по настоящему?

— Душ-ша наша, робко и протяжно начинаетъ Никита, — душа наша, матушка Палагея Петровна, главнѣе наровитъ по своей пакости какъ-бы въ ка-бакъ...

— Демонъ! въ ужасѣ вскрикиваетъ Балканиха. Что ты это сказалъ! Сатана ты прокаженная!

Палагея Петровна даже вскочила съ своей кровати и подступила къ Никитѣ, который испуганно подался къ двери...

— Опомнись! Что ты сказалъ?! Въ рай, безумецъ этакой въ ра-ай!

Никита спохватился:

— Такъ! такъ!.. въ рай! въ рай-съ! это точно... Ахъ ты Боже мой! а я эво куда... Ахъ...

— Нѣтъ, иакъ ты осмѣлился это сказать? а? Еще ближе подступая горячится Балканиха.

— Да что будешь дѣлать! Хорошенечко не оглядѣлся, ну, и... Въ рай-съ! Будьте покойны! такъ, такъ...

— Ай ай ай... Видишь ты какъ врагъ-то тебя оплелъ?.. а? Въ кабакъ! Слѣдственно душа твоя до какого же безобразія искажена?.. У кого же ты теперича будешь просить защиты?..

— У кого-жь, окромѣ васъ...

— Бѣсъ! Нѣтъ ты бѣсъ! взвизгнула Балканиха всплеснувъ руками, и отпрядывая въ глубину комнаты. Да, что ты это? Очумѣлъ ты?.. У Б-бога! только у Бога одного!.. Сотвори крестное знаменіе...

— Прошибся! Не подумавши сказалъ... Виноватъ... Я было признаться и хотѣлъ-то это самое сказать, да маленечко, по грѣхамъ, не туда прохватилъ...

Озадаченный философскимъ ухищреніемъ Никита уже съ полнымъ смиреніемъ слушалъ дальнѣйшія рѣчи Балканихи и считалъ непремѣннымъ долгомъ соглашаться съ ней во всемъ; да и нельзя было не согласиться: она такъ ярко изображала падшую его душу, стремящуюся прежде всего въ кабакъ, такъ явственно рисовала ужасы адскихъ мученій, что сердцу Никиты нельзя было не содрогаться: то видѣлъ онъ себя съ огненной сковородой въ рукахъ, и представлялъ всю непривлекательность лизанья такой непитательной вещи; то чувствовалъ, какъ въ его грѣшную спину загоняютъ желѣзный крюкъ, чтобы повѣсить надъ огненной бездной... „Вѣрно! произносилъ онъ въ ужасѣ. „Вѣрно, матушка Пелагея Петровна! Ахъ, справедливо!“ Дѣло обыкновенно сводилось къ тому, что Никита начиналъ клясться передъ образомъ:

— Ежели только каплю, — громомъ разшиби!

— Смотри! говорила Балканиха.

— Будьте покойны! Ни въ жисть не будетъ этого!

— Смотри!

— Даже ни-ни! Ни Боже мой! Легкое дѣло... ни-ни... Пожалуйте вашу ручку.

— Цалуй... да сма-атри!..

Въ эти минуты Никита дѣйствительно чувствовалъ такую энергію, о которой въ обыкновенное время не могъ и предста-

вить себѣ, такъ какъ вся разсудочная дѣятельность его была обыкновенно поглощена надеждою, что „Богъ не безъ милости.“ Тотчасъ же послѣ нравоученія, отъ рѣшался вдругъ все привести въ порядокъ. Мгновенно, и даже нѣсколько съ сердцемъ, вытаскивалъ изъ подъ навѣса свои ветхія дрожки, устанавливалъ ихъ посреди двора на солнечномъ припекѣ, и обдавъ водою, принимался скоблить, чистить, мыть. Все кожанное въ своемъ экипажѣ, смазывалъ густыми слоями сала, ослѣпительный блескъ котораго открывалъ цѣлыя милліоны изъяновъ, незамѣтныхъ прежде подъ кучами грязи. Это однако не охлаждало Никиты.

— Ничего, живетъ! говорилъ онъ, взявъ въ руки оглобли и лавируя съ дрожками по балканихину двору... Еще какъ отлично-то!

Затѣмъ, подобную энергическую реставрировку испытывала и несчастная кляча, потерявшая отъ нищеты хозяина, и фигуру и способность что нибудь ощущать: выраженіе глазъ ея въ ту минуту, когда хозяинъ вытягивалъ ее дубиной, было совершенно такое же, когда хозяинъ угощалъ ее овсомъ. Потомъ слѣдовали хлопоты въ семьѣ, въ банѣ; Никита умывался надѣвалъ чистую рубаху, расчесывалъ волоса, смазавъ ихъ квасомъ, и съ особенной любовью, какая можетъ загорѣться въ сердцѣ человѣка съ твердой вѣрой въ будущее благополучіе, нянчилъ своихъ ребятъ, цѣловалъ ихъ и разговаривалъ, самымъ дружескимъ тономъ.

На другой день рано утромъ Никита собирался ѣхать со двора. Старый армякъ его вычищенъ и заштопанъ бѣлыми нитками; шея обматана новымъ, подареннымъ къ крестинамъ, платкомъ, подпирающимъ въ самыя скулы; въ воротахъ онъ снимаетъ шапку и не перестаетъ креститься во все протяженіе пути отъ воротъ до перекрестка... Жена Никиты, съ ребенкомъ на рукахъ, долго смотритъ ему въ слѣдъ, стоя за воротами. На перекресткѣ Никита нахлобучивъ шапку, полыснулъ кнутомъ клячу и дѣло пошло въ ходъ. Лошадь потащилась своей упругой рысью, оглашая пустынную улицу бряканьемъ селезенки, Никита размышлялъ, чувствуя въ себѣ что-то новое, небывалое... Вдругъ его качнуло

назадъ—и дрожки остановились, утонувъ колесами въ колдобинѣ передъ крыльцомъ знакомаго кабака... Лошадь стала.

Пораженный удивленіемъ Никита долго молчалъ, опустивъ руки, и наконецъ шопотомъ пробормоталъ:

— Каково вамъ покажется?

— Никита Петровичъ, весело шепталъ изъ окна цѣловальникъ:—иди благословись косушечкой...

— Нѣтъ, ты разочти какое удивленіе-то? Что ты будешь дѣлать!.. а?

— Иди! Чего ты! звалъ цѣловальникъ.

— Петя! восклицалъ Никита въ непритворномъ отчаяніи:—сдѣлай такую божескую милость... Дай ты мнѣ хоть маленечко защиты! Потому истинно, черезъ этого мерена, кажется всю душу мою... Ахъ!..

— Эва, объ чемъ!.. Ход-ди пока время...

— Да нѣтъ-ли же, Господи, какой защиты?...

— Н-нѣту! говорю тебѣ-нѣту ничего! Защиты!.. Время, чать, самъ знаешь... Бѣги!

— У-у! Ссак-кррушен-ніе! рычалъ Никита, соскочивъ съ козелъ и ошарашивая лошадь по мордѣ кнутомъ.

Затѣмъ снова воцарялись порядки, требовавшіе новаго внушенія и новаго рисунка адскихъ мукъ. Такія неудачныя попытки сдѣлать доброе дѣло, не только не убавляли ничего въ славѣ Балканихи, но, напротивъ, еще болѣе придавали ей вѣсу: Никита, вернувшись домой со сломанными дрожками и въ разорванномъ армякѣ, снова чувствовалъ себя виноватымъ передъ Пелагеей Петровной, и этотъ страхъ не пропадалъ даромъ, потому что обыватели нашей улицы видѣли его и поучались. Ко всему этому Палагея Петровна постепенно прибавляла новые поводы для уваженія. Такъ напримѣръ, она перечитала всѣ книги, найденныя у ея жильцевъ: молитвословы, календари, богослужебныя книги, поучительные примѣры благочестія, Камень вѣры и проч., и проч. Растеряева улица послѣ этого вытаращила глаза на Балканиху, ибо въ разговорѣ ея стали появляться такія слова, какихъ ра-

стеряевцы отъ роду своего слыхомъ не слыхали. Мало того, Балканиха могла каждому растолковать всякое подобное слово. Въ одинаковой мѣрѣ понимала она, что такое значитъ: кругъ-солнца, въ руцѣ-лѣтіе, индикта, и проч., какъ и такія тонкости, которыя объясняютъ что такое поліелей, преполовеніе, исхожденіе честныхъ деревъ и т. д. Рекомендую читателю представить себѣ, что долженъ былъ чувствовать растеряевецъ при взглядѣ на Палагею Петровну въ эту пору ея славы. Такіе успѣхи она одерживала въ то время, когда ей было только тридцать восемь лѣтъ отъ роду. Въ эту пору вздумалъ было посвататься за нее одинъ мѣщанинъ, по фамиліи Дрыкинъ, но скоро раздумалъ...

— Съ чего это онъ меня не взялъ? думала Балканиха въ то время, когда вся наша улица полагала, что она сама отказала жениху.

Я не буду изображать всѣхъ безчисленныхъ побѣдъ Балканихи, одержанныхъ надъ необширными умами нашей улицы. Побѣдъ этихъ было слишкомъ много; разнохарактерность ихъ то же изумительна, и я бы никогда не кончилъ, если бы принялся изображать ихъ подробно и обстоятельно. Поэтому я ограничусь здѣсь только однимъ примѣромъ, и то затѣмъ только, чтобы познакомить читателя съ новою личностію.

VII.

МѢЩАНИНЪ ДРЫКИНЪ.

Мѣщанинъ Дрыкинъ до постройки огромнаго каменнаго дома не былъ извѣстенъ почти никому въ городѣ. Лѣтъ десять назадъ до этого времени, видѣли его кой-кто на толкучкѣ, въ ту самую минуту когда онъ, не стѣсняясь громаднымъ стеченіемъ публики, отнималъ у жида-солдата нанковыя панталоны, утверждая, что означенныя панталоны принадлежатъ ему, и хотя повидимому — гроша не стоютъ, но, что онъ Дрыкинъ имѣетъ тайную причину считать ихъ неоцѣненными, почему и требуетъ съ солдата, кромѣ панталонъ — штрафъ въ три целковыхъ, да за безчестіе еще какую-то сумму. Послѣ этаго пассажа встрѣчали его еще кое-гдѣ: на немъ былъ длинный изорванный черный сюртукъ, панталоны похищенныя у жида, картузъ безъ подкладки, въ рукахъ держалъ онъ тонкую яблоновую трость. Такъ встрѣчали его впродолженіи многихъ лѣтъ и затѣмъ онъ сразу дѣлается обладателемъ огромнаго каменнаго дома. Онъ строилъ его на широкую ногу, со всѣми удобствами; ворочалъ большими капиталами... Въ эту пору, онъ посватался было за Балканиху, но почуявъ въ ней обширный умъ, разчелъ лучшимъ отказаться и женился на молоденькой. Растеряевское приданіе говоритъ, что тотчасъ послѣ свадьбы, молодая супруга Дрыкина по имени „Ненила“, отдала приказаніе мужу, чтобы немедленно были приглашены всѣ полковые музыканты и всѣ господа военные, изъ благородныхъ, какіе только есть въ го-

родѣ на лицо. Въ отвѣтъ на это, мужъ не говоря ни слова, отправилъ ее доить корову, сдѣлавъ надлежащее рукопашное внушеніе. Ненила измѣнилась въ одно мгновеніе: кротость, испугъ при видѣ мужа, до того обуяли ее, что Дрыкину впослѣдствіи не было рѣшительно никакой надобности въ рукопашныхъ внушеніяхъ, и достаточно было только взглянуть сдвинувъ брови, чтобы то или другое желаніе его исполнялось безпрекословно. Впрочемъ полный порядокъ по мнѣнію Дрыкина воцарился, въ домѣ его, только тогда, когда онъ вмѣстѣ съ женой переселися въ какую-то маленькую каморку окнами на дворъ, — а въ трехъ этажахъ каменнаго дома загорланило населеніе кабаковъ, харчевень, нумеровъ постоялаго двора и проч. Ненила цѣлыя дни торчала въ этой коморкѣ не показывая глазъ на свѣтъ Божій, а мужь ея усѣлся за воротами на лавочкѣ, въ тѣхъ же нанковыхъ панталонахъ, съ тою же тростью въ рукахъ. Онъ видимо богатѣлъ, но это богатство ничего неизмѣняло ни въ его костюмѣ, ни въ жизни: таже видимая нищета, тотъ-же лукъ за обѣдомъ и проч. Даже кошелекъ его, казалось вовсе не тучнѣлъ, потому что если какая нибудь сосѣдская баба обращалась къ нему съ убѣдительной просьбой насчетъ двугривеннаго,—то въ отвѣтъ на это, онъ запускалъ два грязныхъ пальца въ дырявый карманъ жилета, вытаскивалъ заплеснѣвелый екатерининскій грошь, и почти дѣтски невиннымъ голосомъ говорилъ:

— Съ великимъ бы, матушка моя, удовольствіемъ,—да вотъ тольки сяво и денегъ-то у меня... Правда былъ объ святой гривенникъ мѣди; ну да повремени на себя извелъ... Что сдѣлаешь-то! А съ тѣхъ поръ и денегъ-то никакихъ не случалось. И незнаю-когда! Да и гдѣ теперь деньгамъ быть,—кажется вотъ-вотъ съ семьей побираться пойдешь... Спасибо еще добрый человѣкъ нашолся,—дворникъ—обѣщался мнѣ двѣ копѣйки въ заемъ дать, а то кажется бы...

— Ну извините, говорила разобиженная баба.

— Съ великимъ бы удовольствіемъ, — да вѣдь что будешь дѣлать!.. До пріятнаго свиданія...

— Будте здоровы!

— И вамъ также.

Послѣ такого разговора Дрыкинъ крякнетъ тихонько, постучитъ палкой по тротуару держа ее между раздвинутыхъ колѣнъ, и возобновитъ прерванный разговоръ. На лицѣ его не произойдетъ ни малѣйшей перемѣны,—даже улыбки не явится.

Постоянное пребываніе Дрыкина за воротами, давало возможность познакомиться съ его, такъ сказать, душевными симпатіями. Иногда кто нибудь изъ „объегореваемыхъ“ имъ, приносилъ почитать газету. Чтеніе происходило за воротати. Дрыкинъ особенно интересовался описаніями церемоній, и изображеніемъ сверхъ-естественныхъ происшествій: говорящая мышь, дѣвица, проспавшая ровно пять лѣтъ и по пробужденіи вдругъ разрѣшившаяся отъ бремени и пр. Объ иностранныхъ земляхъ изъ тѣхъ же газетъ узнавалъ онъ то же чудеса: упалъ камень съ неба, чугунка подъ водой и подъ землей ходитъ и пр. пр. Нужно сказать правду, такія извѣстія потрясали Дрыкина. Онъ ахалъ и вздыхалъ. „—Боже мой! говорилъ онъ, въ другихъ-то земляхъ что дѣлается! а?“ Но нужно сказать также и то, что при всей искренности этихъ вздоховъ, ежели бы судьба забросила какъ нибудь Дрыкина въ одну изъ этихъ странъ переполненныхъ такими удивительными вещами, то онъ прежде всего освѣдомился бы: „почемъ овесъ?“ а про чудеса едва ли бы и вспомнилъ за хлопотами. Наивность его, рѣшительно недавала никакихъ шансовъ къ соболезнованію надъ нимъ поповоду тѣхъ ущербовъ, которыя онъ долженъ понести въ жизни, гдѣ, повидимому, такъ много самыхъ простыхъ вещей и явленій, могущихъ поставить его въ тупикъ. Нѣтъ. Ворочая огромными капиталами и имѣя сношенія со множествомъ народа, онъ между тѣмъ всѣ бухгалтерскія книги, кредиты и дебеты ведетъ на притолкахъ анбаровъ и погребовъ, изображая углемъ и мѣломъ палки, подъ которыми подразумѣваются у него и люди, и овесъ, и проч. Кажется, ужь какъ при такомъ невѣжествѣ не промахнуться, какъ не почувствовать потребности выучиться писать хоть по складамъ? Однако посмотрите какъ онъ не прибѣгая къ чьему либо посредству, — съумѣлъ напугать своихъ должниковъ, которые обходятъ его жилище за пять квар-

таловъ. Все это можетъ быть объяснено только тѣмъ, что въ натурѣ Дрыкина съумѣли уживаться самыя противуположныя вещи, которыя смиренно равнялись и давали дорогу первенствующему стрѣмленію „знать свой карманъ“. Такъ иногда въ качествѣ благочестиваго человѣка, заставитъ онъ почитать сынишку, какую нибудь духовную книгу и дѣлаетъ собственныя замѣчанія, достаточно подкрѣпляющія только что сказанное:

— „Кто еси пришлецъ дерзокъ и безуменъ? возопилъ военачальникъ войска шахова. Да казню тя, читалъ сынъ. Праведникъ же, несмущенно отвѣща ему: — „Діаволъ! и къ діаволу пойдеши!

— Вотъ это такъ! Это настоящее дѣло!.. восклицалъ Дрыкинъ.

— „Гадъ, гадовъ превосходящій! Песъ!..“

— А то что́ же! Погоди-ко Петь... Что я вспомнилъ... Помнишь, совѣтникъ-то у насъ жилъ? Такъ онъ что же, братецъ ты мой... Нашолъ онъ невѣсту, а деньжонокъ-то на свадьбу, не то чтобы... Сичасъ онъ прошеніе: такъ и такъ, желаю въ дальнія губерніи для, напримѣръ, водворенія... такъ какъ я все это приведу въ порядокъ, въ отличнищемъ видѣ... Позвольте, говоритъ, двойные прогоны. Туюжь минутую: — „отпустить!“ Отпустили ему три тыщи, а онъ, братецъ ты мой, сичасъ на постѣль бочкомъ-бочкомъ... „По болѣзни, говоритъ, не могу... Очень, говоритъ, въ боку у меня, — боль...“ Тутъ его начальство зачало принуждать: „какъ можно!.. деньги взявши...“ А тотъ все свое: „по болѣзни“, говоритъ... Начали на него кричать; тутъ-то онъ поднялся и себѣ: „Ахъ вы, говоритъ, дьяволы этакіе? Какъ вы смѣете въ моемъ домѣ орать? Вонъ!“ Тѣ обнаковенно, — что будешь дѣлать?.. Отпущено! А совѣтникъ свадьбу сыгралъ, т. е. за первый сортъ, опасля того подалъ отставку, съѣздилъ въ Петербургъ, да черезъ женины деньги въ обратъ вернулся, надо всѣми самый первый судія! во-о!.. Да въ самомъ дѣлѣ, — на нихъ не закричи. Такъ и надо: осадилъ его съ перваго разговора и превосходно... Читай!..“

— „Да проказою изтлѣеши яко червь...“

— Нѣтъ, перерывалъ отецъ, — каково это: двойные прогоны? а? Три тыщи?

— „И смраду и гноищу...“

— „По болѣзни!“ да и шабашь... Три тыщи!.. Молодецъ!

И т. д.

Каюсь, что въ эту пору житія мѣщанина Дрыкина, никакая побѣда надъ нимъ не была возможна. Если бы дѣла продлились въ такомъ порядкѣ, то Ненила, неуспѣла бы ни разу вздохнуть свободно во всю свою жизнь, а Балканиха не имѣла бы случая восторжествовать. Но Господь помогъ имъ обоимъ.

Дрыкинъ, съ давняго времени, жаловался на боль въ глазахъ. Добрые люди совѣтовали ему пить, по зарямъ, по два стакана чернобыльнаго настою, нюхать хрѣнъ и пр. Главнѣе было обращено вниманіе, въ этомъ леченіи, на то, чтобы съумѣть оборудовать лѣкарствомъ по возможности до заутрени, до пѣтуховъ. Однако, несмотря на всю силу доморощенныхъ волшебствъ, дѣло кончилось тѣмъ, что Дрыкинъ ослѣпъ.

Въ одно утро онъ продралъ глаза, теръ ихъ кулаками, растаращивалъ, крестился и наконецъ почти со слѣзами сказалъ:

— Нилушка! вѣдь не вижу!

— Что ты?

— Господи! Господи, чтожь это такое? вѣдь ослѣпъ!..

Дрыкинъ заплакалъ. Ненила сначала въ недоумѣніи смотрѣла на мужа; потомъ ей вспомнилось что-то очень далекое, на лицѣ появилась краска.

— Ослѣпъ? спросила она.

— Ослѣпъ! какъ есть ослѣпъ!

— Слава тебѣ Господи! съ истиннымъ благоговеніемъ, заговорила она. Слава тебѣ царю небесному! Ослѣпи ты его ирода на вѣки не рушимо...

— Жен-на! Побойся Бога! стоналъ мужъ.

Но жена, вмѣсто сожалѣнія, ошарашила супруга скалкой, и отпрянувъ въ сторону захохотала.

— Тронь? насмѣхалась она. Ну тронь?.. Ну, сдѣлай твое такое одолженіе тронь? Найди.

— Б-боже мой, бож-же мой!.. Ахъ, не бей!

Съ этихъ поръ въ домѣ Дрыкина пошло все вверхъ дномъ.

Ненила, которой въ эту пору было только двадцать шесть лѣтъ, тотчасъ же протурила жильцовъ, вмѣстѣ съ ними выгнала вонъ изъ комнатъ своихъ ребятъ, которыхъ она терпѣть не могла за ихъ безобразныя рожи, — и запировала. Начала она перемѣнять платья по пяти разъ въ день, явились у ней толпы пріятельницъ и винцо въ полуштофѣ;—цѣлыя дни шло щелканье орѣховъ, подгулявшія бабы визгливо орали пѣсни и съ хохотомъ закликали мужчинъ, посылая имъ поцѣлуи.

Дрыкинъ стоналъ лежа въ своемъ подвалѣ.

Такія безобразія Ненилы, продолжались покрайней мѣрѣ съ полгода; къ концу этого времени, она успѣла нагуляться на всѣ— и поугомонилась, не перемѣняя впрочемъ своихъ отношеній къ мужу. Затрещины по прежнему неожиданно получались имъ. Неимѣя возможности протестовать рукопашно, мужъ, въ отвѣтъ на побои, только рычалъ: „н-ну-у-у.“ За воротами, куда Дрыкинъ наконецъ таки, перебрался, шло попрежнему обдѣлываніе дѣлъ, — но уже въ степени гораздо меньшей противъ прежняго, ибо денежныя разчеты Дрыкина, постоянно перебивались мыслями, совершенно побочнаго свойства.

— Ты говоришь вдарить ее? говорилъ онъ, раздумывая, своему пріятелю. Ударить! Голубчикъ! какъ же ты ее ударишь, когда...

— Жену-то?

— Не про то! теперича положимъ такъ: ну, дастъ мнѣ Господь, ошарашу я ее; но она, замѣсто того пуститъ въ меня изъ двадцати мѣстовъ. И палочьемъ и чѣмъ угодно...

— Такъ того; въ сонное бы время, басилъ пріятель. Чать знаете мѣстоположеніе-то?.. Ну, вотъ,—подколупнуть бы ее...

— Голубчикъ ты мой! жалобно говорилъ Дрыкинъ, — ахъ какъ это неудобно! Ну, хорошо, — пущай я ее разовъ пятокъ кокну въ голову-то, но вѣдь получитъ она черезъ, это, пробужденіе и слѣдственно опять-таки меня, — боже защити, какъ?

— Мудрено!

— Такъ мудрено, такъ, другъ ты мой мудрено, — даже весьма опасно!..

Въ эту пору распутицы въ семейной жизни Дрыкина, Пелагея Петровна имѣла полную возможность одержать надъ нимъ какую угодно побѣду: это было тѣмъ легче, что слабыя струны супруговъ, не таились и были наружѣ. Принимая въ разчетъ свойство этихъ струнъ, Балканиха находила весьма удобнымъ и пріятнымъ для себя, — мутить, между собою супруговъ. Дѣлалось это съ затаенной улыбкой и смѣхомъ. Главное орудіе для супружескихъ стычекъ, Пелагея Петровна, видѣла въ распущенномъ хозяйствѣ. Стоило ей показаться на дворѣ у Дрыкиныхъ, какъ зоркій глазъ ея, тотчасъ же, подмѣчалъ множество безчинствъ: кухарка потихоньку снабжаетъ хозяйскимъ молокомъ свою родственницу; прикащикъ, вмѣсто пуда, сѣна отпускаетъ проѣзжающему половину, и этотъ послѣдній обѣщается впередъ не ступать ногой на постоялый дворъ Дрыкина; подъ сараемъ кто-то кричитъ: — „Подай!“ „Нѣтъ врешь!“ -- „Караулъ!“

Пелагея Петровна только головой качаетъ и идетъ въ сѣни; здѣсь раскрыты двери въ чуланъ, въ кладовую, въ кухню: кто хочетъ — приди и возьми все: ни одна душа не хватится и виноватаго не сыщешь.

Запасшись такимъ матеріаломъ, Пелагея Петровна являлась къ Дрыкину и, поздоровавшись, начинала:

— Ну, отецъ, ужь и хозяйство у тебя! Ужь хозяйство! И что только это, дивлюсь я, жена у тебя смотритъ?.. а?

— Матушка!.. почти плача говорилъ Дрыкинъ.

— А? вездѣ крадутъ, вездѣ тащутъ, все рóсперто; кажется: приди воръ, возьми все, и не хватятся... Что это такое? Чтожь ты на жену-то смотришь?

— Да милая моя! Ну положимъ, точно что, быть можетъ, я ее и того... чѣмъ нибудь... но вѣдь она въ отмѣстку и палочьемъ и...

— Да какже она смѣетъ?

Дрыкинъ блѣднѣлъ отъ злости и бодро произносилъ:

— И въ самомъ дѣлѣ?

— Доживешь, продолжала Балканиха, покуда по міру пойдешь побираться... Легкое-ли дѣло,—все на выворотку! Ахъ, ты

Боже мой! а?.. качая головой говоритъ она и идетъ въ другую комнату...

— Ахъ Боже мой! продолжаетъ она подходя къ Ненилѣ. Я смотрю, смотрю на тебя, — Господи! кажется — въ чемъ только душа держится... Похудѣла, осунулась... И какъ только это ты со слѣпымъ дьяволомъ живешь!

— Убью!

— Именно! Скажите на милость, слѣпая чучела этакая, совсѣмъ молодую женщину...

Ненила схватывала половую щетку и какъ стрѣла налетала на мужа, который, въ свою очередь, доспѣвалъ до возможности „кокнуть“ супругу...

Начиналась свалка. Въ ту же минуту Балканиха умѣла выскользнуть изъ комнаты; стоя за воротами, она прислушивалась къ шуму битвы, происходившей въ домѣ Дрыкина, и, съ улыбкой глядя въ небо, во всеуслышаніе говорила:

— Господи! прости имъ...

Побѣды такого рода Балканиха одерживала ежеминутно и безо всякаго труда; тѣмъ не менѣе, они доставили ей большую извѣстность. Умы обывателей нашей улицы находились у ней въ крѣпостной зависимости и платили оброкъ, чѣмъ могли: каждый годъ въ ея курятникѣ прибавлялось пять-шесть сосѣдскихъ куръ; къ святой она почти не пекла куличей, такъ какъ добрыя люди снабжали ее этимъ продуктомъ въ достаточномъ количествѣ. Въ замѣнъ приношеній, Балканиха, каждому приносителю давала какой-нибудь весьма мудрый совѣтъ, который тотъ считалъ своею обязанностью прилагать къ жизни.

Счастливо живетъ наша Балканиха до сей поры и по прежнему пользуется общимъ почетомъ. Только порой досадуетъ она, что не удалось ей прибрать къ рукамъ стараго Дрыкина, за котораго, скажу по секрету, ей бы очень хотѣлось выдти замужъ.

VIII.

ПРОГУЛКА.

Въ жаркое послѣобѣденное время, по глухому переулку, въ тѣни у заборовъ, шли два обывателя. Первый былъ извѣстный читателю Прохоръ Порфирычъ, другой самоварщикъ Кузька, воспитанникъ Пелагеи Петровны Балкановой. Это былъ здоровый малый, лѣтъ семнадцати, съ широкимъ разжирѣвшимъ лицомъ, вздернутымъ носомъ и маленькими глазами, въ которыхъ проглядывало выраженіе какого-то непонятнаго негодованія.

Оба пріятеля были въ лучшихъ костюмахъ: Прохоръ Порфирычъ, извѣстный въ нашей улицѣ за изящнѣйшаго джентльмэна, въ настоящую минуту совершенно оправдывалъ этотъ титулъ; все, что только отыскалъ онъ въ своемъ сундукѣ аглицкаго и французскаго, — все было надѣто на немъ. Незастегнутый сюртукъ, распахиваемый вѣтромъ, открывалъ пятившуюся впередъ манишку и франтовскую жилетку, застегнутую на одну пуговицу. Новый шелковый галстугъ, изъ-за котораго чуть чуть показывались кончики воротничковъ, скрипѣлъ и издавалъ какой-то металлическій трескъ, далеко слышавшійся кругомъ во время безмолвнаго шествія. Нельзя не сказать, что такой нарядъ доставлялъ моему герою истинное удовольствіе; держа обѣ руки назади, онъ гордо выступалъ впередъ, холоднымъ взглядомъ окидывая фигуру Кузьки, который представлялъ совершенный контрастъ съ его джентль-

мэнской фигурой. Кузька былъ одѣтъ тоже во все новое, но его нарядъ въ сравненіи съ нарядомъ Прохора Порфирыча не стоилъ ни полушки. Не смотря на нестерпимую жару, Кузька нарядился во все теплое: на головѣ у него былъ драповый новый картузъ на ватѣ; на плечахъ, кромѣ сюртука, драповая же ваточная чуйка, съ бархатнымъ высокимъ воротникомъ; шея была подвязана новымъ платкомъ, но подвязана такъ, что Кузька не могъ свободно повернуть голову и вздохнуть: кровь приливала къ головѣ и стучала въ мокрыхъ, отъ поту, вискахъ. Отправляясь на богомолье въ село З-во, гдѣ по разсчетамъ Кузьки должна собраться большая публика, онъ счелъ за нужное нарядиться во все лучшее, ибо въ этомъ считалъ необходимое условіе всякаго праздника. Ко всѣмъ этимъ неудобствамъ его костюма, нужно прибавить узкіе выростковые сапоги, надѣтые на шерстяные чулки, и наконецъ глубокія калоши. Кузька прихрамывалъ и отставалъ.

— Ты ежели хочешь идти, такъ иди! строго сказалъ ему Прохоръ Порфирычъ:—мнѣ съ тобой возиться некогда. Этакъ мы къ ночи не доберемся.

— Не сердись! уныло сказалъ Кузька.

Порфирычъ посмотрѣлъ на его разкраснѣвшуюся физіономію, по которой градомъ лился потъ, и проговорилъ:

— Ишь рожу-то нажевалъ!...

— Да будетъ тебѣ, ей-Богу! беззащитнымъ голосомъ протянулъ Кузька, и обтеръ лицо колючимъ драповымъ рукавомъ.

— Ну иди, иди... Брошу!

Кузька повидимому очень дорожилъ компаніей спутника, потому, что ускорилъ походку и скоро поровнялся съ нимъ.

— И кто это только праздники выдумалъ? бормоталъ онъ шопотомъ, чувствуя во всемъ тѣлѣ нестерпимый жаръ.

Пріятели молча продолжали шествіе по пустыннымъ переулкамъ. Жаркій вѣтеръ повременамъ дулъ въ ихъ запотѣлыя лица и чуть-чуть шевелилъ запыленными листьями корявыхъ яблонь, вѣтки которыхъ перевѣшивались кое-гдѣ черезъ заборы. Отъ жары народъ попрятался въ дома; вездѣ были закрыты ставни; спали люди, спали собаки. А солнце жгло и палило не уставая...

Исчезли послѣднія дворишки самаго отдаленнаго переулка, и путники вышли въ поле. Пыльный и узенькій проселокъ извивался по небольшой возвышенности, отлого спускавшейся къ болотистому дну неглубокой ложбины. Здѣсь, чрезъ трясину, перекинутъ маленькій мостъ безъ перилъ, запрудившій собою зеленую и гнилую болотную воду. На противуположномъ возвышеніи холма красуется новый кабакъ; около крыльца воткнутъ въ землю длинный шестъ, къ концу котораго привязана пустая бутылка.

Народу идетъ видимо-невидимо, преимущественно бабы, дѣвушки, и молодые мужчины всѣхъ классовъ и званій. Прохоръ Порфирычъ идетъ молча, будучи обуреваемъ своими тайными размышленіями.

Размышленія его имѣли довольно глубокомысленное направленіе. Нужно сказать, что во всей улицѣ нашей онъ былъ единственный человѣкъ, умѣвшій обходиться безъ кабака, безъ разбитаго глаза, и всегда имѣвшій изящный костюмъ. Благосостояніе Прохора Порфирыча было до сихъ поръ прочно до изумительности, но послѣднія трудныя времена до такой степени оказались трудными, что поколебали даже и его благосостояніе. Даже онъ, вздохнулъ не одинъ разъ. Самое ревностное желаніе рабочаго народа было желаніе войны: хоть бы подрались гдѣ-нибудь, толковали рабочіе, — все больше было бы сбыту на оружейный товаръ; но войны какъ на зло нигдѣ не случалось. Прохоръ Порфирычъ, въ эту трудную пору, до того унизилъ свой авторитетъ, что рѣшился даже обратиться за совѣтомъ и свѣдѣніями къ Пелагеѣ Петровнѣ. Эта дама не дала ему, впрочемъ, положительнаго отвѣта ни на одинъ вопросъ; а насчетъ войны отозвалась, что не „слыхать“.—Точно что, говорила она, гдѣ-то засѣдаютъ объ этомъ дѣлѣ, насчетъ того, гдѣ и какъ, но будутъ ли воевать или нѣтъ, навѣрно сказать нельзя.

Стали поэтому гнѣздиться въ голову Прохора Порфирыча мысли о женитьбѣ, и слѣдовательно отчасти и о любви. Но эту послѣднюю вещь, онъ тотчасъ же подвергнулъ собственной критикѣ и убѣдился въ полной ея невыгодѣ, тѣмъ болѣе, что онъ въ совершенствѣ зналъ женскій полъ нашей улицы. Понадѣяться на

этотъ полъ было весьма опасно; въ доказательство этого онъ могъ привести множество примѣровъ: не дальше какъ вчера онъ пробирался ночью, держа сапоги въ рукахъ, къ своей сосѣдкѣ, у которой мужъ на минутку отбылъ въ село Селезнево для излеченія отъ запоя. Недѣли двѣ тому назадъ встрѣтилъ онъ въ городскомъ саду одну особу женскаго пола, которая несла изъ дому ужинъ брату-цѣловальнику, и имѣлъ съ ней нѣчто секретное, послѣ чего еще разъ убѣдился въ правотѣ своего взгляда на женскій полъ. Положительныя желанія его, насчетъ этаго предмета, состояли въ томъ, чтобы взять жену съ состояніемъ, не обращая вниманія на физіономію и возрастъ: при этомъ область любви онъ намѣренъ былъ уступить супругѣ въ полное распоряженіе, а самъ предполагалъ завѣдывать исключительно капиталомъ, мечтая объ осуществленіи одного наивыгоднѣйшаго предпріятія. По мнѣнію Порфирыча, самое выгодное занятіе--кабакъ; въ качествѣ умнаго человѣка онъ устроитъ кабакъ около какой нибудь большой фабрики, будетъ давать рабочимъ въ долгъ, подъ условіемъ получать деньги изъ рукъ хозяина, который согласится на устройство кабака около фабрики, потому, что Порфирычъ предложитъ ему профитъ; т. е. вмѣсто, напримѣръ, пяти рублей, будетъ брать только четыре, а за рабочимъ запишется все-таки пять. Въ воображеніи Прохора Порфирыча кабакъ этотъ рисовался какою-то разверстою пастью, которая не переставая будетъ глотать черныя фигуры мастеровыхъ. Картина и планъ были весьма эффектны и выгодны, не находилось только невѣсты съ капиталомъ. Давно уже пустился онъ за поисками того и другого, но удачи особенной не видалъ. Пробовалъ было онъ отправиться поискать счастья на ту сторону, въ зарѣчье, но получилъ такой репримандъ, какого и не ожидалъ никогда.

Дѣло въ томъ, что зарѣченскіе нравы имѣютъ свои особенности. Между прочимъ одна состоитъ въ томъ, что дамы терпѣть не могутъ тамошнихъ кавалеровъ за ихъ невѣжественность и грубость: всякій изъ нихъ наровитъ ошарашить кулакомъ предметъ своей страсти, или двинуть въ бокъ; но ни вѣжливости, ни деликатности нѣтъ и слѣда: даже разговаривать не умѣютъ. Зная

эти качества зарѣченскихъ кавалеровъ, Прохоръ Порфирычъ намѣревался ослѣпить красавицъ собственнымъ образованіемъ и ловкостію, и однажды отправился въ зарѣчье. День былъ воскресный, дѣвицы и кавалеры гуляли, то есть молча смотрѣли другъ на друга, помѣстившись, сообразно полу, на противуположныхъ тротуарахъ. Величественная фигура Порфирыча, граціозно выступавшая посрединѣ улицы, обратила на себя вниманіе дамъ, и кавалеры вознегодовали. Каково же было ихъ удивленіе, когда они увидѣли, что одна изъ дамъ задала моему герою вопросъ, и тотъ осмѣлился ей отвѣчать, изящно приподнимая широкополую пуховую шляпу. Увлеченная этой шляпой, дама спросила у него:

— Какой вы націи?

Прохоръ Порфирычъ понялъ, что настало время блеснуть, и поэтому отвѣчалъ безъ запинки:

— Испанецъ.

— Куда же вы идете? продолжала дама, дѣлая очаровательную улыбку, которая отъ восторга охватила даже ея уши.

— Въ Персію! отвѣчалъ Порфирычъ и, набекренивъ шляпу, продолжалъ свое тріумфальное шествіе. Не смотря на видимую деликатность и изящество разговора, негодованіе зарѣченскихъ кавалеровъ возрасло до такой степени, что они тотчасъ же отрядили въ догонку за нимъ двухъ депутатовъ, обладавшихъ громадными кулаками. Депутаты нагнали тріумфатора за угломъ, сдѣлали ему нѣсколько вопросныхъ пунктовъ насчетъ того „какъ смѣлъ?“ и тотчасъ же засучили рукава... Прохоръ Порфирычъ возвратился домой съ вывихнутою рукою, болью въ груди и съ синяками по всему тѣлу. Этотъ неожиданный пассажъ лишилъ его всякой надежды отыскать невѣсту въ зарѣчьѣ, вслѣдствіе чего онъ снова долженъ былъ находиться въ томительномъ ожиданіи благопріятнаго случая.

Размышленія по поводу этихъ обстоятельствъ и этихъ надеждъ, одолѣвали его голову въ то время, какъ онъ шолъ на богомолье въ З—во. Кузька молча слѣдовалъ за нимъ, стараясь не отставать.

— У тебя многоль денегъ-то? спрашиваетъ его Порфирычъ, не поворачивая головы...

— Да, пожалуй, цѣлковыхъ два наберу. Ты, Порфирычъ, бери ихъ... Бери всѣ..

— Вона!... Я на всякій случай.... Кабы съ купца получилъ....

— Чего тамъ, съ купца! Бери всѣ... Куда мнѣ ихъ? Я и не приберу... Только ты меня не кидай...

— Куда я тебя кину?

— То-то! Ужь, сдѣлай милость, голубчикъ... Ежели бросишь, что я одинъ-то?.. Легче-же, во сто разъ, воротиться...

— Ну, да ладно, не брошу! „Экая осина какая!“ подумалъ Порфирычъ и замолчалъ снова.

А Кузька очень радовался, что будетъ имѣть вѣрнаго защитника и руководителя.

Пелагея Петровна, приходившаяся Кузькѣ теткой, взяла его на воспитаніе, когда ему было три года. Не любя мужа и не имѣя дѣтей, она отдала весь запасъ женской любви воспитанію своего пріемыша; главныя старанія ея состояли въ томъ, чтобы освободить Кузьку отъ тѣхъ несчастій и пороковъ, которыми видимо страдала наша улица. Поэтому Кузька съ малыхъ лѣтъ постоянно находился при ней, получая ласки въ видѣ непрерывной ѣды; общество мальчишекъ было для него чужимъ; онъ одинъ катался на ледянкѣ около воротъ, не смѣя и боясь присоединиться къ компаніи, и цѣлыя дни проводилъ въ обществѣ старухъ, привыкнувъ къ существованію безъ крайныхъ растеряевскихъ интересовъ. Кузька былъ усыпленъ, и заколоченъ до такой степени, что никакая новость, никакой любопытный фактъ, который ему приходилось видѣть въ первый разъ въ жизни, не приковывали его вниманія. Нужно было долго долбить одинаково сильными впечатлѣніями въ окаменѣлую голову его, чтобы пробрать и заставить его заинтересоваться и жить. Но когда, наконецъ, онъ раззадоривался, удержать его было трудно. На самоварной фабрикѣ, куда Пелагея Петровна помѣстила его, въ первый годъ, затылокъ его былъ всеобщею наковальнею, на которой пробовалась сила хозяйскихъ и

товарищескихъ кулаковъ. На второй годъ онъ понялъ, въ чемъ дѣло и, развиваясь далѣе, наровилъ было уже отвѣдать прелестей кабака, но Пелагея Петровна во время спохватилась, и тутъ началась реставрировка его развращавшейся души, при помощи полѣньевъ. Каждую субботу Пелагея Петровна припасала для своего пасынка, по меньшей мѣрѣ, два полѣна. Такая полѣнная реставрировка сдѣлала то, что Кузька будучи уже взрослымъ малымъ, былъ глупѣе всякаго растеряевскаго ребенка. Огражденный стараніями Петровны отъ развращенныхъ нравовъ,—Кузька, по планамъ этой дамы,—имѣлъ уже всѣ шансы на счастливое и безмятежное житіе. Страхъ, который чувствовалъ Кузька къ своей пестуньѣ, — заставлялъ его всѣми мѣрами слѣдовать ея теоріи насчетъ собственнаго благосостоянія, и выискивать въ растеряевскихъ нравахъ такія проблески жизни, которыя не соприкасаются съ кабакомъ, не носятъ въ нѣдрахъ своихъ увѣчья, разбитаго глаза, сибирки и проч. Такъ какъ, въ самомъ дѣлѣ, — „не все же кабакъ“...

Но каково-же было изумленіе Кузьки (выражавшееся, впрочемъ самой неопредѣленной тоской во всемъ тѣлѣ), когда продолжительный опытъ доказалъ, что помимо кабака, помимо проклятій собственной жизни, и пр. пр., — въ растеряевскихъ нравахъ нѣтъ жизни. Чѣмъ дѣлиться растеряевцу съ своей семьей, которая, въ большинствѣ случаевъ тоже даетъ нравоученія въ формѣ безпрерывныхъ попрековъ. Въ этой-ли голодной и холодной семьѣ, — найдти хоть какую нибудь дозу удовольствія, лихорадочно необходимаго послѣ долгихъ трудовъ? Но главное, подъ силу-ли трезвому человѣку перейдти то море нуждъ, которое тянется и тянулось безъ конца... Насущный и ежеминутный вопросъ растеряевской жизни, — нужда. Подъ ея вліяніемъ — наши удовольствія, радости, — словомъ вся физіономія жизни. Кузька, благодаря попеченіямъ Балканихи, — не зналъ нужды, и слѣд., не могъ жить въ Растеряевой улицѣ. Ему не зачѣмъ было жить здѣсь. Посмотрите съ какими усиліями добивался онъ этой жизни „безъ кабака“, и чѣмъ вознаграждались эти усилія.

Вотъ стоитъ онъ за воротами, въ жаркій лѣтній полдень. По

причинѣ праздника, всѣ пообѣдали рано и поэтому на улицѣ—ни души. Кузька стоитъ на солнечномъ припекѣ, босикомъ, и со злобою скребетъ затылокъ, стараясь хоть чѣмъ нибудь развлечься. Вѣтеръ треплетъ его нанковые шаравары и красную распоясанную рубашку. Все окружающее знакомо ему до мелочей. Но вотъ, подъ заборомъ спитъ чья-то собака. Выраженіе лица Кузьки дѣлается опредѣленнѣе; онъ осторожно достаетъ кусокъ кирпича и, отставивъ ногу, развертывается кампемъ въ собаку... Пыль столбомъ взвилась у забора и собака съ визгомъ и лаемъ понеслась прочь, поджимая раненую ногу...

Визгъ собаки доставилъ Кузькѣ нѣкоторое удовольствіе; онъ слегка скосилъ губы на сторону, и вернулъ головой въ бокъ. И опять скука. Кузька замѣчаетъ наконецъ, что на углу, въ тѣни, мальчишки играютъ въ бабки. Онъ вдругъ почему-то, принимаетъ самую звѣрскую физіономію, торопливыми шагами идетъ туда, и сбиваетъ ногою всѣ бабки прочь.

— Ну, чего ты? пищатъ мальчишки.

— Прочь, прочь! кричитъ Кузька, разгоняя толпу затрещинами.

— Что они трогаютъ тебя? заступается баба.

— А другого мѣста рази нѣтъ имъ? возражаетъ Кузька.

— Ахъ, ты разбойникъ этакой. Постой, я вотъ Пелагеѣ Петровнѣ скажу, кричитъ баба вслѣдъ Кузькѣ.

— А по мнѣ говори! Что она мнѣ сдѣлаетъ?

— Вотъ увидишь что!

Кузька сконфуженъ. Снова попавъ въ область самой мертвящей скуки, онъ не рѣшается больше искать развлеченій на улицѣ и идетъ въ сарай. Здѣсь Никита чиститъ лошадь. Кузька медленно оглядываетъ давнымъ-давно знакомый ему сарай.

— Тебѣ чего нужно? строго спрашиваетъ его Никита.

— А тебѣ что?

— Ты чего тутъ не видалъ?

— Да вотъ хочу. Что тебѣ жалко?

— Ахъ ты, дубина! укоризненно говоритъ Никита. Пелагея-

то Петровна мало тебя бьетъ!.. Тебя, по совѣсти-то, надо дубиной, да получше...

— Чего ты ругаешься-то? Что за баринъ уродился?

— Подлецъ! Именно подлецъ. Ну чего ты здѣсь?

— Хочу!

— Дубина!

— Ну-ну, тронь!..

— Черти! раздавался голосъ Пелагеи Петровны и порядокъ возстановлялся. Разозленный Кузька заваливался спать гдѣ нибудь на чердакѣ за трубой, и съ горя спалъ какъ убитый. Просыпался онъ ранехонько утромъ, и тотчасъ, съ голоду, принимался путешествовать по чуланамъ и кладовымъ, отыскивая что нибудь съѣстное. Спросонокъ онъ дѣйствовалъ во время похищеній очень неаккуратно: ронялъ горшки, опрокидывалъ банки. Разбуженная стукомъ Пелагея Петровна являлась на мѣсто преступленія, и Кузька получалъ достойное.

Помимо полной невозможности отыскать себѣ хоть какое-нибудь развлеченіе, Кузька былъ еще несчастливъ въ томъ отношеніи, что въ качествѣ семнадцатилѣтняго ребенка, становился въ тупикъ передъ самыми обыкновенными человѣческими отношеніями; весь міръ Божій казался ему множествомъ совершенно отдѣльныхъ предметовъ, которые другъ съ другомъ не имѣютъ никакой связи. Если же порой у него и мелькала иногда мысль, объясняющая то или другое явленіе, то Кузькѣ дѣлалось какъ-то неловко, не по себѣ. Случалось, увидитъ онъ пригожую дѣвушку, и почувствуетъ при этомъ нѣчто особенное; онъ почти понимаетъ, въ чемъ заключается это нѣчто, но это кажется ему уже черезъ-чуръ страннымъ, и Кузька, безъ разговоровъ выкидываетъ какую нибудь безобразную штуку...

Дѣвушка, напримѣръ, улыбается и посылаетъ ему поцалуй, а Кузька показываетъ ей кулакъ, присовокупляя: — На-ко!

Въ заключеніе разсердится самъ же на себя и со зла хватитъ камнемъ въ собаку...

Между тѣмъ количество богомольцевъ, по мѣрѣ приближенія къ З-ву, увеличивалось. Дѣвушки шли толпами, звонко смѣялись, расходились по густой и высокой ржи, плели вѣнки изъ полевыхъ цвѣтовъ; встрѣтилась на пути жиденькая рощица, и богомольцы разсыпались между деревьями. Молодые люди, на которыхъ дѣвушки смотрѣли съ выразительными улыбками, присоединялись къ нимъ и шли вмѣстѣ. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей, понимая по своему смыслъ этихъ выразительныхъ улыбокъ, припасли по двѣ и по три бутылки наливки дамской, схоронивъ ее въ глубинѣ своихъ кармановъ.

Слышались разговоры:

— Ну-ко; кто кого? спрашивалъ одинъ юноша у другого, показывая изъ-подъ полы горлышко бутылки... Не хочешь ли потянуться?

Пріятели вламываются въ рожь и присѣдаютъ. Скоро опорожненная бутылка, словно ракета, взвивается вверхъ.

— Вонъ они, богомольцы-то! подтруниваютъ бабы. Вотъ такъ богомольцы!

По пыльной дорогѣ то и дѣло проносились купеческія телѣжки съ крѣпкими и статными лошадьми; изрѣдка тащились извощичьи дрожки съ сѣдокомъ-чиновникомъ, приготовлявшимся испить до дна чашу наслажденій, о которой означенный чиновникъ такъ много слышалъ отъ пріятелей. Вся громадная толпа путниковъ подвигалась весело впередъ. Солнце начинало садиться; тѣни прохожихъ вытягивались по земли до громадныхъ размѣровъ. Вотъ наконецъ и село. Богомольцы спускаются съ высокаго холма, огибающаго съ двухъ сторонъ низменный лугъ, переходятъ небольшой, трепещущій отъ ветхости, мостъ, и вступаютъ на средину сельской улицы. Направо тянется длинная линія просторныхъ избъ, съ сараями позади; налѣво, на возвышеніи холма, красуется помѣщичій домъ и церковь, къ которой примыкаютъ дома причта. Обѣ эти стороны раздѣлены небольшимъ ручьемъ съ болотистыми берегами.

Вся сельская улица противъ домовъ запружена народомъ. На

землѣ кипятъ самовары и идетъ веселое чаепитіе цѣлыми компаніями. Кавалеры всякихъ сортовъ лавируютъ мимо женщинъ, занявшихся чаемъ, выказывая необыкновенныя граціозныя тѣлодвиженія. По мѣрѣ того, какъ надвигались сумерки, и тетки, конвоировавшія молодыхъ дѣвицъ, толпами отправлялись въ церковь,— тайныя цѣли кавалеровъ дѣлались яснѣе. Дѣвицы, схватившись подъ руки, весело разгуливали по сельской улицѣ; кавалеры тоже цѣлыми взводами двигались имъ навстрѣчу, обжигая дѣвицъ многозначительными взглядами, и наконецъ рѣшались вступить въ разговоръ.

— Отчего же вы не въ церкви?

— А вамъ какое дѣло?

— Какъ какое? Помилуйте!...

— А вы лучше отстаньте...

— Н-нѣтъ-съ...

Начинается обоюдное плетеніе чепухи, совершенно неидущей къ дѣлу; тѣмъ не менѣе обѣ стороны среди этой чепухи успѣваютъ понять другъ друга такъ, что кавалеръ считаетъ себя вправѣ задать, наконецъ, вопросъ шопотомъ и на ушко:

— Вы гдѣ ночуете? шепчетъ онъ.

— У Силиверста, отвѣчаетъ дѣвица.

— Въ сараѣ?

— Да!

— Гм. Такъ, слѣдовательно, говоритъ онъ вслухъ: — вы напротивъ того мнѣнія, что любовь...

— Отвяжитесь, ради Бога!..

Люди опытные знаютъ наизустъ способъ веденія сердечныхъ дѣлъ, а люди неопытные напротивъ — въ крайнемъ стѣсненіи.

— Ты что же это говорилъ? пискливо пѣняетъ одинъ чиновникъ другому.

— Да сдѣлай милость — погоди! Дай разойдтись... Тогда — сразу!..

— У тебя все сразу.

И чиновникъ, съ обиженнымъ лицомъ проходитъ мимо дамъ.

Прохоръ Порфирычъ и Кузька тоже были въ толпѣ гуляющихъ. Кузька рѣшительно не понималъ, изъ какого источника льются эти нескончаемые разговоры кавалеровъ и дамъ? Гдѣ отыскать предметы для этихъ разговоровъ? Онъ былъ крайне сконфуженъ и плелся вслѣдъ за Прохоръ Порфирычемъ, какъ осужденный на смерть, тогда какъ послѣдній видимо успѣвалъ.

Вниманіе его было привлечено одной женщиной, очень недурной и миловидной, которая была въ З-вѣ безъ подругъ, и одна сидѣла за самоваромъ. Она постоянно конфузилась и бросала на мужчинъ испуганные взгляды.

Прохоръ Порфирычъ замѣтилъ это и погналъ отъ себя Кузьку.

— Отойди! сказалъ онъ: — мнѣ нужно!..

— Да куда жь я, занылъ было тотъ...

— Отойди прочь, говорю... Отстань!..

Кузьма съ горечью отошелъ отъ него и выбрался на самый конецъ села, гдѣ не было ни души. Здѣсь онъ расположился на травѣ и вздохнулъ свободнѣе. Прохоръ Порфирычъ тотчасъ приступилъ къ усиленной аттакѣ. Онъ началъ настойчиво лавировать мимо дѣвицы и пристально глядѣть на нее. Та сначала конфузилась, потомъ украдкой взглянула на кавалера; Прохоръ Порфирычъ отвѣтилъ ей легонькой улыбкой; дѣвицѣ, какъ кажется, очень понравилось это, но мой герой, зная женскій характеръ, побаловалъ незнакомку улыбкой всего только одинъ разъ и потомъ напустилъ на себя необычайную серьезность. Такой пріемъ Прохоръ Порфирычъ считалъ очень удобнымъ въ примѣненіи къ женскому полу, и дѣйствительно, — дѣвушка стала интересоваться имъ. Не смотря на свою видимую холодность, Прохоръ Порфирычъ старательно слѣдилъ за дѣвушкой, всѣми силами стараясь разрѣшить — кто она такая? На замужнюю не похожа, — такихъ молодыхъ жонъ мужья не отпускаютъ отъ себя въ З—во. Не похожа также и на дѣвушку, потому что около нее нѣтъ ни одной пожилой присматривающей фигуры. Считать ее изъ эдакихъ, онъ тоже не могъ, потому что въ ней не было ни нахальства, ни бойкости. Прохоръ Порфирычъ недоумѣвалъ: не вдова ли? думалъ онъ; но и на вдову тоже не было похоже: непремѣнно ужь былъ бы

около нея кто нибудь старшій. Не разрѣшивъ эти вопросы, Прохоръ Порфирычъ, рѣшился, во что бы то ни стало, попасть на ночлегъ въ тотъ именно сарай, гдѣ помѣстится и красавица.

Часовъ въ девять вечера улица начала понемногу пустѣть. Старухи возвращались отъ всенощной и укладывались спать въ избахъ, самовары исчезли, изрѣдка попадались кое-гдѣ фигуры пьяныхъ кавалеровъ. Сараи, помѣщавшіеся позади избъ, были полны молодежью. Прохоръ Порфирычъ стоялъ на улицѣ и шопотомъ разговаривалъ съ хозяиномъ одного двора.

— Будьте покойны! говорилъ хозяинъ.

— Здѣсь ли?

— Здѣсь, ужь я вамъ говорю. Пожалуйте!

Порфирычъ и хозяинъ вышли задними воротами къ коноплянникамъ и направились къ сараю.

— Ужь я васъ, говорилъ хозяинъ дорогою: — въ самое лучшее мѣсто положу.

Они вошли въ темный сарай; сквозь плетеныя стѣны его едва-едва прокрадывался лунный свѣтъ. Въ непроницаемой темнотѣ со всѣхъ сторонъ слышался шопотъ, подавляемый смѣхъ и изрѣдка многозначительный кашель.

— Гдѣ жь бы тутъ лечь? спросилъ Порфирычъ у хозяина.

— А вотъ-съ, я сейчасъ, сказалъ тотъ и зажегъ спичку. Яркій свѣтъ открылъ довольно живописную картину: во всемъ сараѣ, на разбросанномъ сѣнѣ лежали въ повалку мужчины и женщины: мужчины сохраняли самый невинный видъ и притворялись спящими, будучи не въ силахъ спрятать предательскую улыбку, которая играла на ихъ лицахъ. Женщины при свѣтѣ тотчасъ загомозились и принялись прятать голыя ноги подъ бѣлыя простыни, закрываясь ими до самыхъ глазъ.

— Да вотъ мѣсто, сказалъ хозяинъ.

Прохоръ Порфирычъ взглянулъ въ уголъ, предназначавшійся для него, и увидѣлъ знакомую дѣвушку, такъ интересовавшую его; она чуть-чуть выглянула изъ-подъ бурнуса и тотчасъ снова завернулась съ головой.

Спичка погасла. Прохоръ Порфирычъ ползкомъ пробрался ме-

жду лежавшимъ народомъ и достигъ своего ложа. Дѣвушка отодвинулась въ уголъ.

— Ничего-съ! сдѣлайте милость, не безпокойтесь... проговорилъ вѣжливо герой.

Во всемъ сараѣ было какое-то небезгрѣшное молчаніе.

— Куда ты? куда тебя дьяволъ несетъ? вдругъ вскрикивалъ женскій голосъ.

— Мнѣ сѣнца.

— Я тебѣ задамъ сѣнца!

— Что вы орете? Вотъ удивленіе!

Снова наставало молчаніе и потомъ снова разговоръ.

— Подальше, подальше, батюшка! У меня свой мужъ есть.

— Эхъ, господа! говорилъ разсудительно мужской голосъ.— Чортъ знаетъ, что вы дѣлаете... Развѣ такъ можно?

Нѣсколько кавалеровъ звѣрски захрапѣли.

— Вамъ безпокойно? спросилъ Порфирычъ сосѣдку.

— Нѣтъ, нѣтъ.

— А то не угодно ли, вотъ сюда?

— Нѣтъ, нѣтъ, шептала та.

— Да что вы опасаетесь? будьте покойны. Я не какой нибудь...

— Ужь вы этого не говорите. А я вамъ прямо скажу, я не на это сюда пришла.

— Да помилуйте! Даже на умѣ не было. Я вотъ передъ Богомъ скажу вамъ, всей бы душой познакомиться желалъ.

— Это зачѣмъ?

— Какъ-съ зачѣмъ?... Позвольте ваше имя отчество?

— Раиса Карповна.

— Такъ, Раиса Карповна, что же вы тятеньку имѣете?

— Нѣтъ, ни тятеньки, ни маменьки нѣту, померли.

— Что же, стало быть вы у родственниковъ изволите жить?

— Н-нѣтъ... Я не здѣшняя...

— Пріѣзжія?

— Епифанская... изъ Епифани...

— Да-да-да... И что же теперича вы здѣсь при мѣстѣ?

Дѣвица промолчала.

— Или въ услуженіи?

— Н-нѣтъ... Я... Да вы заругаетесь!..

— Ахъ! Что это вы? Какъ же я смѣю? Неужели жь этакое свинство позволю.

— Я... Господина капитана Бурцова знаете?

— Это, которые полкомъ тутъ стоятъ?

— Они.

— Ну-съ?

— Ну, я при нихъ...

— То есть какже это? По хозяйству?...

— Нѣтъ... Я собственно... Какъ они проѣзжали, и видятъ,— я сирота... „Поѣдемъ“ говорятъ... Ну я, конечно...

— Да-да-да... Что жь? Дѣло доброе.

— Вотъ вы надсмѣхаитесь!..

— Чѣмъ-же-съ?.. Даже ни-ни.

— „Э-э-э! подумалъ Порфирычъ, — вотъ она птица-то!“ и замолчалъ.

Тишина въ сараѣ приняла весьма непристойное направленіе: тамъ и сямъ слышался поцѣлуй, шопотъ... Все это очень растрогало Порфирыча; онъ вздохнулъ и обратился къ сосѣдкѣ.

— Ахъ, оставьте!.. Я и такъ ужь...

— Что такое?..

— Да самая горькая...

— То есть, изъ-за чего же...

— Голубчикъ! Лежите смирно! Я васъ прошу.

— Помилуйте! изъ-за чего же горькія? Будьте такъ добры... Обозначте!

— Они уѣзжаютъ: капитанъ-то...

— Н-ну-съ. Что же? И Господь съ ними...

— Хотѣли меня замужъ выдать, да кто меня возьметъ?

— Какъ кто? Конечно ежели будетъ отъ нихъ помочь...

— Они даютъ деньгами...

— Много ли?

— Полторы тысячи...

*

У Порфирыча захватило духъ.

— Ка-какъ?.. Пол-лтар-ры... Вы изволите говорить полтары?

— Да... Передъ вѣнцомъ деньги.

— Раиса Карповна, проговорилъ Порфирычъ... Вѣрно ли это?

— Это вѣрно.

— Я приду-съ... Къ господину капитану... Приду-съ!

— Голубчикъ! Вы надсмѣхаитесь...

— Правались я на семъ мѣстѣ... Завтра же приду...

— Ахъ, миленькій... Обманываете вы... Я какая... Вы не захотите...

— Да я скорѣй издохну... Деньги передъ вѣнцомъ?

— Да, да... Ужь и какъ же бы хорошо... Не обманете?

— Ахъ!.. Раиса Карповна!... Да чтожь я послѣ этого...

— Голубчикъ!...

Между тѣмъ Кузька, улегшійся на травѣ за селомъ, былъ въ большомъ унынiи: ничто не могло разшевелить его на столько, чтобы заставить раздѣлять общiя удовольствiя; его одолѣвала полная тоска. Долго лежалъ онъ молча; взошелъ мѣсяцъ; надъ болотомъ сталъ туманъ; заквакали лягушки, и на селѣ не слышалось уже ни единаго человѣческаго звука. Наконецъ тошно стало ему здѣсь. Онъ рѣшился идти въ село на ночлегъ.

На сельской улицѣ не было никого; только на одномъ изъ крылецъ сидѣлъ хмѣльной дворникъ и разговаривалъ съ бабой, стоявшей на улицѣ.

— Арина! говорилъ дворникъ.

— Что, голубчикъ?

— Уйди, говорю, отсюда.

— Илья Митричь! За чтожь ты меня разлюбилъ? Господи! Сирота я горемычная...

— Арина! говорю: уйди! Слышь?..

— Илья Митричь!

— Я говорю — уйд-ди!

Кузька вошелъ въ первые отворенные сѣни, спросилъ у хозяина позволенія ночевать и легъ съ глубокимъ вздохомъ, надѣясь, что можетъ быть завтра будетъ легче на душѣ.

Но надежды его не сбылись и завтра. Во-первыхъ онъ снова былъ безъ руководителя, такъ какъ Прохоръ Порфирычъ увлекся ночной сосѣдкой до безумія, чему въ особенности способствовали полторы тысячи „передъ вѣнцомъ". Второе несчастіе Кузьки состояло въ томъ, что утро другого дня не имѣло даже и того напряженнаго веселья, какимъ обладалъ вчерашній вечеръ: публика рано начала собираться въ городъ, такъ какъ все, самое интересное въ праздникѣ, было испытано уже вчера. Дѣвицы и кавалеры, встрѣчаясь другъ съ другомъ при дневномъ свѣтѣ, конфузились и опускали въ землю осоловѣлые глаза.

Публика разбредалась. На сердцѣ Кузки становилось все тяжелѣй и тяжелѣй: онъ не выносилъ съ гулянья ни одного пріятнаго ощущенія; рубль семь гривенъ, которыя онъ пожертвовалъ себѣ на увеселенія, были цѣлехоньки. — „Неужели-же, чуялось ему, съ тѣмъ и домой воротиться"! Какъ за послѣднюю надежду, ухватился онъ за мысль — снова пойдти въ кабакъ.

Въ кабакѣ было множество посѣтителей... Пили, говорили съ пьяныхъ глазъ, что-то совсѣмъ непонятное, спорили, жаловались. Вниманіе Кузьки было привлечено компаніею подгулявшей молодежи.

— Нѣтъ не выпьешь! кричалъ одинъ.

— Анъ врешь!

— Что такое?

— Да вотъ Ѳедоръ берется четверть пива выпить на споръ.

— Давай, объ чемъ?

— И спорить не хочу...

— Нѣтъ, нѣтъ, пущай его! Другъ, — пива!

— Поглядимъ...

Явилась четверть пива въ желѣзной мѣркѣ; Ѳедоръ перекрестился, поднялъ ее обѣими руками и принялся цѣдить.

Публика слѣдила за нимъ съ особеннымъ вниманіемъ.

— Н-нѣтъ! произнесъ неожиданно Өедоръ, — и хлопнулъ четвертью объ столъ...

— А-а!... послышалось со всѣхъ сторонъ.

Охмѣлѣвшій Өедоръ присѣлъ къ столу. Глаза его смотрѣли безсмысленно.

Кузька, въ минуту неудачи Өедора, вдругъ почувствовалъ въ себѣ сознаніе чего-то небывалаго. Громадныя нетронутыя силы, давно ждавшія какого нибудь выхода, зашевелились. Онъ видѣлъ теперь передъ собой такое дѣло, которое понималъ вполнѣ, и которое могло прославить его, по крайней мѣрѣ въ З—скомъ кабакѣ. Кузька чувствовалъ, что теперь ему предстоитъ сдѣлать первый сознательный и смѣлый шагъ. Онъ смѣло подошелъ къ гулякамъ и проговорилъ:

— Что дадите я выпью четверть?

— А ты чѣмъ стоишь?..

— Берите что есть: рубль семь гривенъ.

— Ладно! А съ нашего боку, ежели выпьешь: пей сколько хочешь и чего твоей душѣ угодно... Деньги наши... Идетъ?

— Кричи!...

— Пивва! заорала компанія...

Скоро все общество въ кабакѣ столпилось около Кузьки, который удивлялъ всѣхъ своимъ богатырскимъ подвигомъ. Четверть пива быстро подходила къ концу: Кузька ни разу еще не передыхнулъ, только лицо его медленно наливалось кровью, глаза выкатились и сверкали бѣлками...

— Ахъ прорва! говорилъ удивленный зритель.

— Батюшки, шатается! вскрикнулъ другой, шатается!..

— Держи, держи его... Разшибется!..

— Уйдти отъ грѣха! прошепталъ третій и выскользнулъ изъ кабака: на улицѣ онъ слышалъ, какъ въ кабакѣ что-то грузное рухнулось на земь...

Мнѣ остается прибавить еще очень немного: Кузьма умеръ въ больницѣ, въ бреду... Сонныя нервы его были наповалъ разбиты

слишкомъ непривычнымъ хмѣлемъ, и уже болѣе не очнулись. Прохоръ Порфирычъ напротивъ того съ успѣхомъ сдѣлалъ второй шагъ на поприщѣ своего благосостоянія: онъ явился къ господину капитану Бурцеву, объяснилъ ему свое желаніе вступить въ бракъ, и особенно настойчиво изложилъ условія этого брака. Фразы: „полторы тысячи“ и „передъ вѣнцомъ“ занимали достаточную часть въ его объясненіи. Не смотря однако на видимую корысть, согласіе было дано... Болѣе всѣхъ радовалась бѣдная невѣста, которая и не чаяла какъ вырваться на Божій свѣтъ... Она безмолвно благоговѣла передъ своимъ женихомъ, и изъ метрессы, превратилась въ покорное любящее существо, готовое на всякую жертву.

— Голубчикъ! съ любовью шептала она, бродя вслѣдъ за Прохоръ Порфирычемъ по саду, куда капитанъ отправилъ ихъ переговорить: милый мой!...

Мой герой и здѣсь не уронилъ себя: видя въ невѣстѣ неподдѣльную любовь, онъ постарался съ своей стороны отплатить ей за это какъ можно благороднѣе. Для этого онъ вѣжливо задавалъ ей вопросы на счетъ того,—„не мѣшаетъ-ли, молъ, вамъ табачный дымъ?“ Подхватывалъ упавшій платокъ, подносилъ благовонный букетъ, и среди всякаго рода вѣжливостей не забывалъ присовокупить:

— Такъ ужь сдѣлайте милость, чтобы это было вѣрно, — передъ вѣнцомъ-то...

ЭСКИЗЫ.

I.

СТАРЬЕВЩИКЪ.

ИЗЪ МОСКОВСКОЙ ЖИЗНИ.

Зима. Стыдь.

Задолго еще до перваго колокола, до перваго визга извощичьихъ саней по закаленному лютымъ морозомъ снѣгу, начинаетъ пробуждается жизнь на столичномъ дворѣ. Въ грязныхъ клетушкахъ, въ нижнихъ этажахъ, гдѣ гнѣздятся сапожники, и портные, напоминающіе міру о своемъ существованіи скромною вывѣской, уставившейся своимъ золотымъ сапогомъ или растопыренными ножницами куда-нибудь въ стѣну, въ кучу дровъ или въ такой уголъ, куда съ незапамятныхъ временъ не забредала ни единая человѣческая нога,—въ этихъ-то сырыхъ подземельяхъ, обдающихъ свѣжаго человѣка какою-то кислятиной вмѣсто воздуха, прежде всѣхъ просыпается людское горе, съ вечера звонко залитое въ кабачкѣ, подъ извѣстнымъ заглавіемъ: „Уединеніе“ „Мечта“ и пр. Просыпается оно въ тощей фигуркѣ сапожника Сидора Иванова, портнова Ивана Сидорова, и запахиваясь рваным халатомъ, сквозь который морозъ запускаетъ свои колючіе, какъ иглы, лапы, — ежась бѣжитъ опохмѣлиться, поправиться, обыкновенно ухлопывая при этомъ послѣдній пятачекъ, а за отсутствіемъ его, собственный жилетъ, сапожную колодку, женнинъ пла-

токъ и вообще все, что не подвернется подъ руку... А навстрѣчу ему уютное пристанище съ отрадною надписью: „распивочно“ давно уже распахнуло свои гостепріимныя объятья, и прочно погребаетъ за своей почернѣвшей дверью. весь этотъ болѣющій людъ, испугавшійся при дневномъ свѣтѣ собственнаго безобразія и старающійся куда-нибудь скрыться даже отъ самаго себя. Этотъ же внутренній испугъ заставляетъ до свѣту убраться со двора, затащенную юнкеромъ Тесаковымъ камелію, вчера же претерпѣвшую тысячи заушеній и заплеваній отъ высоконравственной съемщицы Распериной... Виляя своимъ искалѣченнымъ кринолиномъ, нетвердою поступью бѣжитъ она черезъ дворъ и, выйдя за ворота, направляется къ Грачевкѣ.

Гдѣ-то ударили къ обѣднѣ; жизнь на дворѣ шумитъ сильнѣе и сильнѣе; тащится съ салазками молошница, со скрипомъ въѣзжаетъ водовозъ, вмѣстѣ съ бочкой составляющій какъ бы одинъ довольно объемистый кусокъ льду; медленно плетется на дровняхъ съ угольями, весь почернѣвшій, отъ сосѣдства съ ними, мужикъ, и ставъ посреди двора, громко кричитъ: „уголь!“, выставляя при этомъ свои бѣлые какъ снѣгъ зубы. Просыпаются рачительные хозяева и опрометью спѣшатъ на рынокъ, на ходу совершая крестное знаменіе и, очевидно, призывая этимъ помощь божью въ предстоящей битвѣ съ мясникомъ, овощнымъ лавочникомъ и т. д. Просыпается харчевникъ, Кузьма Шестовъ и выкатываетъ собственное трехъ-обхватное зданіе на крыльцо, находя здѣсь почему-то болѣе удобнымъ почесать свое тучное благоутробіе... Чуть не до-красна раскаленный, Кузьма Шестовъ мгновенно тонетъ въ облакахъ собственнаго тепла: паръ, распространенный имъ, то столбомъ рвется вверхъ, будто стараясь лизнуть корнизъ дома, то тучей ползетъ по землѣ, подергивая легкой дымкой—забытый съ прошлаго года кѣмъ-то тарантасъ, водовоза, и этаго пигалицу-мальчишку, посланнаго за калачемъ и уже поглощеннаго до такой степени неизмѣримымъ драповымъ картузомъ, что его съ удобностію можно бы было натянуть на самую вершину Сухаревой башни. Морозъ жжетъ, щиплетъ, душитъ, и свободно вздохнуть не даетъ... Изъ-подъ тысячи полозьевъ несется неумолкаемый визгъ и какъ

бы какой-то безконечной струей стоитъ надо всѣмъ городомъ... Изъ трубъ медленно ползутъ къ верху столбы дыма, застилая собою небо, и сквозь эту дымную занавѣску тускло смотритъ, колеблющимся пятномъ, зимнее солнце...

Въ это время посреди двора стоитъ старьевщикъ. Въ теплой дубленкѣ, въ тепломъ картузѣ и валенкахъ онъ не боится холоду и поэтому, не спѣша, попѣваетъ свою пѣсенку:

— Ссстаррова тряпья... старрыхъ сссапнагговъ нѣтъ ли продавать? Попоетъ-попоетъ, поправитъ подъ мышкой аккуратно свернутый кулечикъ, и поведетъ глазами по сотнямъ оконъ, преимущественно заглядывая или подъ крышу, или на другой конецъ—въ самый низъ, откуда печально смотрятъ эти микроскопическія, продолговатыя оконца, лѣтомъ сплошь забрызганныя грязью, а зимой скрывающіяся за напухшею грудою снѣга, льду и сосулекъ.

Смотритъ старьевщикъ, постукиваетъ нога объ ногу и снова тянетъ свою пѣсенку, и поетъ онъ ее такимъ заунывнымъ голосомъ, такъ плакуче, что ее слышитъ только та непроходимая гольнищета, у которой вся надежда на существованіе — это старыя голенища, да и то тогда только, когда за нихъ сподобитъ Господь содрать копѣекъ двадцать.

Гдѣ-то вверху открылась форточка, женскій пискливый голосъ позвалъ старьевщика, и скоро онъ, шагая, по нескончаемымъ столичнымъ лѣстницамъ, распрашивалъ у добрыхъ людей, какъ пройдти въ квартиру къ мѣщанкѣ Слезовой.

Мѣщанка Слезова сама утверждала, что Господь наложилъ на нее особый крестъ, который она и должна нести до гроба. Крестъ этотъ она называла совѣстью.

— Надѣлилъ меня, батюшка Милостивый, надѣлилъ! говорила она... И столь онъ, батюшка милостивый надѣлилъ меня, что всякій можетъ мнѣ на шею сѣсть, добавила она, заливаясь горючими слезами.

Не неси она этого креста, ей не нужно было бы теперь сбы-

вать оставшійся послѣ покойника мужа хламъ, потому что сама она съ голоду не умретъ: женщинѣ много ли нужно? Такъ пожевала-пожевала что-нибудь въ сухомятку — и сыта: а на это-то хватитъ, стало-быть съ этой стороны и толковать нечего. Но ее постоянно мучитъ постоялецъ — отставной прапорщикъ Волшебновъ, непремѣнно требующій обѣда, да еще старуха Митревна, уже третій день проклинающая, лежа на печи, и жизнь свою сибирную, и сосѣдей, и хозяйку, — старуха, которая ежеминутно молитъ Бога о смерти, и потому только, что въ эти три дня не удалось ей потѣшить чайкомъ свою ветхую утробу... Можно было бы уладить дѣло и съ этей стороны, можно было бы доложить Волшебнову, что увѣреніе въ благородствѣ хоть и важная вещь, но что въ лавочкѣ за него не дадутъ и ваксы на двѣ копѣйки. Да и Митревну можно бы посдержать, напомнивъ, „что молъ я, Слезова, не изъ корысти держу тебя, не изъ корысти пою-кормлю, а только ради холода твоего да голода, соболѣзнуя твоему горю, отъ котораго и самой некуда дѣться...“

Но видно такъ уже была устроена Слезова, что мысли о заступничествѣ за собственный карманъ она никакимъ образомъ не подпускала близко къ себѣ, и поэтому-то ежеминутно терзалась и голоднымъ желудкомъ прапорщика, и жаждою старухи. Въ подобныя минуты ей даже казалось, что на нее съ укоромъ смотритъ и холодная печка, и пустые горшки, и согнутый на сторону самоваръ... „Что же ты, говорятъ будто бы эти враги, топи что ль меня? А! тебѣ нечего варить во мнѣ, — хозяйка тоже!.. Тьфу ты! вотъ что ты, а не хозяйка!..“ А занятые третьяго дня у сосѣдки три куска сахару... Господи! какими камнями, лежатъ они на ея честной, правдивой душѣ!

Сообразивъ такое состояніе людей, обитавшихъ въ кухнѣ, читатель быть можетъ пойметъ, что небесная помощь, въ какомъ бы то ни было видѣ, здѣсь ждется всѣми, и поэтому очень естественно, что старьевщика, какъ воплощающаго въ своей плутоватой фигурѣ эту помощь, приняли здѣсь съ распростертыми объятіями.

— Куда тутъ? какъ бы кадушку-то не того... опрокинешь неравно, говорилъ онъ влѣзая въ кухню сквозь маленькую дверь,

и втаскивая съ собою тучу холода, которымъ и безъ того изобиловало жилище Слезовой... Шурша своимъ закалянившимся тулупомъ, на ходу зацѣпляя имъ ухватъ, сковородникъ и кочергу, старьевщикъ вступилъ въ сосѣднюю комнатку, до того микроскопичесую, что помѣщавшіеся въ углу образа занимали чуть не цѣлую ея треть. Тутъ же стояла кровать, а на стѣнѣ болталось зеркальце, имѣвшее особенную способность стягивать всѣ черты лица въ одну точку, къ концу носа.

Взойдя, старьевщикъ произнесъ: „добраго здоровья!“ уложилъ на полъ свой мѣшокъ, шапку и рукавицы, обтеръ полою полушубка заледенѣвшіе усы и холодно произнесъ:

— Продаете что?..

— Да, вотъ кой-что есть, говорила Слезова, нагибаясь къ полу и запуская подъ кровать палку.

— То-то, продавайте:--я нонѣ добрый...

— Видишь ты! произнесла старуха.

— Сейчасъ издохнуть!.. Такой милосливой и-и-и!.. на тощакъ не выговоришь... Мѣху нѣтъ ли? галуновъ? Пошарьте.

— Нако-сь вотъ сюртукъ... годится ли?

Принимая въ руки сюртукъ, старьевщикъ зоркимъ глазомъ, съ одного маху, окинулъ его и, заглядывая въ мельчайшіе закоулки, нападалъ на такія пятна, прожженныя щелки и изъяны, которые Слезовой очень желалось бы спрятать... И вотъ отъ этой-то зоркости старьевщика каждая дыра па полѣ и на рукавѣ прожигала такую же дыру въ ея сердцѣ.

Вскорѣ изъ-подъ кровати, при пособіи палки и кочерги, которою орудовала старуха, появились на свѣтъ божій, вмѣстѣ съ кучею сора и неизвѣстно откуда взявшагося пуху, старые, совершенно жолтые панталоны покойника супруга, Ануфрія Максимыча; потомъ заплесневѣлая бутылка съ продавленной внутрь пробкой, и наконецъ чей-то, богъ-вѣсть какимъ образомъ попавшій сюда, форменный картузъ съ зеленымъ околышемъ и разорваннымъ козырькомъ. Все это будило въ головѣ Слезовой забытое прошлое, поднимало и вихремъ несло ея прошлыя скорби. То представлялось ей, какъ покойникъ супругъ-парикмахеръ, въ видахъ бары-

шей перебравшійся въ Петровскій паркъ на дачи, вдругъ запилъ, залукнулся въ городъ и пропалъ безъ вѣсти. А тутъ зима. Лѣсъ опустѣлъ, снѣгъ сугробами одѣлъ дорогу въ Москву, а морозъ уже успѣлъ проглодать углы въ досчатой хибаркѣ... Со слезами на глазахъ, завернувъ въ полу заячьей шубки свою Лизу, которая теперь гдѣ-то въ бѣлошвейкахъ на Дмитровкѣ, бредетъ она, Слезова, въ Москву, къ Каменному мосту: „дескать, не распознаю-ли у сродственниковъ про Ануфрія Максимыча?“ Вѣтеръ дуетъ въ упоръ, вязнутъ въ сугробахъ слабыя ноги, а идти далеко! Добрела. — Не у васъ ли, Марфа Марковна, супругъ мой? А супругъ, будто кругомъ виноватъ, смирный такой, услыхалъ изъ другой комнаты и кротко таково говоритъ; „А, говоритъ, Аксюша! ты это... здравствуй! виноватъ я, Аксюша!..„ И присѣла она въ это время на оконникъ и сидѣла ровно безсловесная, потому—и слеза нейдетъ, и слова выговорить нельзя... Или вдругъ—смѣшно сказать! Эти желтые панталоны, протертые на колѣняхъ и заплатанные синимъ тикомъ отъ женниной шубы,— какую страшную сцену, ворошатъ они въ ея головѣ!... Помнится ей, какъ вотъ въ этихъ самыхъ панталонахъ, надъ которыми старьевщикъ покатился со смѣху, привезли Ануфрія Максимыча замертво. Подняли его добрые люди гдѣ-то на улицѣ; а оттого онъ довелъ себя до этого, что не на добрыя деньги вздумалъ гулять — пустилъ ризу съ вѣнчальнаго образа, раздѣлъ его, батюшку, до-нага! И вотъ онъ въ больницѣ; то хочется ему огурчика, то селедки, то кваску,— и Аксюша съ какимъ-то особеннымъ искусствомъ, рождающимся только въ пору высокой привязанности, умѣетъ протащить ему эти продукты, утаивъ ихъ отъ зоркихъ глазъ начальства гдѣ-нибудь на груди, въ концахъ головнаго платка, или подъ полою.—„Виноватъ я, говоритъ больной, — много я тебя, Аксюша, бивалъ понапрасну, ни за что, и много я у господняго престола долженъ отвѣту дать за мои буйства и кровопролитія. Только прости ты меня, Аксюша, здѣсь, на семъ свѣтѣ, потому и безъ этого я, новопреставившійся, рабъ божій долженъ въ муку вѣчную. А подъ подушкой на Лизино счастье узелокъ есть, и скопилъ я тамъ на ассигнаціи сто рублевъ...“

И много-много еще!..

Осажденная этими воспоминаніями, Слезова съ какимъ-то уныніемъ искала, чтобы присоединить въ кучѣ разнаго зброда, валявшагося на полу. Старьевщикъ все принималъ и даже старался ободрить хозяйку, видя что она конфузится, подавая какой нибудь шерстяной носокъ съ дырявой пяткой или заплѣсневѣвшій картузъ: онъ надѣвалъ носокъ на руку, утверждая, что изъ него очень легко сдѣлать варешки, примѣривалъ картузъ, и примѣривалъ такимъ ухарскимъ манеромъ, что даже Слезова не могла не улыбнуться, а старуха просто плюнула, проговоривъ:

— О шутъ тебя возьми, пугало воронье!..

Наконецъ, сѣвъ на полъ и подобравъ подъ колѣни весь собранный скарбъ, старьевщикъ придавилъ его растопыренною рукою и произнесъ:

— Еще чего нѣтъ ли?

— Нѣтъ, больше ничего нѣту...

— Пошарьте...

— По комодамъ развѣ?

— Ну, по комодамъ... Галуновъ нѣтъ-ли?...

— Нѣтъ, галуновъ нѣту... Ничего больше нѣту.

— Ну, такъ стало-бытъ сколько? Говори мать по-божьему.

— Что мнѣ? Я по-божьему...

— Ты самъ-отъ по-божьему-то, произноситъ старуха, чувствуя потребность заступиться за Слезову, потому что надежда на чаепитіе почти обезпечена.

— Эна! Мы люди, бабка, во какъ — одно слово!..

— Видишь ты!!.

— То-то и есть... А я, милая моя, вотъ какъ: я свою цѣну даю, ты свою... Что же? разберемъ такъ: сертукъ этотъ самый, конечно, что говорить, очень онъ превосходенъ, и дадутъ намъ за ихъ милость двадцать копѣекъ, а мы, значитъ, даемъ ему назначеніе—гривенникъ по той причинѣ, какъ намъ и самимъ преферанцъ надобенъ. Такъ-то-съ!

Происходитъ общій вопль, котораго впрочемъ старьевщикъ

кажется не слышетъ, потому что онъ продолжаетъ снова, примѣ ривая картузъ.

— Они, теперича... Какое объ нихъ мнѣніе? — высокое! ибо цѣна трынка...

Опять ропотъ.

— Да ты вотъ что: Богъ-то есть въ тебѣ?

— Какъ не быть.

— Стало-быть нѣту...

— Вѣрно есть! Повѣрьте — такъ точно... А что, ежели это—трынка, такъ чѣмъ же она не монета? Слава Богу!

Въ это время въ дверяхъ показался постоялецъ, офицеръ, съ взъерошенными волосами, въ плисовомъ рваномъ халатѣ.

— Ты, обратился онъ къ старьевщику,—купишь?

— Покажте-съ.

— Что тебѣ? нюхать что-ли? Видишь, кинжалъ, сабля...

— Придется, нюхаемъ... Только онъ, оружій этотъ, дешевъ..

— Какъ?!.

— Ничего онъ для насъ не стоитъ...

— Мерррзза...!

Постоялецъ исчезаетъ.

— А то вотъ не купишь-ли, говоритъ старуха, вылѣзая изъ кухни.

— Какой товаръ?

— Пуговицы костяныя.

— Много ль?

— Пара всего... Теперь такихъ пуговицъ нѣту...

— Ну сталъ-быть и пущай они дружка съ дружкой... парочкою стало-быть.

— А я, мылъ, авось гривну какую...

— Гривну-у? гривну-то я за тебя, старушка дамъ-ли?.. И то, ежели на распорку, коли дѣло будетъ. Вотъ какъ! хе, хе, хе... А то—изволите видѣть!

— Покупаешь? произноситъ снова явившійся офицеръ...

— Никакъ нѣтъ... радъ бы душею.

— Подлецъ!!

— Сердитъ баринъ-отъ, саркастически произноситъ старьевщикъ, прислушиваясь, какъ за Волшебновымъ хлопаетъ одна дверь, другая, и потомъ падаетъ на полъ кинжалъ. Прапорщикъ свирѣпъ; онъ быстро ходитъ взадъ и впередъ; но спустя немного снова принимается рыться въ тощемъ чемоданѣ съ тою же цѣлью— всучить что нибудь старьевщику. Попадался-ли ему старый эполетъ, сломанная на какомъ-то балѣ шпора, покраснѣвшая пуговица съ цифрами—онъ все валилъ въ кучу и назначалъ, по собственному мнѣнію, самыя умѣренныя цѣны, хотя въ итогѣ образовалась такая кругленькая сумма, которою прапорщикъ предполагалъ распорядиться самымъ милымъ образомъ.

— Сколько за все? восклицаетъ онъ черезъ минуту...

— Надыть вникнуть...

— Опять! что за чортъ! ты съ кѣмъ толкуешь?

— Да что, ваше благородіе, я скажу такъ, что для нашего брата вся это теперича ваша премудрость, ровно плюнуть да растереть.

— Прочь отсюда! завопилъ прапорщикъ, грохнувъ объ полъ весь ворохъ собственнаго товара,—и мгновенно изчезъ.

Въ то время, какъ въ разочарованную душу прапорщика врывались терзающія мысли о томъ, отчего судьба не потянула его по болѣе широкой дорогѣ, гдѣ-бы онъ, не печалясь, какъ теперь, о трехдневномъ отсутствіи водки, могъ бы безмятежно покоиться подъ титуломъ штабсъ-капитана, разъѣзжать на рысакахъ, звонко покрикивать „пошолъ!“, обладать первой въ Москвѣ камеліей, совершая все это на вдовьи капиталы купчихи Засосовой,—въ эти плачевныя минуты прапорщичьяго негодованія на судьбу, лишившую его всѣхъ, только что изображонныхъ благъ,—старьевщикъ съ приказками и прибаутками валилъ въ мѣшокъ все достояніе мѣщанки Слезовой, вмѣстѣ съ старьемъ, погребая въ этомъ же мѣшкѣ и всѣ воспоминанія, всѣ прошлыя скорби...

— А что, хозяюшка, говорилъ старьевщикъ, вынимая изъ за пазухи свертокъ сахарной синей бумаги, въ которомъ сочно звякали мѣдяки; я у васъ эту старушку, Богъ съ ней, поторгую,— и онъ кивнулъ головою на старуху. Именно правда, потому шкура у ее, у этой у старухи... Рубъ сорокъ да семь—рубъ сорокъ

семь: пожалуйте-ко... Ибо, говорю, шкура у этой у старухи очень способна, и погоннимъ мы ее на шлеи, али-бо на тяжи.

Слезова грустно улыбалась; но старуха едва-ли что нибудь слышала изъ словъ старьевщика, потому что была совершенно поглощена заботами о чаѣ и хлопотала около самовара.

Черезъ полчаса кухня Слезовой представляла нѣсколько иной видъ: сама хозяйка, слегка подрумяненная рюмочкой водки, поминутно совалась то къ столу, на которомъ надрывался, пыхтѣлъ самоваръ и не менѣе надсаживалась надъ самоваромъ старуха, то къ печи, гдѣ дымился котелъ, около котораго тощее пламя единственнаго полѣна какъ-то подобострастно егозило и, казалось, хотѣло сжать его въ своихъ объятіяхъ, лишь бы только угодить Слезовой—поскорѣе вскипятить воду. Въ углу стояла сосѣдка съ рюмкой въ рукахъ, готовясь поднести ее ко рту, при чемъ говорила Слезовой что-то очень утѣшительное, награждая ее въ будущемъ неизмѣримымъ счастьемъ, — чего въ одно и тоже время желала и сулила также и старуха; но Слезова только вздыхала и полагалась во всемъ на власть божію. Не то было за перегородкой, въ комнатѣ прапорщика. Разстроенное воображеніе его не давало ему покою.

— Господи! Господи! взывалъ онъ въ душѣ:—хоть бы что-нибудь...

Соображая предстоящіе барыши, плетется старьевщикъ по пустынному переулку. Отъ нечего дѣлать онъ можетъ зайдти въ лавочку, гдѣ ему всѣ друзья-пріятели отъ мала до велика, почему онъ всегда смѣло можетъ прибѣгнуть сюда и перехватить рубликъ-другой, безъ залога узла, дѣлая это конечно только въ тѣхъ случаяхъ, если гдѣ-нибудь по близости лафа, т. е. можно погрѣть руки около чьей нибудь добротной шубы, салопа и вообще вещицы, на которую не хватаетъ казны, размѣщенной по

всѣмъ карманамъ, во всевозможныхъ узелочкахъ, заверткахъ, портмонеяхъ и тому подобныхъ казнохранилищахъ.

Тутъ въ лавкѣ онъ потолкуетъ съ хозяиномъ, дескать, „какія нонче времена тугія“, сообщитъ пожалуй извѣстіе, что какой-нибудь купецъ, Столбовъ, пожертвовалъ въ приходъ колоколъ пудовъ въ тысячу; пошутитъ съ прикащикомъ, посочувствуетъ ему въ его эротическихъ подвигахъ на Цвѣтномъ бульварѣ; однимъ словомъ,—онъ можетъ толковать обо всемъ и всегда,—именно, потому, что не толковать про все—не возможно. „Такое наше дѣло, говоритъ онъ:—человѣкъ ты завсегда на народѣ, на самомъ на юру,—ну и долженъ со всякимъ вступать въ разговоръ: отъ этого я и могу во всемъ постигать“.

Но всмотритесь пристальнѣе въ эту плутоватую личность, сбросьте съ обросшей образины старьевщика весь грузъ прошедшихъ лѣтъ — и передъ вами бойкій, столичный мальчишка; весь дворъ зоветъ его юлой; иные впрочемъ замѣняютъ эту кличку шиломъ, а собственный родитель не иначе именуетъ сына, какъ щенкомъ. Усматривая въ сынишкѣ нѣсколько жульническую сообразительность и пронырливость, родитель рѣзчикъ печатей Голодаевъ, умѣлъ въ раннюю пору дѣтства направлять такія достоинства ребенка въ собственную пользу: то препоручалъ онъ щенку передать полковницкой кухаркѣ, Агафьѣ, чтобы она вечеромъ выходила на тротуаръ, да такъ, чтобы матка — не замѣтила и чрезъ глупую его, щенка, голову не намылила бы при сборищѣ цѣлаго двора и косматую главизну самаго родителя-измѣнщика. И щенокъ дивно исполнялъ такое порученіе! Или въ періодъ голоданья и холоданья, щенокъ отправлялся, напичканный разными наставленіями, за похищеніемъ гдѣ-нибудь щепокъ...

— Ты, Мишъ, нахрапомъ, говорилъ отецъ:—ноне нахрапомъ не возьмешь,—къ вечеру безъ головы останешься...

И нужно было видѣть сердце родителя какъ оно прыгало и трепетало, когда онъ усматривалъ всѣ тонкія или нахраистыя сношенія щенка съ плотникомъ, орудующимъ около длиннаго бревна, протянувшагося чрезъ дворъ. Нужно было видѣть также

всю злобу разныхъ квартирныхъ хозяекъ, приготовившихся было только-что выступить въ походъ за этими щепками, уже отогрѣвающими теперь семейство щенка. Въ этомъ неистовствѣ на собственное простоволосье рождалась неизбѣжная потребность мѣсти, и въ такую минуту ни одна изъ нихъ не задумывалась запустить въ щенка кирпичь, заржавленную задвижку, гвоздь,—словомъ, все, что ни попадалось въ руки... Но и отъ этого щенокъ умѣлъ улизнуть.

Какъ не прибыточна была, для рѣзчика Голодаева, такая дѣятельность только-что оперяющагося пройдохи, однакоже нежеланія предоставить сыну голодъ и холодъ своего неблагодарнаго ремесла заставило родителя искать ему болѣе безпечную дорогу. И вотъ скоро Мишка-щенокъ—микроскопическій портной. Съ плотно остриженными волосами, сквозь которые синѣютъ желваки, только-что полученные отъ собратій по мастерству, какъ знакъ вступленія въ санъ, прытко шныряетъ онъ съ огромнымъ утюгомъ, чтобы гдѣ-нибудь подсунуть его на чужую плиту. Дѣло у него такъ и кипитъ, и тосковать о горькой долѣ ему нѣкогда, да оно и не стоитъ: пусть бѣгаетъ онъ босыми ногами по льду, безъ шапки и въ одной нанковой рубашенкѣ, — онъ съумѣетъ и согрѣться, прокатившись съ разбѣгу по льду, или соданетъ кого-нибуь изъ своей братіи плечомъ, и тутъ-же для собственной потѣхи лизнетъ горячимъ утюгомъ по снѣгу... Все у него кипитъ подъ руками! И вдругъ, когда портныхъ дѣлъ мастеръ только-что хотѣлъ убѣдится въ томъ, что уже ремень и оплеуха въ приложеніи къ щенку не имѣютъ болѣе никакого смысла и что съ нимъ, щенкомъ, нужно вести дѣло на другой манеръ, изъ-подъ ласки,—въ это-то золотое, и завидное для многихъ время, щенокъ страшно роняетъ себя, похитивъ какой-то жилетъ и прогулявъ вырученныя за него копѣйки на пряникахъ. За жилетомъ слѣдуетъ пантолоны, сюртукъ... А черезъ недѣлю щенокъ ужь на волѣ, снова онъ живетъ въ обиталищѣ своего родителя, который теперь клянетъ его за обпиванья и объѣданья.

Мудро созерцая способы исправленія сына, рѣзчикъ Голодаевъ приходитъ къ тому заключенью, что теперь остается одно: "драть

его, шельму, до зеленаго змія“! Не медля ни минуты, съ горестью и вмѣстѣ любовью въ сердцѣ принимается онъ за вѣникъ, и тутъ же происходитъ то глубокомысленное врачеваніе отъ всѣхъ пороковъ, золъ и бѣдствій, во время котораго изъ квартиры Голодаева сквозь мельчащія щели и скважины несется вопль и стонъ прокаженнаго, очевидно наводимаго на путь истины... Вотъ послѣ этого-то спустя мѣсяцевъ шесть, вы и встрѣтили прежняго щенка на Кузнецкомъ мосту, — говорю: прежняго потому, что теперь вы щенка не узнаете, ибо передъ вами такая личность, которую въ Москвѣ опредѣляютъ однимъ словомъ: Чуйка.

— Судырь, судырь! ваше сссіятельство!.. не громко и таинственно произноситъ Чуйка, догоняя васъ.

— Что тебѣ?

— Пожалуйте наминуточку-съ.

— Меня?..

— Васъ, васъ... на секунтъ... за уголъ только...

— Меня-ли? почемъ ты меня знаешь?

— Какъ не знать-съ! Что вы... Знаемъ-съ, пожалуйте.

Вы идете, строя планы о предстоящемъ загадочномъ дѣлѣ.

— Ну, говори: что такое?

— Покупка есть... Какъ бы кто не увидалъ... Магазинская цѣпочка-съ, — дивная!

Чуйка оглядывается по сторонамъ и вытаскиваетъ изъ-за пазухи какую-то цѣпочку, которая горитъ передъ вашими глазами и разсыпается искрами на солнцѣ.

— Кудажь ты ее прячешь?...

— Невозможно, вашскородіе, никакъ... увидятъ... Сто цалковыхъ стоитъ... сорокъ прошу.

— Да это краденая!

— Сохрани-богъ! что мнѣ?... въ кутузкѣ-то мнѣ не очень желательно сидѣть... по нуждѣ продаю.

— Что-то не ладно ты говоришь!

— Баринъ! баринъ! ваше благородіе!.. куда же вы?.: Двадцать пять!.

— Десять.

— Что вы, ваше благородіе! Обдирать человѣка... Гасспадинъ, позвольте....

— Ну?

— Угодно двадцать рублей,—не по моему, не по вашему...

— Ничего мнѣ не угодно.

— Какъ ваша цѣна? Какъ же такъ ничего не угодно?

— Пять цѣлковыхъ;—она не нужна мнѣ...

И вы идете.

— Эхъ, какой вы баринъ сердитый, вяло произноситъ Чуйка. Ну пожалуйте, пожалуйте, что съ вами. На чаекъ бы...

— Ну-ко, братъ, оцѣни-ка, сколько заплатилъ? говорите вы пріятелю, показывая покупку.

— Что̀ стоитъ?—Пятачекъ, или больше далъ?

— Что-о-о-о..?

Въ другой разъ Чуйка встрѣтилась вамъ у Иверскихъ воротъ. Подъ аркой, среди грохота и стука сотни экипажей, среди разнообразныхъ криковъ и пѣнія, доносившагося изъ часовни какъ-то назойливо журчала рѣчь Чуйки. Держа въ рукахъ книгу „Химическій анализъ“, пачку конвертовъ и двѣ-три палочки сургуча, она не отступно слѣдуетъ за какимъ-то купцомъ и ежеминутно дребезжитъ надъ самымъ его ухомъ:

— Аннализъ!

Купецъ идетъ молча, но Чуйка не отстаетъ: она словно прилипла къ нему: забѣгаетъ впередъ, егозитъ и тычетъ ему въ самый носъ свою книгу...

— Аннализъ!

— Прочь!...

— Аннализъ! генеральская книга-съ!

— Прочь!..

— Отъ сорока недуговъ можетъ и по звѣздамъ предѣлы...

— Прочь говорю!!

Дѣло оканчивалось тѣмъ, что иной находилъ, теперь самымъ удобнымъ закричать: „караулъ!“; а другой, соблазнившись достоинствами книги, покупалъ ее, тащилъ куда-нибудь на Ордынку, за Москву-рѣку, сажалъ за нее сынишку съ явнымъ желаніемъ

вложить въ его тучное существо генеральскія познанія; но эта попытка постыженія сорока недуговъ и придѣловъ по звѣздамъ оканчивалась колоссальной, неожиданной деркой, а химическій анализъ находилъ пріютъ въ кухнѣ и употреблялся на подстилку подъ кулебяки.

И вотъ, спустя годъ-другой, властительно ходитъ осолиднившаяся Чуйка по дворамъ, выкликая нужду на бой. Совершилось это перерожденіе въ силу той же причины, какая родила на свѣтъ божій поговорку: „рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ гдѣ лучше“. И дѣйствительно, чуйкѣ теперь много способнѣй: скитаясь по Кузнецкому, толкаясь у Иверской, она была воплощенная нужда, искавшая милости въ каждомъ; а теперь этаже нужда, которой вездѣ — непочатый уголъ, сама гоняется за Чуйкой и подобная гонка, на долгіе годы впередъ, сулитъ хорошій кусокъ хлѣба.

1862 г.

II.

ИДИЛЛІЯ.

Изъ чиновничьяго быта.

Была осень. По небу бродили сѣроватыя тучи и медленно сыпали на мокрую и грязную землю хлопья рыхлаго снѣга.

У растворенныхъ воротъ одного небольшаго домика въ три окна стояло два чиновника, держа другъ друга за руки.

— А то зайдемте, Семенъ Кузьмичъ, говорилъ одинъ изъ нихъ, въ старой шинели, надѣтой въ рукава, съ отвисшей изъ подъ капюшона коленкоровой подкладкой.

— Да ужь заходить-ли? въ раздумьи проговорилъ другой.

— Что тамъ! эва! Заходите, да и только. Право по одной пропустить, — истинно пріятно!

— Развѣ по одной?

— Ей Богу; у меня есть этакая особенная... Пойдемъ-те-ко.

— Н-ну, такъ и быть ужь...

И они двинулись.

Скоро они взошли въ небольшую комнатку. Въ углу горѣла лампадка передъ образомъ въ большомъ красномъ кивотѣ, на которомъ до самаго потолка громоздились просфиры въ бумажкахъ, расписанныя яйца и другіе подобные предметы. По полу разстилались чистые половики, у стѣнъ чинно размѣстилось нѣсколько старыхъ креселъ съ круглыми спинками.

— Прошу покорно, сказалъ хозяинъ и, наскоро сотворивъ крестное знаменіе, направился въ чайную.

Оставшись одинъ, гость не спѣша вынулъ изъ задняго кармана красный ситцевый платокъ и весьма обстоятельно расправился съ собственнымъ носомъ, послѣ чего обратилъ особенное вниманіе на образъ Казанской Божіей Матери.

Въ это время въ сосѣдней комнатѣ на столѣ кипѣлъ самоваръ. Старшая дочь хозяина, дѣвушка лѣтъ семнадцати, разливала чай; мать ея, старушка, сидѣла тутъ-же. На порогѣ показался отецъ.

— Ты съ кѣмъ это? спросила жена.

— Съ Семеномъ Кузьмичемъ. Чайку намъ дайте, да свѣчу. Поспорѣе!.. Эй ты, Марѳа! крикнулъ онъ горничной, — свѣчу неси.

— Сейчасъ принесетъ, проговорила жена.

— Что это долго такъ нынче? прибавила она.

— Да таки долговато... Ирмосы тянули-тянули. Я думалъ и конца не будетъ...

Проговоривъ это, супругъ хотѣлъ было удалиться,—но какая-то тайна очевидно мучила его. Нерѣшительно подвигаясь къ двери, онъ потиралъ кулакомъ спину и необыкновенно тихо заговорилъ:

— Поясница что-то...

— Опять небось разпахнулся на паперти.

— Нѣтъ... О-охъ!.. Какъ ломитъ! О-ой!.. Ты бы намъ дала по рюмочкѣ, да закусить чего-нибудь.

— Пошли закусочки, отчаянно произнесла жена.

— Ну что закусочки! Мелетъ не знаетъ что!

— Нѣтъ, знаю!..

— А ты, сдѣлай милость молчи... Во сто тысячъ разъ лучше это будетъ.

— Что молчи-то? И такъ все молчу. Совсѣмъ дурашная какая-то стала.

— И была-то не больно тово! Дура дурой и была-то, безцеремонно замѣтилъ супругъ, и вошелъ въ залу, аккуратно претворивъ за собою дверь.

— Вы что это смотрите? обратился онъ къ гостю.

— Да вотъ ризой любуюсь. Гдѣ это вамъ дѣлали?

— Въ Москвѣ. А что?

— Такъ. То-то я смотрю какъ будто не нашей работы. Я вамъ скажу, продолжалъ гость, помѣщаясь на кончикѣ стула и снова вытаскивая платокъ, — у меня тоже икону—здѣсь отдавали—такъ обезобразили, что именно, я вамъ говорю жалость смотрѣть!

— Гм-м-м, промычалъ хозяинъ, покачивая головой, и присѣлъ на диванъ противъ гостя.

Воцарилось молчаніе.

— Намедни у Еноховыхъ вѣчную кликали, наконецъ проговорилъ гость.

— А! Сорокоустъ? спросилъ хозяинъ.

— Сорокоустъ-съ.

— Это когда?

— Третьяго-дня.

— Да-да-да. А мы съ Емельяномъ Иванычемъ были у Селезневыхъ на перепутьи.

— Что-же, какъ? съ любопытствомъ спросилъ гость.

— Хорошо. Признаться, до такой степени, что именно — еле-еле...

— Хе-хе-хе-хе.

— Никольскій, Егоръ Егорычъ, — знаете? — такъ тотъ все просилъ, чтобъ его въ колодезь опустили въ бадьѣ.

— Зачѣмъ-же?

— Ужь и ей-Богу, даже совершенно не могу вамъ опредѣлить этаго...

Хозяинъ и гость дружно засмѣялись.

Изъ сосѣдней комнаты показалась горничная съ подносомъ, на которомъ помѣщались графинъ водки и тарелка съ кусками бѣлаго хлѣба. Пріятели выпили.

Въ это время въ передней застучалъ кто-то галошами, и хлопнулъ дверью.

— Кто тамъ? спросилъ хозяинъ.

— Это я-съ.

— А-а.

— Кто это-съ? полюбопытствовалъ гость.

— Сынъ мой.

Гость оправился.

Вошелъ молодой человѣкъ, лѣтъ подъ тридцать, съ примасленными волосами и лоснившимся лицомъ, выражавшимъ высокое смиреніе.

— Гдѣ былъ? спросилъ отецъ.

— Въ Крестовой-съ, подходя къ родительской ручкѣ и потомъ свидѣтельствуя почтеніе гостю, произнесъ сынокъ.

— Садись-ка.

— Сяду-съ.

— Водки хочешь?

— Не пью-съ.

— Ну что-жъ много народу было?

— И-и Боже мой!

— Тамъ вѣдь постоянно большое стеченіе, вмѣшался гость.

— То-есть яблоку не гдѣ упасть! энергически добавилъ сынъ.

— А-а-а.

— Да-съ. Нынче архіерейскіе пѣвчіе пѣли двухорное Слава въ вышнихъ, Бортнянскаго сочиненіе. Басы, я вамъ, тятенька, скажу, просто на стѣну лѣзли.

— Именно на стѣну, вмѣшался гость.

— И какъ глотки цѣлы, подумаешь? произнесъ сынъ и задумался.

Подали чай.

— Саня! крикнулъ отецъ, — нѣтъ-ли тамъ ромцу?

Въ сосѣдней комнатѣ мать и дочь встрепенулись.

— Послушай-ка, что-то кричитъ, произнесла мать, вся обратившись во вниманіе.

— Рому спрашиваютъ, отвѣчала дочь.

— Нѣту; намедни съ этимъ-же пьянчугой-то выпили.

— Нѣту рому, пріотворивъ двери въ зало, проговорила дочь.

— Ну нѣтъ-ли наливочки какой? Поищите тамъ....

— Наливки пожалуйте, говорила дочь матери.

— Слышала, отвѣчала съ горечью та.

— Я къ маменькѣ пойду-съ? вопросительно произнесъ сынъ.

— Поди.

— Вотъ подите-же, человѣкъ вышелъ, проговорилъ отецъ, мотнувъ головой на удалявшагося сына,—а я признаться совсѣмъ не ожидалъ.

— Что-о вы?

— Именно говорю: опасался, не ожидалъ. Да я вамъ что скажу, ближе придвигаясь къ столу произнесъ хозяинъ, — онъ было меня со свѣту сжилъ!

Хозяинъ вопросительно смотрѣлъ на гостя.

— Онъ какія сомной штуки дѣлалъ. Опредѣлилъ я его на службу прямо изъ училища. Учился онъ хорошо: изъ закона пять, и изъ другихъ тамъ... тоже слава Богу... И начальники случалось, ежели спросишь: какъ молъ?—тоже все говорятъ: Слава, молъ, Богу... Ну, думаемъ съ женой, слава тебѣ Господи! И вообще по наукѣ, чистописаніе или что,—не пожалуюсь... Ну только былъ этакой вялый, дробный. Думаю себѣ: придется кормить ни за что. Только что-же? Разъ въ имянины приноситъ мнѣ чашку. „Вотъ, говоритъ, тятенька, прошу принять посильный даръ.“ — „Это ладно, говорю, да гдѣ ты деньги-то взялъ?“ — „Посильные, говоритъ, труды.“ И замялся. Ну я понялъ, порадовался, авось думаю облегчить бремя родительское. Почему-же не брать хоть за справку или тамъ за что? Бери! Ну хорошо; только что дальше. Пріѣхалъ къ намъ гурьевскій мужикъ. Вотъ стоимъ мы съ нимъ въ палатскомъ корридорѣ и говоримъ промежду себя. Гляжу: мимо сынокъ идетъ, посмотрѣлъ такъ-то на насъ и пошелъ. Немного сгодя и я тоже пошелъ. Черезъ часъ никакъ иду къ этому самому мужику, авось, думаю себѣ, что-нибудь перепадетъ, гляжу: навстрѣчу сынъ. „Ты куда?“ — „Никуда-съ,“ говоритъ. — „А вы не къ гурьевскому ли мужику?“ — „Тебѣ на что?“ — „Такъ-съ. Если къ нему, такъ не ходите-съ: я получилъ.“ — Какъ сказалъ онъ мнѣ: „я получилъ,“ такъ я и обомлѣлъ. — Какъ, у отца, сынъ, перебивать?—„Ты какъ же, говорю, смѣлъ это сдѣлать“?—„Виноватъ, говоритъ“. — „Сколько же, говорю, ты мошенникъ, взялъ?“ — „Рубль сорокъ, говоритъ.“ — „Подай, стервякъ ты эдакой!“ — „Тятенька,“ говоритъ, и заплакалъ: жалко стало! Отодралъ я его тутъ за виски; говорю: „Не перебивай. Самъ собой, какъ знаешь;

а у отца ни-ни-ни. Помни: „чти отца твоего.“ Ну-съ хорошо, прошло никакъ дня два. Опять такая штука; немного погодя другая. И пошло-о-о. Вѣрители никакъ мѣсяцъ домой съ пустыми руками приходилъ. Да что-жъ это, думаю, наконецъ, вѣдь этакъ, прости Господи, и околѣть не долго? Что онъ меня, аспидъ эдакой, заморить что-ли хочетъ? Не вытерпѣлъ: призываю, говорю: „Убирайся изъ нашей Палаты вонъ.“ — „За что-же, говоритъ?“ — „За то, что я тебя видѣть не могу. Съ глазъ долой!“ — „Тятенька помилуйте!“ — „Что миловать-то? говорю. Ну вотъ, говорю, ты скажи-ка мнѣ, что ты меня съ голоду хочешь уморить что-ли?“ — „Помилуйте, тятенька, какъ можно!“ — „Ну и убирайся говорю, подавай просьбу за болѣзнію.„ — „Ды, тятенька, говоритъ, я здѣсь обжился.“ Я такъ и окоченѣлъ! „Да мерзавецъ-же ты! Я здѣсь сижу тридцать пять лѣтъ, три дюжины стульевъ подъ собой просидѣлъ; все это мнѣ извѣстно:“ — „И мнѣ, говоритъ извѣстно.“ Измучился я. „Да бери ты, говорю, гдѣ хочешь, только не препятствуй мнѣ. Не мѣшайся въ мои-то дѣла!... Не мути моего покою! Что ты, какъ бѣсъ, между ногъ бросаешься! Въ дураки меня не ставь.“ Нѣтъ да полно, вымолвилъ хозяинъ, разводя руками и понюхалъ табачку.

Гость, все время выражая въ лицѣ своемъ удивленіе, качалъ головой, безмолвно разкрывалъ ротъ, и опять качалъ головой.

— Ну-съ, батюшка вы мой. „Нѣтъ, говоритъ, мнѣ здѣсь спокойно. Я, говоритъ, обжился.“ Что дѣлать? Подумалъ, подумалъ, да и махнулъ просьбу нашему, что молъ, будучи тѣснимъ безпрерывно своимъ единокровнымъ сыномъ, я прибѣгаю къ позлащеннымъ мудростію стопамъ вашего превосходительства, омочая оныя старческими слезами, ну и прочее, и прошу выгнать вонъ. Выгнали! Не вижу годъ. Разъ какъ-то въ соборѣ на страстной гляжу: стоитъ въ шубѣ. Енотовая славная шуба! Я ничего, ни-ни-ни. Начали выходить, гляжу это съ паперти, подаютъ ему дрожки. Ну, думаю, авось и на новомъ обжился. Немного сгодя, слышу-послышу въ чиновники особыхъ порученій въ слободы раскольничьи назначенъ. Н-ну, думаю...

И хозяинъ, и гость разомъ выразили удивленіе подвигамъ молодаго чиновника.

— Никакъ черезъ мѣсяцъ на конной вижу жеребца торгуетъ, къ лѣсу прицѣняется. Разъ какъ-то сижу я дома, отъ ранней пришолъ, подаютъ записку отъ кого-то. Читаю: „Милостивый Государь тятенька!“ А! думаю. „Долго и напряженно думалъ я какъ васъ назвать, наконецъ называю тятенька.“ Посмотрѣлъ внизъ; подписано: „сынъ вашъ такой-то.“ Читаю далѣе, проситъ прощенія. Подумалъ я что мнѣ злиться? Взялъ и пишу: „Сынъ! когда ты меня называешь тятенькою, то я тебя сыномъ моимъ называю,“ подписался: „Отецъ,“ и послалъ. Прилетѣлъ самъ, увезъ меня къ себѣ. Гляжу бариномъ живетъ. Дамочка какая-то ходитъ: „Кто, говорю, такая?“ — „А это, говоритъ“ и знаете, замялся. Ну я смѣкнулъ — кто такая, усмѣхнулся, говорю: „Ничего“, успокоилъ его, говорю: „Всѣ мы грѣшны.“

Гость осклабился.

— Угостилъ онъ меня тутъ обѣдомъ. Славный былъ обѣдъ: разварная стерлядь, вершковъ въ пятьнадцать, а то и весь аршинъ. Да-а-а. Ну и выпили мы тутъ. Разгорячившись я подзываю его метрессу и даю ей полтинникъ. Обидѣлся вѣдь!

— Обидѣлся? спросилъ гость.

— Обидѣлся! Какъ благороденъ-то? „Тятенька, говоритъ, неужели-же я, говоритъ, не могу удовлетворить моему грѣховному похотѣнію...“ Хе-хе-хе!

Гость тоже залился смѣхомъ, но потомъ крѣпко вздохнулъ и, грустно покачивая головою, произнесъ:

— Охъ дѣтки, дѣтки! Что горя-то съ ними перенесешь! У меня тоже существуетъ сынокъ. Только, я вамъ скажу, поискать да поискать, а такой ослопятины наврядъ-ли гдѣ сыскать можно.

Гость раздулъ ноздри и, выпучивъ глаза, уставился на хозяина.

— Да-съ. Примѣрная скотина! Непочтителенъ, грубъ, безбожникъ. Постоянно дуется. „Чего это ты, говорю?“ — „Ничего.“ Я какъ стебану по рожѣ. Позеленѣлъ! „Вотъ тебѣ, говорю, ни-

чего: будешь знать какъ родителю отвѣчать.“ Не пронялся-же! Разъ встаемъ изъ-за стола, не перекрестился. Говорю: „Почему ты не перекрестился?“ — „Я говоритъ, такъ хочу.“ — „А я, говорю, тебя изувѣчу.“ — „И я тебя, говоритъ, изувѣчу...“ „Да я отецъ!?„ — „А я, говоритъ, сынъ!„ Я ему прямо когтями въ волоса! Ужь трепалъ, трепалъ! Вижу: на столѣ хрѣнъ стоитъ,— схватилъ я его, всю рожу ему такъ и обмазалъ. Ибо силъ моихъ болѣе не хватало... терпѣть!

— Гдѣ стерпѣть!

Часа черезъ два съ крыльца сходилъ, еле держась на ногахъ, гость. Хозяинъ тутъ-же стоялъ со свѣчей, покачиваясь изъ стороны въ сторону; его за рукавъ придерживала дочь.

И хозяинъ и гость что-то бормотали, но что именно,—разобрать было трудно.

Сверху шелъ снѣгъ, на дворѣ была темь.

III.

ЗАРОКЪ НЕ ПИТЬ.

ДЕРЕВЕНСКІЯ СЦЕНЫ.

I.

Столбовая дорога, вовсю длину изрѣзанная колеями, млѣла въ безмолвіи и жарѣ лѣтняго полдня. Среди царствовавшаго повсюду безлюдья и тишины, едва внятно перешептывались ивовыя листья, да слышались тихіе и неторопливые шаги отставнаго кавалера Кузьмы Вершкова, направлявшагося къ празднику домой. Не спѣша подвигался онъ впередъ, ибо твердо зналъ, что и безъ того въ деревню Лыки попадетъ за-свѣтло, стало быть успѣетъ не только разсказать свои городскія новости, но даже разузнать и про деревенскія.

Кругомъ тишина и жара; безконечная аллея ракитъ, караулящихъ дорогу, вдали при поворотѣ, сливается въ густую зеленую массу. Въ иномъ мѣстѣ, аллея эта, перерывается, потому что столѣтняя вѣтла, отъ которой такъ далеко протянулись корни, свалилась, не устоявъ противъ бури и удара молніи, и теперь лежитъ обозженная и почерневшая, упираясь въ землю своими изсушенными вѣтвями. Неизмѣримо долго тянется одна безлюдная верста, тянется другая и третья. Пустынно. Хочется живаго человѣка, и поэтому, какъ порадуется сердце пѣшехода, если въ

этакую пору проѣдетъ мужикъ, мѣрно стуча колесами съ разсыхающимися ободьями... Кавалеръ не упускалъ въ этихъ случаяхъ тронуть слегка свой клеенчатый картузъ съ четвероугольнымъ козырькомъ, на что и проѣзжій отвѣчалъ, въ свою очередь, поклономъ, взявъ въ горсть дно своей рыжей шляпенки и приподнимая ее вертикально надъ головой... Но мужикъ проѣзжалъ, оставляя за собой длинную, полосу пыли, — и наставало опять безлюдье... Снова безконечныя версты и снова встрѣча: гдѣ-нибудь подъ ракитами, въ тѣни, замѣчаетъ кавалеръ узкую и длинную клеенчатую фуру. — „Люди,“ думаетъ кавалеръ и подходитъ ближе. Дѣйствительно, люди: какой-то тоже, должно быть, отставной служивый и не совсѣмъ старая баба съ ребенкомъ; тутъ и самоваръ съ зелеными потеками по краямъ и расписныя чашки... Тутъ и каша въ котелкѣ, въ который хозяинъ аккуратно и съ разстановкой запускаетъ свою деревянную ложку, потомъ съ такою же аккуратностію несетъ ко рту, причемъ придерживаетъ ее снизу кусочкомъ хлѣба... Невдалекѣ пасется лошадь съ спутанными ногами, углубившись въ свою ѣду, и поминутно отмахиваясь хвостомъ отъ мухъ...

— Богъ помочь!.. Хлѣбъ да соль! говоритъ вѣжливо кавалеръ, опускаясь невдалекѣ на придорожный валъ.

Встрѣчные серьезно смотрятъ на кавалера и продолжаютъ свой обѣдъ.

— Усталъ!.. продолжаетъ кавалеръ, вынимая со дна своего глубокаго картуза красный платокъ и отирая потъ. Экая жарынь...Фу ббатюшки!..

— Стрась! произноситъ баба... Все-то на тебѣ горитъ!

— Радъ-радъ къ холодку-то доберешься, добавляетъ ея сожитель постукивая ложкой въ край котелка...

— Хочь бы малость самую Господь дождику послалъ, говоритъ кавалеръ... а то сушь эта больно одолѣла...

Молчаніе.

— Дальніе?

— Изъ Ставрополю... ставропольскіе...

— Далеко!.. Какъ-же это въ нашъ-то край?..

— Въ Москву, къ Троицѣ-Сергію-чудотворцу ѣздили...

— Такъ, такъ...

— Потому старичекъ у насъ есть, хворый, такъ чтобы въ здравіе ему... ну и себѣ тоже...

— Дѣло доброе!

— Авось, пригодится...

— Это вѣрно!.. утвердительно заключилъ нашъ кавалеръ.

— На томъ свѣтѣ, милые, кашляя, добавляетъ изъ фуры старичекъ... Это безпримѣнно упомянутъ...

Старикъ начинаетъ усиленно кашлять, и замолкаетъ...

— Тамошняя скотинка-то? кивая на лошадь, спрашиваетъ кавалеръ...

— Тамошняя...

— Тьфу! прости Господи, какъ бы не сглазить... крѣпинькій таки животокъ... въ хозяйствѣ такой и надобенъ...

— Безъ лошади—безъ рукъ...

— Что говорить!

Настаетъ молчаніе; чуть-чуть пищитъ ребенокъ, кряхтитъ старикъ, и лошадь, глухо стучитъ въ землю связанными ногами...

— Ну, одначе, подтить по маленьку, произноситъ нашъ кавалеръ.

— Далеко ли?..

— Да тутъ верстовъ шесть... Лыки...

— А къ своимъ? али какъ...

— Къ своимъ... родня есть... Ну, счастливой дороги!

— Съ Богомъ!..

И опять плетется старикъ-кавалеръ, и опять идутъ скучныя и безмолвныя версты... Часовъ съ трехъ кое-гдѣ началъ попадаться народъ; богомолки, валявшіяся въ самую лютую жару гдѣ нибудь подъ ракитами, въ тѣни, причемъ кряхтѣли, охали и искали другъ у друга въ головѣ,—теперь тронулись въ путь, поспѣшно ступая разутыми ногами...

— Путь-дорога! возглашаетъ кавалеръ, равняясь съ богомолками... Тѣ что-то шепчутъ въ отвѣтъ, низко нагибая головы.

— Куда Богъ несетъ?...

— Въ Почаевъ, родной.

— Доброе дѣло!.. Привелъ тоже и мнѣ Господь-батюшка помолиться тамъ...

— Походомъ чай?

— На походѣ... Я, милые мои, всю Россію можетъ взадъ и впередъ не десятокъ разъ исходилъ...

— Охъ, милый человѣкъ! видѣли тоже и мы свѣту бѣлаго... Типерича въ Оптиной пустыни... въ Соловецкомъ монастырѣ,— вездѣ, родные, вездѣ угодничкамъ Божіимъ помолились...

— Чай, старушки по нонишнему времени-то Христовымъ именемъ трудно жить стало?

— Трудно... теперь вотъ хоть бы въ Т. въ странноприимномъ домѣ... купчиха одна завела... Что же? — Этакіе, прости Господи, жидоморы... Обыкновенно всякій человѣкъ пищу принять хочетъ,—ну и просишь у куфарки: нѣтъ-ли молъ милая расинки какой,—потому съ ранней обѣдни, вотъ ни эстакаго персточка въ роту не было,—а куфарка, злющая бестія, твою-же палку у тебя выхватитъ, да ею-то картошку-двѣ истолчетъ въ чашкѣ, ткнетъ тебѣ: жри, молъ... Нечто это такъ возможно!.. Зальешся слезами... да только всего!..

— Что сдѣлаешь-то!..

II.

Подъ вечеръ, вдали показались наконецъ Лыки; кавалеръ свернулъ съ большой дороги и ускоренными шагами пошелъ узкимъ проселкомъ, пролегавшимъ во ржи; по мѣрѣ того, какъ проселокъ, по которому шелъ служивый, опускался въ маленькія лощины и потомъ поднимался опять, выползали, надъ верхушками колосьевъ, шершавыя и нечесанныя крыши дворишекъ.

Чѣмъ ближе становились Лыки, тѣмъ больше и больше усиливалъ кавалеръ свои шаги: мѣсто и народъ были знакомые, и чуялось, что радостно встрѣтитъ этотъ народъ стараго земляка...

Еще далеко за селомъ, попадавшіеся мужики считали обязанностію снять шляпу передъ кавалеромъ и привѣтствовать...

— Ахъ, Миронычъ, произносилъ кавалеръ... Вотъ и я!..

— Въ кои-сто вѣки забрелъ... Я, мылъ, — померъ поди... Что-то давно не слыхать.

— Гдѣ помирать!.. Я, гляди, скоро воевать иду...

— О?

— А то какже! Ну, съ Богомъ...

Мужикъ, заѣхавшій въ рожь, для того, чтобы дать пѣшеходу дорогу, начиналъ дергать возжами, и скоро только шляпа его подпрыгивала надъ колосьями, спрятавшими проселокъ... Наконецъ, вотъ они, Лыки: нѣсколько дворишекъ, раскинувшихся на косогорѣ, маленькая, но совсѣмъ новая церковь — и только. На одномъ дворѣ, который съ противоположной отъ села стороны былъ видѣнъ какъ на ладони, толпилась сходка; нѣкотарые мужички были въ соломенныхъ шляпахъ и задумчиво опирались на палки; они были извѣстны подъ именемъ „старичковъ,“ на долю которыхъ достается рѣшеніе самыхъ запутанныхъ вопросовъ, причемъ рѣшеніе это остается неизмѣннымъ.

Кавалеръ пытливыми глазами осматривалъ окрестность, когда взбирался на горку, къ селу: все было тоже: и плетень, и канава, и мельница... Такъ же въ эту пору на ручьѣ стучали бабьи вальки, и гоготали гуси... Цѣлое стадо шло навстрѣчу гостю, когда онъ вступилъ въ улицу... Коровы, овцы, бараны, цѣлымъ полчищемъ скакали, прыгали, или медленно подвигались впередъ, поднимая гору пыли. Слышалось блеянье, визги бабъ, высыпавшихъ за вороты. Въ иномъ мѣстѣ, среди стада, за коровой или свиньей шла съ хворостиной баба; кое-гдѣ въ отворенныя ворота скакали черезъ подворотню бараны, бабы считали своихъ ярокъ... Кавалеръ, помахивая палкой, пробирался черезъ стадо; бараны съ дуру бросались отъ него въ сторону, пугали коровъ, и жали другъ друга къ плетню... Коровы разступались, медленно и задумчиво пошевеливая рогами... У нѣкоторыхъ коровъ на шеяхъ были привязаны деревянные колокольчики, издававшіе какой-то тупой и глухой звукъ...

Скоро блеянье и весь этотъ гулъ, произведенный стадомъ, доносился издали; стадо прошло, а кавалеръ вступалъ въ сѣни сватьи Анисьи...

Вся семья, обрадовавшись, обступила гостя и безмолствовала, въ то время, когда кавалеръ цаловался крестъ-накрестъ со всѣми по очереди.

— Ну, здравствуйте! сказалъ онъ наконецъ.

И всѣ вошли въ избу.

III.

Вѣковѣчная скука русскихъ и въ особенности деревенскихъ будней, жадно хватаетъ всякую новость, неохотно отпускаютъ разговорчиваго захожаго человѣка, и потомъ, въ долгіе и однообразные дни, перебираетъ услышанныя новости и плететъ ихъ на разные лады. Поэтому понятно, что вечеромъ, когда гость-кавалеръ сидѣлъ съ семьею Анисьи за столомъ, и, исправно орудуя деревянной ложкой, показывалъ, что онъ вовсе не разучился въ городѣ ѣсть по-деревенски,—понятно, что въ это время около него, и за столомъ и на лавкахъ, размѣстилась родня и друзья-пріятели, обрадовавшіеся приходу гостя. Никто изъ собравшихся здѣсь не видалъ порядкомъ свѣту, едва ли зналъ дорогу дальше сосѣдняго села,—а Кузьма Вершковъ все прошелъ, все видѣлъ, вездѣ воевалъ. Всѣ присутствовавшіе здѣсь, слышали разсказы Кузьмы не разъ и не два, но сила скуки была такъ велика, что всякій въ сотый бы разъ согласился слушать тѣ же самыя розсказни Кузьмы, твердо вѣря, что авось онъ что-нибудь еще разскажетъ и поскладнѣй.

Разсказывалъ Кузьма и про Француза, и про Венгерца, какъ его замирять ходили; разсказывалъ какъ ему одинъ молодецъ животъ пропоролъ, какъ явственно видѣлъ онъ въ эту минуту костяную смерть, точь въ точь такую какую рисуютъ въ картинкахъ, съ косой; говорилъ, что смерть эта, начала тотчасъ же удаляться отъ него, какъ только господа доктора принялись шел-

комъ зашивать его рану; въ подтвержденіе послѣдняго обстоятельства, онъ бралъ руку мальчугана и водилъ ею тамъ, гдѣ венгерецъ нанесъ поврежденіе.

— Вотъ онъ, вотъ и рубецъ... Глкя-ось какой, говорилъ Кузьма. Видѣлъ?..

— Экой шовъ, изумленно говоритъ мальчикъ...

— То-то и оно... Поживи—не такой шовъ наживешь...

Разсказы Кузьмы, тянувшіяся безпрерывно, очаровывали слушателей. Мало по малу, Кузьма перешелъ къ обозрѣнію самыхъ послѣднихъ событій.

— Что это, милые, заговорилъ онъ совсѣмъ другимъ тономъ, что это у васъ водка какая подлая?.. Сколько я ее, прости Господи, нониче выкачалъ, а ничуточки даже никакого куражу въ тѣлѣ не слышу...

— Водка у насъ, Кузьма Митричъ, совсѣмъ безпутная... Такъ, дуромъ деньги идутъ...

— Правда; вода-водой; хоть бы тѣ говорю самую малость... нѣтъ,—никакого проку...

— Хмѣльнова,—ни чуточки таки нѣту, а что тянетъ она, продолжалъ одинъ изъ окружавшихъ,—это точно... И такую она на тебя пуститъ тоску, что сейчасъ ты чѣмъ ни попадя въ драку пойдешь...

— Сссс.

— Сейчасъ ты первое дѣло за косы... Вотъ что! Такое бѣсовское пойло,—бѣда...

— Гм!.. Совсѣмъ нониче безсовѣстный народъ сталъ... Вонъ тоже, къ слову... Я къ тому, что безъ нахрапу по нонишнему времени не проживешь.

— Это вѣрно!..

— Такъ вотъ я къ тому, что теперь, — хушь бы и ваше дѣло... насчетъ водки,—безъ нахрапу тутъ не возьмешь... Вотъ подгородніе, Ободьевцы, — тѣ ловко: сейчасъ зарокъ — нибудемъ пить и шабашъ...

— Какъ же безъ водки-то?

— Ты постой! Тутъ главная причина перепужатъ ихняго брата, а то онъ самъ себя здасть... Такъ-то: помолчали они этакъ недѣльки двѣ—глякось какую водку даютъ!..

— Да неуж-то?

— Вотъ тѣ—ò.

Солдатъ поправился на своемъ сидѣньѣ и прибавилъ:

— А то разиня ротъ-тó много съ ними справишь! Воды-то у насъ слава Богу,—подставилъ кадушку подъ крышу, — вотъ тѣ и водка ихняя!..

Нѣкоторые засмѣялись.

— Да право, продолжалъ воодушевившійся кавалеръ; что имъ въ зубы-то смотрѣть.

— Ано и въ самомъ дѣлѣ...

— И такъ ужь, славо Богу, — кругомъ въ обидѣ... А вы, пріятели, тово... Промежду себя подумали бы.

— Это, Кузьма Митричъ, ты хорошо говоришь... Какъ на міру... Вся причина—оченно трудно міру безъ водки пробыть...

— Какъ можно! произнесъ кто-то, все время молчавшій...

— Трехъ денъ, Кузьма Митричъ, безъ водки нашъ братъ не проживетъ.

— Что дѣлать,—надо малость поскрѣпиться... Все для Бога понадобиться и опять же водку важную потомъ дадутъ... Потолкуйте, ребятушки...

Такія рѣчи Кузьмы, крѣпко засѣли въ головахъ слушателей; уходя народъ рѣшился завтра на міру обдѣлать статью, насчетъ зароку. Въ тоже время Кузьма, покряхтывая, залѣзалъ на полати и, укладываясь на полушубкѣ, говорилъ:

— Анисьюшка, ты бы мнѣ Мишутку-ту сюда посадила? Съ малымъ ребеночкомъ заснулъ бы. Мишукъ! полезай сюда... важную я тебѣ сказку разскажу.

Мишукъ лѣзъ къ нему на полати, какъ-то радостно улыбался, снова желалъ пощупать рубецъ и потомъ слушалъ дядину сказку: тутъ и жаръ-птицы, и волки сѣрые, и три дороги, и королевны, разныя и проч. и проч. Тянутся долго росказни Кузьмы,

поютъ сверчки и шумятъ стаи таракановъ и мухъ. Ровное дыханіе мальчугана перерываетъ разсказъ.

— Эй! ты, братъ, того... произноситъ шутливо Кузьма, и, осторожно высвободивъ руку изъ-подъ головы Мишутки, тихонько творитъ крестное знаменіе и молитву. Скоро только сверчки да мухи парствуютъ среди общаго сна.

IV.

На другой день разговоры Кузьмы не остались безъ послѣдствій; примѣръ ободьевцевъ сильно поддерживалъ намѣреніе насчетъ зарока не пить, указывая на выгоды отъ этого зарока съ одной стороны въ царствѣ небесномъ, и съ другой—въ сей жизни, въ видѣ сивухи болѣе забористой... Болѣе другихъ побуждало къ бесѣдамъ по этому поводу послѣднее обстоятельство.

Міръ толковалъ долго, и наконецъ рѣшилъ—„не пить...“

— Въ чемъ разсчетъ? сказалъ дьячекъ, подходя къ толпѣ, трактовавшей середъ села.

— А вотъ зарокъ на себя кладемъ...

— Водку бросаемъ... говорилъ другой...

Дьячекъ былъ изумленъ.

— Какъ же это, не пить совсѣмъ?

— Совсѣмъ...

— Гм. Ну, это наврядъ, православные, чтобы изъ эстаго дѣло вышло...

— Выйдетъ... Тутъ міръ крѣпко слово сказалъ...

— Ахъ, православные, слово—что такое? Сказалъ—и нѣтъ его... Этакъ нельзя...

— Какъ же можно-то? Коли міръ слово сказалъ—шабашъ!.. Братцы, бросьте его,—онъ наговоритъ... заголдили мужики и нѣкоторые было тронулись отъ дьячка, но тотъ вдругъ воскликнулъ:

— Православные! Я ни про то говорю,—а что сейчасъ это дѣло надыть на бумагѣ прописать...

— Ну?

— Сейчасъ умереть, безъ прописки тутъ нельзя! По двѣ копѣйки съ души;—я сейчасъ обдѣлаю, и отъ начальства за это угода будетъ...

— Много ли всѣхъ-то? сказалъ кто-то, приготовляясь считать народъ...

— Много ли, мало ли, а сейчасъ надыть въ бумагу занести...

— Ну, ладно: пиши!..

— Неси гербовую-ту...

Дьячекъ бросился въ свою избу, выволокъ бумагу, перо, столъ и, усѣвшись за него, поманилъ къ себѣ одного изъ окружавшихъ; мужикъ подошелъ.

— Нагнись къ уху-ту, милый человѣкъ.

Мужикъ нагнулся.

— Видишь-ты: какъ теперича послѣдній день у насъ... стало быть, больше мы ни-ни, то ужь... сбѣгай!..

И мужикъ ощупалъ въ своей рукѣ полштофъ, который дьячекъ такъ искусно сохранилъ въ глубокихъ карманахъ своихъ панталонъ...

Мужикъ спряталъ полштофъ подъ полу, шаркнулъ въ кабакъ, и когда цаловальникъ цѣдилъ водку, сказалъ:

— Михалычъ, мы болѣ водки у тебя пить не будемъ...

— Ну, штожь! флегматически сказалъ цаловальникъ, неуспѣвшій хорошенько проснуться...

— Передъ Богомъ! Гляко-сь, на міру-то какую бумагу пишутъ...

— Пущай, продолжалъ цаловальникъ, отродясь недопускавшій мысли о возможности обойтись безъ водки. Попишутъ и перестанутъ...

— Дьячекъ по семиткѣ съ рыла взялъ.

— Да ты это въ самомъ дѣлѣ?

— Ды что мнѣ врать-то,—глянь-ко поди... на улицу-то.

Цаловальникъ вышелъ на крыльцо и, заслоняя глаза отъ солнца, увидалъ толпу народа, собравшуюся у одной избы...

— Что-то затѣваютъ и въ правду! произнесъ онъ и подошелъ къ толпѣ.

— Теперича, Михалычъ, —конецъ твой...

— Какъ?

— Пить бросаемъ.

— Что-жь? доброе дѣло! я самъ не пью.

— Ты-то не пьешь, да поишь.

— Кого я пою? нѣшто за шиворотъ волоку. Грабить я не учился. А что ежели зарокъ теперь, то очень я этому радъ, и на бумагѣ самъ пропишусь...

— Ну, это нѣтъ! сказалъ дьячекъ...

— Нѣтъ, нѣтъ! затвердила толпа.

Цаловальникъ былъ обиженъ.

Больше всѣхъ обрадовались бабы; иныя съ радости заливались слезами, искренно и тепло молясь небу за такую, вдругъ свалившуюся радость. Радость эта была слишкомъ велика, — думалось только, что будетъ что-то важное, и житье будетъ совсѣмъ не такое, какъ теперь,—но какое именно — никто сказать положительно не могъ. Никто не пріучился жить по новому, безъ водки, и въ этомъ случаѣ надѣялся на Бога, вѣря, что Онъ укажетъ какъ жить.

— Готово? спрашивали мужики.

— Чуточку, милые, еще пропишу, и сичасъ... Бабы тащи посуду... бить ее сейчасъ надо, скороговоркой говорилъ дьячекъ, дописывая что-то.

— Чтобы духу ее не пахло!... прибавилъ мужикъ.

— Ташши! кричали сразу нѣсколько голосовъ.

Бабы бросились въ избы и скоро въ окно и двери полетѣли штофы, косушки и разныя водкохранящіе сосуды.

— Все! сказалъ, наконецъ, дьячекъ... Теперь конецъ!.. Я только эти вотъ подоночки допью—шабашъ тогда!

И дьячекъ, наставивъ полштовъ ко рту, цѣдилъ, пока въ немъ не осталось ни капли. Тогда онъ бросилъ штофъ объ землю и произнесъ:

— Шабашь!

— Слава Богу!..

— Куда же теперь эту бумагу? спрашивали у дьячка мужики.

— А бумагу, братцы мои, я спрячу пока въ одно мѣсто, а опосля того къ начальству.

— Ты гляди—надѣлаешь...

— Православные! напротивъ того, отъ начальства большая вамъ выйдетъ благодарность... сейчасъ васъ начальство благодарить начнетъ.

— Благодарить! Тутъ... не попасть бы.

— Авось не попадемъ...

Долго еше толковалъ міръ; ребятамъ въ эту пору было раздолье; цаловальникъ сидѣлъ у окна и говорилъ:

— Ну, шкурья порода, паг-гади!...

Мужики въ избахъ, увидавъ сразу нарушенный порядокъ давнихъ будничныхъ дней, почувствовали себя неладно, и чтобъ утѣшиться—вслухъ увѣряли и другихъ и себя, что теперь много лучше стало...

— Какъ же можно! твердили обрадовавшіяся бабы.

— Способней много...

— Потому, легкости больше...

— Главная причина, кумъ, на томъ свѣтѣ это оченно хорошо...

— Тьфу, провались она, подлая... Совсѣмъ другой человѣкъ станетъ безъ нее-то! прибавлялъ кумъ.

Все село было съ непривычки очень тихо, и только воевалъ одинъ дьячекъ, по временамъ звонко вскрикивая на все село.

V.

Прошла недѣля; старикъ Кузьма давно отбылъ изъ Лыковъ, при уходѣ похваливъ лыковцевъ за ихъ жертву, и потомъ снова началась прежняя трудовая жизнь; могучія руки ворочали кули, ноги ходили и томились на безконечныхъ пашняхъ, спины гнулись подъ всевозможными тяжестями и выпивка требовалась неот-

ступно. Нарушить клятву съ разу было невозможно, совѣстно другъ передъ другомъ, — нарушь одинъ, — онъ не могъ бы даже разсчитывать на самый ничтожный штрафъ, на самую ничтожную ругань,—напротивъ, всѣ бы ломанулись въ кабакъ и первый проштрафившейся страдалъ бы развѣ тѣмъ, что на него только словесно свалили бы всю вину, принося въ душѣ самую искренную благодарность... Смутныя думы и тосковапье всего мужичьяго тѣла, разлученнаго съ такой подругой—какова водка,—наводили грусть и тоску на все село. Мужики, толпами возвращаясь съ поля, шли мимо кабака особенно тихо... Въ одну изъ такихъ минутъ, когда передъ кабакомъ столпилось довольно много народу, цаловальникъ вышелъ на улицу и началъ коломъ отдирать висѣвшую надъ дверями вывѣску, изображавшую черными буквами: „питейный домъ“.

У мужиковъ екнуло сердце.

— Михалычь! что это ты? спросилъ одинъ...

Михалычь работалъ повернувшись спиной къ народу, и на вопросъ не отвѣчалъ...

— А? спросили его опять. Что это затѣваешь!

— Прощайте сказалъ глухо Михалычь...

— Что такъ?

— Въ свою сторону иду...

— Вотъ какъ... Гм. А какъ же теперичe хозяйство твое?

— Которое?

— Да вотъ, примѣрно, хучь... кабакъ?..

— Чтожь,—кабакъ?.. кабака не будетъ...

— Вотъ тѣ разъ! шепталъ кто-то

— Да-да-да! Не будетъ! твердили изумленные мужики.

— Пропади онъ пропадомъ! произнесъ еще грустнѣе цаловальникъ, и пошелъ въ избу; народъ все стоялъ и скоро услыхалъ, какъ въ кабакѣ зазвенѣла посуда...

— Бьетъ посуду-ту! отчаянно сказалъ кто-то.

— Начтожь ему теперь!..

Общее тяжелое раздумье.

— Надѣлали дѣловъ, говорилъ недовольный голосъ.

— А кто затѣялъ!

— Это тотъ идолъ помутилъ! Съ рубцомъ-то! Что-бъ ему...

— Только грѣхъ на душу лишній...

А въ другомъ углу шолъ такой разговоръ:

— Какъ пить; ежели безперечь цѣдить,—ну обнаковенно—Богу это противно.

— Извѣстно...

— Д-да; а ежели говорю, такъ самую малость, для спорости... Съ чаво же?

— Съ чавожь не выпить.

— Ну, вотъ... А вѣдь это такъ, дуромъ: не станемъ! какъ можно!

— Православные! вмѣшивался дьячекъ: вотъ вы теперича завсегда должны на себя казниться.

— Какъ?

— А такъ, что теперича самая ваша подлая жизнь пойдетъ...

— А кто бумагу писалъ! кто посуду бить приказалъ?

— Друзья! возговорилъ умиленно дьячекъ, могъ ли я противъ міру идти? Никакъ! Стало быть теперича, чтобы, старое воротить—безпремѣнно нужно другую бумагу...

— Мы тебѣ этой бумагой глотку-то заткнемъ! злобно началъ было кто-то, но его рѣчь прервалъ почти отчаянный крикъ.

— Глянько-сь, глянькось, братцы,—водку ведрами на земь.

— Милые мои!..

Цаловальникъ въ это время выплеснулъ изъ сѣней еще бадью какой-то жидкости.

— Михалычь, это ты водку?

— Водку, православные,—на что она теперь...

— Стой! заоралъ голосъ сзади толпы. Стой! Не трожь!... И могучія мужицкія руки, распихивая толпу въ разныя стороны, дали дорогу дюжему парню, который, не обращая ни на кого вниманія, весь воодушевленный одной мыслью, пролетѣлъ въ кабакъ и самымъ отчаяннымъ голосомъ крикнулъ цаловальнику:

— Давай!

— Чего давать?

— Вина! Жива! разшибу!

Кроткіе глаза цаловальника заискрились и засверкали злобой.

— А, любезные, сказалъ онъ, опять пришли! Нѣтъ, вы мнѣ теперь помолитесь... Теперича у меня изъ-за изъяну — втрое винцо-то ходитъ...

— Давай втрое! стуча въ столъ кулакомъ горланилъ мужикъ.

И вслѣдъ за нимъ, въ кабакъ хлынула вся толпа. Въ дверяхъ была драка, слышалась ругань...

Въ тотъ же день въ селѣ происходило небывалое пиршество...

ИЗДАНІЯ Е. П. ПЕЧАТКИНА.

БУРГЪ. Атласъ паровыхъ машинъ, ц. 5 р.

« Современныя практическія и теоретическія правила, конструированія постоянныхъ пароходныхъ и локомотивныхъ паровыхъ машинъ, котловъ и двигателей, ц. безъ переплета 2 р. 50 к., въ коленкоровомъ переплетѣ ц. 3 р., въ сафьяновомъ пер. ц. 3 р. 50 к.

ГЕЙЗЕ. Словарь иностранныхъ словъ, вошедшихъ въ составъ русскаго языка, ц. 3 р.

ДИСТЕРВЕГЪ. Элементарная геометрія, 2-е изд. ц. 50 к.

ОВЕНЪ. Образованіе человѣческаго характера, ц. 50 к.

ТИНДАЛЛЬ. Устройство вселенной, ц. 20 к.

ПЕЧАТАЮТСЯ.

ВИРХОВЪ. Ученіе объ опухоляхъ.

ФОГТЪ. Путешествіе на сѣверъ.

ШТЕКГАРДЪ. Поученія химика земледѣльцамъ.

7

LIBRARY OF CONGRESS
00024147368